

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2021

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2021

Том 27

№ 2

Апрель – Июнь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2021

Volume 27

№ 2

April – June

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК, ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ;
10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Кабатов С.А., Кабатова Е.А.**
Источник-историографическое изучение вопроса существования второго Костромского кремля (статья 5)
- 31 **Башмакова Е.В., Гусева М.А.**
Развитие коммунального хозяйства в Англии в XIV–XVI вв.: историко-исследовательский аспект
- 37 **Бенда В.Н.**
Развитие в России промышленной базы и технологии производства артиллерийского вооружения в XVIII веке
- 45 **Белов А.М., Булюкин Д.А.**
К 115-летию выборов в Государственную думу первого созыва по Костромской губернии
- 49 **Петровичева Е.М., Большакова Д.А.**
Земское страхование во Владимирской и Рязанской губерниях
- 54 **Ковров Т.А., Околотин В.С.**
Наградное стимулирование членов учетно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Владимирской губернии
- 60 **Розина О.В.**
Шаргород как еврейское местечко в конце XVI – начале XX вв.: особенности и типичные черты социокультурного облика
- 70 **Балахонова М.А., Околотин В.С.**
Организация учебного процесса и научной деятельности в Ивановском химико-технологическом институте в 1941–1943 гг.
- 76 **Никифоров Ю.С.**
Региональные и отраслевые аспекты неравенства и правового размежевания производственного социума в позднем СССР (1950–1980)
- 82 **Петелин Б.В., Воробьева В.В.**
Вторая мировая война в современных интерпретациях российских и польских политиков

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 91 **Щербакова М.И.**
Редакторское предвидение:
Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов
- 96 **Мякинченко М.А.**
«И тут не без дядюшки...»
К истории творческих взаимоотношений Ф.М. Достоевского и И.А. Гончарова
- 104 **Андреева В.Г.**
Образы священников
в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и повести С.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов»
- 110 **Жилияков С.В.**
Поэтика стихотворения А.А. Фета «На смерть А.В. Дружинина 19 января 1864 года»: жанровые атрибуты
- 117 **Ненарокова М.Р.**
Виноград в европейском и русском языке цветов (XVIII–XIX вв.)
- 123 **Хитарова Т.А., Хитарова Е.Г.**
Образ «страшного мира» в прозе «серебряного века» (М.П. Арцыбашев, Ф.К. Сологуб, Л.Н. Андреев)
- 130 **Костылев А.О.**
А.П. Платонов и дискуссия о сказке
в детской литературе 1920-х годов
- 137 **Колчанов В.В.**
К источникам массовых сцен
в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»
- 143 **Минералова И.Г., Цуруева П.Ш.**
Эксперимент в прозе Бориса Рахманина:
формы изобразительности, синтез жанров

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **S.A. Kabatov, Ye.A. Kabatova**
Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 5)
- 31 **E.V. Bashmakova, M.A. Guseva**
The development of public utilities in England in the 14th-16th centuries: source studies aspect
- 37 **V.N. Benda**
Development of the Russian industrial base and technology for the production of artillery weapons in the 18th century
- 45 **A.M. Belov, D.A. Bulyukin**
On the 115th anniversary of the elections to the State Duma of the 1st convocation in Kostroma Province (based on the materials of Kostroma newspapers)
- 49 **E.M. Petrovicheva, D.A. Bolshakova**
Zemstvo insurance in Vladimir and Ryazan provinces
- 54 **T.A. Kovrov, V.S. Okolotin**
The award promotion for the members of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of Vladimir Province
- 60 **O.V. Rozina**
Sharhorod as a Jewish shtetl at the late 16th–early 20th centuries: particular qualities and typical features of the socio-cultural appearance
- 70 **M.A. Balahonova, V.S. Okolotin**
Organisation of the educational process and scientific activity at Ivanovo Institute of Chemical Technology in 1941–1943
- 76 **Yu.S. Nikiforov**
Regional and sectoral aspects of inequality and legal delimitation of the production societies in the late USSR (1950–1980)
- 82 **B.V. Petelin, V.V. Vorobeva**
World War II in modern interpretations of Russian and Polish politicians

SCIENCE OF LITERATURE

- 91 **M.I. Shcherbakova**
Editorial foresight:
Nikolay Nekrasov, Leo Tolstoy, Nikolay Strakhov
- 96 **M.A. Myakinchenko**
“Even here your uncle has been of use to you!”
On the history of creative relationships of Fyodor Dostoevsky and Ivan Goncharov
- 104 **V.G. Andreeva**
The images of priests in the epic poems “Who Is Happy in Russia?” by Nikolay Nekrasov and “The Land of the Fathers” by Sergey Gusev-Orenburgsky
- 110 **S.V. Zhilyakov**
Poetics of the epitaph “On the Death of Alexander Druzhinin, January 19, 1864” by Afanasy Fet: genre attributes
- 117 **M.R. Nenarokova**
Grapes in European and Russian Language of Flowers (the 18th–19th centuries)
- 123 **T.A. Khitarova, E.G. Khitarova**
The image of the “horror” world in the “Fin de siècle” prose (Mikhail Artsybashev, Fyodor Sologub, Leonid Andreyev)
- 130 **A.O. Kostylev**
Andrei Platonov and the discussion of the fairy tale in children’s literature of the 1920s
- 137 **V.V. Kolchanov**
On the origins of the crowd scenes in the novel “The Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov
- 143 **I.G. Mineralova, P.Sh. Tsurueva,**
Experiment in the prose of Boris Rakhmanin:
forms of depiction, synthesis of genres

150 Муравьева А.В.

От абсурдизации к субъективации в пьесе братьев Пресняковых «Терроризм»

156 Шмелева Т.Н.

Гендерные стереотипы и их проявление в новелле Кейт Шопен «Elizabeth Stock's One Story»

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

160 Мельников И.Н., Самаков И.А.

Актуальные вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере осуществления государственной и муниципальной службы в Российской Федерации

164 Басова А.В., Власова М.В., Барашков Г.М.

Защита медицинских работников от нападения: проблемы конституционного обеспечения

170 Фролова Н.А., Псарев И.М.

Факторы формирования профессиональной субкультуры работников юридической сферы в современном российском обществе

175 Редков Н.А., Ганжа Н.В., Хлестакова Л.А.

О необходимости совершенствования уголовно-правовых норм с административной преюдицией

181 Смирнов Е.Р., Безносова Я.В.,

Завурбеков Ф.З., Остроумов Н.В.

Животные как объекты правовой охраны в Республике Индия

187 Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н.

Правовые основы деятельности адъютантов Отдельного корпуса жандармов Российской империи во второй половине XIX в. – начале XX в.

195 Зайцев А.В.

Следственные органы Костромской области до создания Следственного комитета РФ (1944–2007 гг.)

202 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

150 A.V. Muraveva

From absurdisation to subjectification in the play "Terrorism" by the Presnyakov Brothers

156 T.N. Shmeleva

Gender Stereotypes and Their Manifestations in Kate Chopin's «Elizabeth Stock's One Story»

JURAL SCIENCE

160 I.N. Melnikov, I.A. Samakov

Topical issues of legal regulation of artificial intelligence in the implementation of state and municipal service in the Russian Federation

164 A.V. Basova, M.V. Vlasova, G.M. Barashkov

Protecting of medical workers from attack: problems of constitutional provision

170 N.A. Frolova, I.M. Psarev

Factors of formation of the professional subculture of legal professionals in modern Russian society

175 N.A. Redkov, N.V. Ganzha, L.A. Khlestakova

On the need to improve criminal law norms with administrative prejudice

181 E.R. Smirnov, Ya.V. Beznosova,

F.Z. Zavurbekov, N.V. Ostroumov

Animals as objects of legal protection in the Republic of India

187 G.G. Bril', L.N. Zaytsev

Legal bases of activity of adjutants of a separate corps of gendarmes of the Russian Empire in the second half of the 19th century – the early 20th century

195 A.V. Zaitsev

Investigative bodies of Kostroma Region until the creation of the Investigative Committee of the Russian Federation (1944-2007)

202 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 7–30. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 7–30. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470.317)

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-7-30>

ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВТОРОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ (статья 5)

Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, kabatova@bk.ru

Аннотация. Вопрос датировки городского поселения, если его дата не имеет четкого и конкретного письменного подтверждения, всегда очень проблематична и сложна. Его решение требует привлечения максимально широкого спектра данных. Настоящее исследование представлено блоком статей, в которых предпринимается попытка освещения источнико-историографического изучения вопроса существования второго Костромского кремля, включая новейшие археологические данные 2016–2017 гг., на территории Старого города второго Костромского кремля. В исследовании поднимаются вопросы: условий, специфики и датировки основания первого и второго Костромских кремлей, характер их застройки; условия обретения Костромой Феодоровской иконы Божьей Матери и места ее хранения в обоих кремлях. Отдельно рассматривается вопрос о месте, времени и условиях строительства Успенского собора как места последнего хранения Феодоровской иконы Божьей Матери, поскольку на сегодняшний день только исследования условий и датировки его строительства могут пролить свет и на дату основания Старого города второго Костромского кремля. Статья № 5 является продолжением данного блока исследований, в которой рассматривается методика полевых археологических исследований 2016–2017 гг. на участке местонахождения Успенского собора.

Ключевые слова: Костромское Поволжье, Кострома, первый Костромской кремль, Старый город второго Костромского кремля, Успенский собор, археологические раскопки

Для цитирования: Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго Костромского кремля (статья 5) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 7–30. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-7-30>

Research Article

SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF THE EXISTENCE OF THE SECOND KOSTROMA KREMLIN (article 5)

Sergey A. Kabatov, Candidate of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Yelena A. Kabatova, engineer of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia, kabatova@bk.ru

Abstract. The question of dating an urban settlement, if its date has no clear or specific written confirmation, is always very problematic and complicated. Its solution requires the use of the widest possible range of data. This research is presented in a block of articles that attempt to cover the source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin, including the latest archaeological data from 2016-2017 on the territory of the Old city of the second Kostroma Kremlin. The study raises questions about the conditions, specifics and dating of the foundation of the first and second Kostroma Kremles, their nature of development, the conditions for obtaining the icon Our Lady of Saint Theodore in Kostroma and its storage location in both Kremles. The question of the place, time and conditions of the construction of the Assumption Cathedral is considered separately, since only research on the conditions and dating of its construction can shed light on the date of the foundation of the Old city of the second Kostroma Kremlin. Article No. 5 is a continuation of this research block, which examines the methodology of field archaeological research in 2016-2017 on the site of the location of the Assumption Cathedral.

Keywords: Kostroma Povolzhye, Kostroma, first Kostroma Kremlin, Old City of second Kostroma Kremlin, Assumption Cathedral, archaeological excavations

For citation: Kabatov S.A., Kabatova Ye.A. Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 5). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 7–30 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-7-30>

В 2016 г. на основании открытого листа № 1699 от «15» октября 2015 г. на право проведения археологических полевых работ в г. Костроме на территории объектов культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)», XV–XVIII вв., по ул. Чайковского 8, 10, выданного на основании принятия решения о предоставлении открытого листа 15.10.15 доценту, кандидату исторических наук, заведующему ЛАЭИ КГУ Кабатову Сергею Александровичу; на основании приказа от 27 октября 2015 г. «О продлении действия (открытого листа) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия»; а также на основании открытого листа № 1927 от 3 октября 2016 г. на право проведения археологических полевых работ на территории объектов культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)», XV–XVIII вв. в г. Кострома по ул. Чайковского 8, 10, выданного на основании принятия решения о предоставлении открытого листа 03.10.16 инженеру ЛАЭИ КГУ Кабатовой Елене Анатольевне, были проведены археологические исследования на территории Успенского собора в рамках предполагаемого воссоздания комплекса второго Костромского кремля (Старый город). Работы проводились при научном консультировании д-ра ист. наук Л.А. Беляева, заведующего отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН, при поддержке ФГБОУ ВО КГУ (в рамках учебных производственных практик) и КОО ВОО «Русское географическое общество».

В соответствии с п. 1.4., с. 4 «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» (утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 27 ноября 2013 г. № 85)¹ (далее Положение) на участке работ по адресу г. Кострома, ул. Чайковского 8, 10 на месте планирующегося воссоздания Успенского собора (Кабатова 2021: 17, рис. 17) до начала предполагаемых земляных строительных работ были проведены археологические исследования. Археологические полевые работы проводились в период с 12 мая по 31 октября 2016 г.²

До начала полевых работ была максимально изучена источник-историографическая база участка планируемых земляных работ³ в составе город-

ской территории [Кабатов, Кабатова 2020б: 10–35; Кабатов, Кабатова 2021: 7–20]. Первоначально были проработаны материалы архивов частью дистанционно (Российский государственный архив древних актов (РГАДА); Институт истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМКРАН); Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ); Территориальный фонд геологической информации по Центральному федеральному округу; Государственное учреждение «Государственный архив Костромской области» (ГАКО); Государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Костромской области» (ГАНИКО); фонды, хранилища и библиотека Костромской епархии; реестр археологических исследований Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области). Совмещение плана дорегулярной сети костромских улиц с планом современной застройки (регулярной планировкой) на основании «Списка с костромских писцовых книг...», карты схематического плана застройки Костромы XVII века, в том числе по С.С. Смирнову, и серии планов города Костромы, в том числе 1913 г. по П.Е. Навоеву, позволило определить исторический характер участка исследования, динамику изменений градостроительной картины [Кабатов, Кабатова 2020б: 10–35]. Динамика развития современной градостроительной ситуации была получена в результате работы с планами Комитета по управлению городскими землями и муниципальным имуществом. Картографирование и описание археологических исследований в предыдущие годы на сопредельных участках (приведенные данные обо всех археологических исследованиях [Кабатов, Кабатова 2020б: 16, рис. 10] (табл. 1): организациях-исполнителях, исследователях, результатах и датах проведенных работ на территории, прилегающей к участку исследования, были получены в результате работы с реестром Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области; нумерация приводится двойная: по реестру и по обозначению на карте).

Исследования проводились в три этапа. На 1-м этапе собирались сведения о площадке предполагаемых земляных работ (историко-топографическая характеристика определялась степенью руинированности/сохранности культурного слоя по материалам близлежащих исследований, данных градостроительных карт и собственных археологических исследований). На этом же этапе соотносились полученные данные

Таблица 1

Список археологических исследований на сопредельных и прилегающих к участку работ (ул. Чайковского, 8, 10) территориях в различные годы⁴

№ на карте	№ в реестре Департамента культуры КО	Местонахождение участка археологических исследований / название отчетного документа	Время выполнения работ	Организация-исполнитель	ФИО исследователя	Датировка участка исследования	Основание к датировке
1	№295	ул. Островского, 2 «Научное заключение о проведении археологического надзора на месте устройства канализации по адресу: г. Кострома, ул. Островского 2»	2008 г.	ООО «АНТ групп»	Гордеев В.И.	с XVII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
2	№294	ул. Симановского, 4 «Научное заключение о проведении археологического надзора на участке прокладки водопровода по адресу: г. Кострома, ул. Симановского 4»	2008 г.	ООО «АНТ групп»	Гордеев В.И.	с XIII в.	по аналогии характеристик близлежащих участков культурного слоя, стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
3	№172	ул. Ленина, 4 «Краткое научное заключение по итогам охранных археологических мероприятий, проведенных на месте строительства пристройки по адресу: г. Кострома, ул. Ленина 4»	2007 г.	ООО «Костромские древности»	Гордеев В.И.	с XIII в.	стратиграфические данные
4	№151	ул. Ленина, 4 «Краткое научное заключение по итогам охранных археологических мероприятий, проведенных на месте строительства пристройки по адресу: г. Кострома, ул. Ленина 4»	2007 г.	ООО «Костромские древности»	Гордеев В.И.	с XIII в.	стратиграфические данные
5	№56	Успенский собор «Отчет на тему: Проведение археологических раскопок Успенского собора в г. Костроме»	2007 г.	ООО «Костромские древности»	Копенкин А.В.	с XV в.	керамический материал, стратиграфические данные
6	№3	«Территория Костромского кремля» «Отчет о раскопках Новостроечной археологической экспедиции Марийского государственного университета в г. Костроме летом 1989 года (Ч. II)»	2000 г.	КГУ имени Н.А. Некрасова	Алексеев С.И.	с XV в.	погребальный комплекс, керамический материал
7	№220	ул. Советская, 1 «Научный отчет (краткий) о проведенных археологических исследованиях при осуществлении гидроизоляции фундаментов здания по адресу: г. Кострома, ул. Советская 1»	2008 г.	ООО «АНТ групп»	Гордеев В.И.	не указана	не указано

№ на карте	№ в реестре Департамента культуры КО	Местонахождение участка археологических исследований / название отчетного документа	Время выполнения работ	Организация-исполнитель	ФИО исследователя	Датировка участка исследования	Основание к датировке
8	№255	территория 2-го Костромского кремля (парк Ленина) «Отчет по государственному контракту 2А-Б/08 «Проведение археологических раскопок Успенского собора в г. Костроме)»»	2008 г.	ИА РАН	Яганов А.В.	с XVII в.	керамический материал, стратиграфические данные
9	№794	«Костромской кремль» «Отчет о проведенных археологических работах в г. Костроме в 2013 г.»	2013 г.	НП «КНО»	Алексеев С.И.	с XVII в.	керамический материал, стратиграфические данные
10	№172	ул. Чайковского, 2 «Краткое научное заключение по итогам охранных археологических мероприятий, проведенных по адресу: г. Кострома, ул. Чайковского 2»	2007 г.	ООО «Костромские древности»	Гордеев В.И.	не указана	–
11	№248	ул. Чайковского, 4е «Научное заключение о проведении археологического надзора на участке гидроизоляции фундамента правой часовни главных ворот Костромского кремля по адресу: ул. Чайковского 4е»	2008 г.	ООО «Костромские древности»	Гордеев В.И.	с XVI в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
12	№367	участок, ограниченный ул. Симановского, ул. Пятницкой, пр. Текстильщиков, пл. им. И. Сусанина (№ 1 по генплану) «Отчет об археологических исследованиях в 2010 г. в г. Костроме по адресу: территория, ограниченная улицами Симановского, Пятницкой, проспектом Текстильщиков, пл. И. Сусанина (квартал 5) (по генплану дома № 2–3) и ул. Нижняя Дебря 15»	2008 г.	ЛАЭИ КГУ имени Н.А. Некрасова	Кабатов С.А.	не позднее XIV в.	по аналогии характеристик близлежащих участков культурного слоя, стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
13	№227	ул. Чайковского, 9б «Научное заключение о проведении археологического надзора на участке строительства швейной мастерской с помещением торгового, административно-офисного назначения, бытового обслуживания населения по адресу: ул. Чайковского 9б»	2008 г.	ООО «АНТ групп»	Гордеев В.И.	с XVII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)

Продолжение таблицы 1

№ на карте	№ в реестре Департамента культуры КО	Местонахождение участка археологических исследований / название отчетного документа	Время выполнения работ	Организация-исполнитель	ФИО исследователя	Датировка участка исследования	Основание к датировке
14	№279	ул. Советская 6 «Научное заключение о проведении археологического надзора на устройстве входа в цокольный этаж здания «Главпочтамп» по адресу: г. Кострома, ул. Советская 6»	2008 г.	ООО «АНТ групп»	Гордеев В.И.	с XIV в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
15	№155	ул. Чайковского 17 «Научное заключение по итогам археологического надзора на месте прокладки водопровода подстанции по адресу: г. Кострома, ул. Чайковского 17»	2007 г.	ООО «НКТ-Групп»	Колобов И.С.	не указана	–
16	№210	ул. Горная, 20а «Научное заключение о проведении археологических мероприятий на участке строительства административного здания по адресу: ул. Горная 20 в г. Костроме»	2008 г.	ООО «Костромские древности»	Гордеев В.И.	с XVI в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
	№306	ул. Горная, 2 «Заключение о проведенных археологических исследованиях (наблюдениях) на месте строительства жилого дома по адресу: ул. Горная 2»	2005 г.	КГУ имени Н.А. Некрасова	Алексеев С.И.	с XVI в.	вещественный материал (керамика)
17	№36	Советская, 37 «Отчет об археологических исследованиях при прокладке инженерных коммуникаций к реконструируемому памятнику истории и культуры 2-й половины XIX в. «Дом Киселевых» по адресу: г. Кострома, ул. Советская 37 в 2007 г.»	2007 г.	ОГУ «Наследие»	Тоцкий Е.С.	с XVI в.	косвенные данные
18	№170	ул. Советская, 18 «Заключение о проведенных археологических мероприятиях на месте устройства тротуарного покрытия (плитки) по адресу: г. Кострома, ул. Советская 18»	2008 г.	ООО «Костромские древности»	Гордеев В.И.	не указана	–
19	№75	ул. Советская 22 «Заключение о проведенных охранных археологических мероприятиях на участке нового строительства газораспределительной подстанции у кинотеатра «Дружба» в г. Костроме»	2003 г.	Творческая мастерская Колобовой О.С.	не указан	с XVII в.	косвенные данные

№ на карте	№ в реестре Департамента культуры КО	Местонахождение участка археологических исследований / название отчетного документа	Время выполнения работ	Организация-исполнитель	ФИО исследователя	Датировка участка исследования	Основание к датировке
20	№308	ул. Ивановская, 24а «Заключение о проведенных археологических исследованиях (наблюдениях) на месте строительства жилого дома, расположенного по адресу: г. Кострома, ул. Ивановская 24а»	2005 г.	ОГУ «Наследие»	не указан	с XVI в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
21	№ 542	ул. Нижняя Дебря, 15 «Отчет об археологических исследованиях в 2010 г. в г. Костроме по адресу: территория, ограниченная улицами Симановского, Пятницкой, проспектом Текстильщиков, пл. И. Сусанина (квартал 5) (по генплану дома № 2–3) и ул. Нижняя Дебря 15»	2010 г.	ЛАЭИ КГУ имени Н.А. Некрасова	Кабатов С.А.	с XVI в.	стратиграфические данные, вещевого комплекс
22	№258	ул. Кооперации, 15–17 «Отчет о научно-исследовательской работе “Археологическая карта г. Костромы”»	1991 г.	МарГУ	Алексеев С.И.	с XVI в.	керамический материал
23	№299	ул. Лесная, 11 «Научное заключение о проведенном археологическом надзоре на месте прокладки канализационного коллектора по адресу: г. Кострома, ул. Лесная, д. 11»	2008 г.	ООО «Костромские древности»	Дубов Д.С.	с XVIII в.	вещественный материал (керамика)
24	№195	«Мукомольный завод» (кв. 119) «Отчет о проведении охранно-спасательных мероприятий под пятнами застройки зданий согласно “проекта реконструкции производственного комплекса зданий и сооружений под организацию общественно-делового центра” №№ 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, на территории ЗАО “Костромской мукомольный завод” в г. Костроме, по адресу: ул. Лесная, 11»	2008 г.	ООО «Ан-клав»	Гордеев В.И.	с XVI в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
25	№260	ул. Дзержинского, 9 «Научный отчет о проведенных охранных археологических исследованиях на месте прокладки инженерных сетей к “Ансамблю усадьбы губернатора” по адресу: г. Кострома, ул. Дзержинского, 9»	2006 г.	ОГУ «Наследие»	Новиков А.В.	с XVI в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)

Продолжение таблицы 1

№ на карте	№ в реестре Департамента культуры КО	Местонахождение участка археологических исследований / название отчетного документа	Время выполнения работ	Организация-исполнитель	ФИО исследователя	Датировка участка исследования	Основание к датировке
26	№309	ул. Ивановская, 24 а «Краткий научный отчет о проведённых археологических наблюдениях за характером культурного слоя при строительстве корпуса лаборатории художественной обработки металлов по адресу: г. Кострома, ул. Ивановская, 24 а»	2004 г.	ОГУ «Наследие»	Новиков А.В.	XVI–XX вв.	стратиграфические данные, вещественный материал
27	№52-12	ул. Лесная, 15 «Проект на проведение охранных археологических мероприятий по установлению степени руинированности и состояния культурного слоя и определению формы археологических исследований по адресу: г. Кострома, ул. Лесная 15 г»	2012 г.	ЛАЭИ КГУ имени Н.А. Некрасова	Кабатов С.А.	с XVII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика) с раскопов на прилегающей территории
28	№53	ул. Горная, 10б «Краткий научный отчет об охранных археологических мероприятиях по адресу: г. Кострома, ул. Горная 10б»	2007 г.	ООО «Костромские древности»	Гордеев В.И.	с XVII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
29	№218	пр. Горная 27б «Научное заключение о проведении археологического надзора на участке строительства жилого дома по адресу: ул. Горная, 27б в г. Костроме»	2008 г.	ООО «НКТ-Групп»	Дубов Д.С.	с XVII в.	не указано
30	№893	ул. Нижняя Дебря, 32 «Отчет об археологических полевых работах в 2014 г. на территории объекта археологического наследия “Участок культурного слоя на территории Вознесенского посада (Дебре). XIV–XVIII вв.” по адресу: г. Кострома, ул. Нижняя Дебря 32»	2014 г.	ЛАЭИ КГУ имени Н.А. Некрасова	Кабатова Е.А.	с XVII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика) с раскопов на прилегающей территории
31	№6	ул. Чайковского 8, 10 «Отчет о проведенных археологических исследованиях фундамента колокольни Богоявленского собора на территории бывшего Костромского кремля»	2000 г.	ЛАИ КГУ имени Н.А. Некрасова	Алексеев С.И.	XVIII в.	стратиграфические данные
32	№906	ул. Чайковского, 8, 10 «Аннотированный отчет о проведенных археологических раскопках Успенского собора в г. Костроме»	2014 г.	НК «Костромское научное общество по изучению местного края»	Алексеев С.И.	с XIII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)

№ на карте	№ в реестре Департамента культуры КО	Местонахождение участка археологических исследований / название отчетного документа	Время выполнения работ	Организация-исполнитель	ФИО исследователя	Датировка участка исследования	Основание к датировке
33	–	ул. Чайковского, 8, 10 «Аннотированный отчет о проведенных археологических раскопках Успенского собора в г. Костроме»	2015 г.	НК «Костромское научное общество по изучению местного края»	Алексеев С.И.	с XIII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
34	№888, 973	Мелочные ряды «Отчет о проведенных археологических исследованиях в 2014 г. в Мелочных рядах в г. Костроме», «Отчет о проведенных археологических исследованиях в 2015 г. в Мелочных рядах в г. Костроме»	2014–2015 гг.	ОГБУ «Наследие»	Горохова А.В.	с XIII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)
35	№670, 671	пр-т Текстильщиков 1а-в «Отчет о проведенных археологических исследованиях в 2013 г. в г. Костроме по проспекту Текстильщиков 1а-в»	2013–2014 гг.	ООО «АНТ групп»	Гордеев В.И.	с XIII в.	стратиграфические данные, вещественный материал (керамика)

и определялись форма и объемы дальнейших работ. На 2-м этапе проводились натурные археологические исследования в форме археологических раскопок на участке в рамках планируемых строительных земляных работ; на 3-м – обработка и подготовка полученного материала для написания научного отчета.

До начала археологических полевых работ осенью 2014 г. С.И. Алексеевым участок местонахождения Успенского собора представлял собой смотровую площадку с перспективой вида на р. Волгу и насаждениями тополей⁵ по периметру участка (рис. 1–4). Площадка была задернована и на сентябрь 2014 г. не имела следов каких-либо земляных работ. Осенью 2014 г. С.И. Алексеев закладывает две траншеи, прорезающие западную половину собора и, не консервируя, оставляет в таком состоянии (рис. 5). Участок обеих траншей был обнесен исследователем забором из листа профнастила, который представлял собой в плане перевернутую литеру «П», а с северной стороны в середине 2015 г. забор был закрыт сеткой-рабицей. В августе – октябре 2015 г. С.И. Алексеев обносит подобным забором восточную часть площадки предполагаемого местонахождения Успенского собора и «снимает» там разрозненными участками дерновое покрытие (рис. 6). В таком состоянии обе площадки находились до мая 2016 г., когда начинаются полномасштабные археологические исследования на всей площади собора.

В мае 2016 г. до начала настоящих полевых работ ситуация на участке представляла собой следующее. Площадка предполагаемого местонахождения Успенского собора была полностью огорожена забором из профнастила; въезд на участок работ был возможен через ворота с двух сторон: с севера (здесь был возможен только вход пешеходам, поскольку он выходил в парковую зону, проезд через которую грузовому автотранспорту и технике запрещен) и с северо-востока (северная часть восточного забора), с территории строительной площадки Богоявленского собора (через эти ворота на участок въезжала и выезжала строительная техника). Площадка представляла собой хорошо задернованную поляну, относительно ровную с несущественным уклоном в южную и юго-западную стороны. В западной половине площадки фиксировались две незасыпанные траншеи С.И. Алексеева 2014 и 2015 гг. (рис. 5).

До начала полевых археологических исследований ООО «Ведущей проектной научной реставрационной компанией»⁶ была выполнена проектная посадка зданий конструкций Богоявленского и Успенского соборов в масштабе 1:500 [Кабатова 2021: 17, рис. 17]. Согласно данному плану, возможная площадь Успенского собора составляет 1492 м². Руководствуясь Положением (п. 4.8, 4.10), в территориальных границах всего здания с припуском наружу +1 м был заложен раскоп, покрывающий всю площадь со-

Рис. 1. Участок местонахождения Успенского собора до начала каких-либо земляных работ в 2014 г. Общий вид с востока. Фото

Рис. 2. Участок местонахождения Успенского собора до начала каких-либо земляных работ в 2014 г. Общий вид с юго-востока. Фото

Рис. 3. Участок местонахождения Успенского собора до начала каких-либо земляных работ в 2014 г. Общий вид с юга. Фото

Рис. 4. Участок местонахождения Успенского собора до начала каких-либо земляных работ в 2014 г. Общий вид с северо-запада. Фото

Рис. 5. Участок исследования до начала полевых археологических работ (раскопок) 2016 г. Общий вид с юга на юго-западную часть участка: в центре – траншея С.И. Алексеева 2015 г. Фото

Рис. 6. Участок местонахождения Успенского собора весной 2016 г.: в восточной половине – огороженный участок земляных работ в 2015 г. С.И. Алексеевым. Общий вид с юго-запада. Фото

бора, состоящий из девяти участков [Кабатова 2021: 17, рис. 17]. Общая площадь раскопа по факту выполненных работ составила 1197,3 м² (участок I – 196 м², участок II – 192 м², участок III – 64 м², участок IIIa – 32 м², участок IV – 84 м², участок V – 192 м², участок VI – 112 м², участок VII – 196 м², участок VIII – 56 м², участок IX – 73,3 м²).

Обоснованием исследования памятника участками явилось следующее. Во-первых, территория участка исследования по периметру ограничена естественными топографическими условиями местности: с запада и юга участка начинается практически вертикальный обрыв коренника к надпойменной террасе р. Волги; с востока и северо-востока площадка ограничена зданиями соборного причта и забором строительной площадки, огораживающим строительные работы колокольни Богоявленского собора; с севера участок ограничен парковой зоной. Подобные стесненные условия на протяжении выполнения всего комплекса археологических исследований делали очень затруднительным процесс складирования и вывоза с участка отработанного грунта. Исследование участками явилось единственно возможным способом решения данного вопроса. Во-вторых, согласно методическим требованиям для фиксации стратиграфии внутри больших раскопов должны оставаться бровки⁸. Бровки в нашем случае были невозможны в принципе: слой на $\frac{3}{4}$ и более состоит из неслежавшегося бута с кирпичной крошкой, что делает невозможным оставление узкой ленты земли – неминуемо обрушение. Данную задачу решали единые стенки смежных участков [Кабатова 2021: 17, рис. 17], на основании данных которых стало возможно выполнение разрезов по определенным линиям внутри общей площади раскопа.

Раскоп, повторяющий контуры собора по Генплану А.М. Денисова, ориентирован с небольшой погрешностью (азимут 10°)⁹ по линиям юг-север – запад-восток; южная стенка (участки IIIa, II, I) составила длину 34 м, западная (участки I, IV, VII) – 51 м¹⁰, северная – 38,8 м¹¹, восточная (участки IX, VIII, VI, III, IIIa) – 48,98 м.

До начала раскопа, согласно методическим требованиям¹², на всем участке исследования была разбита единая условная сетка¹³ с размерами квадратов 2×2 м. В основу создания единой сетки и ее особенностей положена зависимость от характера работ: топографическая характеристика участка земляных работ и местоположение исследуемого здания. Сетка наложена таким образом, чтобы в дальнейшем было возможно привязать к ней подобные земляные работы. В рамках этой единой сетки расположены все участки раскопов. Нумерация квадратов на каждом участке собственная, порядок нумерации – единый для всех участков – начинается с верхнего (северного) горизонтального ряда и с запада на восток: 1, 2, 3,

4, 5 ... 48 и т. д. Нумерация участков давалась с южной линии слева направо горизонтальными рядами.

Поэтапность разбивки участков определялась двумя основными задачами: установить конструктив собора на участках поворотных точек здания для оптимизации дальнейшей методики и последовательности работ и необходимостью временного складирования земли на территории площадки исследования с целью ее дальнейшего вывоза.

Вышеуказанные причины обусловили следующую последовательность разбивки участков. Исходя из того, что целесообразно было сначала «поймать» углы здания, а также в контексте решения вопроса складирования отработанной земли первоначально были разбиты участок I (юго-западный угол собора) и III (юго-восточный угол) (Кабатова 2021a: 17, рис. 17), а между ними – оставлена площадка (будущий участок II), которая была необходима для стратиграфической фиксации профилей (восточная стенка участка I и западная – участка III) и временного складирования отработанной земли. Практически параллельно с этим к северу от участка I через 6 м был заложен участок VII, цель которого заключалась в том, чтобы «накрыть» северо-западный угол собора, включая апсиду и, возможно, алтарную часть придела Федора Стратилата. Между участками I и VII осталась площадка (будущий участок IV), которая, как и в предыдущем случае, была необходима для стратиграфической фиксации профилей (северная стенка участка I и южная – участка VII) и временного складирования отработанной земли. После того, как на участке III полностью были разобраны все культурные напластования с советующей пластовой фиксацией и фиксацией профилей всех стенок, выбором находок, к нему с севера был прирезан участок VI. Необходимо отметить, что ширина (8 м) участков III и VI, а в дальнейшем и участков VIII–IX напрямую зависела от стесненных строительными работами по воссозданию колокольни Богоявленского собора на соседнем участке условиями, и «сдвинуть» в восточном направлении восточную границу, то есть расширить еще хотя бы на 1 м, не представлялось физически. По завершению исследования участка VI, не получив убедительной информации о местонахождении реальной границы восточной стенки собора и его юго-восточного угла, был заложен участок IIIa, по окончании которого было принято решение «смыкать» южную линию – разбивать участок II. До начала земляных работ на участке II участок I был разобран последовательными горизонтальными пластами до уровня –393, –395 см (11 горизонтальный пласт – далее ГП). В северной части участка I уже более метра глубиной фиксировался материк, который в центральной, восточной и южной частях прорезали заполненные после взрыва и разбора со-

бора бутом и кирпичной крошкой рвы юго-западного угла собора и юго-западного угла крытой галереи. Поскольку уровень горизонта находился уже намного глубже реального уровня материка в этом месте до строительства собора, было принято решение до начала земляных работ на участке II зафиксировать (фото и графическая фиксация) северную и восточную стенку участка I до того уровня, до которого сейчас разобран участок (пол 11 ГП), чтобы позволить начать земляные работы на участке II и далее продолжить выбирать указанные рвы участка I.

Необходимо отметить, что работая на участках I, VII, III, IIIa и VI, был определен характер напластований на участках исследования и выявлена специфика динамики его залегания на всей площадке собора, в том числе определена динамика изменения уровня палеорельефа. Эти данные позволили вывести единую схему разбора горизонтальных пластов в рамках всего раскопа, которая в дальнейшем применялась на всех участках.

1 горизонтальный пласт	-160 см
2 горизонтальный пласт	-180 см
3 горизонтальный пласт	-200 см
4 горизонтальный пласт	-225 см
5 горизонтальный пласт	-245 см
6 горизонтальный пласт	-265 см
7 горизонтальный пласт	-285 см
8 горизонтальный пласт	-315 см
9 горизонтальный пласт	-335 см
10 горизонтальный пласт	-365 см
11 горизонтальный пласт	-395 см
12 горизонтальный пласт	-425 см

После «снятия» профиля восточной стенки участка I на уровне дна 11 ГП (-395 см) стали выбираться указанные рвы юго-восточных углов собора и крытой галереи и по окончании полной их «выборки», то есть выведения всего участка на материковый уровень, были сняты полные профили западной и южной стенок, а также участки северной и восточной стенок, залегающие ниже уровня 11 ГП (-395 см). Параллельно с разбором рвов на первом участке началось снятие балласта на участках II и IV. Снятие балласта на участке II до уровня 4 ГП (-224 см) выявило во всей северной половине участка материк, тогда как в центральной и южной частях он еще не «читался». Подобная ситуация позволила сразу же зафиксировать стратиграфические данные северной стенки участка. Зачистка на уровне после снятия балласта выявила наличие трех рвов (северный – ров основания южной стенки основного ядра собора первого строительного периода, средний – южный ров основного ядра собора второго строительного периода, южный – южную стенку крытой галереи/паперти). Имея довольно проблемную ситуацию со складированием отработанного массива земли, а также фикси-

руя серию огромных трещин по южной стенке участка I¹⁴, было принято решение выбирать южный ров южного крыла крытой галереи, сразу фиксировать весь профиль южной стенки участка (поскольку южная граница рва «уходила» за сетку раскопа / южную стенку участка II) и засыпать его и часть южной стенки участка I отработанной землей, чтобы «снять напряжение» по всей южной стенке раскопа (участки I, II, IIIa) и предотвратить катастрофическое обрушение всей береговой линии на этом участке. Параллельно с работами на участке II начались земляные работы на участке IV, основание к началу работ – окончание работ к этому времени на участке VII, включая «снятие» стратиграфических данных по всем профилям и выведение на уровень, превышающий верхнюю границу фиксации материковых отложений (-395 см) на участке I с подобной фиксацией стратиграфической ситуации. После окончания работ на участке IV и выведения работ на материковый уровень на участке II начались земляные работы на участке V [Кабатова 2021: 17, рис. 17], а после графической и фотофиксации здесь северной и восточной стенок начались работы на участке VIII. Исследования на участках I, II, III, IIIa, IV, V, VI, VII, VIII позволили определить весь конструктив собора с учетом всех поворотных точек его конструкции. Оставался участок местонахождения ротонды, центр которой был категорически важен для воссоздания всего комплекса Костромского кремля (Успенский и Богоявленский соборы). Дело в том, что центральная осевая линия всего Богоявленского собора должна находиться в одной плоскости с точкой центра ротонды Успенского собора. Для решения этого вопроса был заложен последний, девятый участок [Кабатова 2021: 17, рис. 17]. При «разбивке» участка возникли существенные трудности: к западу и западо-северо-западу от западной стенки участка находилась цементная «банка», являвшаяся некогда основанием качелей, местонахождение которой, как и наличие котлована под нее, указывали на то, что слой в этом месте, во-первых, уничтожен полностью, а во-вторых, здесь копать физически не возможно. Кроме того, с востока вплотную «подходил» забор строительной площадки по воссозданию колокольни Богоявленского собора. С целью решить вопрос о местонахождении ротонды участок IX был заложен таким образом, что центральная его ось была отклонена несколько сильнее оси всего раскопа по ходу движения часовой стрелки – азимут 11,5°.

GPS координаты участков раскопа (см. табл. 2) дают реальную картину местонахождения раскопочной сетки, ориентации внутренних линий и расположения ее квадратов.

Для привязки к единому уровню¹⁵ за абсолютный ноль был принят уровень поверхности бетонного блока¹⁶, расположенный в 6,5 м к северу от северо-за-

Рис. 7. Местонахождение репера (указано стрелками). Общий вид с юга. Фото

Рис. 8. Местонахождение репера (указано стрелками). Общий вид с северо-востока. Фото

Таблица 2

Значения поворотных точек (углов) участков раскопа в системе координат г. Костромы

участок I	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21357,869	16831,091
СВ угол, кв. 4	21357,806	16844,931
ЮВ угол кв. 49	21341,870	16842,832
ЮЗ угол кв. 43	21343,979	16828,985
участок II	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21357,806	16845,245
СВ угол, кв. 6	21355,986	16857,114
ЮВ угол кв. 48	21342,083	16854,962
ЮЗ угол кв. 43	21341,870	16842,832
участок III	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21350,075	16856,218
СВ угол, кв. 7	21348,944	16864,213
ЮВ угол кв. 49	21340,928	16862,955
ЮЗ угол кв. 43	21342,127	16855,006
участок IIIa	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21342,127	16855,006
СВ угол, кв. 4	21340,928	16862,955
ЮВ угол кв. 8	21336,886	16862,252
ЮЗ угол кв. 5	21338,229	16854,507
участок IV	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21363,870	16832,008
СВ угол, кв. 7	21361,761	16845,967
ЮВ угол кв. 21	21357,806	16844,931
ЮЗ угол кв. 15	21357,869	16831,091

участок V	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21375,511	16847,624
СВ угол, кв. 6	21371,829	16859,495
ЮВ угол кв. 48	21355,986	16857,114
ЮЗ угол кв. 43	21357,806	16845,245
участок VI	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21364,748	16858,345
СВ угол, кв. 4	21355,986	16857,114
ЮВ угол кв. 28	21348,944	16864,213
ЮЗ угол кв. 22	21350,075	16856,218
участок VII	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21375,921	16883,840
СВ угол, кв. 4	21375,511	16847,624
ЮВ угол кв. 49	21361,761	16845,967
ЮЗ угол кв. 43	21363,870	16832,008
участок VIII	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21371,829	16859,495
СВ угол, кв. 4	21370,222	16867,634
ЮВ угол кв. 16	21355,986	16857,114
ЮЗ угол кв. 13	21364,748	16858,345
участок IX	X	Y
СЗ угол, кв. 1	21379,703	16867,070
СВ угол, кв. 4	21377,707	16872,294
ЮВ угол кв. 30	21362,723	16866,391
ЮЗ угол кв. 29	21355,986	16857,114
ЮЗ угол кв. 23	21370,222	16867,634
ЮЗ угол кв. 21	21371,065	16863,731

падного угла участка IX и в 5,5 м к северо-северо-востоку от северной границы ротонды по генплану А.М. Денисова (рис. 7–8). Репер соответствует уровню 105,28 по Балтийской системе высот; GPS координаты репера: N 57°45,493' E 040°55,378'. Для более точной привязки на местности в углах участков раскопа были сняты GPS координаты (табл. 2).

Культурный слой после снятия техногенного слоя разбирался ручным способом горизонтальными пластами мощностью от 20 до 30 см¹⁷ (мощность горизонтальных пластов в рамках всей площадки исследования приводится выше в разделе описания последовательности «разбивки» участков), уровень которых выверялся нивелировочным образом. В процессе работ была определена мощность техногенного слоя в рамках площадки исследования и динамика изменения его мощности в южном, юго-западном и западном направлениях. Это позволило определить уровень нижней границы техногенного слоя на том или ином участке раскопа и, соответственно, уровень, до которого он снимался. На участке I, еще не зная характера культурных напластований, техногенный слой снимался до –154–157 см, затем зачистка до –160 см (уровень пола 1 ГП), и, далее, слой до –395 см (11 ГП) разбирался горизонтальными пластами вручную. На участке II техногенный слой снимался уже до уровня –218, –223 см, затем зачистка до уровня –225 (4 ГП) и разбор объектов, выступивших на материковом и предматериковом уровне. До –115 и –244 см был снят техногенный слой на участках III и IIIа соответственно, и далее слои разбирались горизонтальными пластами вручную. Техногенный слой на участке IV разбирался до –223 см, и после зачистки на –225 см (4 ГП) слои горизонтальными пластами разбирались вручную. На участке V техногенный слой разбирался на уровне от –162 см (северная часть участка) до –190 см (южная часть). Дело в том, что здесь четко фиксировался нижний уровень слоя техногена по восточной стен-

ке участке VII, по северной стенке участка II и по западной стенке участка VI. Сняв техногенный слой, на всем участке ручным образом был выведен единый горизонтальный уровень – уровень 4 ГП (–225 см). Техногенный слой на участке VI–VII снимался до –156–158 см и далее зачисткой выведен на уровень 1 ГП (–160 см), после чего горизонтальные пласты также разбирались ручным образом. До –134, –136 см был разобран техногенный слой на участке VIII, затем зачисткой выведен на уровень –140 см, и далее слои вручную разбирались горизонтальными пластами. Участок IX находится по уровню залегания материковых отложений выше всех остальных участков и, соответственно, уровень пола техногена фиксировался здесь значительно выше прилегающей территории, расположенной к западо-юго-западу, юго-западу, юго-юго-западу и югу от него. Исходя из этого, а также имея стратиграфические данные примыкающего к нему с юга участка VIII, техногенный слой разбирался до уровня 105 см, после чего, как и во всех предыдущих случаях, горизонтальные пласты разбирались вручную.

Горизонтальные пласты после снятия балласта разбирались лопатой маленькими пластинками (рис. 9–12), которые затем здесь же в квадрате просматривались вручную (первичный просмотр) с применением металлодетектора (рис. 13)¹⁸. Кроме того, несмотря на то, что культурные напластования на памятнике были представлены практически полностью бутом с обильным включением кирпичной крошки (поздний строительный мусор, образовавшийся после серии взрывов обоих соборов, полного разбора кирпичной кладки и нивелировки механизированным способом этого мусора по всей площадке с целью выведения на один горизонтальный уровень), в соответствии с п. 4.17 Положения¹⁹, а также принимая в расчет социальную значимость исследуемого памятника, на всех участках сначала внутри раскопа (рис. 14–16), а затем вторично, после вы-

Рис. 9. Участок I: рабочий процесс (разбор вручную горизонтальных пластов).
Общий вид с северо-запада. Фото

Рис. 10. Участок II: рабочий процесс (разбор вручную горизонтальных пластов).
Общий вид с северо-запада. Фото

Рис. 11. Участок III: рабочий процесс (разбор вручную горизонтальных пластов).
Общий вид с юго-запада. Фото

Рис. 12. Участок V: рабочий процесс (разбор вручную горизонтальных пластов).
Общий вид с северо-северо-востока. Фото

Рис. 13. Участок VII: рабочий процесс (применение металлодетектора).
Общий вид с юго-запада. Фото

Рис. 14. Участок II: рабочий процесс (первичный просмотр разбираемого культурного слоя – просеивание).
Общий вид с северо-северо-востока. Фото

Рис. 15. Участок VII: рабочий процесс (первичный просмотр разбираемого культурного слоя – просеивание).
Общий вид с северо-запада. Фото

Рис. 16. Участок VIII: рабочий процесс (первичный просмотр разбираемого культурного слоя – просеивание).
Общий вид с юго-юго-востока. Фото

носа земли из раскопа, разобранный слой на предмет пропущенного материала скрупулезно, вручную просматривался и просеивался через мелкоячеистые металлические сетки (рис. 17). Отработанная земля сначала складировалась по периметру раскопа примерно в 0,5–1 м от стенок, еще раз просматривалась на предмет выявления материала (рис. 18), затем пе-

ремещалась на носилках (рис. 19), иногда погрузчиком²⁰ (рис. 20) для временного складирования в северо-восточной части площадки (на месте будущих участков VI, VIII, IX, частично – участка V). Отвал двигался для возможности прохождения вдоль стенок всего участка и возможности фиксации объектов, примыкающих к стенке раскопа. По мере уве-

Рис. 17. Участок I-II: рабочий процесс (вторичный просмотр разбираемого культурного слоя – просеивание). Общий вид с западо-северо-запада. Фото

Рис. 18. Участок V: рабочий процесс (просмотр отвала на предмет выявления пропущенного материала). Общий вид с юго-запада. Фото

Рис. 19. Участок I: рабочий процесс (перемещение отработанного грунта к месту складирования (северо-восточная часть площадки исследования). Общий вид с востоко-северо-востока. Фото

Рис. 20. Участок III: рабочий процесс (перемещение отработанного грунта к месту складирования (восточная часть площадки исследования). Общий вид с запада. Фото

Рис. 21. Площадки исследования: рабочий процесс (отгрузка и вывоз отработанного грунта (северо-восточная часть площадки исследования). Общий вид с юго-запада. Фото

личения объема складываемой земли проводилась систематическая отгрузка и вывоз общего массива земли (рис. 21) за пределы площадки (дислокацией отработанной земли после вывоза ее с площадки занимался заказчик работ).

В зависимости от неоднородной топографической ситуации уровня материка и палеорельефа в рамках площадки исследования, а также в связи выработкой и формированием методики разбора культурного слоя в рамках сетки раскопа, на различных

участках разобрано разное количество горизонтальных пластов.

На участке I после снятия балласта (-160 см) разобрано 11 ГП (до -395 см); на участке II после балласта (-225 см) разобрано 4 ГП (до -225 см); на участке III и IIIa балласт разбирался до -115 и -244 см соответственно, и далее было разобрано 5 ГП (-240 см) и 13 ГП (до -445 см); после балласта (до -225 см) на участке IV выступил материковый слой, за исключением северо-западной части участка, где «пошло» западание, разбиравшееся горизонтальными пластами до -455 см (уровень пола 12 ГП); на участке V балласт разбирался на глубину от -162 см (северная часть участка) до -190 см (южная часть), после чего был выведен единый горизонтальный уровень – уровень 4 ГП (-225 см); балласт на участке VI «снят» до -160 см и далее разобрано четыре ГП до уровня -225 см; на участке VII после балласта (до -160 см) было разобрано 11 ГП до уровня -365 см.; до -140 см снят балласт на участке VIII, затем слой разобран до -180 (всего два ГП); после снятия балласта на участке IX (до -105 см) разобрано три горизонтальных пласта до уровня -175 см.

После выборки всех заполнений объектов и зачистки общей площади участков раскопа выступил материк. На всех участках произведена контрольная прокопка верхнего уровня материка.

Данные нивелировочных промеров уровня дневной поверхности всего участка исследования²¹ в контексте контура раскопа²² констатировали существенное понижение уровня дневной поверхности в южном,

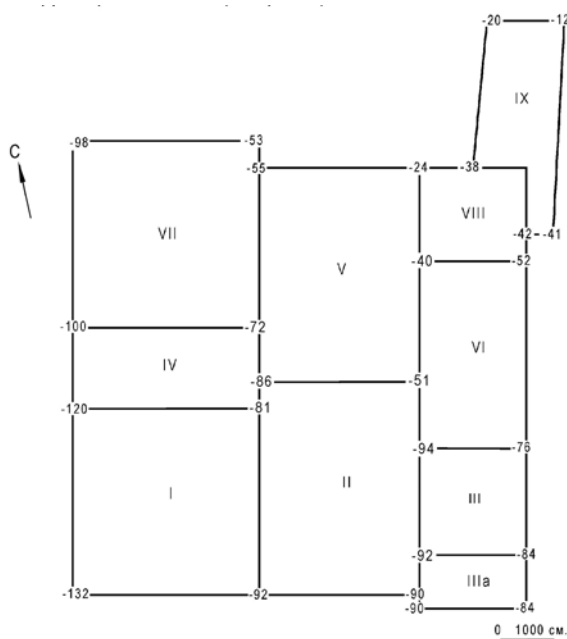

Рис. 22. Топографическое состояние уровня дневной поверхности участка исследования в контексте контура раскопа (отметки даются в поворотных точках участков).

юго-западном и западном направлении относительно репера, находящегося в северо-восточном углу площадки. Наибольший перепад высот²³ местами доходил до разницы в 120 см (рис. 22).

В соответствии с методикой²⁴ в ходе выполнения работ велся полевой дневник, куда заносились подробные описания вскрываемых культурных напластований, всех сооружений и погребальных комплексов. Дневниковые данные послужили основой для составления научного отчета.

Все полученные при раскопках находки и материалы фиксировались в полевом дневнике, обозначались на чертежах, а наиболее показательные фотографировались²⁵.

Основой стратиграфии культурного слоя является ярус. В классическом варианте ярус представляет совокупность хронологически связанных между собой построек, конструкций, объектов жилого и хозяйственного назначения, массы разнообразных археологических находок, собранных в этих сооружениях или рядом с ними, и всего того, что перекрыто поздним ярусом и лежит выше нижнего яруса (Кабатов, 2007, 2008, 2009а-б, 2010, 2011, 2012а, 2012б-г, 2013а, 2013б, 2013в-г, 2013д, 2014, 2015а; Кабатова 2014, 2018, 2019а-б). В нашем случае выделение ярусов очень проблематично по ряду причин. Во-первых, участок исследования в территориальных границах сетки раскопа и, соответственно, в границах Успенского собора претерпел не единожды серию различных земляных работ, связанных со строительством, достройкой, перестройкой соборного комплекса. Эти земляные работы уничтожили возможные ранние городские слои полностью, а то, что зафиксировано, связано непосредственно с самим собором. Во-вторых, после нескольких взрывов и планомерного разбора всего комплекса здания, включая фундаментную часть (выбирали и валуны), все это пространство было засыпано бутом, кирпичной крошкой и штукатуркой, то есть тем строительным мусором, который остался после разбора зданий. Весь этот мусор был разравнен по холму, площадка спланирована максимально с претензией на единый горизонтальный уровень. Подобное развитие событий привело к тому, что в рамках территориальных границ собора практически все его конструктивные элементы покоятся на материковых или, в лучшем случае, на предматериковых отложениях. Единственное исключение – территория северо-западной, частично северной и западной частей участка VII, небольшая линия²⁶, примыкающая к западной стенке участков VII, IV, I. В силу этого нами было принято решения отойти от классического определения яруса и обозначить фиксирующиеся стратиграфически непрерывающиеся слои как строительный горизонт (Кабатов 2007, 2008, 2009а-б, 2010, 2011, 2012а, 2012б-г,

2013а, 2013б, 2013в-г, 2013д, 2014, 2015а; Кабатова 2013б, 2014, 2018, 2019а-б]. Под строительным горизонтом здесь понимается слой единой цветовой гаммы с явно читающейся верхней и нижней границами (потолок, пол), единым заполнением. Горизонт, как правило, стратиграфически фиксируется на протяжении всей стенки, за исключением мест поздних перекопов и строительных работ. К горизонту относятся ряд ям и объектов. Принадлежность объектов и ям к тому или иному горизонту определялось их заполнением, перекрытием.

В подобной ситуации представляется возможным выделение трех условных горизонтов. Первый – территория городского слоя, сформированная до начала строительных работ собора и не разрушенная при его строительстве – северо-западная, частично северная и западная части участка VII, небольшая линия, примыкающая к западной стенке участков VII, IV, I. Стратиграфические слои, фиксирующиеся здесь с уровня 3 ГП (–200 см), однозначно принадлежат посадку первого Костромского кремля (до строительства здесь Старого города второго кремля), находящиеся от него к востоку – за Сулой. На данный момент исследования мы можем предварительно относить верхнюю хронологическую рамку, позже которой слой в этом месте в этом качественном состоянии развиваться уже не мог²⁷, – середина 1/3 XV в. Слои здесь очень сильно перемешаны и имеют следы земляных работ времени их формирования, что может свидетельствовать о достаточно интенсивной жизнедеятельности на этой территории. Второй горизонт – время строительство самого собора, начиная с середины 1/3 XV в. и вплоть до его уничтожение (1934 г.). Этот строительный горизонт в свою очередь представлен шестью периодами, связанными с перестройкой, достройкой, реконструкцией собора. Третий, последний строительный горизонт – практически период современности, начало которого соотносится с событиями уничтожения собора и серией последовательных земляных работ, связанных с планировкой и выравниванием площадки для создания здесь зоны отдыха.

Фотофиксация с постоянным использованием масштабной рейки велась на протяжении выполнения всех этапов работ²⁸ и выполнялась цифровой фотокамерой Nikon D 70,6.1, автоматически устанавливающей режим съемки в зависимости от заданных параметров. Все фотографии, включенные в научный отчет, отбирались из серии подобных на основании правильно выбранной фотокамерой выдержки, установленной диафрагмы, соответствующей оригиналу цветопередачи, резкости изображения. Все фотографии и рисунки в научном отчете, согласно Положению²⁹, соответствуют тексту и имеют сквозную нумерацию, в том числе постраничную, снабжены

подписями, содержащими название памятника, его объекта, раскопа, слоя, направление съемки. Фотографии в отчете кроме видов объекта (если это не общие виды) всегда содержат для определения размеров масштабную рейку или метр, а в случае плохой сохранности объекта и/или его «сливания» с фоном – дополнительные стрелки, указывающие его местонахождение и границы. Общие планы объектов на уровне зачисток давались так и указывались стрелками так, чтобы надписи на рисунке и сами стрелки не перекрывали границ интересующих в данный момент объектов. Определенная сложность во время фотофиксации заключалась в том, что погодные условия (в абсолютном большинстве своем солнечная, безоблачная погода) делали затруднительным фотофиксацию, поскольку сильное освещение фиксируемого объекта «давало» сильную контрастность и блики. В этом случае, когда это было возможно, в момент фотофиксации объект сверху накрывался каким-либо материалом, отбрасывающим тень на фиксируемый объект (рис. 23–24). Указанные погодные условия не давали возможность рассчитывать на появление облаков, «дающих» мягкий фон и исключаящих теневую рябь от окружающих территорию раскопа деревьев; кроме того, зачистка в подобных погодных условиях уровня пола очередного разобранный горизонтального пласта не позволяла ожидать появления возможных облаков, поскольку свежий срез практически моментально высыхал и заветривался, что в итоге сильно искажало реальную картину цветовой гаммы участка. В этом случае, выбирая «из двух зол меньшее», приходилось фиксировать участки с рябью тени от растущих по контуру участка исследований деревьев (рис. 23–24). Фотофиксация участков после зачистки уровня пола того или иного горизонтального пласта для получения панорамной съемки производилась с максимально возможной в данных условиях высоты (рис. 25–26).

Результаты раскопочных работ фиксировались посредством чертежей и фотографий. Чертежи (планы и разрезы раскопов, стратиграфические профили и иные чертежи) выполнялись непосредственно на месте проведения работ (рис. 27–28) и максимально точно воспроизводили все детали, в том числе такие, как взаимное расположение слоев и объектов, их высотные отметки; состав, структура и окраска слоев; распределение находок; условия и глубина их залегания³⁰. Планы, разрезы, фасовки и профили раскопа и объектов выполнялись в едином масштабе 1:40. На планах отражены все детали, зафиксированные в профилях; всегда фиксировалась только реальная глубина раскопок. Ориентация сечения объектов и выбираемая при этом их часть определялись с учетом получения максимально возможной информации о них.

Рис. 23. Участок VII: рабочий процесс (фотофиксация выявленных объектов).
Общий вид с северо-запада. Фото

Рис. 24. Участок VII: рабочий процесс (фотофиксация выявленных объектов).
Общий вид с северо-востока. Фото

Рис. 25. Участок VII: рабочий процесс (панорамная съемка участка после зачистки уровня пола очередного горизонтального пласта).
Общий вид с юго-востока. Фото

Рис. 26. Участок V: рабочий процесс (панорамная съемка участка после зачистки уровня пола очередного горизонтального пласта).
Общий вид с западо-юго-запада. Фото

Рис. 27. Участок I: рабочий процесс (графическая фиксация выявленных в результате разбора очередного горизонтального пласта объектов).
Общий вид с северо-востока. Фото

Рис. 28. Участок VII: рабочий процесс (графическая фиксация выявленных в результате разбора очередного горизонтального пласта объектов).
Общий вид с западо-северо-запада. Фото

Рис. 29. Участок VII: рабочий процесс (расчистка фрагмента пола придела Фёдора Стратилата).
Общий вид с северо-запада. Фото

Рис. 30. Участок VII: рабочий процесс (расчистка фрагмента пола придела Фёдора Стратилата).
Общий вид с запада. Фото

Рис. 31. Участок V: рабочий процесс (расчистка фрагмента пола основного ядра Успенского собора).
Общий вид с северо-востока. Фото

Рис. 32. Участок VII: рабочий процесс (расчистка частокольных канавок городской территории, прорезанной Успенским собором).
Общий вид с юга. Фото

Рис. 33. Участок VII: рабочий процесс (расчистка частокольных канавок городской территории, прорезанной Успенским собором).
Общий вид с востока. Фото

Рис. 34. Участок III: рабочий процесс (расчистка погребений).
Общий вид с северо-северо-запада. Фото

Все выявленные объекты, в том числе архитектурные фрагменты (остатки и фрагменты кирпичной кладки), погребения разбирались с особой тщательностью (рис. 29–34), с обязательно графической и фотофиксацией и позиционированием их местонахождения на местности.

В результате полевых археологических исследований на территории Успенского собора был установлен факт наличия граничной территории городской застройки и некрополя: раскоп северо-западной своей частью «накрыл» фрагмент усадебно-дворовой планировки, остальная территория находилась под кладбищем, на которое и был «поставлен» Успенский собор. Интересен здесь тот факт, что погребения, которые не попали в пятно земляных работ при строительстве стен собора, не были тронуты, и при расширениях и перестройках собора часть из них оказалась «внутри» собора; часть, которая оказалась снаружи, местами вплотную прилегала к стенам здания, местами полностью или частично разрушена при строительстве. Всего удалось обнаружить 35 погребений (участок II – 1³¹, III – 8³², V – 13³³, VI – 2³⁴, VIII – 6³⁵, IX – 5³⁶ костяков). Согласно методическим требованиям³⁷, были проведены антропологические анализы, после чего останки планируются быть перезахороненными Костромской епархией на территории костромского кремля с соответствующим отпразднованием необходимых обрядов.

Находки, собранные при раскопках, согласно действующему законодательству и Положению о порядке проведения археологических полевых работ³⁸, взяты для музейного хранения и дальнейшей научной обработки. При этом в коллекцию был включен максимально широкий набор вещей, включая фрагментированные предметы и предметы неясного назначения³⁹. Поступившие в коллекцию материалы внесены в полевую опись и снабжены этикетками с указанием года исследования и точного места происхождения каждого предмета или фрагмента: памятник, раскоп,

слой, квадрат, объект (№), номер находки, ее нивелировочная отметка или иные условия обнаружения. Всему материалу была обеспечена правильная упаковка, транспортировка и хранение коллекций до их передачи в государственную часть музейного фонда Российской Федерации. Весь массовый (керамика, кости животных и прочие) и строительный материалы, архитектурные детали, характеризующие содержание и состояние культурного слоя, описан и фиксируется по квадратам участков раскопа в статистических таблицах, составленных в соответствии с примененной методикой раскопок памятника археологии (по горизонтальным пластам)⁴⁰.

При послыйном разборе участков раскопа был выявлен массовый материал, представленный главным образом фрагментами керамики, стекла и остеологическими останками, имеет единый шифр г.К. (Ч.8, 10-У.с.-I/IX)'16/17. Вся посуда представлена красноглиняной, сероглиняной, чернолощеной и белоглиняной керамикой V–XI типов костромской гончарной керамики общим количеством 4 531 экз. (участок I – 564, II – 241, III – 234, IIIa – 202, IV – 114, V – 31, VI – 124, VII – 2887, VIII – 10, IX – 124 экз.). Орнаментация – горизонтальные линии, волна, насечка, штамп. Индивидуальный материал представлен 289 экземплярами (участок I – 37, II – 8, III – 5, IIIa – 3, IV – 42, V – 20, VI – 8, VII – 158, VIII – 4, IX – 4), подъемный – 15 экземплярами.

Нумерации объектов, массового и строительного материалов, архитектурных деталей и индивидуального материала являются сквозными в рамках каждого участка раскопа, и для каждого участка нумерация индивидуальна. Находки обработаны, зашифрованы и внесены в коллекционные описи. В тексте отчета дается их описание, фото и графическая фиксация. Массовый и индивидуальный материал внесён в таблицы и сдан на постоянное хранение в фонд «Археология» ГУК «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Рис. 35. Площадка по окончании полевых археологических исследований. Общий вид с северо-востока. Фото

Рис. 36. Площадка по окончании полевых археологических исследований. Общий вид с северо-запада. Фото

По окончании археологического исследования на территории проведенных раскопок участки земляных раскопок были засыпаны (рис. 35–36) и начались подготовительные работы по строительству нулевого цикла Успенского собора⁴¹.

Примечания

¹ «Спасательные археологические полевые работы – работы по сохранению объектов археологического наследия в случае невозможности обеспечения их физической сохранности, проводимые методами научных исследований объектов археологического наследия с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов в целях их сохранения и получения научных знаний» (см.: [Положение, п. 1.4: 4]).

² «Археологические раскопки рекомендуется проводить в благоприятное для полевых работ время года при плюсовой температуре воздуха, не промёрзшем грунте и отсутствии снежного покрова» (см.: [Положение, п. 4.5: 14]); методические требования «Информационного письма о зимних полевых работах» научного совета по полевым исследованиям ИА РАН).

³ «Проведению раскопок объектов археологического наследия должен предшествовать этап детального обследования как самого объекта археологического наследия, так и окружающей его местности, ознакомления с историческими, архивными и музейными материалами, касающимися этих объектов» (см.: [Положение, п. 4.6: 14]).

⁴ Картографирования участков исследования, указанных в данной таблице приведено в статье: [Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья № 2) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома: Костромской государственный университет, 2020б. Т. 26, № 2. С. 10–35.

⁵ Тополя были посажены после разбора в 1934 г. Успенского собора.

⁶ Генеральный директор ООО «ВПНРК» А.М. Денисов.

⁷ «Выбор места для закладки раскопов при проведении спасательных археологических полевых работ определяется необходимостью обеспечения сохранности объекта археологического наследия. При этом полностью исследуются участки, которым угрожают повреждение или уничтожение» (см.: [Положение, п. 4.8; 15]). «Запрещается оставлять между раскопами незначительные участки или полосы не вскрытого культурного слоя. При проведении спасательных археологических полевых работ на объектах археологического наследия, разрушаемых в ходе земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ либо находящихся в аварийном состоянии, объемы исследований и конфигурация раскопов

определяются с учетом проекта строительства и (или) угрозы разрушения объекта археологического наследия» (см.: [Положение, п. 4.10: 15]).

⁸ См.: [Положение, п. 4.22: 18].

⁹ Центральная ось участка IX отклонена несколько сильнее оси всего раскопа по ходу движения часовой стрелки – азимут 11,5°. При разбивке участка по центру западной стенки участка обнаружилось фундаментное основание (цементная заливка), вероятно, конструкции качели советского времени. Для выявления полноценной стратиграфической ситуации участка пришлось сделать небольшое отклонение в восточную сторону.

¹⁰ В том числе западная стенка участка IX.

¹¹ Общая длина, включая длину северной стенки участка IX.

¹² «При необходимости закладки нескольких раскопов в разных частях объекта археологического наследия следует разбивать их по единой закрепленной на местности координатной сетке для обеспечения стыковки раскопов и данных геофизических и иных исследований. Указанную сетку рекомендуется накладывать на весь памятник перед началом работ» (см.: [Положение, п. 4.11: 15–16]).

¹³ С северо-запада на юго-восток линии имеют буквенное обозначение (А–Б), с северо-востока на юго-запад – цифровое (1–4).

¹⁴ Буквально сразу же после окончательной зачистки всего южного профиля, его графической и фотофиксации произошло мощное обрушение стенки, после которого трещины по стене «пошли» дальше к корневой системе тополей, растущих по периметру площадки исследования, угрожая полным обрушением стены и падением тополей в раскоп и выворачиванию их корневой системой огромного массива земли, что привело бы к катастрофическим последствиям и разрушению берегового укрепления.

¹⁵ «Необходима увязка высотных отметок на всех раскопах, для чего на объекте археологического наследия должен быть установлен единый постоянный репер. Место расположения репера обязательно фиксируется на плане объекта археологического наследия. Желательна привязка репера к балтийской системе высотных отметок и определение его координат при помощи приборов глобального позиционирования» (см.: [Положение 2013, п. 4.11: 15–16]).

¹⁶ По всей вероятности, фрагмент основания качели советского времени.

¹⁷ Мощность пласта с учетом зачистки могла колебаться в силу большой площади участка и сильного заглубления объектов позднего строительного времени, но главное – мощность определялась в зависимости от характера исследуемого слоя.

¹⁸ Металлодетектор, согласно п. 4.15 Положения, применялся только на участках раскопов, а так-

же для дополнительной регулярной проверки отвалов (п. 3.12). Все обнаруженные находки (в том числе из отвалов) включены в полевую опись и снабжены соответствующими пояснениями о происхождении (см.: [Положение, п. 4.15: 16]).

¹⁹ См.: [Положение, п. 4.17: 17]).

²⁰ Рыхлый несслежавшийся грунт, постоянная работа на соседней строительной площадке сваебойной машины делали очень затруднительным использование погрузчика для перемещения отработанного грунта, поскольку профили участков легко осыпались.

²¹ «В процессе раскопок объектов археологического наследия всех типов обязательно производится нивелировка современной поверхности (раскопа), профилей, материковой поверхности и всех объектов (сооружений, уровней полов, прослоек, очагов, погребений, остатков тризн и иных объектов), а также находок от единого репера каждого памятника» (см.: [Положение 2013, п. 4.24: 19]).

²² Отметки даны в поворотных точках участков.

²³ Направление понижения по оси северо-восток – юго-запад.

²⁴ См.: ([Положение, п. 4.25: 19]).

²⁵ См.: ([Положение, п. 4.26: 19]).

²⁶ С 1,2 м шириной в северо-западном углу участка VII к юго-западному углу участка I линия «сходит на нет».

²⁷ После начала строительства здесь Успенского собора существовавшая здесь ранее усадебно-дворовая планировка, как впрочем и характер застройки этого участка, меняется. Об этом красноречиво говорят остатки серии частокольных ровиков (граница усадьбы), прорезающиеся рвами фундаментного основания собора и предела Федора Стратилата.

²⁸ Фиксировался весь процесс раскопок, начиная с общего вида памятника археологии и его участка, избранного для изучения, раскопок на разных этапах работы, а также всех деталей, стратиграфических профилей и прочее.

²⁹ См.: ([Положение, п. 4.28: 20]).

³⁰ См.: ([Положение, п. 4.27: 19]).

³¹ Объект № 10 (погребение № 1).

³² Объект № 7 (погребение № 1), объект № 8 (погребение № 2), объект № 9 (погребение № 3), объект № 10 (погребение № 4), объект № 11 (погребение № 4а), объект № 12 (погребение № 5), объект № 13 (погребение № 5а), объект № 14 (погребение № 6).

³³ Все погребения детские: объект № 25 (погребение № 1–2), объект № 26 (погребение № 3), объект № 27 (погребение № 4), объект № 28 (погребение № 5), объект № 29 (погребение № 6), объект № 30 (погребение № 7–9), объект № 31 (погребение № 10–11), объект № 32 (погребение № 12), объект № 33 (погребение № 13).

³⁴ Объект № 4 (погребение № 1 – взрослое), объект № 5 (погребение № 2 – детское).

³⁵ Объект № 10 (погребение № 1), объект № 11 (погребение № 2), объект № 12 (погребение № 3), объект № 13 (погребение № 4), объект № 14 (погребение № 5), объект № 15 (погребение № 6).

³⁶ Объект № 1 (погребение № 1), объект № 2 (погребение № 2), объект № 3 (погребение № 3), объект № 4 (погребение № 4), объект № 5 (погребение № 5).

³⁷ См.: ([Положение, п. 4.32: 20]).

³⁸ См.: ([Положение, п. 4.29: 20]).

³⁹ Абсолютно весь выявленный в результате исследования материал вошел в коллекционную опись (исключение – предметы современности: бутылочное стекло, полиэтилен и др. подобные предметы).

⁴⁰ См.: ([Положение, п. 4.30: 20]).

⁴¹ «По окончании работ исследователь обязан засыпать все сделанные на объекте археологического наследия котлованы, удалить отвалы грунта, по возможности восстановить дерновый покров, за исключением случаев проведения раскопок на участках последующих строительных работ» (см.: [Положение 2013, п. 4.32: 21]).

Источники

Кабатов С.А. Отчет об археологических раскопках в г. Костроме по проспекту Текстильщиков, 21 (на месте строительства жилого дома) в 2006 г. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2007. 365 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского района, Костромской области. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2008. Т. III. 141 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 2008 г. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2009а. Т. I–II. 256 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2009б. Т. I–II. 124 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 2009 г. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2010. Т. I–II. 162 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2010 г. в г. Костроме по адресу: территория, ограниченная улицами Симановского, Пятницкой, проспектом Текстильщиков, пл. И. Сусанина (квартал 5) (по Генплану дома № 2-3) и ул. Нижняя Дебря, 15 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2011. Т. I–III. 15 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2011 г. по адресу: в г. Кострома, ул. Спа-

сокукоцкого 24а / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2012а. Т. I–II, 193 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2012 г. по адресу: г. Кострома, ул. Свердлова 34 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2012б. 126 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2012 г. по адресу: г. Кострома, проспект Мира 6г / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2012в. 151 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2012 г. по адресу: г. Кострома, Юных пионеров 37-41 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2012г. 193 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2012 г. по адресу: в г. Кострома, ул. Козуева 15, 19, Ямская 11 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013а. Т. I–II. 153 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2012 г. по адресу: г. Кострома, Овражная 16 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013б. 142 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2013 г. по адресу: г. Кострома, ул. Войкова 26, 28, 30 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013в. 132 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2013 г. по адресу: г. Кострома, пр. Мира 46 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013г. 154 с.

Кабатов С.А. Отчет по итогам археологических исследований, направленных на сохранение объекта археологического наследия «селище Вёжи», эпоха бронзы, железный век, Средневековье, II тыс. до н. э. XVIII в. 2013 н / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013д. 108 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в 2013 г. по адресу: г. Кострома, ул. Терешковой 48а / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013е. 99 с.

Кабатов С.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2014. 220 с.

Кабатов С.А. Научный отчет по итогам археологических исследований 2015 г. в г. Костроме, ул. Симановского 23. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: ООО «Историко-археологическое общество «Кострома», 2015а. 79 с.

Кабатов С.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костром-

ской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи / сост. С.А. Кабатов. Кострома: ООО «Историко-археологическое общество «Кострома», 2015б. 259 с.

Кабатов С.А. Научный отчет об археологических исследованиях в 2015 г. на территории объекта археологического наследия «Участок культурного слоя бывшей Кузнечной и Гашеевой слобод, у Вологодской и Галичской дорог», XIV–XVIII вв. при планировании строительства многоквартирного жилого дома в границах земельного участка по адресу: г. Кострома, ул. Катушечная 34 / сост. С.А. Кабатов. Кострома: ООО «Историко-археологическое общество «Кострома», 2015в. 108 с.

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2016 г. объекта археологического наследия «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)», XV–XVIII вв. (Успенский собор), расположенного по адресу: Костромская область, г. Кострома, ул. Чайковского 8, 10» / сост. С.А. Кабатов, Е.А. Кабатова. Кострома: ООО «Историко-археологическое общество «Кострома», 2018. Т. I–XIV. 68 с.

Кабатова Е.А. Научный отчет об археологических исследованиях в 2012 г. на территории объектов культурного наследия регионального значения селище Вёжи и поселение Малые Ведёрки / сост. Е.А. Кабатова, С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013а. 96 с.

Кабатова Е.А. Отчет об археологических исследованиях в 2013 г. по адресу: г. Кострома, ул. Войкова 32а / сост. С.А. Кабатов, Е.А. Кабатова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013б. 138 с.

Кабатова Е.А. Отчет об археологических исследованиях в 2014 г. по адресу: г. Кострома, ул. Ленина 49 / сост. С.А. Кабатов, Е.А. Кабатова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. 121 с.

Кабатова Е.А. Отчет об археологических полевых работах в 2014 г. на территории объекта археологического наследия «Участок культурного слоя на территории Вознесенского посада (Дебре). XIV–XVIII вв.» по адресу: г. Кострома, ул. Нижняя Дебря 32 // сост. Е.А. Кабатова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016а. 126 с.

Кабатова Е.А. Научный отчет об археологических полевых работах в 2014 г. на территории объекта археологического наследия «Участок культурного слоя слободки Юрия Васильевича Глинского и слободы Голяда (Спасская и Никольская слободы)», XVI–XVIII вв. в 2014 г. по адресу: г. Кострома, ул. Широкая 3/2, Коллективная 22а / сост. Е.А. Кабатова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016б. 186 с.

Кабатова Е.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2017–2018 гг. объекта археологического наследия «селище Вёжи»,

расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи / сост. Е.А. Кабатова. Кострома: ЛАЭИ КГУ, 2018. Т. I–III: Основная часть. Приложения. 112 с.

Кабатова Е.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2017 г. на объекте археологического наследия «Участок культурного слоя бывших Полянской и Пищальной слобод» XVI–XVII вв., расположенном по адресу: Костромская область, г. Кострома, ул. Комсомольская 73, кадастровый номер земельного участка 44:27:040302:399. Кострома: ЛАЭИ КГУ, 2019а. 233 с.

Кабатова Е.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2017 г. на объектах археологического наследия «Участок культурного слоя посада вдоль Никольской и Козьмодемьянской улиц» XV–XVIII вв. (Костромская область, г. Кострома, ул. Свердлова 67 (67А), кадастровый номер земельного участка 44:27:040610:556) и «Участок культурного слоя на территории Вознесенского посада (Дебре)» XVI–XVII вв. (Костромская область, г. Кострома, ул. Нижняя Дебря 68, кадастровый номер земельного участка 44:27:040710:358). Кострома: ЛАЭИ КГУ, 2019б. 196 с.

Якухин А.Ю. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 2010 г. по ул. Козуева 10в, ул. Советская 21, 23а / сост. С.А. Кабатов, А.Ю. Якухин. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2010и. Т. I–III. 112 с.

Список литературы

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 1) // Вестник Костромского государственного университета. 2020а. Т. 26, № 1. С. 8–20. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20.

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 2) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Т. 26, № 2. Кострома: КГУ, 2020б. С. 10–35. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-10-35.

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 3) // Вестник Костромского государственного университета. 2020в. Т. 26, № 3. С. 24–39. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-24-39>.

Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Источнико-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 4) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 7–20. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-7-20>

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологические раскопки и разведки) и составления научной отчетной документации: (утв. решением ученого совета ИА РАН 20 июня 2018 г., № 32). М., 2018. 64 с.

References

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovsnija vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 1)* [Source-historical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 1)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020a, vol. 26, № 1, pp. 8–20 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-08172020-26-1-8-20. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovsnija vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 2)* [Source-historical study of the existence of the second Kostroma Kremlin]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma state University named after N.A. Nekrasov], 2020b, vol. 26, no. 2, pp. 10–35. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-10-35. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovsnija vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 3)* [Source-historical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 3)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020v, vol. 26, № 3, pp. 24–39 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-24-39>. (In Russ.)

Kabatov S.A., Kabatova E.A. *Istochniko-istoriograficheskoe izuchenie voprosa suzhestvovsnija vtorogo Kostromskogo kreml'a (article 4)* [Source-historical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 4)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 1, pp. 7–20. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-7-20> (In Russ.)

Polozhenije o porjadke provedenija arheologicheskikh polevyh rabot (arheologiceskije raskopki I razvedki) I sostavljenije nauchnoj otchjetnoj dokumentacii: (utverzhdno resheniem Uchjenogo Soveta IA RAN 20 ijunja 2018 g., № 32) [«Regulations on the procedure for conducting archaeological field work (archaeological excavations and Exploration) and compiling scientific reporting documentation (approved by the decision of the Scientific Council of the IA RAS on June 20, 2018)»]. Moscow, 2018, 64 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.04.2021; одобрена после рецензирования 30.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 03.04.2021; approved after reviewing 30.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 31–36. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 31–36. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(410)''14/16''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-31-36>

РАЗВИТИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В АНГЛИИ В XIV–XVI ВВ.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Башмакова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д.К. Беляева, Иваново, Россия, bash83@mail.ru

Гусева Марина Александровна, кандидат исторических наук, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д.К. Беляева, Иваново, Россия, gmar@inbox.ru

Аннотация. На протяжении всего XX века в отечественных исследованиях возрастал интерес к изучению феномена английского города эпохи Средневековья и раннего Нового времени, включая проблемы коммунального хозяйства и благоустройства. Однако некоторые сюжеты из городской истории остаются еще недостаточно исследованными. В статье анализируются источники, которые позволяют изучить основные мероприятия английского правительства в области коммунального хозяйства, деятельность муниципальных органов власти в решении вопроса поддержания санитарного состояния значимых объектов города, его благоустройства. Временные рамки исследования – XIV–XVI века. Авторы изучили различные виды источников. Это документы общегосударственного характера, локальные документы городов, нарративный источник – «Лондонское обозрение» Дж. Стоу. Широкий спектр привлеченных локальных документов позволяет говорить об общих тенденциях и закономерностях в развитии коммунальной сферы в столице и в провинциальных городах различных регионов Англии, таких как, например: юго-восток – Саутгемптон, северо-запад – Манчестер, западный Мидленд – Ковентри, восточный регион Англии – Кембридж, Норидж. Анализ локальных документов дает возможность сделать выводы и о региональных особенностях в развитии указанной сферы жизни города. Статуты королевства, парламентские акты, а также анналы и летописи городов свидетельствуют о реализации постановлений центральных органов власти королевства на местах. Указанные источники являются репрезентативными в отражении вопроса развития коммунального хозяйства в Англии XIV–XVI веков, поддержания его санитарного состояния.

Ключевые слова: источники, провинциальные города, коммунальная инфраструктура, поддержание санитарного состояния.

Для цитирования: Башмакова Е.В., Гусева М.А. Развитие коммунального хозяйства в Англии в XIV–XVI веках: источниковедческий аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 31–36. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-31-36>

Research Article

THE DEVELOPMENT OF PUBLIC UTILITIES IN ENGLAND IN THE 14TH-16TH CENTURIES: SOURCE STUDIES ASPECT

Elena V. Bashmakova, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department General disciplines in Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo, Russia, bash83@mail.ru

Marina A. Guseva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department General disciplines in Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy, Ivanovo, Russia, gmar@inbox.ru

Abstract. Throughout the 20th century, there had been growing interest in Russian studies in the study of the phenomenon of an English town in the Middle Ages and early modern times, including the problems of communal services and landscaping. However, certain plots from urban history are still not sufficiently explored. The article analyses the sources that make it possible to study the main measures of the British government in the field of public utilities, the activities of municipal authorities in solving the issue of maintaining the sanitary state of significant urban objects, its improvement. The 14th to the 16th centuries are the period of the study. The authors examined various types of sources. These include documents of a national character, local municipal documents, a narrative source – “A Survey of London” by John Stow. A wide range of attracted local documents allow us to talk about general trends and patterns in the development of the communal sector in the capital and in the provincial cities of various regions of England, such as, for example, the southeast – Southampton; northwest – Manchester; West Midlands – Coventry; eastern region of England – Cambridge, Norwich. The analysis of local documents makes it possible to draw conclusions about regional features in the development of this sphere of town life. The statutes of the kingdom, acts of parliament, as well as annals and chronicles of cities testify to the implementation of

the decisions of the central authorities of the kingdom on the ground. These sources are representative in reflecting the issue of the development of communal services in England in the 14th to the 16th centuries, maintaining its sanitary condition.

Keywords: sources, provincial towns, municipal infrastructure, maintenance of sanitary conditions.

For citation: Bashmakova E.V., Guseva M.A. The development of public utilities in England in the 14th-16th centuries: source studies aspect. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 31–36 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-31-36>

Локальная история Англии привлекала внимание многих исследователей. Однако отдельные сюжеты из городской истории остаются еще недостаточно исследованными, прежде всего в отечественной медиевистике. Одним из таких вопросов является проблема становления и развития коммунальной инфраструктуры городов Средневековья и раннего Нового времени, поддержания санитарного состояния значимых социальных объектов.

В последнее время отечественная историография пополнилась рядом монографий, представляющих собой обобщающий труд ученых по различным проблемам жизни городов Англии. Отдельные главы данных изысканий затрагивают и вышеназванные вопросы. Так, в 2017 году вышла монография Т.В. Мосолкиной, посвященная социально-экономической и социально-политической истории Англии XIV–XVII веков [Мосолкина]. Автор также изучила вопросы качества дорог в доиндустриальной Англии, поддержания их состояния, способы передвижения между городами. Муниципальную экономику, управление, социально-политическую и культурную жизнь городов периода Тюдоров исследовал В.А. Евсеев [Евсеев]. В данной работе наиболее интересными для нас являются разделы, посвященные вопросам формирования системы водоснабжения, освещения улиц, организации вывоза мусора, становления противопожарной службы. Указанные монографии включают в себя широкий историографический обзор как отечественной, так и зарубежной медиевистики, они затрагивают и отдельные вопросы функционирования коммунального хозяйства Англии, поддержания санитарного состояния социально значимых объектов [Евсеев: 20–48]. К специальным исследованиям по проблемам развития коммунального хозяйства городов раннего Нового времени относится диссертация Е.В. Башмаковой [Башмакова]. В работе автор поднимает вопросы благоустройства английских городов: мощение и освещение улиц, водоснабжение, функционирование мест общественного пользования, пожарной безопасности.

Как мы видим, отдельные вопросы становления коммунальной инфраструктуры, поддержания санитарного состояния социально значимых объектов средневекового города получили уже свое освещение. Актуальным является рассмотрение данного вопроса на примере более широкого временного отрезка – XIV–XVI веков. Также целесообразно расширить

региональный состав исследуемых городов. Это позволит выявить общие тенденции и закономерности в развитии коммунального хозяйства, определить региональную специфику. Для подобного изыскания важно определиться с источниковой базой исследования, выявить круг документов, содержащих актуальную информацию по проблемам.

В данной работе мы рассмотрим основные виды источников, которые позволят раскрыть указанные вопросы, установим их репрезентативность.

Все рассматриваемые нами источники следует разделить на несколько групп. Это документы общегосударственного характера, представленные постановлениями правительства, письмами и посланиями монарха, парламентскими актами; локальные документы городов (муниципальные хартии, публикации погодных записей магистрата (анналы), летописи, документы манориальных судов); нарративные источники.

Наиболее общие сюжеты из городской жизни отражены в законодательных актах и постановлениях парламента. Они представлены в многотомном издании статута королевства под общей редакцией А. Людерс и Т. Томлинс [Statutes]. В статутах довольно много уделяется внимания мероприятиям правительства в области коммунального хозяйства, полномочиям мировых судей и шерифов, а также функциям местных органов власти в сфере дорожно-мостовой инфраструктуры и благоустройства городов. Заметим, что статуты делились на публичные акты – «public acts» и частные акты – «private acts». Первые распространяли свою компетенцию на всю страну, вторые относились к конкретному региону, социальной группе. Например, из частных актов парламента мы узнаем о рекомендациях властям Плимута относительно строительства муниципального водопровода [Statutes IV: 728].

Документы общегосударственного характера содержит издание «Парламентских свитков» [Rotuli Parliamentorum]. Парламентские акты приведены в хронологическом порядке и на языке оригинала. Источник освещает различные аспекты социально-экономической и политической жизни страны в целом. Содержит он информацию и по отдельным городам. В частности, в нем нашли отражение проблемы, связанные с управлением в сфере коммунального хозяйства. С одной стороны, это вопросы невмешательства королевских чиновников в жизнь муниципаль-

ных корпораций, с другой – управление городами через представителей монарха с дарованием местным жителям лишь отдельных личных и экономических привилегий.

Иная группа общегосударственных документов представлена актами Тайного совета [Acts]. Данный вид документов позволяют сделать выводы об эффективности государственной политики в социально-экономической жизни английского общества. Отметим, что со второй половины XVI столетия усилилась роль Тайного совета в системе государственной власти королевства, что сделало данные акты особенно значимыми для жизни городов. Так, в документах XVI века довольно часто упоминаются вопросы, связанные с развитием коммунальной инфраструктуры городов, например финансирование строительства дорог и мостов, водных источников, правила уличного освещения [Acts XXIX: 37]. Документы Тайного совета хорошо отражают характер соподчинения властей разных уровней, распределения функций между ними. Например, они сообщают нам о разногласиях между членами комиссии съюеров, возникших при строительстве моста в Лондоне [Acts IX: 27]. Данная коллегия играла значимую роль в деле организации водоснабжения столицы. Именно она назначала основных должностных лиц (бейлифы, коллекторы, смотрители и др.), в чьи обязанности входил надзор над канализационными стоками, устранение их загрязнения.

Однако наиболее информативными для нас являются локальные источники, освещающие разные стороны повседневной жизни города, в том числе и вопросы развития коммунального хозяйства, поддержания санитарного состояния значимых муниципальных объектов. Большинство подобных источников – это публикации документов из городских и региональных архивов, хартий городов.

Так, краткие цитаты из муниципальных хартий содержатся в сборнике «British borough charters, 1307–1660», редактором которого выступил М. Вейнбаум [British borough charters]. Все записи издания сгруппированы по графствам, в алфавитном и хронологическом порядке. Сообщения сборника дают нам общие представления о привилегиях и свободах, полученных городами, структуре и функциях местных органов власти. Например, о праве взимания мостового налога и его возможном использовании на муниципальные нужды. В частности, в конце XIV века Кембридж, пережив два крупных пожара, получил это право на три года [British borough charters: 9].

Городские документы представлены двумя видами источников – это летописи (records) и анналы (annals). Первые включают в себя постановления магистратов по наиболее важным вопросам жизни города, отчеты казначеев и других должностных лиц, письма и жа-

лобы местных жителей, а также копии муниципальных хартий, постановлений правительства, актов парламента, посланий монарха. Как правило, все записи летописей расположены в хронологическом порядке. Иногда указанный строй нарушается. В частности, в «Городских документах Беверли» («Beverley town documents») за 1359–1536 года встречается ряд сообщений XII века, посвященных взаимоотношениям корпорации и сеньора. Документы летописей могут быть сгруппированы по отдельным разделам, например: «постановления городских властей», «муниципальные хартии», «отчеты казначеев» и др. Подобный вариант организации летописей встречается в Лестере и Беверли.

Другой вид локальных документов – анналы городов. Это краткие погодные записи основных событий городской жизни, в частности постановления местных властей, отчеты казначеев, копии муниципальных хартий, парламентских актов и писем монарха, сеньора. Все сообщения расположены в строго хронологическом порядке.

Первый вид источников мы находим в Норидже – региональном центре восточной Англии [Records of the city of Norwich]. Летопись Нориджа освещает события муниципальной истории с 1158 по 1603 год. В документах описывается не только структура управления города в целом, но и механизм организации коммунального хозяйства, например система водоснабжения, освещения, благоустройства, санитарного контроля, противопожарной безопасности. Ценная информация по развитию местного самоуправления, обязанностям чиновников содержится в решениях городских советов и других органов местной власти. В частности, из документа 1552 года мы узнаем о деятельности в Норидже комитета, отвечающего за санитарное состояние реки и благоустройство улиц [Records of the city of Norwich: 84, 115].

Летопись города Лестер, расположенного в западной части Мидленда, состоит из трех томов и охватывает период с 1103 по 1688 год [Records of the borough of Leicester]. Издание имеет комментарии редактора и сноски, отсылающие читателя к другим документам, исследованиям. Записи источника содержат переводы на современный английский язык. В летописи мы находим информацию о строительстве мостов и благоустройстве улиц, развитии системы городского водоснабжения. В частности, финансовые отчеты мэра и казначеев сообщают о расходах корпорации на ремонт и мощение улиц, покупку устройств для тушения пожаров. Из них мы также можем почерпнуть сведения о суммах и причинах взимания штрафов, которые потом шли на ремонт муниципального имущества и поддержание чистоты. В частности, еще в середине XV века власти Лестера установили правила и периодичность уборки придомовых

территорий. Подобная уборка должна была производиться каждую среду и субботу. Исключение составляли ветреные и дождливые дни. За нарушение указанных правил следовало тюремное заключение [Records of the borough of Leicester II: 290–291].

Документы по Беверли, что в Припеннинском регионе, представлены двумя видами сборников. Это «Beverley town documents» и «Report on the Manuscripts of the Corporation of Beverley» под общей редакцией А. Лича. Все тексты изданий имеют сноски и комментарии, что позволяет лучше ориентироваться в городской истории.

Отметим, что «Beverley town documents» охватывают период с 1359 по 1536 год [Beverley town documents], тогда как «Report on the Manuscripts of the Corporation of Beverley» освещает события из муниципальной истории с 1359 по 1576 год. Отчеты казначеев доведены до 1649 года [Report on the Manuscripts]. Первый сборник содержит более полные варианты документов, свидетельствующих о разнообразных сторонах повседневной жизни Беверли, второй – лишь их отдельные фрагменты.

Документы обоих источников сообщают нам ценные сведения о функциях местных чиновников в сфере коммунального хозяйства, требованиях к уборке придомовых территорий и городских дорог, поддержании чистоты водных объектов. Например, уже в конце XIV века в Беверли был запрещен ремонт судов на берегах реки Бек, протекающей через город, введены должности муниципальных смотрителей каналов, которые пресекали сброс в них отходов городских цехов. В документах конца XV века мы находим свидетельства о переносе «грязных» ремесел на муниципальные окраины, что являлось общеанглийской тенденцией [Beverly town documents: 22, 57–58].

Другой вид городских документов представлен в Кембридже. Это анналы, или погодные записи города, которые рассказывают об основных событиях в жизни Кембриджа с VII века по середину XIX века [Annals of Cambridge], – всего 5 томов, вышедших в свет с 1842 по 1908 год. В данном исследовании мы использовали первые два тома издания, освещающие городскую жизнь с англосаксонского периода по 1602 год. Документы содержат информацию о работе местных органов власти, взаимоотношениях городского сообщества с университетом, получении корпорацией привилегий и свобод, организации поддержания санитарного состояния значимых объектов города, его благоустройстве. Например, в 1352 году король даровал Кембриджу право использования дорожного сбора на мощение городских улиц. Также сообщения источника позволяют сделать вывод, что с конца XV века в Кембридже изменился механизм осуществления текущего ремонта муниципальной собственности, благоустройства го-

родского пространства. Если ранее основные работы производили сами жители на безвозмездной основе или за незначительную плату, то с конца XV века это были уже специально нанятые работники, чей труд оплачивался из казны корпорации. Так, под 1494 годом сообщается о найме работников для ремонта моста, за что им было выплачено 4 ш. 6 п. за «гравий, песок и работу» [Annals of Cambridge: 102, 244].

Анналы имели и другие города, в частности Честер [Chester], Ипсвич [Annals of Ipswich]. Их отличительной особенностью является наличие отчетов муниципального суда. Данный вид документов содержит ценные сведения по вопросам организации благоустройства городов, поддержания санитарного состояния их значимых объектов, функциям местных должностных лиц.

Иным видом локальных источников являются записи манориальных судов. Они информируют нас о судебных разбирательствах и тяжбах по различным вопросам муниципальной жизни, работе городского хозяйства, деятельности местных чиновников.

В частности, манориальные книги Манчестера представляют собой многотомное издание, охватывающее почти полтора века городской истории – с 1552 по 1686 год. Всего вышло двенадцать томов [The Court leet records the manor of Manchester]. Сообщения источника позволяют судить о нормах и правилах в сфере организации коммунальной инфраструктуры корпорации: как и кем должны моститься и убираться улицы города, периодичность данной уборки; вопросах поддержания санитарного состояния водных источников; противопожарной безопасности и санкциях по отношению к тем, кто их нарушил.

Подобные документы мы находим в Саутгемптоне и Ковентри. Так, отчеты манориального суда города Саутгемптон сгруппированы в два тома и затрагивают период с 1550 по 1624 год [Southampton Court leet Records]. Отчеты манориального суда города Ковентри освещают жизнь корпорации с 1420 по 1555 год [The Coventry leet book]. Все тексты изданий сопровождаются сносками и комментариями, позволяющими лучше ориентироваться в них. Как указывалось ранее, отчеты манориальных судов дают нам широкий спектр информации по повседневной жизни города, в частности по функциям муниципальных и королевских должностных лиц, вопросам благоустройства, поддержания санитарного состояния городов, развитию коммунального хозяйства. Так, книга манориального суда Ковентри сообщает о деле одного из домовладельцев, который под покровом ночи перебрал грязь со своего участка на землю соседа. Другой интересный сюжет встречается под 1426 годом, когда рассматривалось дело Дж. Стаффорда и Дж. Лирпола, нанятых для рытья общественного колодца. Последний был вырыт, но рядом со сточным

каналом, что существенно снизило качество воды. По решению суда виновники уплатили штраф и обязывались исправить ситуацию [The Coventry leet book: 96, 104].

Отдельный интерес для нашего исследования представляют нарративные источники. Их отличительной особенностью является определенная простота изложения, стремление авторов подробно описать окружающую обстановку. В частности, ценные сведения по повседневной жизни английской столицы периода Тюдоров содержит хроника Джона Стоу «Обозрение Лондона» [J. Stow].

В первых главах «Обозрения» повествуется об истории возникновения Лондона, периоде античности и нормандском завоевании; этапах строительства центральных районов английской столицы. Подробно описывается возведение важных для города и его жителей социальных объектов: мостов, каналов, канализационных стоков, колодцев. Далее следует рассказ о водных ресурсах города. Автор детально освещает деятельность местных властей по поддержанию санитарного состояния водных объектов Лондона [John Stow: 14]. Упоминает он и о создании «водного комитета», который имел право распоряжаться всеми деньгами, взимаемыми на водопровод и канал. Также из «Обозрения» мы узнаем о существовании в средневековом Лондоне канализационной системы, состоящей из открытых стоков. К отличительной особенности столичной системы водоснабжения следует отнести и довольно ранний период ее возведения – середина XV – начало XVI века.

«Обозрение Лондона» дает нам полное представление о внешнем облике английской столицы. Из приведенных в нем сведений можно выявить, какую важную роль играла забота муниципальных властей о благоустройстве города. В частности, источник указывает на существование различий в обязанностях в деле контроля над коммунальными объектами Лондона между местными органами власти и горожанами [J. Stow: 14]. «Лондонское обозрение» является интересным и информативным источником, освещающим разные аспекты жизни столицы и английского общества эпохи Тюдоров.

Итак, мы рассмотрели основные виды документов, в которых нашли свое отражение различные стороны городской жизни XIV–XVI веков. В них хорошо представлены сюжеты, иллюстрирующие вопросы становления и развития коммунального хозяйства Англии, поддержания санитарного состояния значимых объектов города, деятельности местных органов власти в области их благоустройства. Это документы общегосударственного характера (статуты, парламентские акты, Акты Тайного Совета), локальные документы городов (хартии, летописи, анналы, записи манориальных судов), нарративный источник – «Лон-

донское обозрение» Дж. Стоу. Все рассмотренные документы являются репрезентативными в отражении вышеназванных проблем.

В частности, использование широкого спектра локальных документов, хроники Дж. Стоу позволяет нам выявить как общие закономерности, так и региональные особенности в развитии коммунального хозяйства, организации поддержания санитарного состояния улиц, придомовых территорий и водных объектов городов; установить отличия в решении данных вопросов в провинциальных городах Англии и столице. Анализ муниципальных документов и статуты королевства, парламентских актов дает возможность выявить степень исполнения решений высших органов власти на местах, проследить соподчиненность должностных лиц, отвечающих за вопросы благоустройства городов, функционирование коммунального хозяйства.

Список литературы

- Баймакова Е.В.* Развитие коммунально-дорожного хозяйства в Англии эпохи Тюдоров: дис. ... канд. истор. наук. Иваново: ИвГУ, 2014. 226 с.
- Евсеев В.А.* «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М., СПб.: ЦГИ, 2019. 635 с.
- Мосолкина Т.В.* Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб.: ЦГИ, 2017. 416 с.
- Acts of the Privy Council of England. 1575-1577, ed. by J.R. Dasent. L., Wyman and sons, 1894, vol. IX, 452 p.; vol. XII, 418 p.; vol. XXIX, 809 p.
- Annals of Cambridge, ed. by Ch.H. Cooper. Cambridge, Warwick and Co, 1842-1853, vol. 1, 452 p.; vol. 2, 660 p.
- Annals of Ipswich. The laws customs and government of the same. Collected out of the records books and writings of that town. Nathaniel Bacon serving as recorder and town clerk in that town, ed. by W.H. Richardson. Ipswich, w. p. h., 1884, 561 p.
- Beverly town documents, ed. by A. Leach. L., B. Quaritch, 1900, part III, 328 p.
- British borough charters, 1307-1660, ed. by M. Weinbaum. Cambridge, University Press, 1943, 237 p.
- Chester in the Plantagenet and Tudor Reign, ed. by Morris, Rupert. Chester, University of Pittsburg, 1884, 650 p.
- John Stow.* The survey of city of London. L., Whitaker and Co, 1956, 541 p.
- The Records of the Borough of Leicester, ed. by M. Bateson. London, C.J. Clay and sons, 1899-1908, vol. I, 533 p.; vol. II, 584 p.; vol. III, 623 p.
- Records of the city of Norwich, ed. by W.H. Hudson and J.T. Tingly. Norwich, Jarrold and sons, 1906, vol. I, 456 p.; vol. II, 444 p.
- Report on the manuscripts of the corporation of Beverley, ed. by A. Leach. London, Mackie and Co. LD, 1900, 244 p.

Rotuli Parliamentorum, ut et petitiones, et placita in parlamento tempore Edwardi R.I., ed. by J. Strachey. L., London b's.n., 1767, vol. I, 720 p.

Southampton Court leet Records A.D. 1550-1577, ed. by F.S.G. Hearnshaw. Southampton, Gilbert and sons, 1905, vol. I, part I, 213 p.; vol. I, part II, 233 p.

Statutes of the Realm of England, ed. by A. Luders, T. Tomlins. L., w. p. h., 1810-1828, vol. I-XI, 1816; vol. II, 561 p., 1817; vol. III, 578 p., 1819; vol. IV, part I, 583 p.; part II, 607 p.

The Coventry leet book; or mayor's register: 1420-1555, ed. by M.D. Harris. London, Kegan Paul and Co Ltd., 1907-1913, part I-IV, 939 p.

The Court leet records the manor of Manchester, from the year 1552 to the year 1686, and from the year 1731 to the year 1846, ed. by Earwaker. Manchester, Henry Black and Co, 1884, vol. I, 332 p.; vol. II, 370 p.

References

Bashmakova E.V. *Razvitie kommunal'no-dorozhnogo hozyajstva v Anglii epohi Tyudorov*: dis. ... kand. istor.

nauk [Development of municipal and public road system in Tudor England: Dis. ... Cand. of Historical Sciences]. Ivanovo, IvGU Publ., 2014, 226 p. (In Russ.). Ivanovo, IvGU, 2014, 226 s.

Evseev V.A. «*Gorodskaja civilizacija*» Anglii ot Tjudorov do Stjuartov [Urban civilization of England from the Tudors to the Stuarts]. Moscow, Saint Petersburg, CGI Publ., 2019, 635 p. (In Russ.)

Mosolkina T.V. *Social'naja istorija Anglii XIV-XVII vv.* [Social history of England of the XIV–XVII centuries]. Moscow; St. Petersburg, CGI Publ., 2017, 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2021; одобрена после рецензирования 08.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 14.02.2021; approved after reviewing 08.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 37–44. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 37–44. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)''18''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-37-44>

РАЗВИТИЕ В РОССИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ БАЗЫ И ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА Артиллерийского вооружения в XVIII веке

Бенда Владимир Николаевич, доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия, bvn.1962@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9553-7262>

Аннотация. Цель исследования – раскрыть особенности создания и деятельности отечественной военной промышленности по выпуску артиллерийского вооружения и боеприпасов в XVIII в. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ускоренным развитием промышленности при Петре I, особенно металлургической, в период Северной войны (1700–1721 гг.). Обращается внимание на то, что благодаря строительству группы казённых частных чугунолитейных и железоделательных заводов были образованы четыре промышленных округа – Тульский, Олонецкий, Уральский и Петербургский. Эти округа долгое время были главными арсеналами по производству артиллерийского вооружения для русской армии. Автор акцентирует внимание на аспектах улучшения качества продукции, выпускаемой оружейными заводами в XVIII в. Научная новизна заключается в междисциплинарном рассмотрении вопроса с привлечением трудов авторов, работы которых были опубликованы в дореволюционный, советский и современный периоды, и во введении в научный оборот ранее не опубликованных источников. Сделан вывод о том, что развитие организационной структуры русской армии вызвало увеличение изготовления артиллерийского вооружения и боеприпасов и создание в необходимом количестве запасов этого вооружения для обеспечения текущих потребностей армии и флота.

Ключевые слова: Пётр I, промышленность, металлургическое производство, Олонецкий оружейный завод, Петербургский оружейный завод, производство артиллерийского вооружения и боеприпасов.

Для цитирования: Бенда В.Н. Развитие в России промышленной базы и технологии производства артиллерийского вооружения в XVIII веке // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 37–44. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-37-44>

Research Article

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN INDUSTRIAL BASE AND TECHNOLOGY FOR THE PRODUCTION OF ARTILLERY WEAPONS IN THE 18TH CENTURY

Vladimir N. Benda, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg-Pushkin, Russia, bvn.1962@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9553-7262>

Abstract. The purpose of the research is to reveal the features of the creation and activity of the Russian military industry for the production of artillery weapons and ammunition in the 18th century. The article deals with issues related to the accelerated development of industry under Peter I, especially metallurgy, associated with the Great Northern War (1700-1721). Attention is drawn to the fact that due to the construction of a group of state-run private iron foundries and ironworks, four industrial districts were formed – Tula, Olonets, the Urals and St. Petersburg. These districts had for a long time been the main arsenals for the production of artillery weapons for the Russian army. The author focuses on the aspects of improving the quality of products produced by weapons factories in the 18th century. Scientific novelty consists in an interdisciplinary consideration of the issue involving the works of authors whose works were published in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods and in the introduction of previously unpublished sources into scientific circulation. It is concluded that the development of the organisational structure of the Russian army caused an increase in the production of artillery weapons and ammunition and the creation of the necessary amount of stocks of these weapons to meet the current needs of the army and navy.

Keywords: Peter I, industry, metallurgical production, Olonets & St. Petersburg weapons factories, production of artillery weapons and ammunition.

For citation: Benda V.N. Development of the Russian industrial base and technology for the production of artillery weapons in the 18th century. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 37–44 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-37-44>

Вопросам развития в XVIII в. в Северо-Западном регионе России промышленной базы и технологии производства артиллерийского вооружения посвящена довольно обширная историография различных периодов издания. В дореволюционный период был опубликован ряд исследований и работ, наиболее значимыми из которых по данной тематике являются труды Н.Е. Брандербурга [Брандербург], Н.Г. Устрялова [Устрялов], В. Берха [Берх] и других. Наиболее активно данный вопрос стал освещаться в работах, опубликованных в советское время. В указанный период были изданы труды И.С. Прочко [Прочко], С.Г. Струмилина [Струмилин], Н.И. Павленко [Павленко], Н.Н. Рубцова [Рубцов], С.М. Левицкой [Левицкая], Л.Г. Бескровного [Бескровный] и др. В настоящее время опубликованы работы, в которых с той или иной степенью детализации рассматриваются отдельные аспекты указанной проблемы [Юркин, Богданов, Юдина]. В ранее опубликованных работах отдельные аспекты этой темы также освещались с различной степенью детализации и подробностей [Бенда: 196–206, Бенда: 217–223].

Состояние вооружённых сил русского государства, доставшихся в наследство царю Петру I, было весьма неудовлетворительным. Военная техника была отсталой, что ставило русскую армию в невыгодное положение по сравнению с другими армиями. Хотя в России неплохо было поставлено производство артиллерийского вооружения, но общий уровень производства оружия не мог удовлетворять растущих запросов на боевую технику [Прочко: 67]. В связи с начавшейся в 1700 г. Северной войной в первую очередь необходимо было осуществлять мероприятия по развитию и укреплению хозяйственной жизни страны. Особое внимание Пётр I обращал на развитие тех отраслей промышленного производства, которые были необходимы для укрепления военной мощи государства. Была проведена работа по созданию новых образцов артиллерийских орудий и упорядочению материальной части артиллерии, усовершенствованию её организационных форм и пополнению личным составом. Так, например, в 1701 г. на Московском пушечном дворе было начато производство материальной части артиллерии с соблюдением жесткого требования по определению необходимого зазора между стенками канала ствола и ядром [История отечественной артиллерии: 16]. На заводы рассылались чертежи с требованием отливать орудийные стволы и изготавливать лафеты строго по чертежам, чтобы они «...ни чертою более или менее назначенного были» [Брандербург: 32]. Это требование неоднократно подтверждалось и в последующие годы¹. Московские мастера пушечного дела в невиданно короткие сроки отлили по новым образцам и строго установленным калибрам 263 орудий, из которых

было: 24-фунтовых пушек – 36, 18-фунтовых – 32, 12-фунтовых – 32, 6-фунтовых – 34, 3-фунтовых – 109; гаубиц пудовых – 9, полупудовых – 4, мортир 9-пудовых – 6, пудовых – 6². В целом в период с 1700 по 1710 гг. там было отлито более 990 артиллерийских орудий различного калибра и назначения, из которых 668 пушек, 26 гаубиц, 303 мортиры и мортирцев³. Новые артиллерийские орудия превосходили по своим боевым и техническим свойствам артиллерию, потерянную под Нарвой и предназначались для вооружения полевой и осадной артиллерий.

На территории Европейской России выделялись два металлургических района – Подмосковский и Олонский, начавшие формироваться ещё в XVII в. Наиболее компактным и чётким следует считать Олонский металлургический район. Что касается Подмосковского района, то в него включены все заводы, расположенные южнее Москвы и разбросанные на громадной территории, вплоть до бассейна Дона. Районы отличались также происхождением капиталов, вложенных в металлургию, и назначением заводов. Если промышленники Подмосковья ориентировались преимущественно на сбыт изделий внутри страны, то металлурги Олонца рассчитывали на продажу железа за границу [Павленко: 163]. В 1703 г. группа Олонских заводов, владельцем которых был один из основателей чёрной металлургии в России, русский купец, промышленник и горнозаводчик Бутенант фон Розенбуш (Андрей Иванович Бутман), была выкуплена государством, и заводы стали казёнными. Н.Н. Рубцов указывает, что Олонские заводы Бутенанта были якобы отобраны в казну за невыполнение срочного заказа на отливку 100 пушек к 1702 г. [Рубцов: 146]. В соответствии с царским указом от 5 января 1702 г. Олонским «железным заводам», владельцем которых был иностранец Андрей Бутенант фон Розенбуш, предписывалось в кратчайшие сроки изготовить «...100 пушек железных и чугунных самых добрых, без всяких изъянов, ядром по 12 фунтов да по 1000 ядер ко всякой пушке» и не позднее марта этого же года отправить изготовленное артиллерийское вооружение и боеприпасы в Новгород [Устрялов: 25]. И.Н. Юркин считает, что именно способности Олонских заводов в короткие сроки налаживать производство новой продукции, в частности пушек и пушечных ядер, в значительной мере и предопределили решение властей об их переводе в государственное подчинение [Юркин: 41]. Кстати, И.Н. Юркин отмечает, что наряду с Олонскими заводами Бутенанта в 1703 г. в государственную казну отошёл ещё один довольно успешный металлургический завод – Тульский завод Н.Д. Демидова [Юркин: 41], который вскоре сосредоточил своё производство на выполнении заказов Адмиралтейства [Крепостная мануфактура: 299–300].

Олонецкие заводы получали значительные по объёмам заказы на изготовление артиллерийского вооружения, боеприпасов и снаряжения. В частности, в 1705 г. на заводы был направлен заказ, в соответствии с которым ему необходимо было отлить 1 700 артиллерийских орудий различного калибра и назначения, 17 тысяч ядер и 7,6 тысяч кнippleй (снаряд корабельной артиллерии для уничтожения или повреждения корабельного такелажа и парусов. – В. Б.). В 1711 г. в соответствии с новым заказом заводам предписывалось изготовить 600 артиллерийских орудий 3-фунтового калибра и 125 пушек других калибров. Также заводам предписывалось «...непрестанно лить пушки по новым чертежам» [Рубцов: 147].

Известный русский инженер и артиллерист Вилим Иванович Де Геннин (de Hennin) был назначен в конце 1713 г. комендантом Олонецких и начальником Петровских, Повенецких и Кончезерских заводов. К сентябрю 1714 г. уже было отправлено в Санкт-Петербург 127 пушек и 188 якорей, сделанных под его руководством [Берх: 58]. До этого В.И. Геннин успешно организовал производство артиллерийского вооружения в Санкт-Петербурге. В частности, в 1712 г. Петр I поручил Геннину достроить Литейный двор и «...зелейные или пороховые заводы мазанковые, а не деревянные» [Берх: 57]. Строительство Литейного двора было завершено в 1712 г., и на нем стали изготавливать артиллерийские орудия различного калибра и назначения. К примеру, на Санкт-Петербургском литейном пушечном дворе в период с 15 января по 19 сентября 1713 г. было вылито 24-фунтовых – 7 пушек и 18-фунтовых – 20 пушек⁴. Кстати, заметим, что строительство в Санкт-Петербурге Старого литейного двора, «...на котором пушки льют», началось в 1711 г. на Московской стороне [Богданов: 148].

Под руководством В.И. Геннина Олонецкие заводы достигли большой производительности. Если в 1714 г. ствол 18-фунтовой пушки отливался за 3–4 дня, а 24-фунтовой пушки – за 4–5 суток, то в 1715 г. пушечный ствол независимо от калибра

отливался за трое суток [Берх: 89, 117]. В ранее опубликованной работе мы уже освещали те новшества, которые были предложены В.И. Геннином для увеличения продуктивности Петровского завода [Бенда: 196–206].

Адмиралтейство в 1715 г. отправило на Олонецкие заводы заказ, по которому необходимо было изготовить и отправить в Санкт-Петербург «...нынешним летом и зимним путем» 837 артиллерийских орудий различных калибров [Брандербург: 169], более 42 тысяч ядер, примерно 4,6 тысяч пудов дробы и 15 тысяч кнippleй [Лоранский: 147]. Количество изготовленных в период с 1714 по 1717 гг. на Олонецких заводах артиллерийских орудий представлено в таблице 1 [Берх: 138–139].

Из общего количества изготовленных артиллерийских орудий и выдержавших испытательные стрельбы к 1717 г. в Санкт-Петербург было отправлено 697 пушек и 6 – в Архангельск. На заводах в наличии оставалось ещё 57 пушек [Берх: 138–139]. Поэтому заказ 1715 г. на пушки даже с удвоением домен (с трёх до шести) на Петровском и Повенецком заводах за три года удалось выполнить примерно на 80 % [Струмилин: 169]. Продукция Олонецких железных заводов поставлялась не только для удовлетворения нужд Адмиралтейства, но и предназначалась для снабжения артиллерийских подразделений необходимым вооружением и припасами⁵.

Литейный пушечный двор в Петербурге продолжал свою деятельность по изготовлению артиллерийских орудий различного калибра и назначения. Например, из переписки между Я.В. Брюсом и Е.П. Зыбиным (подполковник и обер-комиссар Приказа артиллерии. – В. Б.) видно, что в 1718 г. на его базе предполагалось изготавливать 3-фунтовые и 12-фунтовые пушки, 5-пудовую корабельную мортиру и 24-фунтовую скорострельную пушку⁶. В начале января 1720 г. Я.В. Брюс получил распоряжение Военной коллегии об отливке шести гаубиц на Петербургском пушечном дворе для «бомбардирско-

Таблица 1

Количество вылитых пушек на Олонецких заводах с 1714 по 1717 г.

Год	Калибры										Мортир 3-пудовых	Всего
	30-фунтовых	24-фунтовых	18-фунтовых	16-фунтовых	12-фунтовых	8-фунтовых	6-фунтовых	4-фунтовых	3-фунтовых			
1714	1	125	13	–	5	–	–	–	6	–	150	
1715	4	104	71	–	57	16	32	–	–	1	285	
1716	–	160	73	–	1	1	1	1	–	15	252	
1717	–	122	10	2	1	1	1	1	–	–	138	
Из них вылито	5	511	167	2	64	18	34	2	6	16	825	
Разорвало при пробе	1	20	3	–	19	2	10	–	–	–	55	

го корабля»⁷. На Петербургском пушечном дворе велось изготовление не только артиллерийских орудий, но и другого вооружения и снаряжения, например такого, как станки под пушки, приборники и банники к пушкам, колёса для лафетов и другие артиллерийские приспособления и снаряжение⁸.

В 1714 г. был установлен порядок испытания готовых орудийных стволов. Каждый ствол испытывался сначала четырьмя выстрелами с повышенным зарядом пороха и различным количеством ядер, выпускаемых из орудия при одном выстреле. После этого производилось три выстрела подряд с обычным зарядом пороха и одним ядром. Для испытаний брался самый лучший порох, проверенный накануне стрельбой из пробной мортирки. Порох для проведения испытаний новых артиллерийских орудий отпускался из Приказа артиллерии по распоряжению генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса. С неоднократными ходатайствами к Я.В. Брюсу по этому поводу обращался генерал-майор Г.П. Чернышев, в будущем один из видных русских военачальников и государственных деятелей. В июне 1715 г. он просил Я.В. Брюса «...об отпуске Адмиралтейству пороха и фитиля для испытания пушек на Олонецких заводах»⁹, в начале января 1716 г. Г.П. Чернышев вновь обратился к Я.В. Брюсу с просьбой «...об отпуске пороха на Олонецкие заводы для испытания пушек и фужей»¹⁰, что и было сделано в марте 1716 г.¹¹

В 1716 г. на Петербургском арсенале был внедрён в практику горизонтальный сверлильный станок, изобретённый начальником Петербургской артиллерийской лаборатории майором Матвеем Витвером. В доносении начальника арсенала в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) указывалось, что при испытании станка Витвера «...высверлено новолитых длинных четыре пушки лежащие таково ж хорошо как оные сверлятца подыманием на сверло кверху со многим трудом, а по ево показанному тому лежащему и сделанному станку таково великого труда не бывает» (орфография и стиль документа сохранены. – В. Б.)¹². Введение в действие такого сверлильного станка ещё больше увеличило производительность арсенала по изготовлению орудийных стволов.

В 1718 г. было принято решение о замене всех старых медных орудий крепостной артиллерии новыми чугунными орудиями¹³. Замене подлежали медные 24- и 16-фунтовые орудия на 18-фунтовые чугунные, 15- и 10-фунтовые на 12-фунтовые, 9- и 5-фунтовые на 6-фунтовые и, наконец, орудия калибром менее 5 фунтов на 3-фунтовые¹⁴. Таких орудий старых образцов в различных городах и крепостях насчитывалось порядка 1 056 штук¹⁵. Это давало возможность ликвидировать разнокалиберность артиллерийских систем, достигнуть облегчения орудий и удешевить их стоимость, так как чугунные орудия были дешев-

ле медных. Заметим, что этот вопрос был решён лишь только в конце XVIII и в начале XIX вв.

С.Г. Струмилин в своей работе указывает, что в казённом владении Олонецкие заводы скоро были заброшены, хотя на Устрецком заводе в 1719 г. ещё было выковано 4 396 пудов железа из привозного чугуна. Но ни одной исправной домны там уже не было [Струмилин: 166]. С.М. Левидова сообщает, что перевод В.И. Геннина на Урал стал признаком того, что правительство стало придавать меньшее значение деятельности Петровских заводов, так как война со Швецией закончилась, и непосредственная надобность в металлургических заводах, производящих в том числе и вооружение и расположенных недалеко от театра военных действий, миновала [Левидова: 18–19]. Более того, уральские руды были богаче железом по сравнению с олонечскими, а ресурсы олонечского края были истощены. Т.М. Юдина также отмечает, что из-за своей нерентабельности в середине 30-х гг. XVIII в. три предприятия из группы Олонецких заводов были закрыты, и только Кончозерский завод продолжил свою деятельность [Юдина: 43]. Уже в 1732 г., по свидетельству современника, плотины на заводах были повреждены и гнили, доменные печи обваливались [Левидова: 19]. Но правительство заботилось о сохранении кадров обученных рабочих. 6 сентября 1733 г. коммерц-коллегия определила, что хотя после обследования Олонецких заводов в Сенат поступило предложение о нецелесообразности дальнейшей эксплуатации этих заводов, однако было принято решение заводы не закрывать [Памятная книжка: 171]. В 1783 г. Петровские заводы вместе с другими подобного рода заводами перешли в ведение Горной экспедиции при Казённой палате. В 1786 г. для управления Петровскими заводами был учреждён специальный комитет, председателем которого являлся назначенный начальник заводов [Лоранский: 167–168].

Несовершенная технология металлургического производства и изготовления стволов артиллерийских орудий на заводах, производивших пушечное литье, приводила к появлению большого процента брака. Например, на Александровском пушечном заводе, построенном в Петрозаводске в 1774 г., с начала деятельности и по 1786 г. было изготовлено 76 526 пудов годных артиллерийских орудий. Процент брака от общего количества выпускаемой продукции завода составлял до 50–60 % [Бескровный: 355]. Из 1 142 пушек, изготовленных на Александровском заводе для Адмиралтейства, было принято только 417 артиллерийских орудий [Рубцов: 156]. В документах Олонецкого горного правления есть сведения о том, что в 1783 г. «...всех калибров пушек и каронад (артиллерийское орудие морской береговой артиллерии, стрелявшее ядрами и разрывными снаря-

дами по деревянным судам, которое было изобретено шотландцем Гаскойном. – В. Б.), идущих на флот, отлито было 252, из них действительно по пороховой пробе годных вышло 103, в том числе 36-фунтовых из сорока – четыре; в 1784 г. таковых пушек отлито было 173, из них годных вышло только 49, в том числе 36-фунтовых из 56 – две». Всего за 1784 г. было изготовлено 79 артиллерийских орудий различного калибра и 16 пушек 36-фунтового калибра. Годными из них оказались только 54 пушки [Левидова: 34].

Угрожающее положение с качеством изготавливаемых пушек заставило правительство Екатерины II прибегнуть к различным мерам, чтобы увеличить количество и улучшить качество изделий военной промышленности. Так, например, правительство употребило все средства – и законные и, главным образом, незаконные, чтобы доставить в Россию директора Кэрронской компании в Эдинбурге (Шотландия) К.К. Гаскойна, его техников и новые машины для Александровского завода (Александровский казённый пушечный завод в Петрозаводске, строительство которого было начато в 1773 г.). Напомним, выезд техников и вывоз машин из Англии в то время (80-е годы XIX столетия) был там запрещён. Однако дело было не только в запрете экспорта оборудования и технологий производства артиллерийского вооружения, но ещё и в том, что члены Кэрронской компании не хотели допустить отъезда Карла Гаскойна. В этом случае Россия могла стать опасным конкурентом Англии в деле производства артиллерийских орудий.

Адмирал С.К. Грейг (опытный и учёный морской офицер, поступивший на русскую службу в июне 1764 г.) писал графу С.Р. Воронцову 26 февраля 1786 г., что члены Карронской компании «...боятся не только того, что Россия не будет брать их пушек, но что она в короткое время станет их соперницей в чужих странах»¹⁶. Переговоры с Гаскойным велись в глубокой тайне. Дело было настолько щекотливо, что граф Воронцов не решался сообщать адмиралу С.К. Грейгу о его ходе по почте. Его опасения были не напрасными. С.М. Левидова отмечает, что, по сведениям адмирала Грейга, Карронская компания получила разрешение министерства задерживать письма русских вельмож на почте «...чтобы составить обвинение Гаскойну в нарушении закона» [Левидова: 35]. Карл Гаскойн прибыл в Петрозаводск в августе 1786 г. и уже в начале 1788 г. на переоборудованном заводе он отлил пушку и пустил в действие Кончозерский чугуноплавильный завод. Как только Гаскойн приехал в Петрозаводск, он энергично взялся за переоборудование завода. Для успешного производства артиллерийского вооружения Гаскойн использовал новый способ отливки стволов пушек, который якобы изобрёл швейцарский инже-

нер-артиллерист Жан Мариц, который в 1734 г. был принят на службу во Франции. Суть его открытия заключалась в том, что улучшения тактико-технических характеристик артиллерийских орудий можно было достичь за счёт того, чтобы стволы пушек не отливать с готовым каналом, а высверливать канал ствола (внутреннюю полость) из цельнолитой сплошной болванки артиллерийского орудия [Мак-Нил: 193–194]. Мак-Нил Уильям пишет, что вскоре новая технология изготовления стволов артиллерийских орудий стала распространяться и по другим европейскими странами. А к 1760-м годам эта технология нашла своё применение и в России(!). Якобы в 1753 г. Пруссия пригласила к себе на службу голландского мастера, который смог построить сверлильную машину или станок в арсенале Шпандау. А когда русская армия в ходе Семилетней войны (1756–1763) в 1760 г. взяла Берлин, то этому мастеру было предложено перейти на русскую службу и использовать свои знания и умения на оружейных заводах России. Вот таким способом эта технология и попала в Россию [Мак-Нил: 194]. **Конечно же, это довольно спорное утверждение, не соответствующее исторической действительности.** В одной из ранее опубликованных работ [Бенда: 217–223] мы освещали деятельность талантливого русского изобретателя и инженера А.К. Нартова по улучшению материальной части артиллерии. Ещё в 1738 г. Андреем Константиновичем Нартовым был предложен новый способ отливки «глухих» артиллерийских стволов, то есть в виде сплошных болванок без канала ствола. После отливки канал ствола необходимого калибра высверливался на станке, конструкцию которого разработал А.К. Нартов. На этом станке можно было одновременно высверливать и обтачивать сразу два ствола¹⁷. Такой способ отливки сплошных стволов с последующим высверливанием канала ствола инженером Морицем был предложен во Франции лишь в 1744 г., а изготовление стволов по его способу началось только в 1752 г. [История отечественной артиллерии: 175].

Подытоживая, отметим, что К. Гаскойн управлял Олонецкими заводами на особых условиях, заключённых с правительством Екатерины II. Ему была предоставлена обширная власть относительно устройства и переоборудования заводов, и он получал в качестве вознаграждения за свою работу некоторую часть от прибыли, которую имели заводы от производства своей продукции [Лоранский: 168]. В 1789 г. под руководством Гаскойна был построен Кронштадский литейный завод, в 1801 г. – Санкт-Петербургская литейная фабрика, которая после разрушительного наводнения 1824 г. была перенесена в другое место, и вновь построен Адмиралтейский Ижорский завод. В 1796 г. Олонецкие заводы сно-

ва перешли в подчинение берг-коллегии, а в 1798 г. было учреждено «Правление Олонецких и Кронштадтских заводов», директором которых состоял Карл Гаскойн [Лоранский: 169].

Следует заметить, что плодотворная деятельность Карла Гаскойна весьма положительно сказалась на работе Олонецких заводов, а использование способа Марица при производстве артиллерийского вооружения на тот момент было довольно серьёзным успехом в этом деле. В частности, из 458 артиллерийских орудий, которые были изготовлены в 1783 г. с готовым каналом, 189 пушек были забракованы из-за большого количества раковин в канале ствола, а в 1798 г. из 467 пушек, которые были изготовлены с использованием способа Марица, только одна пушка калибром 18 фунтов не выдержала пробных испытаний [Рубцов: 134]. Несомненно, К. Гаскойн очень много сделал для развития военной промышленности Российской империи и её металлургического производства. Его имя в этом деле может быть поставлено в один ряд с В.И. де Геннином.

В заключение отметим, что, создав необходимую материальную базу, Пётр I не переставал строить заводы, непосредственно производящие вооружение. Так, например, в 1710 г. был создан Сестрорецкий оружейный завод, а в 1712 г. – оружейный завод в Туле. Одновременно Пётр I обращал большое внимание на производство пороха. В 1710 г. появились пороховые заводы в Петербурге, а в 1715 г. был выстроен Охтинский пороховой завод. Охтинский пороховой завод был самым крупным заводом этого типа в России. В 1721 г. продукция завода достигла 2 000 пудов пороха в год, с 1734 г., после небольшой реконструкции, завод уже начал давать 5 000 пудов пороха ежегодно.

Строительством казённых и частных металлургических заводов была заложена прочная промышленная база для преобразования артиллерии, а улучшение способов обработки металла открыло новые возможности для усовершенствования артиллерийского вооружения.

В середине XVIII в. улучшается комплектование армии, совершенствуется вооружение, особенно артиллерийское, ограничивается доступ в армию иностранцев, улучшаются организационные формы армии и её артиллерии. В период царствования Екатерины II артиллерия как род войск русской армии была существенно усилена. Если в начале 60-х гг. XVIII в. артиллерия включала 1 бомбардирский полк, 2 фузилерных и 2 канонирских полка, каждый из которых состоял из 10 рот, то к 1793 г. были сформированы ещё три осадных бомбардирских батальона по пять рот в каждом. В 1794 г. были учреждены пять конно-артиллерийских рот, на вооружении которых было семь 6-фунтовых пушек и семь ¼-пудовых единоро-

гов [Бранденбург: 62–63]. Согласно новым утвержденным штатам 1763 г., необходимо было изготовить более 2 600 артиллерийских орудий различного калибра и назначения, из которых 156 мортир, пушек и единорогов крупных калибров предназначалось для осадной артиллерии; 1 609 орудий – для флота; 336 пушек, единорогов, мортир и гаубиц – для полевой артиллерии и 550 пушек – для полковой артиллерии [Бескровный: 351]. Отечественные казённые и крупные частные заводы военной промышленности успешно справлялись с поставленными перед ними задачами по изготовлению артиллерийского вооружения и боеприпасов во второй половине XVIII в. С начала 80-х гг. XVIII столетия правительство стало размещать заказы по производству артиллерийского вооружения только на казённых заводах. В Северо-Западном регионе производство артиллерийского вооружения происходило главным образом на Александровском заводе, филиалом которого являлся Кронштадтский завод, построенный в 1789 г. и предназначенный для производства боеприпасов. С 1786 г. было налажено в незначительном количестве производство артиллерийского вооружения на Сестрорецком оружейном заводе. Пушки, отливка которых шла на этом заводе довольно медленно, предназначались для Балтийского флота.

Примечания

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2 (Канцелярия Главной артиллерии и фортификации). Оп. 1 (Приказ артиллерии). Д. 180. Л. 278.

² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 392–392 об.

³ Там же.

⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 39–40.

⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 5. Л. 120–121, 123–124, 140, 420–421.

⁷ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп.: Генеральное повытье. Д. 1. Л. 3–5.

⁸ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп.: ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 4. Л. 494–495, 556, 832.

⁹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 2. Л. 195.

¹⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 3. Л. 96.

¹¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 186.

¹² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 117.

¹³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 22.

¹⁴ Там же. Л. 75–76.

¹⁵ Там же. Л. 115.

¹⁶ Архив князя Воронцова. М.: В университетской типографии (М. Катков), 1881. Кн. 19. С. 340.

¹⁷ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп.: Сборная. Д. 2976. Л. 18–19.

Список литературы

Бенда В.Н., Козлов Н.Д., Лосик А.В. Вклад Вилима Ивановича де Геннина (de Hennin) в развитие артиллерийского дела, науки, военно-специального образования и горного производства в России в первой половине XVIII в. // КЛИО: журнал для учёных. 2018. № 4. С. 196–206.

Бенда В.Н., Козлов Н.Д., Похилиук А.В. «Извещения» Андрея Константиновича Нартова и их влияние на укрепление боеспособности русской артиллерии // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 217–223.

Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке: (Очерки). М.: Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1958. 647 с.

Богданов А.И. Описание Санкт-Петербурга: Полное издание уникального российского историко-географического труда середины XVIII века / Северо-Западная Библийская комиссия. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 1997. 414 с.

Брандербург Н.Е. 500-летие русской артиллерии. 1389–1889 гг. СПб.: Тип. «Артиллерийского журнала», 1889. 118 с.

История отечественной артиллерии. М.: Центральная типография МО СССР, 1960. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма. 686 с.

Крепостная мануфактура в России. Труды Археологической комиссии. Л.: Изд. и тип. изд-ва Акад. наук, 1930. Т. 1: Тульские и Каширские железные заводы. 503 с.

Левидова С.М. История Онежского (бывш. Александровского) завода / Карел. науч.-исслед. ин-т культуры. Вып. 1: Завод в крепостную эпоху. Петрозаводск: Издание Карельского науч.-исслед. ин-та культуры, 1938. 136 с.

Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России, 1700–1900 гг. СПб.: Тип. инженера Г.А. Бернштейна, 1900. 206 с.

Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI–XX веках / пер. с англ. Т. Ованнисяна; предисл. Г. Дерлугьяна; науч. ред. и послесл. С.А. Нефедова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 456 с. (Сер.: Университетская библиотека Александра Погорельского).

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводоладельцы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 567 с.

Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1910. 291 с.

Прочко И.С. История развития артиллерии. С древнейших времён и до конца XIX века. СПб.: ПОЛИГОН, 1994. 496 с.

Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е. М.: Гос. науч.-тех. изд-во машиностроит. лит-ры, 1962. Ч. 1. 288 с.

Струмилин С.Г. История чёрной металлургии в СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 1. 535 с.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Приложения. СПб.: В тип. Второго отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1863. Т. 4, ч. 2. 702 с.

Юдина Т.М. Из истории горнозаводского производства в Олонецком крае // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 40–44.

Юркин И.Н. Генрих Бутенант и российская металлургия последней четверти XVII века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 33–43.

References

Benda V.N., Kozlov N.D., Losik A.V. *Vklad Vilima Ivanovicha De Hennina (de Hennin) v razvitie artilleriiskogo dela, nauki, voenno-spetsial'nogo obrazovaniya i gornogo proizvodstva v Rossii v pervoi polovine XVIII v.* [The contribution of Vilim Ivanovich De Hennin to the development of artillery, science, military-special education and mining production in Russia in the first half of the XVIII century]. *KLIO: Zhurnal dlya uchenykh* [KILIO: Journal for scientists], 2018, № 4, pp. 196–206. (In Russ.)

Benda V.N., Kozlov N.D., Pokhilyuk A.V. «*Inventsii*» *Andreya Konstantinovicha Nartova i ikh vliyaniye na ukrepleniye boesposobnosti russkoi artillerii* [“Inventions” of Andrey Konstantinovich Nartov and their influence on strengthening the combat capability of Russian artillery]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020, № 6, pp. 217–223. (In Russ.)

Berkh V. *Zhizneopisanie general-leitenanta Vilima Ivanovicha Gennina, osnovatelya Rossiiskikh gornykh zavodov* [The life of Lieutenant-General Vilim Ivanovich Gennin, the founder of Russian mining plants]. *Gornyy zhurnal* [Mining Magazine], 1826, vol. 1. (In Russ.)

Besкровnyi L.G. *Russkaya armiya i flot v XVIII veke: (Ocherki)* [Russian army and Navy in the XVIII century: (Essays)]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR Publ., 1958, 647 p. (In Russ.)

Bogdanov A.I. *Opisanie Sanktpeterburga: Polnoe izdaniye unikal'nogo rossiiskogo istoriko-geograficheskogo truda serediny XVIII veka, Severo-Zapadnaya Bibleiskaya komissiya* [Description of St. Petersburg:

A complete edition of the unique Russian historical and geographical work of the middle of the XVIII century, North-Western Bible Commission]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN Publ., 1997, 414 p. (In Russ.)

Branderburg N.E. *500-letie russkoi artillerii, 1389–1889 gg.* [500th anniversary of the Russian artillery, 1389-1889]. Saint Petersburg, Artilleriiskogo zhurnala Publ., 1889, 118 p. (In Russ.)

Istoriya otechestvennoi artillerii [History of Russian artillery]. Moscow, Tsentral'naya tipografiya MO SSSR Publ., 1960. *T. 1: Artilleriya russkoi armii epokhi feodalizma, kn. 2: Artilleriya russkoi armii v period ukrepleniya absolyutizma* [Vol. 1: Artillery of the Russian army of the feudal era, iss. 2: Artillery of the Russian army in the period of strengthening absolutism], 686 p. (In Russ.)

Krepostnaya manufaktura v Rossii: Trudy Arkheograficheskoi komissii [Serf Manufactory in Russia. Proceedings of the Archeographic Commission]. Leningrad, Akad. nauk Publ., 1930. *T. 1: Tul'skie i Kashirskie zheleznye zavody* [Vol. 1: Tula and Kashirsky Iron Works], 503 p. (In Russ.)

Levidova P.M. *Istoriya Onezhskogo (byvsh. Aleksandrovskogo) zavoda, Karel. Nauch.-issled.in-t kul'tury* [History of Onega (ex. Alexandrovsky) plant, Karel. Scientific research. in-t kul'tury]. Petrozavodsk, Izdanie Karel'skogo nauchno-issledovatel'skogo in-ta kul'tury, 1938, *vypp. 1: Zavod v krepostnyu epokhu* [Vol. 1: Factory in the Serf era], 136 p. (in Russ)

Loranskii A.M. *Kratkii istoricheskii ocherk administrativnykh uchrezhdenii Gornogo vedomstva v Rossii. 1700-1900 gg.* [A brief historical sketch of the administrative institutions of the Mining Department in Russia. 1700-1900]. Saint Petersburg, Publ. inzhenera G.A. Bernsheina, 1900, 206 p. (In Russ.)

Mak-Nil Uil'yam. *V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI–XX vekakh* [In pursuit of power. Technology, armed force and society in the XI-XX centuries], trans. from English by T. Hovhannisyan; preface by G. Derlugyan; scientific editorial and afterword by S.A. Nefedov. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2008, 456 p. (Ser.: Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo). (In Russ.)

Pavlenko N.I. *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII veka. Zavody i zavodovladel'tsy* [History of metallurgy in Russia of the XVIII century. Zavody i zavodovladel'tsy]. Moscow, Akademii nauk SSSR Publ., 1962, 567 p. (In Russ.)

Pamyatnaya knizhka Olonetskoi gubernii na 1910 g. [Memorial book of the Olonets province for 1910]. Petrozavodsk, Olonetskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1910, 291 p. (In Russ.)

Prochko I.P. *Istoriya razvitiya artillerii. S drevneishikh vremen i do kontsa XIX veka* [History of artillery development. From ancient times to the end of the XIX century]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 1994, 496 p. (In Russ.)

Rubtsov N.N. *Istoriya liteinogo proizvodstva v SSSR* [History of foundry production in the USSR], ed. 2-e. Moscow, Gos. nauch.-tekhn. izd-vo mashinostroit. lit-ry, 1962, ch. 1, 288 p. (In Russ.)

Strumilin P.G. *Istoriya chernoi metallurgii v SSSR* [History of ferrous metallurgy in the USSR]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954, vol. 1, 535 p. (In Russ.)

Ustryalov N.G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [History of the reign of Peter the Great]. Saint Petersburg, v tip. Vtorogo otdeleniya sobstvennoi E. I. V. kantselyarii Publ., 1863. *T. IV, ch. II: Prilozheniya* [Vol. IV, ch. II: Appendices], 702 p. (In Russ.)

Yudina T.M. *Iz istorii gornozavodskogo proizvodstva v Olonetskom krae* [From the history of mining production in the Olonets Region]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2008, № 1, pp. 40–44. (in Russ)

Yurkin I.N. *Genrikh Butenant i rossiiskaya metallurgiya poslednei chetverti XVII veka* [Genrikh Butenant i rossiyskaya metallurgiya poslednoi chetverti XVII veka]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2018, № 2 (171), pp. 33–43. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2021; одобрена после рецензирования 27.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 11.03.2021; approved after reviewing 27.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 45–48. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 45–48. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470.317)

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-45-48>

К 115-ЛЕТИЮ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПЕРВОГО СОЗЫВА ПО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, belovi_1957@mail.ru

Булюкин Дмитрий Александрович, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, bulykindima@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме выборов в I Государственную думу Российской империи на Костромской земле, а также отношению разных слоев, классов и сословий к выборам и деятельности депутатов. В качестве источников привлекаются документы фондов Государственного архива Костромской области (ГАКО), в частности материалы местных газет «Костромская речь» и «Поволжский вестник». Предпринимается попытка выявить, в какой мере институт российского парламентаризма имел укорененность в провинции, насколько избранные депутаты выражали интересы избирателей различных сословий. На обширном фактическом материале рассматриваются организация выборов, ход выборов в разных уездах, а также конфликты и нарушения при проведении выборов. Богатый материал дают также воспоминания, деловая переписка чиновников и другие документы. Авторы приходят к выводу о том, что костромские газеты той поры весьма подробно и содержательно освещали вышеуказанные вопросы, что в условиях нарождающейся многопартийности росли политико-правовая культура провинции, а также заинтересованность представителей разных сословий в разрешении важнейших проблем тогдашней российской действительности.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, парламентаризм, Костромская губерния, газеты, избиратели, депутаты.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-011-31820

Для цитирования: Белов А.М., Булюкин Д.А. К 115-летию выборов в Государственную думу первого созыва по Костромской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 45–48. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-45-48>

Research article

ON THE 115TH ANNIVERSARY OF THE ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE 1ST CONVOCATION IN KOSTROMA PROVINCE (BASED ON THE MATERIALS OF KOSTROMA NEWSPAPERS)

Andrey M. Belov, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, belovi_1957@mail.ru

Dmitry A. Bulyukin, Post-graduate student of the Department of History, Kostroma State University, Kostroma, Russia, bulykindima@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the little-studied problem of elections to the First State Duma of the Russian Empire in Kostroma Province, as well as the attitude of different strata, classes and estates to the elections and activities of deputies. As sources, the documents of the funds of the State Archive of Kostroma Region (GAKO), in particular, the materials of the local newspapers “Kostroma Speech” and “Herald of Povolzhye” are used. An attempt is made to reveal to what extent the institution of Russian parliamentarism was rooted in the Province, to what extent the elected deputies expressed the interests of voters of different classes. The extensive factual material covers the organisation of elections, the course of elections in different counties, as well as conflicts and violations during the conduct of elections. Rich material is also provided by memoirs, business correspondence of officials and other documents. The authors come to the conclusion that Kostroma newspapers of that time covered the above issues in great detail and meaningfully, that in the conditions of the emerging multiparty system, the political and legal culture of the Province grew, as well as the interest of representatives of different classes in solving the most important problems of the then Russian reality.

Keywords: Russian Empire, State Duma, parliamentarism, Kostroma Province, newspapers, voters, deputies.

Acknowledgments: The research was made with the financial support of the RFBR as a part of the project No. 21-011-31820

For citation: Belov A.M., Bulyukin D.A. On the 115th anniversary of the elections to the State Duma of the 1st convocation in Kostroma Province (based on the materials of Kostroma newspapers). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 45–48 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-45-48>

115 лет назад (27 апреля 1906 года) начала свою работу Государственная дума России. Возрастание общественного и научного интереса к проблематике истории российского парламентаризма определяет необходимость изучения данной темы. Многие незаслуженно забытые имена дореволюционных российских политических деятелей нуждаются в научном рассмотрении, популяризации, различные аспекты их деятельности малоизучены. Исследование на местном материале процесса выборов, организации и хода избирательной кампании может позволить путем изучения опыта прошлого выработать рекомендации по работе с избирателями для современных депутатов. Примечательно, что созданная в ходе событий Первой русской революции 1905–1907 гг. Государственная дума «сразу оказалась в эпицентре острейшей и непримиримой борьбы, которая велась не только между властью и обществом, но и внутри самого общества, раздираемого острейшими противоречиями» [Государственная Дума: 6].

Будучи новым органом в системе государственной власти дореволюционной России, Дума прошла трудный и тернистый путь генезиса, определения своего места в структуре государственных органов и собственных полномочий. Ключевое значение в утверждении законодательного статуса Государственной думы имел Манифест 17 октября 1905 г.

Императором Николаем II было утверждено «привлекать достойнейших, доверием народа обремененных, избранных от населения людей к участию в разработке законодательных предначертаний», а также, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы», а «выборным от народа облечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных властей» [Калинычев: 90–91].

Голосование не носило всеобщий характер. Сохранившиеся в фондах Государственного архива Костромской области списки избирателей содержат примечания, согласно которым лишались права голоса военные, женщины, полицейские и чины губернской администрации, осужденные, иностранцы, учащиеся¹. Выборы также не являлись прямыми, поскольку голосование проходило по системе курий (разрядов): объединенные по имущественному или социальному признаку выборщики избирали по своей курии. Всего было создано шесть курий: земледельческая, рабочая, городская, крестьянская, казачья и инородческая. Среди архивных документов по изучаемой теме также представлен список лиц, имеющих право участия в съездах избирателей от Костромской губернии. Списки составлены в виде таблицы с указанием фамилии, имени, отчества избирателя, а также основания для его права участия в выборах (по имущественному цензу: стоимость недвижимого имуще-

ства; по содержанию торгово-промышленных предприятий; по платежу государственного квартирного налога не ниже 10-го разряда, по платежу основного промыслового налога)². 11 декабря 1905 года вышел Именной высочайший указ, данный Сенату, «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений». Согласно закону, выборы в Государственную думу проходили путем избрания выборщиков по четырем основным куриям: крестьянской, городской, рабочей и землевладельческой. 49 % всех выборщиков принадлежали крестьянству. Выборы в Думу не были равными, поскольку один голос помещика приравнивался трем голосам буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Выборы были многоступенчатыми: для городской и землевладельческой курии 2-ступенчатыми (избиратель – выборщик – депутат), для рабочей курии – 3-ступенчатыми (избиратель – выборщик – депутат), для крестьянской курии (избиратель – выборщик – депутат – депутат).

Информация о выборах в I Государственную Думу, которые проходили в марте 1906 г., подробно представлена в местных газетах («Костромская речь», «Поволжский вестник»). Именно на начало XX в. приходится расцвет издательского дела, периодической печати в Костромской губернии и в целом по России. Всего с 1906 по 1914 гг. в Костромской губернии разновременно издавались 22 печатных периодических изданий. В Костроме в этот период выходили сразу четыре газеты. С 1898 г. издавалась литературная, политическая, общественная и ежедневная газета «Костромской листок». В 1900 г. появился «Костромской листок объявлений и реклам». В 1905 г. начала издаваться социал-демократическая «Костромская газета». В 1906–1907 гг. появились еще пять периодических изданий: прогрессивная и беспартийная газета «Костромская жизнь», либеральный «Поволжский вестник», газета «Рабочий», печатный орган Костромского окружного комитета РСДРП «Северный рабочий» и политический орган представителей кадетской партии газета «Костромич» [Бердова: 21], а также «Костромская речь».

Каждая газета имела свою четко установленную структуру, рубрики. Весьма содержательна информация телеграмм, представленных в газете «Костромская речь» за март – апрель 1906 г. В них можно найти конкретные данные по числу избирателей, количеству явившихся на выборы и их сословной принадлежности, данные о результатах выборов и происшествиях не только по уездам Костромской губернии, но и во всероссийском масштабе. Так, «в Кологриве на съезде землевладельцев избрано 3 крестьянина, беспартийный купец и председатель управы Перфильев»³, «в Макарьеве на городском съезде избран

кадет Сафонов», «в Солигаличе на съезде городских избирателей явилось 283 из 593; избран местный врач, кандидат партии союза 17 октября»⁴.

Газета «Костромская речь» была кадетской направленности, в ней нередко содержалась критика царского правительства, смелая, точная и правильная оценка происшедших событий на фоне Первой русской революции. В плане выборов в Государственную думу газета подробно описывала текущие события, в частности предвыборное собрание костромских приказчиков, состоявшееся 5 марта по инициативе кадетов. На этом собрании фактически произошел раскол среди кадетов: одни поддерживали оратора от кадетов г. Кузнецова, другие – представителей социал-демократов. Социал-демократы использовали неуверенность и путаность речи своего оппонента и подчеркивали близость приказчиков к рабочему классу, настаивая на поддержке пролетарской партии. Согласно данным газеты, численность рабочих города Костромы на тот момент составляла порядка 15 тысяч человек⁵.

Поскольку избиратели ожидали выражения своих интересов в Государственной думе депутатами, то особое их внимание было приковано к предвыборной программе партий. Социалисты-революционеры (эсеры) и социал-демократы объявили бойкот выборам. На собрании 16 марта 1906 г. выступление г. Рушина, представителя октябристов, публикой было встречено прохладно и даже с раздражением. В выступлении оратора кадетов З.Г. Френкеля отмечались лишь возможность введения 8-часового рабочего дня, невозможности конфискации частновладельческих земель, а также отсутствие в программе кадетов выражения интересов рабочих и деревенской бедноты, отсутствие требования Учредительного собрания⁶.

По мнению исследователей, «либеральная альтернатива общественного развития России, предлагавшаяся кадетами, была отвергнута властью предрешающими и не была понята массами» [Протоколы Центрального Комитета: 5]. Вместе с тем в условиях выборов в I Государственную думу кадеты стремились донести свою программу и идеологию до широких слоев населения. Одной из ключевых проблем для кадетов в изучаемый период являлась борьба за крестьянских избирателей. Идеологи кадетской партии создали собственную предвыборную технологию, в основе которой лежала устная и печатная пропаганда среди крестьян. Апробирована технология была в ходе выборов в I Государственную думу. В процессе избирательной кампании центром ее стали собрания выборщиков, на которых большое внимание уделялось крестьянству. В деревне выступления агитаторов-кадетов воспринимались по-разному, хотя решение вопроса о земле интересовало всех. По воспоминаниям З.Г. Френкеля, «в с. Саметь чер-

носотенные группы угрожающе собирались у избы, где приходилось выступать, бросали в стены камни; в то же время были деревни, считавшие партией Народной свободы «нашей партией» [Френкель: 196]. На крестьянских съездах губернии в основном стали выборщиками прогрессисты, ратовавшие за предоставление земли без выкупа.

Выборы по землевладельческой курии стали победой правых (торгово-промышленники, октябристы) в Галичском, Костромском, Солигаличском и Кинешемском уездах, победой прогрессистов – в Юрьевском, Буйском, а кадетов – в Ветлужском уезде. По городской курии октябристы и торгово-промышленники победили в Нерехте, Кологриве и Кинешме, в остальных 7 городах губернии взяли верх кадеты и прогрессисты.

В Костроме выборы состоялись 9 марта 1906 года по городской курии. Явка составила 40 %: пришли 2 080 человек из 5 790 имеющих право участия в выборах. В итоге 4 кадета прошли в губернское избирательное собрание: Н.А. Огородников набрал 1 234 голоса, Н.В. Голованов – 1 130, А.В. Перелешин – 1 046, З.Г. Френкель – 1 017. Избранный от октябристов Г.Н. Ботников получил 940 голосов.

Фонд канцелярии костромского губернатора ГАКО содержит информацию о нарушениях при проведении выборов. Так, на имя костромского губернатора от крестьянина Нерехтского уезда Ивана Михайлова поступило заявление, в котором излагаются факты нарушений. Волостной старшина Овчинников, желая быть избранным в уполномоченные от волостных сходов для выборов в Государственную думу, при явке меньше 2/3 недостающее число голосов пополнил подписями за неграмотных в свою пользу и объявил себя единогласно избранным. Далее крестьянин просил не утверждать кандидатуру нарушителя и разобраться в случившемся⁷.

В ходе заключительного этапа выборов в Губернском избирательном собрании голоса избирателей были распределены так: А.И. Смирнов получил записками 77; затем кадеты: П.А. Сафонов – 63, Н.А. Огородников – 62, И.В. Замыслов – 59, З.Г. Френкель – 51. В то же время депутатом от крестьян стал П.Д. Горохов. Таким образом, из 6 депутатов Государственной думы кадетами являлись четверо: И.В. Замыслов, Н.А. Огородников, П.А. Сафонов, З.Г. Френкель; П.Д. Горохов – беспартийный, А.И. Смирнов – трудовик, позднее социал-демократ [Сулоев: 177].

Таким образом, в ходе выборов в I Государственную думу по Костромской губернии из 6 избранных депутатов четверо были представителями кадетской партии. Избранные по Костромской губернии депутаты активно участвовали в работе I Государственной думы. Именно кадеты приняли основное участие в предвыборной кампании и стали в политическом

мировосприятия костромичей наиболее левой партией. Среди населения Костромской губернии в связи с активной предвыборной агитацией появились надежды на перемены в жизни. В ходе предвыборной агитации, выступлений и споров ораторов различных партий выявлялись сильные и слабые стороны программ партий, определялись предпочтения избирателей, повышалась политико-правовая культура российской провинции, осведомленность и активность в стремлении решить важнейшие социально-экономические и политические проблемы общества и государства. В России это были первые демократические выборы на альтернативной основе. Сам факт проведения выборов и формирование в 1906 г. Государственной думы явились одним из важнейших этапов развития избирательного права в России. В связи с появлением форм парламентской демократии стала развиваться система общероссийского представительства.

Примечания

- ¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 85.
- ² Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 76.
- ³ Костромская речь. 1906. 8 марта.
- ⁴ Костромская речь. 1906. 11 марта.
- ⁵ Костромская речь. 1906. 14 марта.
- ⁶ Костромская речь. 1906. 16 марта.
- ⁷ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 1. Д. 24. Л. 127.

Список литературы

- Бердова О. Газетный мир старой Костромы // Костромская старина. 2001. № 15. С. 17–24.
- Государственная Дума Российской империи / под ред. В.В. Шелохаева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 768 с.
- Калинычев Ф.И. Государственная Дума России в документах и материалах. М.: Госюриздат, 1957. 646 с.
- Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии, 1905–1911 / под ред. Д. Павлова. М.: Прогресс-академия, 1994. Т. 1. 528 с.
- Сулоев И.Н. Агитация кадетов среди крестьян

в Костромской губернии в период выборов в первую Государственную Думу // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX–XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. С. 176–182.

Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. Санкт-Петербург, 2009. 696 с.

References

- Berdova O. *Gazetny mir staroy Kostroma* [The newspaper world of old Kostroma], 2001, № 15, pp. 17–24.
- Gosudarstvennaia Duma Rossiiskoi imperii* [The State Duma of the Russian Empire], ed. by V.V. Shelokhaev. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2006, 768 p.
- Kalinichev F.I. *Gosudarstvennaia Duma Rossii v dokumentakh i materialakh*. [The State Duma of Russia in documents and materials]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957, 646 p.
- Protokoly Tsentral'nogo Komiteta konstitutsionno-demokraticheskoi partii, 1905-1911* [Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party, 1905-1911], ed. by D. Pavlov. Moscow, Progress-Academy Publ., 1994, vol. 1, 528 p.
- Suloev I.N. *Agitatsiia kadetov sredi krest'ian v Kostromskoi gubernii v period vyborov v pervuiu Gosudarstvennuiu Dumu* [Agitation of the Cadets among the peasants in the Kostroma province during the elections to the first State Duma]. *Rabochie – predprinimateli – vlast' v kontse XIX-XX v.: sotsial'nye aspekty problemy. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Workers-entrepreneurs-power at the end of the XIX-XX century: social aspects of the problem. Proceedings of the V International Scientific Conference]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov, 2010, pp. 176–182.
- Frenkel Z.G. *Zapiski i vospominaniia o proidennom zhiznennom puti* [Notes and memoirs about the passed life path]. St. Petersburg, 2009, 696 p.
- Статья поступила в редакцию 06.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.*
- The article was submitted 06.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.*

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 49–53. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 49–53. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 368

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-49-53>

ЗЕМСКОЕ СТРАХОВАНИЕ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

Петровичева Елена Михайловна, доктор исторических наук, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия, helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Большакова Диана Анатольевна, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия, dianka.bolshakova.1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0280-9669>

Аннотация. В данной статье рассматривается один из ключевых видов земского страхования – страхование строений и движимости от огня на территории Владимирской и Рязанской губерний. Авторы прослеживают становление и развитие земского страхования в губерниях, описывают его основные направления и страховые нормы. Раскрывается роль земств в деле обеспечения пожарной безопасности поселений. В статье делается вывод о том, что начиная с 1867 года на территории Рязанской и Владимирской губерний интерес сельского населения к страховой защите неизменно повышался, и в начале XX века земское огневое страхование достигло своего расцвета, а деятельность земств в этой сфере во Владимирской и Рязанской губерниях стала фактором не только экономического, но и социокультурного подъема, содействуя просвещению, благоустройству и улучшению условий жизни сельского населения.

Ключевые слова: земство, добровольное и обязательное страхование от огня, страховые нормы, пожарные дружины, условия жизни населения.

Для цитирования: Петровичева Е.М., Большакова Д.А. Земское страхование во Владимирской и Рязанской губерниях // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 49–53. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-49-53>

Research Article

ZEMSTVO INSURANCE IN VLADIMIR AND RYAZAN PROVINCES

Elena M. Petrovicheva, Doctor of Historical Sciences, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Diana A. Bolshakova, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, dianka.bolshakova.1993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0280-9669>

Abstract: This article discusses one of the key types of land insurance – fire insurance of buildings and movable property in the territory of Vladimir and Ryazan provinces. The authors trace the formation of Zemstvo insurance in the provinces, describe the main directions of Zemstvo fire insurance, insurance standards. The role of Zemstvos in ensuring fire safety of settlements is revealed. The article concludes that since 1867, in the territory of Ryazan and Vladimir provinces, the rural population's interest in insurance protection increased sufficiently, and in the early 20th century, Zemstvo fire insurance reached its peak, and the activities of Zemstvos in the field of insurance in Vladimir and Ryazan provinces became a factor of not only economic, but also cultural growth, contributing to the prevention of fires, improvement and bettering of living conditions of the population.

Keywords: Zemstvo, voluntary and compulsory fire insurance, insurance rates, fire brigades, population living conditions.

For citation: Petrovicheva E.M., Bolshakova D.A. Zemstvo insurance in Vladimir and Ryazan provinces. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 49–53 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-49-53>

Одной из наиболее значимых сфер деятельности органов земского самоуправления, ведавших «хозяйственными пользами и нуждами каждой губернии и каждого уезда», стало создание системы взаимного страхования, которое со временем превратилось в крупную отрасль земского хозяйства. В отечественной историографии страховая деятельность земств рассматривалась в работах Б.Б. Веселовского [Веселовский], А.С. Ермолова [Ермолов], А.Д. Повалишина [Повалишин]; однако система взаимного земского страхования во Владимирской и Рязанской губерниях до сих пор не была предметом специального изучения. Исследование, посвященное этой стороне земской деятельности, является актуальным в свете большого интереса современной историографии к условиям жизни и быта населения в разные исторические периоды.

В настоящей статье мы ставим следующие задачи: опираясь на материалы региональных архивов и редкие публикации второй половины XIX – начала XX веков, проанализировать один из ключевых видов земского страхования – страхование строений и движимого имущества от огня, раскрыть роль владимирского и рязанского земств в деле обеспечения пожарной безопасности и рассмотреть результаты их деятельности.

Положение о взаимном земском страховании, принятое 7 апреля 1864 года, уделяло особое внимание страхованию строений от огня. Его главная цель состояла в возмещении ущерба владельцам застрахованных построек, истребленных или поврежденных огнем. Обязанности органов местного самоуправления заключались в заведывании страховым капиталом; определении условий, принятии «на страх» движимого и недвижимого имущества, обладающего особой пожароопасностью; назначении различных страховых ставок в зависимости от типа строений; составлении местных правил и рекомендаций в соответствии со страховым Положением 1864 г.; контроле за деятельностью управ [Веселовский: 480].

Следуя Положению о взаимном земском страховании, утверждение наиболее низких страховых норм в губерниях определялось разделением строений на разряды по свойству материалов, из которых они сооружались, или по их общехозяйственным функциям. Во Владимирской и Рязанской губерниях при утверждении наиболее низких страховых норм прежде всего обращали внимание на общехозяйственные функции постройки¹.

Земское страхование подразделялось на обязательное (окладное и дополнительное) и добровольное. К обязательному страхованию относили как частные, так и общественные сельские постройки, находящиеся в пределах крестьянского двора; остальные постройки, как в городах, так и в уездах, поступали в земское

страхование лишь по желанию владельцев или распорядителей и с согласия страхового управления².

Земский деятель А.Д. Повалишин в своем труде «Рязанское земство в его прошлом и настоящем» сравнивал обязательное страхование с повинностью, уклониться от которой не представлялось возможным ни сельскому населению, ни органам местного самоуправления [Повалишин: 186].

Лицам, чьи строения подлежали обязательному страхованию, разрешалось страховать свое имущество и выше нормы – дополнительно. Для губерний, на которые не распространялось обязательное (окладное и дополнительное) страхование, альтернативой служило добровольное земское страхование строений.

Начало земскому страхованию во Владимирской и Рязанской губерниях было положено в 1867 году. На первых порах во Владимирской губернии при утверждении тарифов рассматривали общехозяйственные функции сельских построек. Так, самым важным считался крестьянский двор, изба с двором оценивалась в 30 рублей. Остальные хозяйственные постройки, к примеру сарай и амбар, оценивали всего лишь в 5 рублей [Веселовский: 486]. В Рязанской губернии земское страхование шло тем же путем: изба без двора оценивалась в 20 рублей, с двором – в 50 рублей. Промышленные заведения и хозяйственные постройки (молотильный сарай и баня) оценивались в 10 рублей, амбар – в 5 рублей [Веселовский: 472].

В связи с частыми пожарами страхование построек и движимости от огня всегда стояло для земств на первом месте. Министр земледелия А.С. Ермолов в работе «Современная пожарная эпидемия в России» отмечал, что огонь является самым лютым врагом деревни, и до тех пор, пока деревня совершенно не переродится, он не перестанет ее терзать. Ведь огонь, по его мнению, – сложившийся результат нищеты и невежества русского народа [Ермолов: 18].

Борьбу с огнем земские органы вели на всем протяжении своего существования. По данным, представленным А.С. Ермоловым, к концу XIX века органы местного самоуправления из года в год расходовали на противопожарные меры примерно 3 млн 600 тыс. рублей. На европейской территории России Владимирское земство являлось лидером по улучшению водоснабжения, оно занималось также покупками пожарного инвентаря, поддержкой добровольных дружин и планированием застройки [Ермолов: 65].

С самого начала этой работы земства во многих губерниях пришли к выводу, что главная причина опустошительности сельских пожаров кроется в чрезмерной скученности построек, и поэтому усиленно занялись распланированием селений. Обязательные постановления о порядке возведения построек в селениях 1879 года содержали указание на то, что усадебное место и двор должны занимать территорию

не меньше 400 кв. саженей, а улицы должны иметь ширину 20 саженей, а никак не 10 саженей, как это часто встречалось. Постройки на улицах не дозволялись³.

По отчету Рязанской губернской управы к 1888 году ими была проведена работа по распланированию 3 171 селения из существующих 3 583, что составило 4/5 всех селений. В некоторых уездах (Скопинский, Спасский, Михайловский) планировка селений была практически завершена, тогда как в Рязанском и Пронском уездах планы оказались неприменимыми на деле, поэтому пересоставлялись вновь. Наконец, в самом неудовлетворительном виде дело находилось в Ряжском уезде [Повалишин: 183].

Во Владимирской губернии распланирование селений также шло полным ходом, к 1897 году из действующих 6 194 селений нераспланированными оставались около 100 селений, что составляло 1,5 % от их общего количества; но и в таких селениях планы уже были проработаны и одобрены губернской управой⁴.

Такая работа Владимирского и Рязанского земств, несомненно, свидетельствовала о важной позиции, которую занимали органы местного самоуправления в деле предотвращения пожароопасности на селе. Поэтому следующей серьезной мерой, предпринятой земствами в губерниях, стало создание сельских пожарных дружин, добровольных и городских пожарных обществ.

Благодаря строгости и слаженности в работе органов местного самоуправления, с каждым годом количество пожарных дружин в губерниях возрастало. Первым во Владимирской губернии заявил об открытии добровольного пожарного общества Юрьевский уезд. Затем целый ряд пожарных обществ был открыт в Переяславском, Владимирском и Меленковском уездах. Всего к началу Первой мировой войны во Владимирской губернии уже насчитывалось более 100 сельских пожарных дружин, из которых наибольшее количество находилось в Судогодском уезде, а наименьшее – в Ковровском [Доклад Владимирской губернской земской управы XLVIII очередному губернскому земскому собранию: 19].

В Рязанской губернии пожарные дружины были основаны в 1897 году на территории Ряжского и Рязанского уездов, а в 1898 году – в Раненбургском и Касимовском. В целом же накануне Первой мировой войны в распоряжении Рязанской губернии находились 93 добровольные пожарные дружины: 85 сельских пожарных дружин и 8 городских вольно-пожарных обществ. Наибольшим количеством пожарных дружин располагали Зарайский, Михайловский, Ряжский и Рязанский уезды, а менее всего – Данковский, Пронский и Скопинский [Отчеты дружин за 1913 год: 2].

Данные пожарные дружины и общества сыграли огромную роль. С каждым годом расширяя сфе-

ру своей деятельности, они стали незаменимой помощью и поддержкой для местного населения в деле предотвращения пожароопасности.

Наибольшее количество страхований движимого и недвижимого имущества от огня во Владимирской и Рязанской губерниях прослеживается в первое десятилетие XX века.

В 1907 году земский деятель и страховой инспектор Александр Николаевич Черневич, проводя ревизию волостных правлений Владимирской губернии, отмечал небывалый подъем в области взаимного страхования, ключевую роль в котором сыграли органы местного самоуправления [Доклад Владимирской губернской земской управы 1907 года: 1].

Более широкая деятельность органов местного самоуправления в области страхования приводит к увеличению страховых платежей. В начале XX века во Владимирской губернии изба с двором оценивалась в 50 рублей, хозяйственные постройки – в 15 рублей [Веселовский: 486]. В Рязанской губернии изба с двором оценивалась в 80 рублей; оценка промышленных заведений варьировалась от 5 до 20 рублей [Веселовский: 472]. Такая разница в оценке сельских строений в губерниях была связана с усиленной горимостью земельного района, к которому относилась Рязанская губерния.

По обязательному страхованию в 1913 году во Владимирской губернии было застраховано 274 тыс. 795 дворов с 751 тыс. 435 строениями. Необходимо отметить, что, сравнив данные за 1913 и 1912 годы, мы наблюдаем увеличение показателей по всем страховым пунктам. Так, количество дворов увеличилось на 664, число строений – на 9 тыс. 182 рубля, оценочная сумма строений – на 436 тыс. 53 рубля, страховой капитал вырос на 5 млн. 914 тыс. 888 рублей [Доклад Владимирской губернской земской управы XLIX губернскому земскому собранию: 3].

Увеличение страхового обеспечения коснулось всех уездов Владимирской губернии, но наиболее заметно оно произошло по Суздальскому уезду (992 476 рублей), затем по Меленковскому (891 085 рублей), Владимирскому (595 515 рублей) и т. д. Среднее обеспечение двора по губернии за 1913 год поднялось до 360 рублей вместо 339 рублей в 1912 году. Главным образом это наблюдалось в Суздальском, Меленковском, Юрьевском, Переяславском и Ковровском уездах. Среднее же обеспечение двора колебалось от 259 рублей по Гороховецкому уезду до 443 рублей по Покровскому уезду [Доклад Владимирской губернской земской управы XLIX губернскому земскому собранию: 5].

По обязательному страхованию в 1914 году в Рязанской губернии было застраховано 315 тыс. 163 двора с общей страховой окладной суммой 13 761 255 рублей. По сравнению с 1913 годом число дворов в 1914 году

увеличилось на 2 372, общий риск по окладу и сверх оклада – на 2 771 127 рублей [Доклад № 76: 18–19].

Подводя итоги, отметим, что в последней трети XIX – начале XX века в результате коренных изменений в области землевладения, вызванных отменой крепостного права и проходившей в период Столыпинской аграрной реформы модернизацией, повышался интерес сельского населения к страховой защите. Важную роль в ее организации сыграли органы земского самоуправления. Деятельность земств в сфере страхования во Владимирской и Рязанской губерниях стала фактором не только экономического, но и общественно-культурного подъема, содействуя предупреждению пожаров, просвещению, благоустройству и улучшению условий жизни сельского населения.

Примечания

¹ Полное Собрание законов Российской империи. Т. 39. 1864: в 3 отд. 1864–1867. Отд. 1: от № 40457–41318. 1867. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/393-otd-nie-1-ot-40457-41318-1867#page0> (дата обращения: 03.11.19). С. 336.

² Там же. С. 334.

³ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 29. Оп. 266. Д. 1. Л. 99–101.

⁴ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 379. Оп. 1. Д. 575. Л. 38–40.

Список литературы

- Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет: в 4 т. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 2. 696 с.
- Доклад № 76 Рязанской Губернской земской управы Рязанскому Губернскому земскому собранию 50-го созыва о положении земского страхования за 1914 год с приложением смет прихода и расхода на 1915 год. Рязань: Тип. Н.В. Любомудрова, 1914. 115 с.
- Доклад Владимирской губернской земской управы XLVIII очередному губернскому земскому собранию. Отчет о пожарных мероприятиях за 1913 год. Владимир-на-Клязьме: Тип. губернской земской управы, 1915. 22 с.
- Доклад Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1907 года, с предоставлением отчета страхового инспектора и его деятельности. Владимир-на-Клязьме: Тип. губернской земской управы, 1908. 29 с.
- Доклад Владимирской губернской земской управы XLIX губернскому земскому собранию сессии 1914 года по страховому отделению. О ходе взаимного земского страхования строений и движимости в 1913. Владимир-на-Клязьме: Тип. губернской земской управы, 1915. 111 с.
- Ермолов А.С.* Современная пожарная эпидемия в России. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1910. 211 с.

Отчеты дружин за 1913 год с краткими сведениями о пожарности селений в районах выездов дружин за пятилетие до открытия дружин и за пятилетие по открытию действий дружин. Рязань: Тип. Н.В. Любомудрова, 1914. 130 с.

Повалишин А.Д. Рязанское земство в его прошлом и настоящем: обозрение двадцатипятилетней деятельности земства Рязанской губернии. Рязань: Тип. наследников З.П. Позняковой, 1889. 209 с.

Сборник постановлений Владимирского губернского земского собрания. 1866–1895 гг. Владимир-на-Клязьме: Тип. губернской земской управы, 1908. Т. IX: Об организации страхового дела, противопожарных мер, страхования скота, посевов и других видов страхования. 254 с.

References

- Veselovskij B.B.* *Istoriya zemstva za sorok let: v 4 t.* [The history of the zemstvo for forty years: in 4 vols.]. St. Petersburg, Publ. O.N. Popovoj, 1909, vol. 2, 696 p. (In Russ.)
- Doklad № 76 Ryazanskoj Gubernskoj zemskoj upravyy Ryazanskomu Gubernskomu zemskomu sobraniyu 50-go sozyva o polozhenii zemskogo strahovaniya za 1914 god s prilozheniem smet prihoda i raskhoda na 1915 god* [Report No. 76 of the Ryazan Provincial Zemstvo Council to the Ryazan Provincial Zemstvo Assembly of the 50th convocation on the state of the Zemstvo insurance for 1914 with the attached income and expense estimates for 1915]. Ryazan, Publ. N.V. Lyubomudrova, 1914, 115 p. (In Russ.)
- Doklad Vladimirskoj gubernskoj zemskoj upravyy XLVIII ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu. Otchet o pozharnyh meropriyatiyah za 1913 god* [Report of the Vladimir provincial zemstvo council XLVIII to the next provincial zemstvo assembly. Firefighting Report 1913]. Vladimir, Publ. gubernskoj zemskoj upravyy, 1915, 22 p. (In Russ.)
- Doklad Vladimirskoj gubernskoj zemskoj upravyy ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu 1907 goda, s predstavleniem otcheta strahovogo inspektora i ego deyatel'nosti* [Report of the Vladimir provincial zemstvo council to the next provincial zemstvo assembly in 1907, with the provision of a report of the insurance inspector and his activities]. Vladimir, Publ. gubernskoj zemskoj upravyy, 1908, 29 p. (In Russ.)
- Doklad Vladimirskoj gubernskoj zemskoj upravyy XLIX gubernskomu zemskomu sobraniyu sessii 1914 goda po strahovomu otdeleniyu. O hode vzaimnogo zemskogo strahovaniya stroenij i dvizhimosti v 1913* [Report of the Vladimir provincial zemstvo council to the XLIX provincial zemstvo meeting of the 1914 session on the insurance department. On the course of mutual zemstvo insurance of buildings and movable property in 1913]. Vladimir, Publ. gubernskoj zemskoj upravyy, 1915, 111 p. (In Russ.)

Ermolov A.S. *Sovremennaya pozharnaya epidemiya v Rossii* [Modern fire epidemic in Russia]. St. Petersburg, Publ. I. Flejtmana, 1910, 211 p. (In Russ.)

Otchety družin za 1913 god s kratkimi svedeniyami o pozharnosti selenij v rajonah vyezdov družin za pyatiletie do otkrytii družin i za pyatiletie po otkrytii dejstvij družin [Reports of the squads for 1913 with brief information on the fire rate of villages in the areas where the squads leave for the five years before the opening of the squads and for the five years after the opening of the actions of the squads]. Ryazan, Publ. N.V. Lyubomudrova, 1914, 130 p. (In Russ.)

Povalishin A.D. *Ryazanskoe zemstvo v ego proshlom i nastoyashchem: obozrenie dvadcatipyatiletnej deyatel'nosti zemstva Ryazanskoj gubernii* [Ryazan zemstvo in its past and present: an overview of the twenty-five-year activity of the zemstvo of the Ryazan prov-

ince]. Ryazan, Publ. naslednikov Z.P. Poznyakovoj, 1889, 209 p. (In Russ.)

Sbornik postanovlenij Vladimirskogo gubernskogo zemskogo sobraniya. 1866-1895 gg. [Collection of decrees of the Vladimir provincial zemstvo assembly. 1866-1895]. Vladimir, Publ. gubernskoj zemskoj upravly, 1908. T. IX: *Ob organizacii strahovogo dela, protivopozharnyh mer, strahovaniya skota, posevov i drugie vidov strahovaniya* [Vol. IX: On the organization of insurance business, fire prevention measures, insurance of livestock, crops and other types of insurance], 254 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.02.2021; одобрена после рецензирования 06.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 22.02.2021; approved after reviewing 06.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

НАГРАДНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ЧЛЕНОВ УЧЕТНО-ССУДНЫХ КОМИТЕТОВ ПРИ ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Ковров Тимур Артушевич, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию наградного стимулирования членов учетно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Владимирской губернии. Следствиями реформ императора Александра II стало развитие российской экономики и формирование торгово-промышленной буржуазии. Внутри нее возникали устойчивые и крупные промышленные династии. За многими представителями этих династий в пореформенной России утвердилась репутация честных коммерсантов, дороживших своим положением в обществе и стремившихся к приумножению заслуг перед ним. Именно на эту категорию предпринимателей и обратил внимание Государственный банк Российской империи в ходе организации учетно-ссудных комитетов для развития кредитования промышленности и торговли в пореформенный период. Это решение Госбанка послужило основанием для формирования будущего института государственно-частного партнерства в национальной экономике страны. Данная тема уже получила развитие в исследовательской деятельности авторов статьи. В настоящей публикации она рассматривается через систему государственных наград как форму признания заслуг предпринимателей Владимирской губернии в успешном сотрудничестве с отделениями Государственного банка во Владимире и Иваново-Вознесенске. За полезную деятельность Госбанк представлял членов комитетов к награждению разными наградами: гражданскими медалями для ношения на шее или груди, орденами на лентах, коронационными медалями и пожалованием почетного звания. Практика представления членов комитетов к награждению медалями и орденами подтверждается примерами из документов Государственных архивов Владимирской и Ивановской областей. Делается вывод о работе учетно-ссудных комитетов при отделениях Госбанка на основе института государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: Государственный банк, член учетно-ссудного комитета, награда, институт государственно-частного партнерства.

Для цитирования: Ковров Т.А., Околотин В.С. Наградное стимулирование членов учетно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Владимирской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 54–59. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-54-59>

Research Article

THE AWARD PROMOTION FOR THE MEMBERS OF THE ACCOUNTING AND LOAN COMMITTEES AT THE BRANCHES OF THE STATE BANK OF VLADIMIR PROVINCE

Timur A. Kovrov, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, covrov.t@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Annotation. This article is devoted to the award promotion for the members of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of Vladimir Province. The consequences of the reforms of Emperor Alexander II included the development of the Russian economy and the formation of a commercial and industrial bourgeoisie. Within it, stable and large industrial dynasties arose. For many representatives of these dynasties in post-reform Russia, the established reputation meant honest businessmen who valued their position in society and sought to increase their merits before it. It is to this category of entrepreneurs that the State Bank of the Russian Empire drew attention to during the organisation of the accounting and loan committees for the development of lending of industry and trade in the post-reform period. This decision of the State Bank served as the basis for the formation of the future institute of public-private partnership in the national economy of the Empire. This topic has already been developed in the research activities of the authors of the article. In this publication, it is viewed through the system of the state awards, as a form of recognition of the merits of the entrepreneurs of Vladimir Province in successful cooperation with the branches of the State Bank in Vladimir and Ivanovo-Voznesensk. For their useful activities, the State Bank presented the members of the committees to be awarded with various awards – the civil medals for

the wearing on the neck or the chest, the orders on the ribbons, the coronation medals and the honorary titles. The practice of the presenting of the members of the committees to the awarding of the medals and orders is confirmed by examples from the documents of the State archives of Vladimir and Ivanovo regions. The conclusion about the work of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank on the basis of the institution of the state-private partnership is drawn.

Keywords: Russian State Bank, member of accounting & loan committee, award, institution of state-private partnership.

For citation: Kovrov T.A., Okolotin V.S. The award promotion for the members of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of Vladimir Province. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 54–59 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-54-59>

Реформы Александра II во второй половине XIX в. создали благоприятные возможности для превращения России в капиталистическую державу. Мануфактуры, основанные на ручном труде, прежде всего в Центральной России, уходили в прошлое, уступая место многочисленным фабричным производствам. Их обеспечение трудовыми ресурсами стало возможным после крестьянской реформы 1861 г., освободившей большое количество рабочих рук. «Все это способствовало расширению производства в традиционных промышленных центрах, созданию новых предприятий в различных районах Российской империи, строительству путей сообщения между ними. Общее покровительство деятельности отечественных промышленников, банкиров, купцов и предпринимателей со стороны правительства страны выражалось в принятии торгово-промышленного законодательства, что приводило к дальнейшему развитию российской экономики. В итоге в стране преимущественно из выходцев старого промышленного класса – купечества, а также из инициативных «капиталистских» крестьян российской провинции стала быстро формироваться торгово-промышленная буржуазия» [Столбов 2019: 116–167]. Внутри нее возникали устойчивые и крупные промышленные династии с деловыми, культурными и нравственными традициями, давшие стране успешных организаторов производства, талантливых экономистов, меценатов и т. д.

Отношение в обществе к промышленникам и торговцам как в рамках Российской империи, так и после нее было различным. Оно варьировалось от малосимпатичных и невежественных образов до облика успешных предпринимателей, которым были присущи трудолюбие, упорство, энергичность, изобретательность, природная смекалка и т. д. За многими из них в пореформенной России утвердилась репутация честных коммерсантов, дороживших своим положением в обществе и стремившихся к приумножению заслуг перед ним. Именно на эту категорию предпринимателей и обратил внимание Государственный банк России в ходе организации учетно-ссудных комитетов для развития кредитования промышленности и торговли в пореформенный период. По сути, этим решением закладывалась основа для формирования будущего института государственно-частного

партнерства в национальной экономике страны. Данная тема уже получила развитие в исследовательской деятельности авторов статьи. В настоящей публикации она рассматривается через систему государственных наград как форму признания заслуг предпринимателей Владимирской губернии в успешном сотрудничестве с отделениями Государственного банка во Владимире и Иваново-Вознесенске. Важно отметить, что указанные города значительно отличались друг от друга по административному статусу и промышленному развитию, а следовательно, и сословной принадлежности предпринимателей, входивших в состав учетно-ссудных комитетов при отделениях банка. Учет этих факторов, а также сравнение статуса государственных наград, к которым представлялись члены учетно-ссудных комитетов, позволяет судить о том, каким сферам предпринимательства отдавался приоритет в кредитной политике Государственного банка в указанных городах в рассматриваемый период.

О составе учетно-ссудных комитетов

Владимирское отделение Государственного банка было образовано на основании высочайшего указа Александра II от 24 марта 1864 г. Однако его официальное открытие состоялось лишь «18 июня 1864 г.»¹. Учетно-ссудный комитет, созданный при местном отделении Госбанка, специализировался на кредитовании торговли, поскольку деловая активность была сосредоточена лишь в этой сфере предпринимательских отношений.

В разные годы в состав комитета входили представители различных сословий. Среди них были дворяне: П.В. Кутанин, Н.В. Рагозин; купцы: М.П. Бабушкин, Г.Т. Лебедев, Г.Я. Васильев-Люлин, В.Н. Муравкин, Н.А. Парков, Г.А. Пышкин, Н.Д. Свешников, Н.Н. Сомов и другие. В Государственном архиве Владимирской области хранится фонд № 310 (Владимирское отделение Госбанка), который содержит значительное количество дел по личному составу указанного комитета с различной информацией. В частности, с биографическими сведениями и сведениями о сословной принадлежности, данными о наградах, объеме владения ими информацией о состоянии местной торговли, промышленности и т. д.

Иваново-Вознесенское отделение Государственного банка было образовано в безуездном городе Ива-

ново-Вознесенске Владимирской губернии 22 марта 1886 г. Его открытие стало возможным благодаря ходатайству иваново-вознесенского головы Я.П. Гарелина на имя управляющего Госбанком А.В. Цимсена и длительной переписке с ним. В день открытия Я.П. Гарелин направил А.В. Цимсену извещение со словами благодарности: «Имею честь принести Вашему Превосходительству благодарность от местного городского общества торговцев, фабрикантов и трудящегося здесь рабочего народа за учреждение и открытие сего 22 марта в городе Иваново-Вознесенске отделения Государственного банка»². Даже из данного краткого извещения можно уже судить о состоянии промышленного производства в Иваново-Вознесенске.

В октябре 1886 г. министр финансов утвердил первый состав учетно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка [Околотин 2006: 17]. В отличие от Владимирского отделения Госбанка, здесь был создан учётно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам. «Главной задачей комитета было принятие решения о кредитовании того или иного лица, а также проверка клиентов, желавших получить кредиты из Государственного банка. Таким путем Госбанк страховал себя от предоставления кредитов несуществующим или некредитоспособным лицам. В комитет входили управляющий отделением, представители Иваново-Вознесенского купечества первой и второй гильдии, фабриканты, а также представители других сословий» [Околотин 2006: 16]. В качестве членов комитета они утверждались министром финансов сроком на два года, после чего давали «клятвенное обещание» о верности престолу и подписку о неразглашении банковских тайн. «Как члены учетно-ссудного комитета, они освобождались от иной общественной деятельности»³.

В дальнейшем в состав комитета входили не только промышленники, фабриканты и купцы из Иваново-Вознесенска, но также из Шуйского и Кинешемского уездов Владимирской и Костромской губерний соответственно. Так, из Иваново-Вознесенска в нем трудились Д.Г. Бурьлин, А.Н. Витов, А.Ф. Витов, Ф.Н. Витов, А.М. Гандурин, Л.М. Гандурин, М.Н. Гарелин, Я.П. Гарелин, П.Н. Дербенёв, Г.В. Кузнецов, В.И. Куражёв, Н.И. Куражёв, И.С. Латышев, Е.В. Меньшиков, Н.М. Самохвалов, А.П. Собинов, С.И. Соколов, С.А. Софронов. Из г. Шуи в состав комитета были приглашены предприниматели: А.И. Бычков, М.В. Дубов, А.Е. Кабешев, В.И. Машеров, А.И. Новиков, А.С. Романов, В.В. Трусов, М.С. Удин. Из г. Кинешмы – купцы И.Е. Куфтин и И.Г. Тихомиров.

Большинство названных предпринимателей были широко известны и уважаемы в обществе. В частности, в формулярном списке потомственного почетного гражданина М.Н. Гарелина говорилось, что он «в об-

щественной среде пользуется безупречной репутацией и в учреждениях банка не кредитуются»⁴. У А.М. Гандурина в графе «нравственные качества» отмечалось: «Вполне безупречно. Пользуется доверием общества»⁵. В формулярном списке купца 1-й гильдии А.Н. Витова было записано: «Располагает сведениями, касающимися положения дел на мануфактурных рынках Империи; в общественной среде пользуется безупречной репутацией»⁶. Для характеристики личности Д.Г. Бурьлина также представляют интерес отдельные записи в его формулярном списке. В частности, в графе «нравственные качества» сделана следующая запись: «Человек весьма предприимчивый и дельный. В общественной среде пользуется безупречной репутацией»⁷. В другой графе: «Женат, имеет 8 человек детей. Жена и дети находятся при нем»⁸. Относительно деловых качеств и возможностей Д.Г. Бурьлина говорит следующая фраза из формулярного списка: «Располагает сведениями, касающимися положения дел на мануфактурных рынках Империи»⁹.

У П.Н. Дербенева в графе «нравственные качества» было записано о том, что он «человек весьма предприимчивый и деловитый. Независимый в суждениях и беспристрастный. Среди общества пользуется доверием и уважением»¹⁰. От купца 1-й гильдии Л.М. Гандурина «ожидались полезные сведения по фабричной деятельности и мануфактурной торговле и т. д.»¹¹.

После создания в сентябре 1904 г. при Государственном банке управления по делам мелкого кредита в деятельности учетно-ссудного комитета Иваново-Вознесенского отделения появилось соответствующее направление. Для работы на этом участке в комитет были приглашены И.А. Козлов – крестьянин из с. Васильевское Шуйского уезда, а также В.И. Машеров – коллежский регистратор¹². Важно отметить, что при осуществлении мелкого кредитования нередко возникали серьезные трудности, особенно при определении торговых оборотов средних и мелких предпринимателей. Многие из них по различным причинам не могли официально подтвердить свои доходы. В связи с этим управляющим контор и отделений было разрешено получать от «лиц торгового сословия сведения, необходимые для открытия или увеличения кредита не на письме, а словесно и лично вносить в соответствующие рубрики перечня заявления»¹³. Заявленные сведения подлежали проверке членами учетно-ссудного комитета и дальнейшему утверждению Правлением банка. При этом заемщикам разъяснялось, что требуемые от них сведения «составляют тайну банка и не могут быть сообщены никакому постороннему учреждению»¹⁴. Тем не менее в циркуляре говорилось, что «банк всегда будет ставить открытие кредита в зависимость от таких сведений, какие он признает для себя необходимыми»¹⁵.

В связи с расширением сферы кредитно-денежных операций Совет Государственного банка рекомендовал привлекать в состав учетно-ссудных комитетов иногородних лиц, проживавших в тех «городах и местечках, которые по размерам торговых и промышленных оборотов признаются заслуживающими наибольшего внимания со стороны Государственного банка»¹⁶. Пополнение их состава могло производиться как за счет сокращения числа членов, так и общего увеличения их количества с распространением на них действующего порядка представления к почетным наградам и отличиям. Управляющим отделениями предписывалось при личных свиданиях с ними получать обстоятельные сведения «об имущественном положении и общей благонадежности всех известных иногороднему члену комитета представителях промышленности и торговли, как обращавшихся уже к услугам Госбанка, так и могущих рассчитывать на открытие им банком вексельного или иного кредита и полученные по сему предмету сведения заносить в предусмотренную наказом книгу»¹⁷.

На основании данного циркуляра в феврале 1909 г. управляющий Иваново-Вознесенским отделением Госбанка М.В. Иванов обратился в Государственный банк с ходатайством «об увеличении числа членов комитета и привлечением к его работе предпринимателей из Шуи и Кинешмы, как городов, находившихся в сфере деятельности Иваново-Вознесенского отделения»¹⁸.

Подводя итог оценке качеств новых членов учетно-ссудного комитета, следует сказать, что они сыграли заметную роль в развитии деятельности отделения, неоднократно инициировали перед управляющим Государственного банка вопросы о расширении его операций и внесли немалый вклад в реализацию кредитной политики на территории Ивановского промышленного района.

Представление к наградам

Многие из членов учетно-ссудных комитетов Владимирского и Иваново-Вознесенского отделений были представлены к государственным наградам. Наиболее часто они представлялись к наградам медалями с надписями «За усердие», «За полезное». Об этом можно судить на основе анализа архивных материалов. Например, из формулярного списка о службе Владимирского купца 2-й гильдии Г.А. Пышкина следует, что «1 января 1892 г. он был пожалован золотой медалью с надписью “За усердие” для ношения на шее на Станиславской ленте по должности члена комитета Владимирского отделения Госбанка»¹⁹, а «14 мая 1896 г. – золотой медалью с надписью “За усердие” для ношения на шее на Владимирской ленте»²⁰.

В наградном списке архивного дела на владимирского купца 2-й гильдии Н.А. Паркова значатся следующие записи о наградах: «1 января 1895 г.

по представлению Владимирского отделения Госбанка получил золотую медаль на Станиславской ленте с надписью “За усердие”, также по представлению отделения 1 января 1899 г. был пожалован золотой медалью на Анненской ленте, 1 января 1903 г. – золотой медалью на Владимирской ленте и 1 января 1907 г. – золотой медалью на Александровской ленте»²¹.

В формулярном списке иваново-вознесенского купца 1-й гильдии А.М. Гандурина имеется запись: «1 января 1891 г. государь император, по представлению министра финансов, соизволил пожаловать за службу в должности члена учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Госбанка золотую медаль с надписью “За усердие” для ношения на шее на Станиславской ленте»²².

В письме управляющего Иваново-Вознесенским отделением от 15 марта 1903 г. в адрес управляющему Госбанком о представлении к награде иваново-вознесенского купца 2-й гильдии Н.М. Самохвалова говорилось: «Во внимание к полезной деятельности члена комитета при Иваново-Вознесенском отделении купца 2-й гильдии Самохвалова, состоящего в упомянутой должности с 6 мая 1893 г., прошу удостоить Самохвалова представлением к награждению его золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте»²³. К письму был приложен наградной список Самохвалова, содержащий информацию о предыдущей награде: «1 января 1899 г. Самохвалову за заслуги по Иваново-Вознесенскому отделению Госбанка в должности члена комитета была пожалована золотая медаль для ношения на шее на Станиславской ленте»²⁴.

Более значимой наградой, к которой представлялись члены учетно-ссудных комитетов, были ордена. Члены комитетов могли быть представлены к награждению орденами Св. Анны, Св. Станислава, Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степеней. Критериями к награждению были не только продолжительность работы в комитете, но и наличие соответствующего образования [История Банка России 2010: 323]. Представление членов комитетов к награждению орденами было более редким явлением. Так, из всех иваново-вознесенских предпринимателей за службу по ведомству Госбанка к награждению орденами были представлены только трое: А.М. Гандурин, М.Н. Гарелин и Д.Г. Бурьлин. Об этом свидетельствуют архивные данные, а именно записи из формулярных списков вышеупомянутых фабрикантов. Так, «1 января 1905 г. А.М. Гандурин был награжден за заслуги по ведомству Госбанка орденом Св. Станислава 2-й степени, а 1 января 1909 г. был награжден за заслуги по тому же ведомству орденом Св. Анны 2-й степени»²⁵. Заслуги А.М. Гандурина были указаны в датированном 15 марта 1904 г. письме управляющего отделением в адрес управляющего Госбан-

ком: «Внимательное отношение к задачам, входящим в сферу деятельности учетного комитета»²⁶.

Или, например: «1 января 1900 г. государь император соизволил пожаловать М.Н. Гарелину за заслуги по ведомству Госбанка орден Св. Анны 2-й степени»²⁷. В сохранившемся в архивном документе наградном списке М.Н. Гарелина отмечено, что «заслуги его по ведомству Госбанка заключались в добросовестном отношении к задачам учётного комитета»²⁸.

В 1890-е гг. для служащих Государственного банка были учреждены коронационные медали. Таких медалей было две: «серебряная медаль с надписью “В память царствования императора Александра III”, которую носили на Александровской ленте, и серебряная медаль, учрежденная императором Николаем II 26 мая 1896 г. для ношения на Андреевской ленте» [История Банка России 2010: 325].

К награждению коронационными медалями также представлялись и члены учетно-ссудных комитетов. Например: «14 мая 1897 г. владимирский потомственный дворянин П.В. Кутанин был награжден серебряной медалью “В память царствования императора Александра III”»²⁹; «15 мая 1897 г. владимирский купец Г.Т. Лебедев был награжден серебряной медалью “В память царствования императора Александра III”»³⁰; «в июле 1897 г. владимирский потомственный дворянин Н.В. Рагозин был награжден серебряной медалью “В память царствования императора Александра III”»³¹.

Другой коронационной медалью была медаль с надписью «В память 300-летия царствования Дома Романовых», учрежденная в 1913 г. Это была светло-бронзовая медаль, которая носилась на груди на Романовской (бело-оранжево-чёрной) ленте» [История Банка России 2010: 326]. В том же 1913 г. Госбанк представил к награждению этой медалью нескольких членов комитетов при Владимирском и Иваново-Вознесенском отделениях. В частности, по Владимирскому отделению к награждению такой медалью были представлены дворянин П.В. Кутанин, купец Г.Я. Васильев-Люлин, а по Иваново-Вознесенскому – фабриканты из купеческого сословия Д.Г. Бурьлин, А.Ф. Витов, Л.М. Гандурин, В.И. Куражёв и предприниматель из крестьянского сословия И.И. Девочкин.

Представление Госбанка к награждению членов комитетов почётным званием было мало распространенной практикой. Так, среди членов комитета при Владимирском отделении Госбанка таких награжденных не было. Среди членов комитета при Иваново-Вознесенском отделении только купец 2-й гильдии А.Н. Витов был представлен к указанной награде. В формулярном списке о его службе сохранилась запись: «1 января 1907 г. государь император за отлично-усердную службу по должности члена учет-

но-ссудного комитета соизволил пожаловать Витову звание личного почетного гражданина»³².

Таким образом, в должностях членов комитетов при местных отделениях Государственного банка утверждались предприниматели, представлявшие интересы основных сословий района отделения. До XX в. в состав комитетов в основном приглашались предприниматели из дворянского, купеческого и мещанского сословий. С созданием в Государственном банке управления по делам мелкого кредита и появлением возможности создавать кредитные кооперативы Госбанк стал утверждать в должностях членов комитетов и предпринимателей из крестьянского сословия. Характерной чертой членов комитетов была их компетентность в сфере торговли, промышленности, сельского хозяйства, мелкого кредита и кредитной кооперации. За эту полезную деятельность Госбанк представлял членов комитетов к награждению государственными наградами и почетными званиями. Окончательное решение о награждении членов комитета принимал император. Заслуги представителей промышленности оценивались гораздо выше, чем представителей торговли и мелкого предпринимательства. Все это свидетельствует о том, что учетно-ссудные комитеты при отделениях Госбанка работали на основе института государственно-частного партнерства.

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 310. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 30. Д. 465. Л. 185.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 13а. Л. 7.

⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 66.

⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 3. Л. 35 об., 38.

⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 14.

⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 13 об.

⁹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 193. Л. 13 об.

¹⁰ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 39. Л. 41.

¹¹ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 34. Л. 13 об.

¹² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 70. Л. 219.

¹³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

¹⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

¹⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

¹⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 13а. Л. 6.

¹⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 13а. Л. 6.

¹⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

¹⁹ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 203. Л. 13.

²⁰ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 203. Л. 14.

²¹ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.

²² ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²³ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 110.

- ²⁴ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 112.
²⁵ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 30, 31.
²⁶ ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 133 об.
²⁷ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.
²⁸ ГАИО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 46 об.
²⁹ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 79. Л. 97.
³⁰ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 154. Л. 2.
³¹ ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 204. Л. 47.
³² ГАИО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 3. Л. 20.

Список литературы

История Банка России: 1860–2010: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1: Государственный банк Российской империи. 623 с.

Околотин В.С. История Государственного банка на Ивановской земле. 1886–2006. Годы. События. Люди. Иваново, 2006. 480 с.

Столбов В.П. Человек – хозяйственный логос, творец и преобразователь. История российского предпринимательства: монография. Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2019. 243 с.

References

Istoriia Banka Rossii 1860–2010: v 2 t. [The History of Bank of Russia 1860–2010: in 2 vols.]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., vol. 1: *Gosudarstvennyi bank Rossiiskoi imperii* [vols. 1: The State Bank of the Russian Empire], 2010, 623 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Istoriia Gosudarstvennogo banka na Ivanovskoi zemle 1886–2006. Gody. Sobytiia. Liudi* [History of the State Bank on Ivanovo land 1886–2006. Years. Events. People]. Ivanovo, 2006, 480 p. (In Russ.)

Stolbov V.P. *Chelovek – khoziaistvennyi logos, tvorets i preobrazovatel'. Istoriia rossiiskogo predprinimatel'stva* [Man is an economic logos, creator and transformer. History of Russian entrepreneurship: monograph]; Ivan. Gos. Khim-Tekhnol. Un-t [Ivanovo State Chemical-Technological University]. Ivanovo, 2019, 243 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.02.2021; одобрена после рецензирования 13.03.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 18.02.2021; approved after reviewing 13.03.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ШАРГОРОД КАК ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ОСОБЕННОСТИ И ТИПИЧНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА

Розина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, Московский государственный областной университет, Москва, Россия, olgrozina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-7724>

Аннотация. Региональные историко-культурологические исследования являются одним из новых направлений регионалистики, что связано с актуализацией проблем региональной идентичности в условиях идентификационного кризиса – как на уровне личности, так и на уровне этноса в целом. Мировоззренческий раскол общества как порождение плюрализма культуры постмодерна начала XX в. привел к фрагментарности исторического познания и мозаичности исторических конструкций, девальвации ценности единого исторического прошлого на постсоветском пространстве. В логике исторического постмодернизма возможна подмена исторических фактов, что вместе с размытостью социально-пространственной идентичности является почвой для мифотворчества и искажений реально проходивших процессов в истории и культуре народов. В условиях современной информационной войны особую актуальность приобретают различного рода антироссийские исторические мифы, в том числе о «тюрьме народов». В статье исследуется история еврейского этноса – одного из традиционных этносов, проживавшего на территории Российской империи в конце XVI – начале XX вв. на Украине. В качестве объекта регионального исследования выступает Шаргород – один из городов Восточного Подолья (ныне Винницкая область) – как типичное еврейское местечко с характерными чертами социокультурного облика. Город возник в 1585 г. на землях польского магната Яна Замойского, где столкнулись геополитические интересы Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества.

Ключевые слова: регионалистика, еврейское местечко, евреи, еврейский этнос, синагога, Шаргород, Подолье, Речь Посполитая, Российская империя.

Для цитирования: Розина О.В., Шаргород как еврейское местечко в конце XVI – начале XX вв.: особенности и типичные черты социокультурного облика // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 60–69. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-60-69>

Research Article

SHARHOROD AS A JEWISH SHTETL AT THE LATE 16TH – EARLY 20TH CENTURIES: PARTICULAR QUALITIES AND TYPICAL FEATURES OF THE SOCIO-CULTURAL APPEARANCE

Olga V. Rozina, Candidate of Historical Sciences, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, olgazozina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-7724>

Abstract. Regional historical and cultural studies represent the new areas of regional studies associated with the actualisation of the problems of regional identity in the context of an identification crisis, both at the level of the individual and at the level of the whole ethnic group. The worldview split of society as a product of the pluralism of the postmodern culture of the early 20th century led to the fragmentation of historical knowledge and the mosaic nature of historical structures, the devaluation of the value of a single historical past in the post-Soviet space. In the logic of historical postmodernism the substitution of historical facts becomes possible, which together with the blurring of socio-spatial identity, make the basis for myth-making and distortions of the processes that actually took place in the history and culture of peoples. In the context of the modern information warfare, various anti-Russian historical myths, including the “prison of the nations”, acquire special topicality. The article examines the history of the Jewish ethnos – one of the traditional ethnic groups that used to live in the territory of the Russian Empire at the late 16th – the early 20th centuries in the Ukraine. The object of regional research is Sharhorod, one of the towns of Eastern Podolia (now Vinnytsia Region), a typical Jewish shtetl with characteristic features of socio-cultural appearance. The town arose in 1585 in the lands of the Polish magnate Jan Sariusz Zamoyski, where the geopolitical interests of the Russian and Ottoman empires, Poland, Lithuania and Principality of Moldavia collided.

Keywords: regional studies, Jewish shtetl, Jews, Jewish ethnos, synagogue, Sharhorod, Podolia, Polish-Lithuanian Union, Russian Empire.

For citation: Rozina O., Volkova T. Sharhorod as a Jewish shtetl at the late 16th – early 20th centuries: particular qualities and typical features of the socio-cultural appearance. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 60–69 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-60-69>

Регионалистика является одним из актуальных направлений современных историко-культурологических исследований [Андрющенко]. Начало было положено еще в 70-е гг. XX в. американским ученым У. Айзардом, занимавшимся анализом эколого-экономических проблем регионов [Isard]. На внутривосточном уровне изучаемые регионы представляют собой, как отмечает В.Н. Стрелецкий, «единство в разнообразии... Поскольку единство региона при этом мыслится именно как общность людей, при таком исследовательском подходе просто невозможно обойтись без учета фактора исторического наследия» [Стрелецкий: 4]. Исследователи отмечают интерес научного сообщества к проблемам вернакулярных районов [Казакова] и региональной идентичности [Мурзина], в том числе еврейской [Носенко-Штейн]. Как заметила Н.А. Лавочкина, «конструирование региональной идентичности чаще всего основано на особой региональной истории, мифах и традициях... проживавших и проживающих на территории данного региона» [Лавочкина: 451]. Данное исследование посвящено региональной истории еврейского этноса на бывшей территории Российской империи. Здесь на рубеже XX–XXI вв. проблема региональной идентичности приобрела особую актуальность, обострившись в условиях современной информационной войны [Безнюк; Багдасарян]. Как замечает политолог В.А. Розина, изучая особенности информационных войн, «задачи такой борьбы не в физическом, а в идеологическом уничтожении противников – изменении мировоззрения, дискредитации идеологии и т. д.» [Розина: 80]. Вместе с тем, как заметил немецкий социолог Х.-Г. Велинг, «местечковое-земляческое-региональное-национальное самосознание образуют как бы разные пространственные “концентры” единой культурной идентичности [Regionale politische: 11]. Поэтому выявление и изучение типичных черт и особенностей социокультурного облика в отдельно взятом регионе на примере еврейских подданных Российской империи является актуальной задачей противодействия национальной ксенофобии и медиаискажениям отечественной истории.

В многочисленных отечественных исследованиях по «еврейскому вопросу» подробно освещаются различные стороны истории евреев в России, их быт и даже антропологические особенности [Элькин; Ивановский]. Но история и социокультурный облик отдельных еврейских местечек, в том числе в Подолье, представлены фрагментарно либо в путеводителях^{1, 2}, либо в краеведческой литературе [Нагребцкий]. В названных путеводителях содержатся

общие сведения о жизни евреев в регионе, дан анализ пространства и формы еврейских местечек, а также краткие исторические справки по некоторым из них и упоминание в фольклорной еврейской традиции. В книге А.Н. Нагребцкого представлены фрагменты архивных материалов и газет, фотографии, воспоминания современников.

Шаргород – город в Винницкой области Украины с райцентром в Жмеринке – крупном железнодорожном узле. Через город протекает небольшая речка Мурашка, впадающая в речку Колбасную. Это территория Подольской возвышенности между средним течением Днестра и Южным Бугом, входившая в состав Галицко-Волынского княжества, называемая в летописях «Понизье» и «Низовье», в более позднее время – Подолье. В 1383 г. литовский князь Витовт основал на излучине двух рек поселение Князя Лук, которое впоследствии вошло в Карчмаровскую волость. Территория волости находилась под властью литовских князей Корьятовичей (из династии Гедиминовичей). Но в конце 60-х гг. XIV в. они стали вассалами польского короля Казимира III Великого, который не препятствовал образованию самостоятельного Подольского княжества с центром в городе Каменец (ныне Каменец-Подольский, в 150 км от Шаргорода). С конца 1370-х гг. Каменец стал центром католического диоцеза.

Согласно данным Р. Вайнер, в середине XVI в. на польских землях проживало до 80 % евреев всего мира [Rebecca Weiner]. Процессы, характерные для социально-политической жизни Польши XVI в. проходили повсеместно, в том числе и в Подолье. В 1505 г. польская шляхта добилась принятия сеймом Радомской конституции, которая сильно ограничила королевскую власть, а также ввела запрет на занятие евреями государственных должностей. Вскоре для евреев были введены ограничения на торговые и откупные операции, а мелкая и средняя шляхта стала торговать сельскохозяйственной продукцией без посредников-евреев. Началось переселение еврейских жителей королевских городов во владения магнатов, которые получали огромные латифундии. Этот процесс был особенно активным на малозаселенных автохтонным украинским населением землях Правобережной Украины, где столкнулись геополитические интересы Российской и Османской империй, Польши, Литвы и Молдавского княжества. Освоение новых территорий сопровождалось строительством замков и крепостей, способствовало миграции еврейского населения и развития их поселений (местечек) как центров торговли и ремесла.

Возникновение Шаргорода связано с крупным магнатом, королевским секретарем и великим гетманом коронным Яном Замойским (1542–1605), который получил от короля Стефана Батория обширные территории в Подолье, на границе с землями, захваченными Османской империей. В Карчмаровской волости, до этого находившейся во владении каменецкого епископа, 28 мая 1585 г. по заказу Замойского на возвышенности в месте слияния Мурашки и Колбасной началось строительство замка. Его архитектором стал итальянский зодчий Бернардо Морандо, который по распоряжению того же великого гетмана построил в стиле итальянского Возрождения город Замостье в Люблинском воеводстве Польши – главную резиденцию Замойских (ныне охраняется ЮНЕСКО). Шаргородский замок из массивного песчаника имел пять башен, соединенных цитаделью, современную по тем временам артиллерию и контролировал переправы через протекавшие речки, имевшиеся здесь с незапамятных времен. Отдельные фрагменты крепостных стен и башен можно видеть и сейчас, часть каменной кладки использовалась жителями для строительства домов и хозяйственных построек.

Новая крепость была названа Шарым Городком (Шарогрудком, Шаргородом) в честь легендарного основателя и покровителя рода Замойских Флориана Шарого. После Люблинской унии 1569 г., объединившей Королевство Польское и Великое княжество Литовское в единое государство – Речь Посполитую, в Подолье в малонаселенную Карчмаровскую пустынь через Польшу стали прибывать немецкие еврей-переселенцы. По свидетельству Нагребецкого, «в 1570 г. в Шаргороде уже насчитывалось 10 еврейских домов, в каждом из которых проживало по 5–7 человек» [Нагребецкий: 22]

В 1588 г. король Сигизмунд II даровал Шаргороду Магдебургское право, что освободило его от феодальных повинностей и от власти воевод, а также подчеркивало статус нового города, лежавшего на перекрестке торговых путей. Был создан выборный городской магистрат и дарован герб с изображением св. Флориана. Магдебургское право предусматривало раздельное проживание этносов на городской территории, так в Шаргороде появился еврейский квартал. После Яна Замойского Шаргородом с 1605 г. владел его сын сандомирский воевода Томаш, а затем его дочь Анна Барваре – супруга также сандомирского воеводы Александра Конецпольского, а после них – кастелянин из Кракова Станислав Конецпольский.

Как известно, Магдебургское право не распространялось на еврейское население, и в 1588 г. Шаргород получил статус местечка с самоуправляющейся автономной общиной. Этот статус нового города был связан, видимо, с покровительством Замойского местной

еврейской общине: он до этого имел успешные деловые и коммерческие контакты с польскими евреями. В середине XVI в., как указывает В.Н. Воловик, «возникает понятие местечковой еврейской культуры, а в ландшафтной структуре – понятие “штетла”» [Воловик: 197]. Он уточняет: «под местечком в Подолье понимают торгово-ремесленный центр, где обслуживается сельское население близлежащих территорий... Местечки имели удобное коммуникационное положение – на перекрестке путей, что способствовало развитию ярмарочной торговли. Их функция – конвергентная, в отличие от дивергентной в сельских этнокультурных ландшафтах» [Воловик: 191]. «Обзор Подольской губернии за 1892 г.» поясняет: «Каждое местечко, со своим промышленным населением и своими частыми ярмарками и базарами, служит естественным торговым центром, куда для купли и продажи стекается всё окрестное крестьянское население»³.

Статус местечка давал еврейским жителям Шаргорода привилегии, которыми они пользовались на польских землях. Еще в 1264 г. польский удельный князь Болеслав Благочестивый ввел Калишский статут. Согласно этому правовому документу, евреи стали «слугами польской короны» и получили свободу передвижения, торговли, неприкосновенность личности, а также защиту кладбищ и синагог [Iwo Surlian Pogonowski]. Как писал польский историк П. Ясеница, Казимир III Великий (1310–1370), последний король из династии Пястов, в 1334 г. подтвердил Калишский статут, а в 1364 г. распространил на еврейских жителей всей Польши юрисдикцию польского королевского суда, освободив их от немецкого судопроизводства, и провозгласил свободу вероисповедания [Jasienica: 346]. Это обеспечило безопасность евреев в условиях гонений в остальных странах Европы. Сам же Казимир получил прозвище «короля холопов и евреев» [Jasienica: 346–350]. Польский политик и историк С. Кот, исследуя сатирические произведения начала XVII в., в частности анонимный пасквиль 1606 г., обратил внимание на фразу, точно характеризующую отношение польских властей к евреям: «Польша была небом для шляхты, чистилищем для мещан, пеклом для холопов и раем для евреев» [Stanisław Kot: 202]. Еврейский историк-экономист Б.Д. Вайнриб приводит мнение краковского раввина и правоведа XVI в. Моше Иссерлеса: «...если бы Бог не дал евреям Польши как убежища, судьба израильского народа была бы, по-видимому, уничтожение» (цит. по: [Weinryb: 166]). Поэтому с самого начала заселения Шаргорода его еврейские жители имели преимущества, которым пользовались все польские евреи и которыми не обладали украинцы, будучи коренным населением Подолья, а после Люблинской унии (1569) и вовсе подвергшиеся латинизации и полонизации.

После получения Шаргородом статуса местечка начинается рост еврейского населения города, и уже в 1589 г. здесь была построена синагога в псевдомавританском стиле, сохранившаяся до наших дней, как сакральный локус еврейского квартала (правда, в ней с советских времен располагался цех завода, ныне она передана общине). Некоторые фотографии синагоги размещены в альбоме, выпущенном Винницким областным краеведческим музеем⁴. Это было не только молитвенное здание с пристройкой хедера (школы для мальчиков), но и фортификационное сооружение с глубокими подвалами, подземными ходами и четырьмя башнями по углам. Узкие проемы окон углублены в стены, как бойницы, внутри стены проходит лестница на крышу. «Синагога, – пишет Е. Шнайдер, – являлась одним из основных защитных сооружений города, составляя классический на то смутное время фортификационный треугольник с замком и костелом св. Флориана»⁵. По мнению Воловика, «расположение шаргородской синагоги дает основания полагать, что она была вынесена за границу первых городских укреплений и выполняла беллигеративную функцию барбакана» [Воловик: 204]. Как отмечают исследователи-архитекторы, «...фасадные плоскости с арочными окнами завершены карнизом, над которым установлен аттик волнистого абриса, составленного из отдельных звеньев – собранных в столбики криволинейных щитов и наружных цилиндрических башен. Ось главного входа на уровне аттика подчеркнута массивным и высоким двухъярусным щитом, украшенным валютами»⁶. Внутренний объем здания имеет девять компартиментов, образованных четырьмя опорными столбами. Сомкнутые арочные своды соединяют внутреннее пространство компартиментов. «Крепкие стены, гибкий ренессансный аттик с красочными зубчиками и маленькими орнаментальными башнями по углам, прорубленные большие окна придают синагоге самобытный вид», – писал украинский историк Д.В. Малаков [Малаков: 94–95]. В 1595 г. синагога выдержала нападение восставших казаков под предводительством Северина Наливайко: здесь под толщей 2-метровых стен укрылась вся еврейская община города.

Во время Тридцатилетней войны (1618–1648) в Подолье усилилась эмиграция евреев из немецких земель. Это привело к росту еврейского населения Шаргорода: здесь еврейская община была одной из крупных в крае. В целом, как указано в переписи 1629 г., в Шаргороде насчитывалось 646 «дымов», то есть более 3 тыс. человек⁷.

Кроме еврейской общины, имевшей административную и судебную автономию, в городе было еще три христианские общины (католическая, униатская и православная), подчиненные, согласно Магдебургскому праву, городскому войту (старосте – главе го-

родского магистрата) и магистерскому суду. Осенью 1596 г. был освящен костел св. Флориана, ставший центром католической общины. В начале XVII в. в Подолье появились иезуиты. В 1608 г. они поселились в Каменец-Подольске и с 1609 г. начали активную миссионерскую деятельность [Пламеницкая]. В 1636 г. иезуиты приехали в Шаргород, что усилило католическую общину города. Униаты появились в Речи Посполитой после Брестской унии 1596 г., когда митрополит Киевский, Галицкий и вся Руси Михаил принял католическое вероучение и признал верховенство римского папы, расколов тем самым Церковь на греко-католиков и православных. Польские короли поддерживали униатов. Так, в пригороде Шаргорода селе Калиновка в начале XVII в. греко-католический орден василиан построил Свято-Николаевский мужской монастырь, который в 1747 г. был перенесен в город – прямо напротив костела св. Флориана. Православными оставались в основном украинские жители предместий. Именно в Слободе Шаргородской в 1750 г. была построена деревянная церковь Рождества Богородицы. Описание православных храмов Подолья и отчасти духовной жизни православных христиан оставил профессор Киевской духовной академии Н.И. Петров [Петров]. Агрессивный характер проповеди и действий униатов на фоне кризиса православной Церкви в католической Польше привели к созданию в Шаргороде в 1628 г. православного братства, открывшего школу для детей по обучению религиозной грамотности. Между евреями и иезуитами, а также между православными и униатами сложились непростые межрелигиозные отношения.

Планировка города первоначально ориентировалась на дворец Замойских как его основателей (он сохранился в полуразрушенном состоянии). Затем центр переместился на рыночную площадь, здание магистрата и ратушу. К началу XVII в. Шаргород имел четыре части, практически сохранившиеся до нашего времени. Старый город располагался на юго-востоке и был защищен стенами замка, земляными укреплениями с деревянным частоколом и рвом с водой. В нем располагалась синагога и еврейский квартал с жилыми домами и торговыми местами. Такое расположение еврейского квартала было характерно для многих местечек Восточного Подолья. По мнению Воловика, это было связано с тем, что «городские валы защищали замкнутое, “одомашненное” пространство местечка от “открытого” и опасного пространства окружающего мира (леса, дороги, реки). Городские стены были “субботней границей” (эрув), условно объединявшей еврейские дома и кварталы в общее владение, от которого в субботу нельзя было отдаляться более чем на 2 000 локтей (около 1 км). После разрушения городских укреплений роль границы штетла выполняла река» [Воловик: 205]. Новый город Шаргорода

строился вокруг костела и монастыря на землях церковного прихода. Рядом с городом были два предместья, заселенные украинскими земледельцами: за рекой Колбасной – село Гибаловка и на правом берегу Мурашки – Сеньковцы, ставшие со временем Слободой Шаргородской. Они отличались ярко выраженной украинской культурой: «...характерной особенностью здешних населенных пунктов являются белые хаты малороссов, по типу своей постройки совершенно отличные от изб крестьян-великороссов»⁸. Оба поселения ныне вошли в городскую черту, но сохранились как отдельные населенные пункты. Такое соседство еврейского, украинского и польского населения с различными религиозными традициями являлось характерной черной многих городов Подолья.

Однако это соседство не всегда было мирным, что впервые проявилось в период «хмельнитчины» – так порой именуется восстание казаков под предводительством Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой в 1648–1654 гг. Близость территории Запорожской сечи к Шаргороду и поддержка православными жителями города казацких отрядов соратника Хмельницкого Максима Кривоноса привели к тому, что польский гарнизон покинул крепость, не дожидаясь казаков, которые вскоре захватили город. Собравшись с силами, польский отряд вступил в бой с казаками. Они покинули Шаргород. Однако перед этим, как писал в письме коронному канцлеру брацлавский воевода, казаки «пьянствуя днем и ночью, выпили несколько бочек меду, потчевали всех холопов, а остальное пораздавали им» (цит. по: [Полухин: 12]). А перед этим, говоря о взятии Междибожа, где проживала одна из крупнейших еврейских общин Подолья, тот же корреспондент писал: «...несколько тысяч казаков пошли к Междибожу. Кривонос взял этот город штурмом и всех жителей перерезал. Слышно, что и Шаргород подвергся той же участи» [Полухин: 8]. Конечно, «все жители» – это не украинское население города, а поляки и евреи. По данным мартиролога уничтоженных в эти годы еврейских общин «Тит Гаявен» («Непролазная грязь»), составленного Шмуелем Файвишем, сыном венского раввина Натана Файтеля, «и было там около трёхсот богатых домохозяев, с утра до вечера усердно изучавших Тору, и были убиты все» [Шаргород].

По Зборовскому договору 1649 г. линия размежевания между казаками и поляками прошла от Винницы к Ямполью в том числе через Шаргород, что привело к изменению управления городом. Казацкая рада назначала сотника, который опирался на сотенного есаула, им помогали писарь и судья. По свидетельству Нагребецкого, «сотнику принадлежала административная, военная и исполнительная власть. Был введен контроль за финансами, налогообложением населения города и близлежащих сел, охраной торговли и ремесел» [Нагребецкий: 31]. Однако это не избави-

ло жителей Шаргорода от вторжений то польских войск, то казаков, что привело к миграции еврейского населения во внутренние польские губернии. Ситуация усугублялась эпидемией чумы («морowego поветрия»), начавшейся в Европе в 1654 г. Болезнь не миновала Польшу, с которой Россия вела войну.

Вмешательство Османской империи в русско-польское противостояние привело к Русско-турецкой войне 1672–1681 гг. Пользуясь поддержкой своего вассала гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенка, султан Мехмет IV объявил войну Речи Посполитой и вторгся в Подолье, где вскоре был взят Ладыжин, Каменец-Подольский и, наконец, Шаргород. Турецкая оккупация города продолжалась в 1672–1699 гг. Видимо, Шаргород, несмотря на предшествующие годы разорения, настолько покорила захватчиков своим месторасположением и обликом, что они назвали его «Кучук Истамбул» («Маленький Стамбул»). Еврейская синагога была превращена в мечеть. Несмотря на это, «турки заботились о восстановлении городских построек и крепостных сооружений, о заселении города и восстановлении городского хозяйства... Известно, что турецкие власти, традиционно терпимые к евреям, предпочитали их полякам и украинцам в качестве городского населения, особенно ввиду продолжавшихся в течение 1670-х гг. попыток завоевания города то польскими, то казацкими войсками» [Шаргород]. По данным Нагребецкого, «во времена османского правления в Шаргороде возобновилась торговля, в том числе и восточными товарами. Известно, что турки, которые очень ценили торговлю, поощряли евреев-переселенцев из других мест» [Нагребецкий: 37]. Согласно условиям Карловицкого мирного договора 1699 г., турки покинули Подолье, в том числе и Шаргород.

Город опять перешел под власть Речи Посполитой. Как пишет А. Бондаренко, «Шаргородом владел брацлавский воевода Ян Александр Конецпольский, от которого город перешел к его родственнику Леонарду Конецпольскому, брацлавскому кастеляну. От него в 1773 г. – к сандомирскому воеводе Юрию Любомирскому, а затем к его сыну – брацлавскому и киевскому воеводе Станиславу Любомирскому, одному из богатейших людей того времени. Следующим владельцем Шаргорода во второй половине XVIII в. был Юзеф Сосновский. Его дочь Людвика была в браке с Юзефом Любомирским, и таким образом город снова перешел к Любомирским. Позже Шаргород отошел к старшему сыну Генрика Любомирского – политического деятеля, мецената, куратора Львовского Оссолинеума. Его сын, князь Юрий Генрик Любомирский, продал город своему родственнику Роману Сангушко из Славути. Последней владелицей Шаргорода была внучка Романа Сангушко Юлия Потоцкая» [Бондаренко].

После османского завоевания, в первые десятилетия XVIII в., в городе началось формирование новой еврейской общины. Перепись, проходившая в 1765 г., насчитывала в еврейской общине города 2 219 человек – на то время это была самая крупная община в Подолье, где по этим же данным проживало 38 356 евреев [Подолия]. Особенность еврейской общины заключалась в том, что в Шаргороде, как и во многих местах Подолья, стали распространяться мистические течения иудаизма. Здесь были последователи Шаббая Цви (саббатанство), Якова Франка (франкизм), а особенно – Израэля Баал-Шем Тов, или Бешта (хасидизм), который с 1740 г. проживал в Меджибоже, что чуть более 100 км от Шаргорода. Подробно об этом пишет в своем исследовании Нагребецкий [Нагребецкий: 39–40; 48–50]. Он полагал, что еврейская община Шаргорода в 30-х гг. XVIII в. находилась под непосредственным влиянием Бешта, а раввин города Яков-Иосеф-Коген был его учеником, последователем и автором первой хасидской книги «Толдот Яков-Иосеф» («История Якова Иосифа») [Нагребецкий: 48]. Автор описывает первую и ряд последующих встреч рабби Якова с Бештом. Однако члены общины в целом не разделяли взглядов и поведения своего раввина и изгнали его из города, а книги и рукописи сожгли. Какое-то время в городе оставались последователи Бешта и Якова – они перечислены в работе [Нагребецкий: 49–50].

В середине XVIII в. в Речи Посполитой проходили сложные внутривосточные процессы, в итоге приведшие к распаду государства и его разделу между более сильными соседями. Земли Восточного Подолья (в том числе и Шаргород) отошли к Российской империи после второго раздела в 1793 г. Западное Подолье по реке Збруч было присоединено к землям Габсбургской монархии после первого раздела в 1772 г.

Местечки Восточного Подолья оказались за чертой постоянной еврейской оседлости, как стала именоваться граница расселения еврейского этноса на присоединенных территориях⁹. Несомненно, это было сдерживающим фактором экономического роста еврейских подданных, что воспринималось ими как дискриминационная мера. Однако с точки зрения общегосударственных интересов введение черты оседлости рассматривалось как мера, сохраняющая экономические интересы русского купечества и предпринимателей в условиях возросшей конкуренции. Первоначально такой подход имел положительные результаты, однако по мере роста интеграции экономики явился сдерживающим фактором.

Так Шаргород оказался за чертой оседлости. Согласно описанию землемера, сделанному в 1799 г., здесь насчитывалось 283 еврейских дома, а также в торговых рядах «лавок каменных 36, малых 38»¹⁰.

Еврейскому населению было запрещено заниматься сельским хозяйством, поэтому оно было занято в торговле и ремесле. Согласно данным Электронной еврейской энциклопедии, в XIX – начале XX в. «47 % еврейского населения Подолья было занято в торговле, 30 % – в промышленности и ремеслах, 2 % еврейского населения – в сельском хозяйстве; насчитывалось 16 еврейских земледельческих поселений. Евреям принадлежало 157 фабрик (из 738), в основном мелких»¹¹. Шаргород, находившийся на перекрестке путей, в XVIII – начале XX вв. стал известным торговым местечком в Подольском крае.

В современном Шаргороде до сих пор сохранился комплекс застройки конца XVIII – начала XX вв., характерный для еврейского местечка. Как пишет Бондаренко, «в начале XX века евреи составляли 70 процентов населения Шаргорода. В городе им принадлежали все торговые учреждения, гостиницы и склады. Наверное, то, что наиболее отличает Шаргород от других подольских городов, это сохранившаяся еврейская местечковая застройка – одноэтажные глинобитные дома с деревянными крыльцами... Отличительной чертой местечкового дома является высокая четырехскатная черепичная крыша, визуально занимающая больше половины всей постройки»¹².

Самым оживленным местом была территория вокруг здания ратуши в Старом городе. Здесь между двумя главными улицами города располагались торговые ряды, вокруг которых было построено множество небольших лавочек. Жилые дома и торговые постройки располагались вплотную друг к другу, что в случае пожара являлось крайне опасным. При въезде в город у моста-плотины через речку Мурашку также стояли лавки, а также находилось двухэтажное здание корчмы с галереей-балконом. Большинство сохранившихся домов построено из местного материала – камня-песчаника на первом этаже и деревянного второго этажа. С учетом холмистой местности строились цокольные этажи зданий, имеющие арочные или балочные перекрытия. Вальмовые крыши в XX в. покрывали плоской черепицей.

Все междуречье между Мурашкой и Колбасной было заселено ремесленниками, которые жили там же, где и работали. Фасадная часть дома имела небольшую лавку по продаже произведенных изделий. По мере роста семьи или создания новой в связи с женитьбой сына с тылу дома пристраивались небольшие комнаты под общей крышей. Со временем проходы между домами сужались, а сами улицы не имели тротуаров и не мостились. Конечно, у такого дома отсутствовал двор, сад или огород.

От такой застройки отличались только шинки (питейные заведения) и «заезды» (постоялые дворы). В силу специфики деятельности они имели ворота

для заезда и двор для размещения лошадей. В Шаргороде было четыре «заезжих двора».

Отличительной особенностью шаргородских домов в еврейском квартале было наличие в них галерей вдоль уличных фасадов. Сверху они прикрывались сильно выступающей крышей, которая поддерживалась столбами. Перила были деревянными с резным рисунком. Некоторые галереи были застеклены и предназначались для проведения Суккота (праздника Кушей) с имитацией шалаша, крытого камышами.

В мае 1882 г. был принят нормативный акт комитета министров Российской империи «О порядке введения в действие правил о евреях», более известный как «Временные правила». Фактически это была реакция правительства Александра III на либеральный курс своего отца в отношении этой группы российских подданных. Документ запрещал евреям: «а) селиться в сельской местности; б) приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья; в) торговать в воскресенье и в христианские праздники»¹³. Инициаторам и разработчикам этих мер представлялось, что они явятся факторами, сдерживающими рост экономической активности еврейского населения в интересах русских предпринимателей и купцов, дав определенные преференции последним. Однако экономическая жизнь страны оказалась слишком сложным механизмом, не позволявшим процветать одной части населения в ущерб другой. Так, корреспондент журнала «Вестник Европы» писал из Киева: «В течение девяти месяцев цены на сахар почти утроились. Первоначально вздорожание объясняли ранними осенними морозами, повредившими свекловицу, потом решили, что всему виною – жид... “Жиды, желая пополнить убытки от погромов, возвысили цены на сахар”... Дрова дорожают. Что за причина? Бесснежная зима, мелководье на Днепре, малый подвоз? Ну нет: “вся лесная торговля в руках жидов”. Попробуешь возражать, что Гаврилов, Фатеев, Задолинный – не евреи, но и слушать не хотят» (цит. по: [Кандель]).

От запрета на аренду или покупку недвижимости вне местечек пострадали экономические интересы владельцев-христиан, так как это привело к падению цен на недвижимое имущество в черте оседлости. На нестабильную ситуацию в стране отреагировали иностранные биржи: курс российских ценных бумаг стал падать, что подрывало стабильность иностранных вложений в экономику страны. Разорение еврейских купцов приводило к аналогичному процессу у их русских партнеров по бизнесу, связанных с ними договорами и кредитами. На Всероссийской выставке в Москве в 1882 г. русские купцы имели огромные трудности в реализации товаров, обычно приобретаемых евреями, которым по новым прави-

лам был закрыт въезд в город. Это обострило конкуренцию с австрийскими, польскими и немецкими производителями, которые изначально были ориентированы на покупателей в южных и западных русских губерниях.

Введенные законодательные нормы сказались прежде всего на еврейском населении местечек, в том числе и Шаргорода. В это время «шаргородская община наполнялась еврейскими бедняками, изгнанными из окружающих сел, а также с пятидесятиверстной приграничной полосой» [Нагребецкий: 71]. Государственная винная монополия, введенная в середине 1890-х гг., еще более усугубила ситуацию. Она касалась ряда еврейских семей, содержащих в Шаргороде шинки и постоялые дворы, и поставила под угрозу самостоятельное изготовление «изюмного вина», используемого в еврейском богослужении. Шаргородский корреспондент еврейской «Недельной хроники» ежемесячного журнала «Восход» писал: «...ходят теперь по улицам люди голодные, исхудалые с вытянутыми лицами; занятий, работ нигде никаких, а дома семейства их сидят без куса насущного хлеба. Преобладающим элементом населения Шаргорода является именно еврейский пролетариат, большинство которого – евреи, выселенные из сел и деревень... Нищета и безработица дошли до таких ужасающих размеров, что большая часть местных ремесленников буквально голодают, не имея даже каких-нибудь 3-4 копеек, чтобы купить в общественной чайной хлеба по удешевленной цене» (цит. по: [Нагребецкий: 72–73]).

Обнищание еврейского населения Шаргорода к концу XIX – началу XX вв. привело к двум последствиям. Во-первых, возросло налоговое бремя по чиншевому и свечному сборам – недоимки, которые приходилось выплачивать из коробочного сбора, который был обязателен к уплате для всех еврейских общин в черте оседлости. Он устанавливался городскими властями после консультации с руководством общины и должен был употребляться не только на уплату государственных налогов и долгов, но и на развитие социальной сферы – еврейских школ, благотворительность и т. п. Его использование исключительно на погашение долгов подрывало и без того слабую социальную инфраструктуру общины. Хотя в Шаргороде продолжало существовать частное еврейское училище для мальчиков, открытое еще в 1890-е гг.

Во-вторых, следствием ухудшения экономического положения евреев явилась их эмиграция из черты оседлости, главным образом в Америку. Поэтому к концу экономического кризиса 1900–1903 гг. еврейское население Шаргорода составляло только 1 011 человек.

Пережив кризис и депрессию, экономика России перед Первой мировой войной испытывала подъем, что сказалось и на росте благосостояния еврейских

жителей Шаргорода. Численность еврейской общины увеличилась до 5 000 человек. «Евреи держали практически все торговые заведения Шаргорода, им принадлежали четыре аптечных и шесть лесных складов, склад сельскохозяйственных машин и орудий, четыре гостиницы, мёдоваренный завод, мельница в Слободе Шаргородской и типография» [Кандель].

Первая мировая война началась 19 июля/01 августа 1914 г., а уже 4/17 августа произошла первая крупная битва на территории Подолья – у местечка Городок под Каменец-Подольским. Боевые действия на западе страны привели к фактической ликвидации черты оседлости и эмиграции евреев во внутренние губернии и за пределы империи. Де-юре черта оседлости была упразднена Временным правительством 20 марта / 02 апреля 1917 г. Постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», отменявшим любые ограничения в правах по национальному или религиозному признакам.

Подводя итоги, можно сказать, что в истории Шаргорода XVI – начала XX вв. отразились общенациональные процессы, проходившие сначала на границе России и Речи Посполитой, Запорожской сечи и Османской империи, а затем на юго-западных территориях Российской империи. Первоначально евреи прибывали сюда из Польши и немецких земель вслед за образованием самого города и освоением его территории. Еврейская община пользовалась покровительством польских правителей и обладала автономным самоуправлением. Планировка города практически не изменилась до нашего времени, еврейские кварталы всегда располагались в Старом городе. Синагога, построенная в 1589 г., является уникальным сооружением подобного типа по архитектурному облику и по изначальному замыслу – как часть оборонительных укреплений Шаргорода. Еврейская община на всем протяжении изучаемого периода была одной из самых крупных на Подолье, но, как и многие общины в этом крае, не избежала сильного влияния мистических течений иудаизма – саббатизма, франкизма, и особенно – хасидизма. Введение черты еврейской оседлости в 1792 г. ухудшило экономическое и правовое положение шаргородских евреев. Хозяйственная деятельность членов общины была связана с теми ограничениями, которые были введены общеимперским законодательством, разрешавшим лишь занятия ремеслом и торговлей. Положение евреев Шаргорода усугубили «Временные правила» 1882 г., а затем и экономический кризис 1900–1903 гг., что привело к вынужденной эмиграции части еврейского населения за пределы Российской империи. Улучшение социально-экономических условий быта и жизни стало наблюдаться в связи с экономическим подъемом в стране перед Первой мировой войной. Но начавшиеся уже в начале августа 1914 г. боевые действия

на Подолье фактически привели к ликвидации черты оседлости и кардинальному изменению общенациональной ситуации в стране. Сохранившиеся до наших дней жилые дома еврейских жителей Шаргорода свидетельствуют об их своеобразном социально-бытовом укладе и культуре.

Примечания

¹ 100 еврейских местечек Украины: исторический путеводитель. 2-е изд., испр. и доп. / ред.-сост. В. Лукин, Б. Хаймович. Харьков: Тарбут Лаам; Иерусалим; СПб.: Изд-во Петербургского еврейского университета, 1997. Вып. 1: Подолия. 319 с.

² 100 еврейских местечек Украины: исторический путеводитель / В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. СПб.: Изд. А. Гершт, 1997. Вып. 2: Подолия. 2000. 704 с.

³ Обзор Подольской губернии за 1892 год. Каменец-Подольск: Губ. тип., 1893. 182 с.

⁴ Визначні пам'ятки Вінниччини: альбом / Вінниц. обл. краєзн. музей; відп. за випуск К. Висоцька. Вінниця, 2011. 220 с.

⁵ Шнайдер Е. Шальной штетл Шаргород. URL: <https://ujew.com.ua/shal-noj-shtetl-shargorod> (дата обращения: 15.12.2020).

⁶ Історія української архітектури / ред. В. Тимофієнка. Київ: Техніка, 2003. 471 с.

⁷ Архив Юго-Западной России. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. Ч. VII. Т. 2. С. 394–412.

⁸ Иллюстрированный путеводитель по Юго-Западным казенным железным дорогам / сост. П.Н. Андреев. К.: Тип. С.В. Кульженко, 1898. С. 145.

⁹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М: Юридическая литература, 1991. 496 с. С. 439.

¹⁰ Шаргород. Винницкая область. URL: <http://myshtetl.org/vinnitskaja/shargorod.html> (дата обращения: 15.12.2020).

¹¹ Подолия. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/13253/> (дата обращения: 10.12.2020).

¹² Бондаренко А. Шаргород. URL: <https://ukrainaincognita.com/ru/kostely/shargorod> (дата обращения: 10.12.2020).

¹³ Временные правила. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/10979/> (дата обращения: 12.12.2020).

Список литературы

Андрющенко И.А. Культурологическая регионалистика: в поисках методологии // Таврические студии. Сер.: Культурология. 2013. № 4. С. 35–40.

Багдасарян В.Э. Антироссийские исторические мифы. СПб: ООО «Питер», 2016. 384 с.

Безнюк Д.К. Цивилизационные войны: наука, идеология и язык как оружие // История и общественно-гу-

манитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира / Материалы круглого стола. Минск: Ковчег, 2014. С. 3–7.

Воловик В.Н. Этнокультурные ландшафты местечек Подолья // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 3. № 2. С. 191–207.

Ивановский А.А. Об антропологическом изучении инородческого населения России. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К^о, 1902. 24 с.

Кандель Ф.С. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи. URL: <https://history.wikireading.ru/202188> (дата обращения: 15.01.2021).

Лавочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1–3. С. 446–453.

Малаков Д.В. По Восточному Подолью (от Жмеринки до Могилева-Подольского). М.: Искусство, 1988. 188 с.

Нагребецкий А.Н. Шаргород – еврейское местечко. Винница: ГП «ГКФ», 2011. 264 с.

Петров Н.И. Подолья. Историческое описание. СПб.: Тип. тов-ва «Обществ. польза», 1891. 401 с.

Пламеницкая О. Сакральна архітектура Кам'янець на Поділлі. Кам'янець-Подільський: Абетка, 2005. 388 с.

Полухин Л. М. Кривонос, Д. Нечай, И. Богун – народные герои Освободительной войны 1648–1654 гг. Киев: Госполитиздат, 1954. 40 с.

Розина В.А. Информационные войны в период политической консолидации // Обозреватель-Observer: науч.-аналитич. журнал, 2015. № 9. С. 79–86.

Стрелецкий В.Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. 2007. № 5. С. 3–13.

Элькинд А.Д. Евреи. Сравнительно антропологическое исследование, преимущественно по наблюдениям над польскими евреями. М.: Типо-лит. Васильева, 1903. 458 с.

Isard W. et al. Ecologic-economic analysis for regional development. New York, 1972, 283 p.

Iwo Cyprian Pogonowski. Jews in Poland. A documentary history. Nowy Jork, Hippocrene Books, 1998, 425 p.

Jasienica P. Polska Piastow. Warszawa, Proszynski i S-k, 2007, 396 p.

Rebecca Weiner. The Virtual Jewish History Tour – Poland. Jewish Virtual Library. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/> (дата обращения: 12.12.2020).

Regionale politische Kultur, ed. by H.G. Wehling. Stuttgart; Berlin; Koeln; Mainz, Kohlhammer, 1985, 163 p.

Stanisław Kot. Polska rajem dla Żydów, piekłem dla chłopów, niebem dla szlachty. Warszawa, 1937; Tadeusz

Rutkowski, Stanisław Kot, 1885–1975: biografia polityczna. Warszawa, DiG, 2000, 458 p.

Weinryb B.D. The Jews of Poland: A social a. econ. history of the Jew. community in Poland from 1100 to 1800, by Bernard D. Weinryb. Philadelphia, Jew. publ. soc. of America, 1982, 424 c.

References

Andriushchenko I.A. *Kul'turologicheskaja regionalistika: v poiskakh metodologii* [Cultural regional studies: in search of methodology]. *Tavrisheskie studii. Seriya: kul'turologiia* [Tavrisheskie studios. Series: Culturology], 2013, № 4, pp. 35–40. (In Russ.)

Bagdasarian V.E. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. SPb, OOO «Piter» Publ., 2016, 384 p. (In Russ.)

Bezniuk D.K. *Tsivilizatsionnye voiny: nauka, ideologiya i iazyk kak oruzhie* [Civilizational Wars: Science, Ideology and Language as Weapons]. *Istoriia i obshchestvenno-gumanitarnye nauki kak instrument tsivilizatsionnoi voiny protiv Russkogo mira* [History and Social Sciences and Humanities as an Instrument of the Civilizational War against the Russian World]. Minsk, Kovcheg Publ., 2014, pp. 3–7. (In Russ.)

Volovik V.N. *Etnokul'turnye landshafty mestechek Podol'ia* [Ethnocultural landscapes of the small towns of Podillya]. *Kul'turnaia i humanitarnaia geografiia* [Cultural and humanitarian geography], 2013, vol. 3, № 2, pp. 191–207. (In Russ.)

Ivanovskii A.A. *Ob antropologicheskom izuchenii inorodcheskogo naseleniia Rossii* [On the anthropological study of the foreign population of Russia]. Moscow, Tipo-lit. A.V. Vasil'eva i K^o Publ., 1902, 24 p. (In Russ.)

Kandel' F.S. *Evrei Rossii. Vremena i sobytia. Istoriia evreev Rossiiskoi imperii* [Jews of Russia. Times and events. History of the Jews of the Russian Empire]. URL: <https://history.wikireading.ru/202188> (access date: 15.01.2021). (In Russ.)

Lavochkina N.A. *Regional'naia identichnost': poniatie i sushchnost'* [Regional identity: concept and essence]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniï* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2016, № 1-3, pp. 446–453. (In Russ.)

Malakov D.V. *Po Vostochnomu Podol'iu (ot Zhmerinki do Mogileva-Podol'skogo)* [Along the Eastern Podillia (from Zhmerinka to Mogilev-Podolsky)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988, 188 p. (In Russ.)

Nagrebetskii A.N. *Shargorod – evreiskoe mestechko* [Shargorod is a Jewish town]. Vinnitsa, GP «GKF» Publ., 2011, 264 p. (In Russ.)

Petrov N.I. *Podoliia. Istoricheskoe opisanie* [Podolia. Historical description]. SPb., Publ. tov-va «Obshchestv. Pol'za», 1891, 401 p. (In Russ.)

Plamenitskaia O. *Sakral'na arkhitektura Kam'iansia na Podilli* [Sacral architecture of Kam'yantsya on Po-

dilli]. Kam'ianets'-Podil'skii, Abetka Publ., 2005, 388 p. (In Russ.)

Polukhin L. M. *Krivosos, D. Nechai, I. Bogun – narodnye geroi Osvoboditel'noi voiny, 1648–1654 gg.* [Bogun – national heroes of the Liberation War of 1648–1654]. Kiev, Gospolizdat Publ., 1954, 40 p. (In Russ.)

Rozina V.A. *Informatsionnye voiny v period politicheskoi konsiumerizatsii* [Information wars in the period of political consumerization]. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel'-Observer* [Scientific-analytical journal Observer-Observer], 2015, № 9, pp. 79–86 (In Russ.)

Streletskii V.N. *Istoricheskaia geografiia i regionalistika: puti i perspektivy vzaimodeistviia* [Historical Geography and Regional Studies: Ways and Prospects of In-

teraction]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 2007, № 5, pp. 3–13 (In Russ.)

El'kind A.D. *Evrei. Sravnitel'no antropologicheskoe issledovanie, preimushchestvenno po nabliudeniiam nad pol'skimi evreiami* [Jews. Comparative anthropological research, mainly based on observations of Polish Jews]. Moscow, Tipo-lit. Vasil'eva Publ., 1903, 458 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 27.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИВАНОВСКОМ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1941–1943 ГГ.

Балахонова Мария Андреевна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, mary.1995@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Великая Отечественная война поставила перед системой высшего образования новые и сложные задачи. Требовалось не только сохранить систему подготовки кадров для народного хозяйства страны, но и сосредоточить внимание на разработке новых материалов, необходимых фронту и тылу. Ивановский химико-технологический институт (ИХТИ) занял в этом процессе достойное место. Данная статья посвящена деятельности ИХТИ в 1941–1943 гг., его роли в подготовке кадров для химических заводов, в разработке красителей для текстильной промышленности, изготовлении в сложнейших военных условиях осени 1941 г. бутылок с зажигательной смесью и т. д. Кроме того, в ней рассматриваются проблемы организации учебного процесса, участие студенчества в заготовке топлива, уборке урожая, работе на промышленных предприятиях. Представленные в статье сведения о трудовом героизме студентов и учёных вуза усиливают общие знания о вкладе ИХТИ в обеспечение потребностей фронта и тыла в 1941–1943 гг. При написании статьи привлекаются документы Государственного архива Ивановской области, вводимые в научный оборот впервые, что придаёт ей особенную новизну, а также источники личного происхождения, представляющие собой воспоминания студентов ИХТИ военных лет, которые делают её наиболее интересной к прочтению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ивановский химико-технологический институт (ИХТИ), кафедры вуза, «коктейль Молотова», научная деятельность, организация учебного процесса, спецпродукция, сульфазол, «фронту и тылу»

Для цитирования: Балахонова М.А., Околотин В.С. Организация учебного процесса и научной деятельности в Ивановском химико-технологическом институте в 1941–1943 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 70–75. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-70-75>

Research Article

ORGANISATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AND SCIENTIFIC ACTIVITY AT IVANOVO INSTITUTE OF CHEMICAL TECHNOLOGY IN 1941–1943

Maria A. Balahonova, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, mary.1995@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin, doctor of historical Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. World War II posed new and complex challenges for the higher education system. It was necessary not only to preserve the system of training personnel for the national economy of the USSR, but also to focus on the development of the new materials necessary for the front and the rear. Ivanovo Chemical Technology Institute (ICTI) took a worthy place in this process. This article is devoted to the activities of the ICTI in 1941–1943, its role in the training personnel for the chemical plants, in the development of the dyes for the textile industry, in the manufacture of Molotov cocktails in the most difficult military conditions in the fall of 1941, etc. In addition, we examine the problems of the organising the educational process, the participation of the students in the procurement of fuel, the harvesting, the work at industrial enterprises. The information presented in the article about the labour heroism of the students and the scientists of the institute, strengthens the general knowledge about the contribution of the ICTI to meeting the needs of the front and the rear in 1941–1943. In the article we use the documents of State Archive of Ivanovo Region, introduced into scientific circulation for the first time, which gives it a special novelty, as well as sources of personal origin, which are the memories of the students of the ICTI during the war years which make it the most interesting to read.

Key words: World War II (East Front), Ivanovo Chemical Technology Institute (ICTI), institute departments, “Molotov cocktail”, scientific activities, organisation of educational process, special products, sulfazole, “front and rear”

For citation: Balahonova M.A., Okolotin V.S. Organisation of the educational process and scientific activity at Ivanovo Institute of Chemical Technology in 1941–1943. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 70–75 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-70-75>

Проблема деятельности Ивановского химико-технологического института в годы Великой Отечественной войны отчасти уже нашла освещение в работах местных краеведов. Образцовыми работами считаются исторические очерки «За горизонтом горизонт. Ивановскому государственному химико-технологическому университету 75 лет», «Ивановский химико-технологический институт за 50 лет, а также фундаментальные труды «Ивановская область в годы войны», «Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях» и др.

Цель данной статьи – проанализировать организацию учебного процесса и научно-исследовательскую деятельность в Ивановском химико-технологическом институте в 1941–1943 гг. Выбранные хронологические рамки объясняются тем, что именно в эти годы вуз столкнулся с наибольшими трудностями.

Источниковую базу исследования представляют делопроизводственные документы из фондов ГАИО П-327 и Р-1510, которые вводятся в научный оборот впервые. К ним относятся обращения, решения и заметки партийного руководства области. Также немаловажное значение представляют источники личного происхождения. К ним относятся воспоминания студентов Ивановского химико-технологического института военного периода, в частности Н.К. Воловиной, Л.И. Лядовой и Л. Радченко.

Методологическую основу работы составляют историко-генетический, типологический и идеографический методы, первый из которых позволяет описывать характерные черты рассматриваемого объекта, второй – систематизировать материал, сгруппировав его на основании общих признаков, третий – проводить биографический анализ.

В условиях военного времени высшие учебные заведения в Ивановской области продолжили подготовку высококвалифицированных кадров для народного хозяйства страны. Газета «Правда» в передовой статье «Советская высшая школа в Отечественной войне», вышедшей в начале 1942 г., писала: «Война не может и не должна ослабить учебный труд в нашей стране. Больше, чем когда бы то ни было, нам нужны специалисты в важнейших областях производства и культуры». Бесперебойно работало большинство учебных заведений, оставшихся в тылу, в том числе Ивановский химико-технологический институт [Маин: 30]. Организация в нем учебного процесса по подготовке квалифицированных кадров для оборонной промышленности страны и результатах научной деятельности его профессорско-преподавательского состава и будут рассмотрены в данной статье.

Ивановский государственный химико-технологический институт – одно из высших учебных заведений в городе Иваново, который был образован в 1930 г. в результате реорганизации Иваново-Вознесенского

политехнического института (ИвПИ). В 1938 г. институт имел 18 кафедр, среди которых 9 кафедр были естественного профиля, 7 – физико-математического и всего 2 – гуманитарного. Такое большое количество кафедр объяснялось потребностями развивающейся промышленности, ростом числа отраслевых предприятий, а также необходимостью готовить инженеров с целенаправленной специализацией [За горизонтом горизонт: 59].

В 1941–1943 гг. ИХТИ сыграл важную роль в производстве медицинских препаратов, электрических приборов, защитных тканей, химического оружия и другой важной для области продукции. Данное направление деятельности отличало его от других вузов области, в результате чего он становился одним из самых значимых высших учебных заведений, действующих в регионе в военные годы.

В ходе индустриализации страны потребность народного хозяйства страны в инженерных кадрах значительно возросла, что привело к увеличению числа абитуриентов в вузе. Если до 1930 г. их количество варьировалось от 200 до 300 человек, то после 1930 г. темпы роста набора в вуз стали нарастать, и в 1940 г. в институте обучалось более 1000 студентов. Контингент преподавателей с 11 человек в 1918 г. к 1940 г. был увеличен до 124 [За горизонтом горизонт: 60].

Великая Отечественная война стала неожиданным и суровым испытанием в целом для всей страны, системы высших учебных заведений и химико-технологического института в частности. Резко оборвалась мирная жизнь, начался самый сложный процесс формирования единого боевого лагеря страны.

Организация учебного процесса. Указ Президиума Верховного Совета от 23 июня 1941 г. о мобилизации населения охватывал территорию Ивановской области, входившей в состав Московского военного округа [Околотин 2016: 16]. В 1941–1943 гг. по мобилизации в Красную армию из ИХТИ были направлены 24 преподавателя, 112 сотрудников и 173 студента. 35 студентов, из которых 23 были девушками, ушли на фронт добровольно¹. В итоге институт проводил в армию свыше 200 человек, в результате чего его контингент уменьшился и составил около 100 преподавателей и 800 студентов.

О трудностях учебного процесса в 1941–1943 гг. свидетельствует тот факт, что начиная с 1941/42 гг. летние каникулы были сокращены до 1 месяца, а зимние – вовсе ликвидированы. Срок обучения в институте уменьшался до 3 лет 4 месяцев. Практически на всех курсах были одни девушки. Для них были составлены особые, переходные учебные планы, рассчитанные на восьмичасовую работу студентов по расписанию и дополнительную – дома. Помимо занятий студенты работали в лабораториях, подбирали литературу в библиотеках. Однако, несмотря на все труд-

ности, студенты продолжали достойно работать. По успеваемости был выявлен 61 % отличных и хороших отметок [Ивановский химико-технологический институт: 81].

По словам Л.И. Лядовой, выпускницы ИХТИ 1946 г., тетрадей для конспектирования лекций не хватало, поэтому очень часто для этой цели использовали оборотную сторону старых довоенных плакатов. В лабораториях не хватало оборудования (химические колбы, электрические лампочки и т. д.) Кроме учебной нагрузки была ещё и физическая. Занятия по физкультуре пропускать было нельзя, и на них была очень строгая дисциплина, сдавались нормы БГТО².

Сотрудники и студенты, оставшиеся в стенах родного вуза, оказывали посильную материальную помощь бойцам Красной армии. В 1941–1943 гг. для бойцов Красной армии они собрали 2 170 теплых вещей и белья³. В 1942 г. в фонд обороны страны студенты перечислили 40 тыс. руб. деньгами и 20 тыс. руб. облигациями. Одновременно институт проявлял заботу о семьях сотрудников, мобилизованных в армию. Помощь выражалась в устройстве на работу членов их семей, ремонте квартир, снабжении дровами и т. д. [Ивановский химико-технологический институт: 81].

Для оказания помощи раненым в институте были созданы сандружины, а для устранения последствий от возможных воздушных налетов немецкой авиации – военизированные отряды, объединившие 340 девушек и 120 юношей. В свободное от учебы время студенты-бойцы таких отрядов занимались изучением основ противовоздушной и химической обороны (ПВХО), агитационной работой среди населения. Сандружинницы учились на курсах медсестёр, другие студентки получали военную специальность радисток и т. д. Н. Рупосова стала инициатором донорского движения среди студентов и преподавателей вуза. Ее поддержали студентки С. Розанова, Н. Цветкова, Л. Березина, З. Жохова, Е. Романович [Великая Отечественная война: 167]. Всего же в коллективе ИХТИ было 345 доноров, из них около 200 человек студентов, а Н. Рупосова и Л. Березина сдавали кровь по 7 раз⁴.

Студенты ИХТИ постоянно привлекались для различных работ на промышленные предприятия и в сельское хозяйство. В первые военные летние каникулы 1941 г. из числа студентов 70 человек были заняты на работе в промышленности и 450 человек – в сельском хозяйстве. Студенты, как правило, перевыполняли нормы, получая самые хорошие отзывы. Так, директор совхоза «Текстильщик» отмечал, что студенты ИХТИ проявили себя как наилучшие работники, ежедневно выполняя 200 % нормы [Ивановский химико-технологический институт: 81]. С 9 октября 1941 г. по 1 января 1942 г. сотрудники и студенты института работали на строительстве оборонительных сооруже-

ний на линии Иваново – Кострома. Выходили по 40–60 человек. [Великая Отечественная война: 168].

О работе на торфопредприятии также рассказывала Л.И. Лядова. Из её слов следует, что всё лето у студентов были не каникулы, а тяжёлый труд, исключительно необходимый в условиях военного времени. Нужно было создавать запас топлива для вуза и других учреждений г. Иванова. Особенно жаловались студенты на работу при заготовке сырого торфа, поскольку он был тяжёлым и выскальзывал из рук⁵.

Ещё одно воспоминание выпускница приводит о труде на предприятии по изготовлению искусственной подошвы. Л.И. Лядова вспоминает, как она грузила резину в вагоны зимой. Поскольку резина была мерзлая, она становилась тяжелой в подъёме, и сил на такую работу практически не хватало. Кроме того, от нее сильно пачкалась одежда, да и все тело. Даже после бани следы от сажи долго оставались на руках и лице⁶.

И все же, несмотря на восьмичасовой график учебных занятий в институте, тяжёлый физический труд в промышленности и сельском хозяйстве, сложные бытовые условия, трудовой коллектив ИХТИ продолжал жить и напряженно работать. Об этом говорила в своих воспоминаниях Л. Радченко, выпускница ИХТИ 1945 г., отмечая, что их студенческая жизнь сопровождалась не только напряженными занятиями в сложных бытовых условиях, но и тяжёлым физическим трудом в свободное от учебы время. Где только они не работали: на природе, в госпитале, на предприятиях и т. д. Самые смелые становились участниками донорского движения. Питание было очень скудным⁷.

Однако в учебном процессе были и светлые моменты. 5 мая 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление № 629 «О плане приёма в вузы и мероприятия по укреплению высших учебных заведений». Согласно содержанию постановления в 1942 г. предполагалось принять в вузы страны 96 125 человек «с распределением контингента приёма по наркоматам». Вступительные испытания не сдавали выпускники, имеющие в аттестатах оценки «отлично» и «хорошо». Другие лица поступали в институты только при наличии мест, а при их недостатке – через конкурсные приёмные экзамены. Постановление также обязало органы власти на местах отдать в распоряжение высших учебных заведений, не имеющих учебных корпусов и общежития, свободные помещения. Особое внимание было уделено приёму в вузы фронтовиков. В результате в 1942–1943 гг. по самым различным причинам в учебные заведения, в том числе и в ИХТИ, стали возвращаться с фронта бывшие студенты для продолжения обучения.

Научная работа в ИХТИ. В 1941–1943 гг. она также имела свою специфику и была подчинена

запросам не только оборонной промышленности, но и руководства области, особенно осенью 1941 г.

О внимании советского руководства к работе высшей школы в военных условиях свидетельствует тот факт, что в результате создания Научно-технического совета по координации и усилению научных исследований в области химии были организованы: научный поиск в области синтеза новых химических веществ и материалов, работы по снаряжению бутылок зажигательной смесью, изготовлению дымовых шашек, смазочных масел, сплавов, дезинфицирующих веществ, лекарственных препаратов и т. д. Для проведения таких разработок использовались материально-техническая база и помещения научно-исследовательских центров и институтов [Страницы героического труда химиков: 202].

В этом процессе ИХТИ сыграл важную роль. Так, осенью 1941 г. в его лабораториях осуществлялось снаряжение стеклянных бутылок с зажигательной смесью, взрывчатых веществ, медицинских препаратов и другой важной для области продукции. Свой вклад в оборону страны он продолжал вносить и в сложнейших условиях 1942 года [Околотин 2019: 310].

При ряде кафедр ИХТИ были организованы производства по выработке спецпродукции, в которой очень нуждались фронт и госпитали. Речь идет о кафедре органической химии, кафедре технологии электрохимических производств (ТЭП), кафедре аналитической химии, кафедре лаков и красок, кафедре физической химии, кафедре общей химической технологии, кафедре технологии неорганических веществ, кафедре физики.

Научная работа кафедры органической химии, которую курировал Е.А. Шилов, была сосредоточена на изучении синтезов адреналина, аскорбиновой кислоты, бриллиантовой зелени, белого и красного стрептоцида, сульфазола, сульфидина, других медикаментов [Асташева]. Сульфидин и сульфазол активно применялись в медицинской практике. Об этом свидетельствует обращение секретаря обкома ВКП(б) Г.М. Капранова к наркому химической промышленности СССР М.Ф. Денисову от 19 февраля 1942 г., где говорилось, что: «Ивановский химико-технологический институт освоил получение очень важного медицинского препарата сульфазола и организовал лабораторию для его изготовления»⁸.

На кафедре технологии электрохимических производств (ТЭП) доцент Л.Л. Кузьмин организовал производство стартерных аккумуляторов для автомашин. Об этом говорится в записке заведующего военным отделом обкома ВКП(б) И.Г. Бычкова директору химинститута А.Х. Бронникову с просьбой снарядить 1 000 штук гранат РГД для массового испытания и учебы в резервных формированиях. Это было одно из самых технологически сложных, трудоёмких,

физически тяжёлых производств. Уже в течение года было изготовлено 1 470 аккумуляторов, причём производительность была доведена до 30 штук в сутки. В организации мероприятия активное участие принимал старший преподаватель И.В. Васильчиков⁹.

В процессе работы кафедры аналитической химии, которую курировал доцент Ц.Г. Райхинштейн, был разработан и освоен метод получения глюкозы высокой частоты для медицинских целей. Профессорско-преподавательский состав кафедры организовывал и проводил занятия на определение боевых отравляющих веществ, когда требовались меры защиты от химического оружия врага. 9 марта 1942 г. исполком облсовета принял решение «О плане изготовления средств противохимической защиты для формирований МПВО». Согласно его содержанию Ивановскому химико-технологическому институту было поручено организовать производство приборов для определения боевых отравляющих веществ¹⁰.

На кафедре лаков и красок той же задаче служили научные исследования, где доцентом Г.Ф. Филиппычевым был разработан метод пропитки противоприпитных костюмов [За горизонтом горизонт: 86].

На кафедре физической химии 15 августа 1941 г. была создана лаборатория индикации боевых отравляющих веществ и исследования средств защиты, которой руководили доцент К.Н. Белоногов и профессор Е.А. Шилов. Она помогала промышленности в производстве адсорбентов, защитной ткани, разработке простейших приборов химической разведки. Активное участие в работе лаборатории проявляли ассистенты А.Н. Куракин и В.Д. Старостина. К.Н. Белоногов руководил работой по снаряжению ручных гранат и бутылок с зажигательной смесью или «коктейля Молотова». За эту работу 11 ноября 1941 г. он был отмечен благодарностью обкома ВКП(б) и Иваново-Вознесенского городского комитета обороны. Активную помощь оказывал доцент И.П. Кириллов [За горизонтом горизонт: 86].

Зачастую такая научная работа была очень опасной и проводилась в одиночку, что также нашло отражение в воспоминаниях участников и очевидцев тех далеких событий. Так, об участии в производстве необходимой для фронта продукции оставила воспоминания Н.К. Воловинская, выпускница ИХТИ 1942 г.: «Мы участвовали в производстве зажигательной смеси и спичек, горящих при высокой влажности воздуха. Предложили работу по производству гремучей ртути. Ни одного специалиста, знающего её производство, не было. Поэтому требовалось осваивать самим. В лаборатории института я работала по ночам. Так как не было исправной сушилки, боялись пересушить, от чего гремучая ртуть становилась очень опасной»¹¹.

При кафедре общей химической технологии в 1942 г. под руководством доцентов В.Н. Кисельникова и В.И. Сердюкова было организовано производство сумок химразведчика [За горизонтом горизонт: 86].

На кафедре технологии неорганических веществ в 1942 г. под руководством доцента И.П. Кириллова было организовано производство по снаряжению гранат тротилом. На кафедре производились сернокислый барий, хлористый кальций и натрий, цинк и др. Здесь же было организовано производство спичек [За горизонтом горизонт: 87].

Доцент кафедры физики И.Н. Годнев работал над темами, необходимыми для развития оборонной промышленности: «Об одной задаче внешней баллистики», «Определение дульной скорости миномёта с укороченным стволом», «Определение пороха по спектральным данным» и др. [За горизонтом горизонт: 87].

Руководство страны оценило вклад профессорско-преподавательского состава в судьбу фронта и тыла. Указом Президиума Верховного Совета СССР «За выдающиеся заслуги в области подготовки квалифицированных кадров для промышленности боеприпасов» от 25 декабря 1943 г. преподаватели и студенты ИХТИ были награждены медалями и орденами.

Таким образом, кафедры института проделали колоссальную работу по производству медицинских препаратов, электрических приборов, защитных тканей, химического оружия и другой важной для области продукции, направленную на нужды обороны страны в самые трудные 1941–1943 гг. В целом ИХТИ адаптировал учебную и научно-исследовательскую деятельность к сложнейшим военным условиям и внес посильный вклад в обеспечение фронта и тыла не только подготовкой квалифицированных специалистов, но и производством в помещениях и научных лабораториях вуза различных видов спецпродукции, востребованной фронтом и тылом.

Примечания

¹ Асташева А. Химинститут – фронту // Рабочий край. 1942. 23 февраля.

² Воспоминания выпускницы ИХТИ 1946 г. Л.И. Лядовой // Материалы музея ИГХТУ.

³ Асташева А. Химинститут – фронту // Рабочий край. 1942. 23 февраля.

⁴ Там же.

⁵ Воспоминания выпускницы ИХТИ 1946 г. Л.И. Лядовой // Материалы музея ИГХТУ.

⁶ Там же.

⁷ Воспоминания выпускницы ИХТИ 1945 г. Л. Радченко // Материалы музея ИГХТУ.

⁸ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 479. Л. 91.

⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 669. Л. 19.

¹⁰ ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 42. Д. 7. Л. 24.

¹¹ Воспоминания выпускницы ИХТИ 1942 г. Н.К. Воловинской // Материалы музея ИГХТУ.

Список литературы

За горизонтом – горизонт. Ивановскому государственному химико-технологическому университету 75 лет. Иваново: ИГХТУ, 2005. 265 с.

Ивановский химико-технологический институт за 50 лет (1918–1968 гг.) / К.Н. Белоногов, Г.В. Борухсон, А.Х. Бронников и др.; под общ. ред. К.Н. Белоногова, Л.Л. Кузьмина; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Иваново, 1968. 140 с.

Маин В.Н. Студенчество военных лет: учеб. пособие. Иваново: ИвГУ, 1981. 67 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2016. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. 343 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново, 2019. 623 с.

Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях (1418 дней на пути к Победе) / В.П. Столбов; Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2015. 311 с.

Страницы героического труда химиков в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: сборник статей и воспоминаний / АН СССР, секция хим.-технол. и биол. наук и др.; сост. П.Е. Казарян; отв. ред. Н.М. Жаворонков. Москва: Наука, 1989. 286 с.

References

Za gorizontom – gorizont. Ivanovskomu gosudarstvennomu himiko-tehnologicheskomu universitetu 75 let [Beyond the horizon is the horizon. Ivanovo State University of Chemical Technology is 75 years old]. Ivanovo, IGHTU Publ., 2005, 265 p. (In Russ.)

Ivanovskij himiko-tehnologicheskij institut za 50 let (1918–1968 gg.) [Ivanovo Institute of Chemical Technology for 50 years (1918–1968)], K.N. Belonogov, G.V. Boruhson, A.H. Bronnikov et al.; ed. by K.N. Belonogov, L.L. Kuz'min; M-vo vyssh. i sred. spec. obrazovanija RSFSR. Ivanovo, 1968, 140 p. (In Russ.)

Main V.N. *Studenchestvo voennyh let: ucheb. posobie* [Wartime student body]. Ivanovo, IvGU Publ., 1981, 67 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ivanovo region during the Great Patriotic War]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2016. Vol. 1: 22 ijunja – 31 dekabnja 1941 goda, 343 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ivanovo region during the Great Patriotic War]. Vol. 2: 1 janvarja – 31 dekabnja 1942 goda. Ivanovo, 2019, 623 p. (In Russ.)

Velikaja Otechestvennaja vojna v dokumentah i vospominanijah (1418 dnei na puti k Pobede) [The Great

Patriotic War in documents and memoirs (1418 days on the way to Victory)], V.P. Stolbov; Ivan. gos. him.-tehnol. un-t Publ., Ivanovo, 2015, 311 p. (In Russ.)

Stranicy geroicheskogo truda himikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945: sbornik statej i vospominanij [Pages of the heroic labor of chemists during the Great Patriotic War, 1941 – 1945: a collection of articles and memoirs], AN SSSR, sekcija him.-tehnol. i biol. nauk

i dr.; comp. P.E. Kazarjan] ; ed. by N.M. Zhavoronkov. Moscow, Nauka Publ., 1989, 286 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2021; одобрена после рецензирования 17.03.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 15.02.2021; approved after reviewing 27.03.2021; accepted for publication 12.05.2021.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ НЕРАВЕНСТВА И ПРАВОВОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОЦИУМА В ПОЗДНЕМ СССР (1950–1980)

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия; Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В работе исследуются факторы неравенства и источники правового размежевания производственного социума в СССР 1950–1980-х гг. В статье ставится вопрос о ключевых аспектах регионального и отраслевого неравенства советского социума. Теоретико-методологическая основа исследования связана с парадигмой «глобальной интеллектуальной истории неравенства». Большое внимание уделяется анализу понятий «сословие» и «класс» в современной историографии. Статья базируется на идеях М.А. Безнина и Т.М. Димони о правовом размежевании производственного социума в СССР и формировании особых социальных классов в советской России 1950–1980-х гг. Важную теоретическую роль играет дискуссионный тезис исследователя С.Г. Кордонского о существовании в СССР особых сословий – социально-учетных групп. Источниковая база исследования представлена официальными нормативными документами советской эпохи, статистическими данными, неопубликованными архивными документами Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В статье высказывается научная гипотеза о том, что в числе главных критериев неравенства и правового размежевания производственного социума СССР второй половины XX в. были 3 показателя: формально определенный размер заработной платы, социальное обеспечение, горизонтальная социальная мобильность.

Ключевые слова: неравенство, правовое размежевание, поздний СССР, регионы, центр, социальные классы, производственный социум, статус, социальное обеспечение.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00269.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. Региональные и отраслевые аспекты неравенства и правового размежевания производственного социума в позднем СССР (1950–1980) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 76–81. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81>

Research Article

REGIONAL AND SECTORAL ASPECTS OF INEQUALITY AND LEGAL DELIMITATION OF THE PRODUCTION SOCIETAS IN THE LATE USSR (1950–1980)

Yury S. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia; Vologda State University, Vologda, Russia. Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article examines the factors and sources of inequality and legal delimitation of the industrial societias in the USSR in the 1950–1980s. The article raises the question of the key aspects of regional and sectoral inequality of the Soviet societias. The theoretical and methodological basis of the study is associated with the paradigm of the «global intellectual history of inequality». Much attention is paid to the analysis of the concepts of «estate» and «class» in modern historiography. The article is based on the ideas of Mikhail Beznin and Tat'yana Dimoni on the legal demarcation of the production societias in the USSR and the formation of special social classes in Soviet Russia in the 1950s–1980s. An important theoretical role is played by the controversial thesis of the researcher Simon Kordonskiy on the existence of special estates – social registration groups – in the USSR. The source base of the study is represented by the official normative documents of the Soviet era, statistical data, unpublished archival documents of the Russian State Archive of Social and Political History. The article expresses a scientific hypothesis that the main criteria for inequality and legal delimitation of the production societias of the USSR included 3 indicators in the second half of the 20th century – a formally determined size of wages, social security, horizontal social mobility.

Keywords: inequality, legal delimitation, late USSR, regions, centre, social classes, industrial societias, status, social security.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Science Foundation, project 19-18-00269

For citation: Nikiforov Yu.S. Regional and sectoral aspects of inequality and legal delimitation of the production societas in the late USSR (1950–1980). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 76–81 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81>

Актуальность обращения к проблеме неравенства в СССР определяется рядом теоретико-методологических позиций. Во-первых, в международном масштабе интенсивное развитие получило такое научное междисциплинарное направление, как «глобальная интеллектуальная история неравенства». Среди ее крупнейших представительниц следует назвать таких известных исследователей, как Т. Пикетти, Дж. Стиглиц, А. Дитон, Дж. Гэлбрейт, Бр. Миланович, В. Шайдель, З. Стурман [Пикетти; Стиглиц; Deaton; Galbraith; Milanovic; Scheidel; Stuurman]. Во-вторых, в современной российской историографии исследователи все большее внимание уделяют истории развития отечественного социума, «специфике происходящих в нём трансформаций, принципах его деления на составные части, иерархическом ранжировании этих частей, способах взаимодействия между ними» [Четыре столетия: 151]. Подтверждением этого тезиса являются выход масштабной монографии уральских исследователей, посвященной социальной стратификации России XVII–XX вв. [Границы и маркеры], и ее широкое обсуждение на страницах главного академического журнала профессиональных историков «Российская история» в 2021 г. [Четыре столетия: 151–180].

Традиционное позиционирование советского социума как общества, стремящегося к бесклассовой структуре – коммунизму, можно назвать «общим местом» в официальном идеологическом дискурсе власти в СССР [Фокин]. В реальности и в СССР имело место существенное общественное неравенство. Со времен «Номенклатуры» М. Восленского акцент в историографии при изучении противоречий, которые были в советском обществе, делался главным образом на противопоставлении советского правящего класса / партократии [Восленский], с одной стороны, и беспартийных / трудящихся (производственная часть социума), с другой. Однако неравенство было гораздо шире: оно имело место и в самом производственном социуме. Этот аспект социальной структуры СССР нашел отражение в ряде оригинальных концепций. Например, исследователь С.Г. Кордонский, автор «теории административного рынка», выступил с парадоксальным тезисом о существовании в СССР особых сословий [Кордонский]. На первый взгляд, этот тезис ученого требует критичного восприятия и несет лишь долю рационализма. Однако современные отечественные и зарубежные исследователи во многом солидарны с точкой зрения Кордонского. Дискуссии о категории «сословие» [Confino: 681–699] нашли отражение в таком направлении историогра-

фии, как «история понятий» («Begriffsgeschichte»). В.Н. Круглов (ИРИ РАН) в новейшей статье 2021 г. по поводу термина «сословие» пишет, что «можно упразднить определение, но упразднить обозначаемое им явление значительно тяжелее...» Советскому режиму, «несмотря на все усилия по уничтожению старого общества, так и не удалось сломать те основы, на которых оно строилось... “сословия” возродились в самые короткие сроки и в самых неблагоприятных обстоятельствах... именно *сословность* и является естественной формой социальной стратификации для России» [Круглов: 173]. Так, С.Г. Кордонский, наполняя контентом тезис о *сословности советского социума*, подчеркивал, что «рабочим высших категорий в оборонной промышленности полагались совершенно иные уровни свободы передвижения и снабжения, нежели колхозникам, которые... были лишены до 60-х гг. XX в. права на оплату труда деньгами и права на изменение места работы и жительства» [Кордонский: 50]. М.А. Безнин и Т.М. Димони в монографии «Аграрный строй России 1930–1980-х гг.», в свою очередь, выделили и подробно охарактеризовали 5 *социальных классов советской деревни*: протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, сельскохозяйственный пролетариат [Безнин, Димони: 213–559]. Британский историк Д. Фильцер в серии работ, посвященных *рабочему классу в СССР* от сталинской индустриализации 1930-х гг. до горбачевской перестройки и распада СССР [Фильцер; Filtzer, 1986, 1994, 2002], также поддерживает традиционную понятийную схему, предусматривающую деление советского социума на классы. Возникающую терминологическую дихотомию между «сословием» и «классом» – понятиями, употребляемыми разными исследователями для обозначения одних и тех же социальных групп одной исторической эпохи, блестяще разрешает историк Э.К. Виртшафтер (США): как «сословие», так и «класс» могут интерпретироваться двояко: или как абстрактные социологические категории, транслируемые учёными на социальную реальность, или же как исторически развивающиеся концепты, которые необходимо анализировать, опираясь на разнообразные источники (административно-правовые, литературные или научные), созданные в конкретных исторических ситуациях» [Виртшафтер: 176].

С точки зрения упомянутого Кордонского, главный фактор правового размежевания находился в формально-юридической плоскости: отсутствие правоустанавливающих документов, необходимых «для участия в вольном социалистическом строительстве», – па-

спортов и трудовых книжек [Кордонский: 50]. Действительно, факт отсутствия до 1974 г. паспортов у колхозников [Безнин, Димони] подтверждает мнение Кордонского. Критериями размежевания, по Кордонскому, были документы, обозначающие положение гражданина СССР в «многомерном сословном пространстве». Паспорт, трудовая книжка, диплом / иной документ об образовании, военный билет или удостоверение военнослужащего, партийный, комсомольский, профсоюзный билеты, пенсионное удостоверение, рукописная автобиография, награды – все эти документы «фиксируют социальное происхождение человека, его положение и ступень карьеры, уровень образования, отношение к военной службе, которые создавали или ограничивали социальную мобильность» [Кордонский: 53].

Ключевыми формальными источниками для изучения правового размежевания советского производственного социума являются основной закон страны – Конституция СССР¹ и кодексы законов о труде (далее – КЗоТ). Так, советский КЗоТ 1922 г. действовал в течение 50 лет, когда с 1972 г. был введен в действие новый КЗоТ РСФСР².

Полагаю, что в числе основных критериев правового размежевания производственного социума России второй половины XX в. можно назвать по крайней мере 3 показателя. Во-первых, таким критерием выступает формально определенный / официально установленный размер заработной платы, закрепленный в нормативных документах различных отраслей народного хозяйства СССР. Во-вторых, критерием правового размежевания являются условия труда и отдыха, различные льготы, дополнительные блага, элементы социального обеспечения, связанные с реализацией социальной политики. В-третьих, выделим такой показатель, как горизонтальная социальная мобильность, связанный со свободой передвижения (внутри страны и за ее пределами).

Обратимся к более подробному рассмотрению обозначенных критериев, а также источников и векторов правового размежевания производственного социума в СССР второй половины XX в. Учитывая ограниченный объем статьи, а также критерий информативности и разнообразия, основное внимание будет сосредоточено на рабочем классе и его дифференцировании на более узкие категории.

В терминологии Кордонского сословие рабочих делилось «на группы, подсословия в зависимости от места прописки, отрасли народного хозяйства, пола, возраста, уровня образования, происхождения». Исследователь указывал на явные *элементы регионального неравенства*, существовавшие в среде производственного социума СССР: «Рабочие “средмашевских” предприятий Москвы – совсем не то сословие, что рабочие совхоза в селе под Кызылом» [Кордонский: 50].

Обратимся к опыту регионального неравенства в позднем СССР, рассмотрев его через призму архивных документов. Несмотря на то, что в СССР не было принято говорить о региональном неравенстве, теоретический тезис Кордонского подтверждается данными официальных первоисточников. Рассекреченные архивные документы – аналитические записки, отложившиеся в фонде Н.И. Рыжкова, бывшего председателя Совмина СССР (1985–1990), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), – свидетельствуют не только о больших демографических дисбалансах (отток населения из Сибири и Дальнего Востока в центр и на юг СССР), но и о социально-экономических противоречиях между регионами СССР (Восточная Сибирь, Дальний Восток, регионы Нечерноземья в средней полосе России). Так, в секретной справке 1974 г. экономический отдел ЦК КПСС сообщал, что «уровень жизни населения в центральной зоне страны, в обширной полосе Нечерноземья, заметно отстает от показателей западных и южных регионов СССР». Чиновники подчеркивали «усиление миграции, которая не соответствует интересам советского государства (экономическим и оборонным)». Они докладывали об оттоке населения «из перспективных регионов (Дальний Восток, Сибирь) в регионы с избыточной рабочей силой (Северный Кавказ, Кубань, Туркмения, Узбекистан, Молдавия, южные районы Украины), приводя статистические данные («для примера, за 5 лет Сибирь потеряла 1,2 млн чел.»). Сотрудники аппарата зафиксировали и различия в рождаемости: «...удельный вес населения региона Средней Азии и Закавказья повысился с 15 % до 20 %. Напротив, в европейской части России растет число бездетных и малодетных семей. Для примера, в 1970 г. в целом по СССР – таких семей было 57 %. В Украине и России было 61 %»³.

Коснемся некоторых аспектов *отраслевого неравенства* производственного социума СССР в ракурсе правового размежевания. Кордонский подчеркивал, что «институт профессии... эквивалентен сословной принадлежности...», «...профессионализация была... сословной социализацией» [Кордонский: 50]. Исходя из этого тезиса исследователя, можно заключить, что, вероятно, нижний уровень в правовом размежевании производственной части советского социума занимали лица, обвиненные в туеядстве⁴. Напротив, лауреаты Ленинских и Государственных премий, Герои Советского Союза и Социалистического Труда составляли, в интерпретации Кордонского, «суперэлиты советского сословного общества» [Кордонский: 51–52].

В первую очередь обратим внимание на *критерий правового размежевания, связанный с уровнем заработной платы*. С одной стороны, важнейшими официальными источниками, позволяющими проанализировать этот критерий правового размежевания, являются

статистические сборники [Труд в СССР]. Данные сборника «Труд в СССР» за 1988 г. в разделе «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям промышленности» [Труд в СССР: 189–195] позволяют детально представить дисперсию уровня зарплаты промышленно-производственного персонала с разбивкой на рабочих и служащих с 1950 г. по 1987 г., сравнив с тезисами историографии. Так, по оценкам британского историка Д. Фильцера, «в привилегированном положении» по уровню зарплаты находились угольная промышленность и черная металлургия. Напротив, низкооплачиваемыми и «политически малозначимыми» считались текстильная и другие отрасли легкой промышленности. Фильцер пишет, что «соответствующие министерства в экономических планах властей занимали второстепенное место, а рабочим этих отраслей было затруднительно вести неформальные переговоры с начальством об уровне оплаты труда» [Фильцер: 311]. Действительно, официальные данные советской статистики за 1950 г. свидетельствуют о почти 3-кратном различии в среднемесячной зарплате рабочих угольной отрасли и швейной промышленности: средняя зарплата шахтера составляла 117,2 руб., а швеи – 40,7 руб. [Труд в СССР: 190, 194].

С другой стороны, важную группу источников представляют документы, отложившиеся, прежде всего, в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ) – *нормативно-правовые акты различных министерств и ведомств*, устанавливавшие ставку и размер заработной платы, стимулирующие надбавки. Так, интересные данные относительно *соотношения оклада и премии* на советском железнодорожном транспорте в послевоенную эпоху приводит Д. Фильцер. Он писал, что «в относительно привилегированном положении находились машинисты паровозов, которые получали в дополнение к основному окладу разнообразные премии, в общей сложности равнявшиеся половине их месячного заработка» [Фильцер: 312]. Кордонский, акцентируя внимание на значимости *ведомственных подзаконных нормативных актов*, выделял в СССР так называемые «учетные сословия». Их состав, по его мнению, определялся порядком управления – «совокупностью непубличных подзаконных актов и ведомственных инструкций, фиксирующих порядок доступа к ресурсам членов сословий» [Кордонский: 51–52].

Критерий правового размежевания производственной части социума в СССР, связанный с режимом труда и отдыха, элементами дополнительного социального [Братановская; Капустина] обеспечения (дополнительный отпуск, сокращенный рабочий день, пенсионное обеспечение)⁵ очень хорошо анализируется в плоскости условного/неформального разделения отраслей промышленности на «чистые» и «грязные»,

которое нашло отражение и в научной литературе. Так, например, к отраслям, которые по советским стандартам считались относительно «чистыми», относилось машиностроение. Машиностроительные предприятия, как правило, располагались в крупных промышленных центрах и могли предложить сносные условия снабжения, проживания, профессиональное обучение. Напротив, набор кадров в угольные шахты, на стройки и предприятия черной металлургии сталкивался с определенными трудностями, несмотря на достаточно высокий средний уровень зарплаты в этих отраслях на протяжении всего советского периода [Труд в СССР: 190–191]. Из работы Фильцера следует, что угольная промышленность и черная металлургия испытывали сложности с набором и удержанием работников «в связи с неблагоприятным географическим расположением их предприятий и тяжелыми условиями труда» [Фильцер: 30, 311].

В ракурсе социальной политики важным институтом правового размежевания можно назвать деятельность отраслевых профсоюзов. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) и его отраслевые профсоюзы обеспечивали такими ресурсами, как продукты питания, путевки в санатории и дома отдыха, оплата лечения и организация профсоюзных касс взаимопомощи [Кордонский: 56].

С.Г. Кордонский метафорично описывал *привилегии, подчеркивавшие правовое размежевание в сфере потребления*: «Кому-то полагались мандарины, говяжья вырезка и импортный растворимый кофе, кому-то – хлебная пайка, а кто-то должен был благодарить партию и правительство за возможность выживать, ведя личное подсобное хозяйство» [Кордонский: 53]. Вероятно, относительно успешной в СССР была реализация социальной политики лишь на отдельных отраслевых уровнях, что способствовало дифференциации в производственном секторе экономики и размежеванию рабочего класса. В частности, на общем фоне, безусловно, выделяется железнодорожная отрасль и ее патрон в советской системе органов власти – Министерство путей сообщения (далее – МПС). МПС являлось, по выражению Д. Фильцера, «самостоятельной империей... имело собственный комплекс строительных организаций, машиностроительные, локомотиво-вагоноремонтные заводы, располагало собственной сетью школ и больниц, не подчинявшихся Министерству народного образования и здравоохранения». Так, по оценкам упомянутого Фильцера, к 1950 г. численность сотрудников МПС выросла до 3,6 млн человек, а в школах МПС к 1953 г. обучалось около 1,3 млн детей [Фильцер: 33–34].

Третий важнейший показатель правового размежевания производственного социума в СССР, который требует отдельного углубленного исследования, – горизонтальная мобильность, возможность

свободного передвижения. Так, характеризуя рубеж 1940–1950-х гг., Д. Фильцер отмечал интересную деталь в правовом статусе рабочих, набранных через систему оргнабора, которые формально считались свободно нанятыми, но по факту их «заставляли заключать трудовые договоры, существенно ограничивавшие свободу их передвижения» [Фильцер: 31]. По поводу этого аспекта Кордонский выделял такие привилегии, как право на «особые, строго нормируемые блага – доступ к зарубежной информации или поездки за границу» [Кордонский: 53].

Таким образом, среди возможных критериев исследования правового (формального и реального) размежевания производственной части советского социума следует назвать официально установленный уровень заработной платы, социальное обеспечение, включая объем социального страхования, горизонтальную социальную мобильность, включая выезд за границу, а также престиж профессии, доступ к образованию и к власти (например, возможность избрания в Верховные советы РСФСР/СССР). В числе оригинальных сюжетов, связанных с правовым размежеванием производственного социума, можно указать на перспективу исследования возможностей участия различных категорий населения в управлении производством и в политической жизни, включая период нарастания кризисных явлений в жизни СССР [Никифоров: 405–419].

Примечания

¹ Конституция (Основной закон) СССР (1977 г.) // Гарант: справ. правовая система. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 19.02.2021)

² Кодекс законов о труде РФ: (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1035/ (дата обращения: 27.02.2021)

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 653. Оп. 1. Д. 41. Л. 60.

⁴ О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни: (от 21.02.46) // Электронная библиотека исторических документов: справ. система Российского исторического общества. URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 15.12.20).

⁵ См.: Об утверждении Списка производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, работа в которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день: постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 25.10.1974 № 298/П-22 (ред. от 29.05.1991) // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/176267/> (дата обращения: 14.03.21); О гарантиях и компенсациях при переезде на работу в другую местность: Поста-

новление Совмина СССР от 15.07.1981 № 677 (ред. от 12.06.1989) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4674 (дата обращения: 14.03.21).

Список литературы

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. Вологда, 2014. 608 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.

Братановская М.С. Правовая организация управления социальным обеспечением в СССР в послевоенный период (1946–1991) // История государства и права. 2011. № 9. С. 5–8.

Виртушафтер Э.К. Новая социальная история России // Российская история. 2021. № 1. С. 174–180.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Москва: Директ-Медиа, 2019. 662 с.

Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетей, 2018. 722 с.

Четыре столетия общественной эволюции: размышления о структуре российского социума XVII–XX вв. Диалог о книге / А.Б. Каменский, Д.В. Лисейцев, В.Н. Круглов и др. // Российская история. 2021. № 1. С. 151–180.

Капустина О.В. Деятельность Советского государства по совершенствованию пенсионного обеспечения граждан (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.): дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2010. 408 с.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Общественное мнение, 2008. 216 с.

Круглов В.Н. Социальная стратификация советского: в лабиринтах явлений, трактовок, терминов // Российская история. 2021. № 1. С. 169–174.

Никифоров Ю.С. «В народном хозяйстве обостряются процессы, на которые мы не можем закрывать глаза»: проблемы СССР первой половины 1980-х годов (по материалам фонда Н.И. Рыжкова) // Научный диалог. 2020. № 9. С. 405–419.

Пикетти Т. Капитал в XXI в. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. 591 с.

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 255 с.

Труд в СССР: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. 302 с.

Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 354 с.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с.

Confino M. The «Soslovie» (Estate) Paradigm: Reflections on some open questions. *Cahiers du Monde russe*, 2008, vol. 49, № 4, pp. 681–699.

Deaton A. The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2013, 375 p.

Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928-1941. Londres, Pluto Press, 1986, 338 p.

Filtzer D. Soviet Workers and the Collapse of Perestroika: The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms, 1985-1991. Cambridge University Press, 1994, 316 p.

Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953-1964. Cambridge University Press, 2002, 340 p.

Galbraith J.K. Global Inequality and Global Macroeconomics. *Journal of Policy Modeling*, 2007, № 29 (4), pp. 587–607.

Milanovic B. Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2016, 320 p.

Scheidel W. The great leveler: violence and the history of inequality from the Stone Age to the twenty-first century. Oxford, Princeton univ. press, 2018, 504 p.

Stuurman S. The invention of humanity: equality and cultural difference in world history. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard university press, 2017, 665 p.

References

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980* [The agrarian system of Russia in the 1930-1980s]. Vologda, 2014, 608 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Povinnosti rossiiskikh kolhoznikov v 1930–1960* [Obligations of Russian collective farmers in the 1930-1960s]. *Otechestvennaia istoriia* [National history], 2002, № 2, pp. 96–111.

Bratanovskaia M.S. *Pravovaia organizatsiia upravleniia sotsial'nym obespecheniem v SSSR v poslevoennyi period* (1946-1991) [Legal organization of social security management in the USSR in the post-war period (1946-1991)]. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2011, № 9, pp. 5–8.

Virtshafter E.K. *Novaia sotsial'naia istoriia Rossii* [New social history of Russia]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2021, № 1, pp. 174–180.

Voslenskii M.S. *Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuz* [Nomenclature. The dominant class of the Soviet Union]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2019, 662 p. (In Russ.)

Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniia [Boundaries and markers of social stratification in Russia in the 17th-20th centuries: research vectors], ed. by D.A. Redina. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2018, 722 p. (In Russ.)

Chetyre stoletii obshchestvennoi evoliutsii: razmyshleniia o strukture rossiiskogo sotsiuma XVII–XX vv. Dialog o knige [Four centuries of social evolution: reflections on the structure of Russian society in the 17th-20th centuries. Dialogue about the book], A.B. Kamenskii, D.V. Liseitsev, V.N. Kruglov and etc. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2021, № 1, pp. 151–180.

Kapustina O.V. *Deiatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po sovershenstvovaniiu pensionnogo obespecheniia grazhdan (vtoraia polovina 1950-1980): dis. ... kand. istor. nauk.* [The activity of the Soviet state to improve the pension provision of citizens (second half of the 1950s-1980s): DSc thesis]. Saint Petersburg, 2010, 408 p. (In Russ.)

Kordonskii S.G. *Soslovnaia struktura postsovetsoi Rossii* [The estate structure of post-Soviet Russia]. Moscow, Obshchestvennoe mnenie Publ., 2008, 216 p. (In Russ.)

Kruglov V.N. *Sotsial'naia stratifikatsiia sovetskogo: v labirintakh iavlenii, traktovok, terminov* [Social stratification of the Soviet: in the labyrinths of phenomena, interpretations, terms]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian history], 2021, № 1, pp. 169–174. (In Russ.)

Nikiforov Yu. S. «*V narodnom khoziaistve obostriaiutsia protsessy, na kotorye my ne mozhem zakryvat' glaza*»: problemy SSSR pervoi poloviny 1980-kh godov (po materialam fonda N.I. Ryzhkova) [“In the National Economy, Processes, to which we Cannot Close Our Eyes, are Aggravated”: Problems of USSR in the First Half of the 1980s (Materials of the N.I. Ryzhkov Foundation)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2020, № 9, pp. 405–419. (In Russ.)

Piketti T. *Kapital v XXI v.* [Capital in the XXI century]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2016, 591 p. (In Russ.)

Stiglits Dzh. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future]. Moscow, Eksmo Publ., 2015, 255 p. (In Russ.)

Trud v SSSR: Statisticheskii sbornik [Labor in the USSR: Statistical collection]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1988, 302 p. (In Russ.)

Fil'tser D. *Sovetskie rabochie i pozdnyi stalinizm. Rabochii klass i vosstanovlenie stalinskoi sistemy posle okonchaniia Vtoroi Mirovoi voiny* [Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after the end of the Second World War]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 354 p. (In Russ.)

Fokin A.A. «*Kommunizm ne za gorami*»: obrazy budushchego u vlasti i naseleniia SSSR na rubezhe 1950-1960 [“Communism is not far off”: images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1950-1960s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017, 221 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.01.2021; одобрена после рецензирования 17.03.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 28.01.2021; approved after reviewing 17.03.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИКОВ

Петелин Борис Валентинович, доктор исторических наук, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, pbwtscherepowez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-5932>

Воробьева Владилена Вадимовна, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, v119a9d8a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9295-8758>

Аннотация. В политических кругах европейских стран не прекращаются попытки переформатировать историю Второй мировой войны. Особую активность проявляет Польша, где на официальном уровне, а также в статьях и выступлениях политиков, политологов и историков допускаются грубые выпады против России за ее приверженность к объективным оценкам военного прошлого. Впрочем, как отмечают авторы данной статьи, российские политики не всегда были последовательными в оценках советско-польских отношений, надеясь на достижение определенного компромисса. Если случались возражения, то они по большей части были неубедительными. В статье рассматриваются отдельные заявления и выступления, не лишённые эмоциональной окраски, свойственной высказываниям при предъявлении взаимных претензий. Однако намеренное искажение исторических фактов и свидетельств, с какой бы стороны оно не происходило, не отвечает интересам польского и российского народов, в памяти которых живут и будут жить герои Красной Армии и польского Сопротивления. Авторы отмечают, что достижению взаимного уважительного отношения к узловым проблемам Второй мировой войны не способствуют многие наслоения XVIII–XIX вв., связанные с «разделами Польши», с существованием «Царства Польского» в составе Российской империи, советско-польской войной 1920 г. Выход, как считают многие российские и польские историки, может быть только один: опираясь на документы, спокойно разобраться в сложной перипетии российско-польской истории. В противном случае, количество псевдонаучных, недобросовестных интерпретаций будет только расти.

Ключевые слова: Вторая мировая война, историческая память, Польша, Советский Союз, фальсификация истории, российские политики

Для цитирования: Петелин Б.В., Воробьева В.В. Вторая мировая война в современных интерпретациях российских и польских политиков // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 82–90. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-82-90>

Research Article

WORLD WAR II IN MODERN INTERPRETATIONS OF RUSSIAN AND POLISH POLITICIANS

Boris V. Petelin, Doctor of Historical Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, pbwtscherepowez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-5932>

Vladilena V. Vorobeva, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, v119a9d8a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9295-8758>

Abstract. In the political circles of European countries attempts to reformat the history of World War II has been continuing. Poland is particularly active; there at the official level, as well as in the articles and in the speeches of politicians, political scientists and historians crude attacks against Russia for its commitment to objective assessments of the military past are allowed. Though, as the authors of this article mention, Russian politicians have not always been consistent in evaluation of Soviet-Polish relationships, hoping to reach a certain compromise. If there were any objections, they were mostly unconvincing. Obviously, as the article points, some statements and speeches are not without emotional colouring that is characteristic, when expressing mutual claims. However, the deliberate falsification of historical facts and evidence, from whatever side it occurs, does not meet the interests of the Polish and Russian peoples, in whose memory the heroes of the Red Army and the Polish Resistance have lived and will live. The authors point in the conclusions that it is hard to achieve mutual respect to key problems of World War II because of the overlay of the 18th – 19th centuries, connected with the “partitions of Poland”, the existence of the “Kingdom of Poland” as part of the Russian Empire, Soviet-Polish War of 1920. There can be only one way out, as many Russian and Polish scientists believe – to understand the complex twists and turns of Russo-Polish history, relying on the documents. Otherwise, the number of pseudoscientific, dishonest interpretations will grow.

Keywords: World War II, historical memory, Poland, Soviet Union, historical falsification, Russian politicians

For citation: Petelin B.V., Vorobeva V.V. World War II in modern Interpretations of Russian and Polish politicians. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 82–90 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-82-90>

Насколько прав был А.С. Пушкин, когда в стихотворении «Клеветникам России» писал о «споре славян между собою», в котором верх держала то Москва, то Варшава. Идет XXI в., а конца «спору» все нет, более того, добавляются новые обстоятельства: 10 апреля 2010 г. под Смоленском произошла катастрофа польского самолета, погибли все члены польской делегации, включая президента Леха Качинского. Прошло десять лет, истинные причины катастрофы установлены, но польская сторона не прекратила поиски «доказательств виновности России». При этом всякий раз, что в прошлом, что в настоящем Варшава не признает никакой другой «правды», кроме своей. Объяснять это особенностями польского менталитета или «ущербностью» польской государственности, которая в истории не была постоянной, как это делает С.Ю. Куняев, многолетний редактор журнала «Наш современник», конечно можно. Его статья «Шляхта и мы», а затем и книга с тем же названием действительно «всколыхнула польское общественное мнение», но вовсе не в сторону отказа от явной русофобии [Куняев].

Целью данной статьи является анализ суждений о Второй мировой войне, высказанных польскими и российскими историками, политологами и политиками в контексте противостояния попыткам переформатировать ее отдельные периоды. В достижении поставленной цели привлечены высказывания, суждения, оценки, которые были проанализированы авторами с использованием методики системно-структурного и функционального анализа, сочетания исторического и логического методов, что позволяет обеспечить объективность исследования, выявить и показать изрядную долю политизации в представлениях польских интеллектуалов о Второй мировой войне, ее причинах и трагическом начале, как для Польши, так и для Советского Союза.

Разбирая «обиды» прошлых веков, не следует забывать о том, что Российская империя не раз выступала в защиту славянского мира. Большинство тогдашних его представителей – интеллектуалов разделяли идеи панславизма, о чем ярко написал Н.Я. Данилевский: «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгар (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления» [Данилевский: 127]. Насчет поляков автор оговорился не случайно. «Братской помощи» восточным, южным, да и запад-

ным (чехам, словакам) славянам от Варшавы было не дожидаться.

Переписывание далекой от нас истории должного эффекта сегодня не дает. Но если обратиться к XX в., то здесь картина иная – идет не просто «переписывание» его ключевых событий, а полное переформатирование их под нынешнюю ситуацию. Радикальные перемены в конце прошлого века, когда исчез главный победитель во Второй мировой войне – Советский Союз, побудили многих историков, журналистов, публицистов, политиков, и не только в Польше, но и у нас закрепить в общественном сознании в качестве доминирующих оценок новые интерпретации всего хода войны. Фактически создана ее «новая история», но не посредством изучения и введения дополнительных источников, а намеренным искажением той реальности, что была в действительности.

Н.А. Нарочницкая, доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы, сделавшая немало на ниве российского патриотизма, написала в преддверии 75-летнего юбилея Победы, что «никогда бы на Западе не посмели так беззастенчиво менять трактовку истории, если бы первыми не стали топтать нашу Победу наши же собственные либералы». Да, это так. Задолго до памятника Власову в Праге возторгались литературные критики «генералом и его армией», нашелся, мол, смелый, объявил войну Сталину, который «хуже Гитлера». В 90-е, как продолжает Н.А. Нарочницкая, мы «совершили грех библейского Хама. Нам за это кара сегодня» [Нарочницкая: 4–5].

В 2017 г. в Польше на государственном уровне узаконен снос памятников советским воинам-освободителям. Можно вновь сослаться на непоследовательность нашей официальной политики, но это не дает никакого права польским властям называть СССР «агрессором», а советских солдат «оккупантами». 600 тысяч жизней было отдано за освобождение Польши от реальной гитлеровской оккупации. Общие потери Красной Армии при ее освобождении, что приведены в фундаментальной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории», составили более 2 млн. человек. Только в нацистских лагерях на ее территории погибло более 800 тыс. советских военнопленных. Польские историки признают данные о людских потерях СССР и польского Сопротивления, но не более того [Польша: 465].

Вторая мировая война реконструирована со всеми подробностями многими историками, и если еще сохраняются какие-то тайны, то существенно повлиять на объективные оценки событий они вряд ли могут. Поэтому остается только одно: сомнительные интер-

претации, подстраивание их под политическую конъюнктуру, педалирование старых русофобских мифов, забвение того факта, что поляки и русские в годы войны сражались с одним врагом ради общей Победы. Никто не ставит под сомнение героизм польского Сопротивления, но следует помнить и то, что территория Польши была освобождена от гитлеровцев Красной Армией. Но написал же в свое время нобелевский лауреат Чеслав Милош, что «побежденные презирали победителей, не видя в них ни малейших достоинств» [Куняев: 6]. Наверное, такие были, но тех, кто искренне радовался приходу Красной Армии, а вместе с ней и польским бойцам из дивизии имени Костюшко, было абсолютное большинство, о чем свидетельствуют кино- и фотодокументы.

Историк из Варшавы Войцех Матерски, анализируя ситуацию в Польше после смерти маршала Пилсудского в 1935 г. отмечал, что «враждебная сдержанность» к СССР осталась, более того, СССР фактически «не существовал во внешней политике Польши» [Матерски: 100–101]. В этом не трудно убедиться, если обратиться к «чехословацкому кризису» 1938 г. Известно, что Варшава наотрез отказалась от взаимодействия с Москвой, чтобы предотвратить сползание к войне. Вместо этого Польша участвовала вместе с Германией в ликвидации Чехословакии, когда в октябре 1938 г. оккупировала Тешинскую область, именуемую в Польше Заользьем. Опубликованные документы свидетельствуют, что подобный план существовал в Варшаве еще с 1935 г., причем уже тогда эти замыслы были согласованы с Берлином, поэтому польские диверсионные группы начали действовать еще до подписания Мюнхенского соглашения¹.

Об этом в современной Польше стараются не вспоминать. В 2009 г. Лех Качинский, президент Польши в 2005–2010 гг., заявил, что его страна не «должна каяться»: «Для этого у нас нет никаких поводов. Повод есть у других. Повод есть у тех, кто к этой войне привел, кто этой войне поспособствовал»². Качинский все же обмолвился о польских «ошибках» и «грехах» перед Чехословакией, но Варшаве якобы все время приходилось лавировать между двумя тоталитарными режимами в Германии и СССР, которые обрушились на нее в сентябре 1939 г. Историк О. Назаров пишет о роли Польши в развязывании войны: «Буквально с первых дней существования Второй Речи Посполитой ее руководители грезили о Великой Польше “от моря до моря”». Захват Тешенской области был воспринят пилсудчиками как первый шаг на этом пути. Зная о желании Гитлера напасть на СССР, Варшава рассчитывала пристроиться к агрессору. 26 января 1939 г. в беседе с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом Бек заметил, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю»³.

Польские интеллектуалы в трагедии 1939 г. обвиняют Советский Союз, а вступление частей Красной Армии на тогдашнюю территорию Польши называют не иначе, как «агрессия», «удар в спину», «четвертый раздел Польши», осуществленный по сговору с Германией. Отрицая всякую правомерность в действиях СССР, который поступал в рамках своих интересов, поляки ностальгируют по потерянным восточным окраинам Речи Посполитой, поддерживая версию о мести Сталина за проигранную кампанию 1920 г. [Корнат: 387]. Реальное отношение Сталина к «революционному натиску на Запад через Варшаву» мало кого интересует. В 1926 г. Сталин в беседе с итальянскими коммунистами сказал, что «бросок на Варшаву был ошибкой тактической, но не принципиальной». Зная, что в Коминтерне по-прежнему пропагандируют идею мировой революции, Сталин не стал делиться планами построения социализма в СССР, чем он тогда по-настоящему был озабочен, а не «мстостью» Польше, которой никогда у него и не было [Терехов: 124].

«Восточные Кресы», то есть земли Западной Украины, Западной Белоруссии и Южной Литвы – это те территории, которые отошли к Польше по Рижскому договору 1921 г. и которые там привыкли считать неотъемлемой частью своей страны. Поэтому занятие этих территорий советскими войсками в сентябре 1939 г. считается даже большей трагедией, чем гитлеровская агрессия: немцы в результате поражения в 1945 г. ушли, а вот «Восточные Кресы» так к Польше и не вернулись. Варшава вряд ли надеется когда-либо вернуть себе эти земли (официально так вопрос вообще не стоит), но ей необходимо признать аморальным их отнятие, так как по результатам войны из двух агрессоров худшим воспринимается тот, кто победил и утвердил за собой «отнятые» земли [Неменский: 147].

Приращение роли СССР в разгроме фашизма и освобождении Восточной Европы от нацистского рабства имеет под собой некую «правовую» и «теоретическую» базу. После распада СССР и радикальных перемен в Восточной Европе в повестку дня была включена тема «преступлений сталинизма», о которых заговорили громче, чем о действительных преступлениях нацизма. Такая политика властей была своего рода индульгенцией к «возвращению» в Европу, в западноевропейские структуры, прежде всего, в НАТО и ЕС. Подобное стало возможным еще и потому, что в исторической науке без должного критического осмысления закрепились концепции тоталитаризма. Взятая на вооружение Западом в годы холодной войны, она не имела большого успеха, но после краха реального социализма стала чуть ли не основной, объясняющей этот крах. Коммунистические режимы были объявлены «тоталитарными», а советский, «ста-

линский» стали сопоставлять с национал-социалистическим в Германии. Единодушия в таком подходе, как отметил в своем аналитическом обзоре ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН В.П. Любин, среди историков не было не было, чего не скажешь о многих политиках и политологах [Любин: 74–76].

Так в сентябре 2019 г., во многом благодаря депутатам из Польши, Европарламентом была принята резолюция, «уравнивающая гитлеровский и советский тоталитаризмы». Главный тезис резолюции – коммунизм в Советском Союзе столь же преступен, как и нацизм в Германии, а Вторая мировая война началась именно с секретного протокола к договору этих двух стран о ненападении. Премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий эти тезисы фактически поддержал, заявив, что «преступления коммунизма начались еще до Второй мировой войны», обвинив Владимира Путина в «неоднократных попытках оболгать Польшу». При этом польская сторона сознательно умалчивает, что с 1934 г. между Польшей и Германией установились очень тесные «партнерские отношения» [Дрожжин: 318].

Президента России В.В. Путина не пригласили в Польшу на мероприятия, посвященные 80-й годовщине начала Второй мировой войны, а затем и на очередную годовщину освобождения узников Освенцима в январе 2020 г. МИД Польши объяснил свое решение тем, что Москва не заинтересована в сохранении духа исторической правды. Но не все в Польше поддерживают это решение. Бывший президент Польши и лидер профсоюза «Солидарность» Лех Валенса считает неправильным то, что руководство России не пригласило на памятные мероприятия: «Не пригласив Россию, мы лишь ухудшаем наши и без того плохие отношения. Если у нас есть возражения, давайте разговаривать, а не изолировать»⁴.

В декабре 2019 г. на пресс-конференции, а затем на саммите СНГ В.В. Путин сказал, что неоспорим тот факт, что СССР был последней европейской страной, которая подписала с Гитлером пакт о ненападении, при этом «Сталин не запятнал себя прямыми контактами с Гитлером, а руководители Франции и Великобритании с ним встречались и бумажки подписывали». Также президент отметил, что на момент ввода советских войск на польскую территорию правительство Польши уже утратило контроль над своими вооруженными силами и за тем, что происходит на территории страны, и находилось где-то в районе польско-румынской границы. После этого президент России напомнил Польше, что она «сама поучаствовала в разделе Чехословакии» и создала «целую группировку для агрессии»⁵.

По словам В.В. Путина, Европа намеренно замалчивает правду о Второй мировой войне, пытаясь переложить вину за ее начало с нацистов на коммуни-

стов. Таким способом государства Запада стремятся скрыть неудобные моменты собственной истории⁶. Депутат Европарламента от партии «Право и справедливость» Яцек Сариуш-Вольский назвал заявления Путина о роли Польши в развязывании Второй мировой войны «элементом кампании по дискредитации его страны на международной арене»⁷.

Напоминание о неприглядных эпизодах в собственной истории вызвало бурю возмущения в Варшаве. В польском МИДе обвинили российского президента во «лжи» и вызвали посла РФ. Нижняя палата польского парламента (Сейм) приняла резолюцию, в которой обвинила российские власти в манипулировании историей и ее фальсификации. В документе говорится, что СССР и Германия несут равную ответственность за начало Второй мировой войны⁸.

Развернутый ответ на заявления Владимира Путина попытался дать премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий. Он напомнил, что его страна стала первой жертвой Второй мировой войны: «Наша страна первой испытала вооруженную агрессию нацистской Германии и Советской России. Польша стала первой страной, вставшей на защиту свободной Европы». Глава польского правительства также отметил, что советско-германский договор, подписанный в конце августа 1939 г. министрами иностранных дел двух государств, в реальности не был «пактом о ненападении». «Это был политический и военный союз, разделивший Европу на две сферы влияния – вдоль линии, образованной тремя польскими реками: Наревом, Вислой и Саном. Месяц спустя граница была перенесена на линию реки Буг в результате «Германо-советского договора о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 года. Он стал прологом невыразимых преступлений, совершенных в течение последующих лет с обеих сторон этой границы»⁹. Из слов Моравецкого следует, что СССР и фашистская Германия в равной степени ответственны за начало войны.

Еще одна тема, которая прописалась в пропагандистской кампании последних лет – Варшавское восстание 1944 г., в неудаче которого польские интеллектуалы винят не эмигрантское правительство и командование Армии Крайовой, а советские власти и лично Сталина. В статье историков А. Носковой и М. Мельтюхова, размещенной на сайте посольства России в Польше, говорится: «Командование АК готовилось не к компромиссу с СССР, а к противостоянию советскому намерению иметь невраждебную Польшу на своей западной границе. Оно было готово на любые жертвы польского народа во имя возвращения правительства из эмиграции и восстановления довоенных общественных порядков в стране» [Носкова, Мельтюхов].

Варшавское восстание никаким образом не было согласовано с действиями Красной Армии, части ко-

торой с боями рвались на запад. Военный историк А. Исаев пишет: «Большое танковое сражение развернулось к северу от Варшавы. Еще одна крупная операция – борьба за плацдарм южнее столицы Польши, и резервов для помощи восставшим у 1-го Белорусского фронта физически не было. В гораздо большей степени в провале восстания приходится обвинять его руководителей и тактических командиров, которые неверно просчитали ситуацию» [Шимов, Лучка]. Даже штаб Армии Крайовой в спецразработке для внутреннего пользования признавал: «Причина неудачи сражения за Варшаву лежит в общем срыве советского наступления на Висле в результате переброски сюда в конце июня – начале августа новых немецких дивизий... Неверно предположение, будто советские войска не заняли Варшаву, потому что желали гибели оплота польской независимости» [Назаров].

Проблема в том, что в современной Польше правда никого не интересует. Миф о «предательстве Варшавского восстания Сталиным» удобен с точки зрения текущего политического момента. В польской историографии, общественном мнении распространено мнение о том, что советское политическое руководство в лице Иосифа Сталина сознательно прекратило наступление Красной армии на Варшаву для того, чтобы повстанцы Армии Крайовой были уничтожены немецкими оккупационными силами и появилось возможность позднее привезти в Варшаву просоветское правительство.

Во всех этих «рассуждениях» отсутствует какая-либо логика. С одной стороны, поляки не хотели, чтобы их освобождала Красная Армия, а с другой – ее винят в том, что не пришла на помощь восставшей Варшаве. Короткой оказывается историческая память у польских властей. В 1943 г., когда восстало Варшавское гетто, польское подполье оказалось глухо к мольбам и просьбам погибающих евреев. В стихотворении Александра Аронова (1991 г.) «Гетто. 1943» есть такие строки: «Когда горело гетто, Варшава изумлялась четыре дня подряд. И было столько треска, и было столько света, и люди говорили: “Клопы горят”». Разумеется, сегодня легче рассуждать о тех событиях, выстраивая их в соответствии с поставленной целью, отбрасывая в сторону факты и свидетельства, которые не укладываются в новейшие интерпретации.

Заявления некоторых должностных лиц выходят за рамки разумного. Так министр обороны Польши Антоний Мацеревиц (2015–2018) сказал, что СССР вступил с фашистской Германией в сговор с целью «уничтожения поляков», что участникам восстания в Варшаве пришлось отбивать «одновременно двух врагов», сговорившихся «против существования польского народа». «Эта часть истории началась с заключения пакта Молотова – Риббентропа», – вторым ее

этапом министр назвал «красную заразу и советские войска, ждущие, пока Варшава будет истреблена немецкими палачами, пока не будет совершена Вольская резня» [Лагышев].

По мнению деятелей типа Мацеревица, «советское варварство», против которого «выступили восставшие», виновато в том, что не захотело оказывать помощь восставшим против него. В сознании польских русофобов здесь нет противоречия – восстание было направлено против наступавшей Советской армии, но она (Советская армия) должна была оказать ему поддержку.

О своем видении событий августа – сентября 1944 г., а также о роли Советского Союза в провале восстания рассказал директор Музея Варшавского восстания Ян Олдаковский: «Все указывает на то, что провал Варшавского восстания был выгоден Сталину. После восстания ему не нужно было нести политическую ответственность за уничтожение сил, пытавшихся восстановить независимую польскую власть в Варшаве, поскольку это за него сделали немцы» [Шимов, Лучка].

О том же говорил заместитель министра иностранных дел Польши Павел Яблонский: «...Красная армия стояла и смотрела с другого берега Вислы, как Варшава уничтожается». И далее: публикация Министерством обороны России архивных документов к 75-летию освобождения Варшавы от фашистов – это попытка «перевернуть историю». Это было не освобождение, это было принесение нового коммунистического плена, и об этом мы должны помнить, уважая, конечно, отдельных солдат, – заявил представитель польской стороны [Ивашечкина].

Все утверждения, что Красная армия специально «задержалась» под Варшавой до января 1945 г., являются прямой ложью. Они не подтверждаются опубликованными планами советского командования, утвержденной концепцией наступления и общим состоянием дел на фронте [Бавырин].

Обострение дипломатических отношений Москвы и Варшавы идет по нарастающей. Показательной стала публикация в газете «Die Märkische Oderzeitung» статьи посла Польши в Германии Анджея Пшилебского под названием «Война началась не в 1941-м». В ней дипломат утверждает, что СССР должен разделить ответственность за начало Второй мировой войны с нацистской Германией. Он полагает, что Москва в результате получила множество выгод, и связывает это с «оккупацией Восточной Европы и Прибалтики»¹⁰.

Полякам хочется вернуть всё, что им раздали великие державы после Первой мировой, и сохранить всё, что они получили после Второй. Они жалуются на «тёмное военное прошлое России», одновременно выдвигая заоблачные репарационные требования

к Германии, хотя сами в немалом числе воевали на стороне нацистов (450–500 тыс. солдат) [Вусатюк: 152].

Ранее лидер правой партии Польши «Право и справедливость» Ярослав Качиньский заявил, что Германия и Россия должны заплатить Польше компенсацию за ущерб, нанесенный во время Второй мировой войны. Причем польские требования не имеют срока давности [Крестьянинов].

Экс-руководитель израильской службы «Натив» Яков Кедми считает, что современные польские политики переняли самые худшие качества своих далеких предков. Нынешняя антироссийская риторика является национальной чертой «польской шляхты и руководства», которая проявляется последние 400 лет. По мнению Кедми, находящиеся у власти политики, как их предшественники столетия назад, абсолютно не понимают международную обстановку, и потому продолжают предлагать варианты один хуже другого.

«С того времени было какое-то затишье. Сейчас их спустили с цепи, сняли намордники, и они полностью возвращаются к той непонятной и совершенно необоснованной националистической истерике польской шляхты двухсотлетней давности. Они уже несколько раз довели Польшу до передела. Ни Калининградская область, ни Восточная Пруссия не имеют к Польше никакого отношения. Пусть они скажут спасибо Сталину за то, что он отдал Варшаве 75% Восточной Пруссии. Зря он это сделал», – подвел итог Кедми¹¹.

В июне 2020 г. вышла в свет давно анонсированная статья президента России В.В. Путина о Второй мировой войне. В «Российской газете», а также на сайте Кремля она опубликована под заголовком «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», на английском языке – на портале National Interest «Vladimir Putin: The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II» («Владимир Путин: реальные уроки 75-летия Великой Отечественной войны»). Президент России заявил, что для сохранения исторической памяти новыми поколениями в России предусмотрена реализация масштабного проекта по формированию крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и фотоматериалов по истории Второй мировой войны, предвоенному периоду: «Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой. Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах. Продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны» [Путин].

Статья вызвала резкую реакцию Польши. Варшава обвинила российского лидера в переписывании истории. Поводом стало замечание Путина, что в трагедии Польши виновато ее собственное довоенное правительство, которое преследуя свои интересы всеми силами препятствовало созданию системы коллек-

тивной безопасности в Европе и помешало заключить англо-франко-советский военный союз, бросив «свой народ под гитлеровскую машину уничтожения».

Эта фраза вывела из себя польское руководство, которое давно живет в плену антисоветского мифа. Полякам также не понравилась фраза, что войска Красной Армии были введены в «так называемые “Восточные Кресы”», сейчас это территория Белоруссии, Украины и Литвы. Они считают, что Путин должен был написать, что СССР вторгся в Польшу в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа, то есть «совершил агрессию».

В превратное толкование статьи включились отдельные польские историки. Так Войцех Рошковский заявил, что Польша не участвовала в Мюнхенском сговоре. В его версии «Советский Союз после Мюнхена лишь искал возможности довести до начала войны в Европе, чтобы на ее развалинах вступить в игру и получить как можно большую добычу». Журналист Игорь Щенснович пошел дальше и обвинил Путина в желании устроить новую Ялтинскую конференцию. И, конечно, защитить Польшу от «российской агрессии» смогут военные силы США¹².

Профессиональный русофоб, так о нем можно прочитать на сайтах Интернета, польский журналист-международник Анджей Талага истово призывает не «улучшать отношения с Россией», так как «это всегда укрепляет позиции России в ущерб польским интересам». Поэтому никакая «перезагрузка» в польско-российских отношениях без решения «основных проблем», по его мнению, невозможна. То есть, чем хуже отношения с Москвой, тем лучше. В результате принимаются ожидаемые Польшей такие решения, как укрепление восточного фланга НАТО и расширение военного присутствия союзников на польской территории¹³.

По словам российского политолога Олега Неменского, возможность укрепления позиций России на международной арене рассматривается в Варшаве как потенциальная опасность. «Пока мы дискутируем с поляками о свободе, усилия официальной дипломатии Польши и части неправительственных организаций направлены на то, чтобы подорвать положение Москвы в Европе и лишить Россию статуса страны-победительницы, а в более далекой перспективе – членства в Совете Безопасности ООН, что неизбежно может поставить под удар и всю современную архитектуру безопасности» [Неменский: 147].

Ранее российские власти закрывали глаза на переписывание в Польше истории Второй мировой войны, которая была как для российского, так и польского народов подлинной трагедией. Если и были отдельные возражения, то они звучали по большей части неубедительно. Пришло время, опираясь на документы, спокойно разобраться в сложной перипетии

межгосударственных отношений. С таким подходом согласен бывший президент Польши Лех Валенса, о чем он рассказал в интервью газете «Собеседник» [Валенса: 12–13]. Да, видимо кое-что придется исправить полякам и нам, но это единственный выход. В противном случае, количество недобросовестных интерпретаций будет только расти, отдаляя необходимую нормализацию в отношениях между государствами.

Примечания

¹ Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 г. Предисловие Г.Ф. Матвеева // Новая и новейшая история. 2018. С. 134–156.

² Там же. С. 135.

³ Назаров О. Польские виновники Второй мировой войны. URL: <https://s30866075385.mirtesen.ru/blog/43360257128/Polskie-vinovniki-Vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 18.09.2020).

⁴ Валенса осудил Польшу за отказ пригласить Путина на годовщину начала Второй мировой. URL: <https://www.interfax.ru/world/674386> (дата обращения: 18.09.2020).

⁵ Большая пресс-конференция Владимира Путина 19 декабря 2019 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/62366 (дата обращения: 18.09.2020).

⁶ Назаров О. Польские виновники Второй мировой войны. URL: <https://s30866075385.mirtesen.ru/blog/43360257128/Polskie-vinovniki-Vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 18.09.2020).

⁷ Плотникова А. История Второй мировой по Путину: реакция в Польше. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/putin-ww-2-history-poland/5231138.html> (дата обращения: 18.09.2020).

⁸ Плотникова А. Там же.

⁹ Плотникова А. Там же.

¹⁰ Торин А. Олег Неменский: «Варшава пытается лишить Россию статуса страны-победительницы». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25517> (дата обращения: 18.09.2020).

¹¹ Кедми напомнил Польше, чем заканчиваются выпады против РФ. URL: https://politpuzzle.ru/172755-kedmi-napomnil-polshe-chem-zakanchivayutsya-upady-protiv-rf/?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 18.09.2020).

¹² Ругает Польшу, потому что испугался визита Дуды в США: поляки высказались о статье Путина. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/30062020-rugaet-polshu-potomu-chto-ispugal-sya-vizita-dudy-v-ssha-polyaki-vyskazalis-o-state-putina> (дата обращения: 18.09.2020).

¹³ Polskie Radio: чем хуже отношения с Москвой, тем Польше лучше. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/218930054> (дата обращения: 11.11.2020).

Список литературы

Бавырин Д. Вину русских за разгром Варшавского восстания оценивают не с той стороны. URL: <https://news-front.info/2019/08/01/vinu-russkih-za-razgrom-varshavskogo-voostaniya-otsenivayut-ne-s-toj-storony> (дата обращения: 18.09.2020).

Валенса Л. От Варшавы всегда было ближе до Москвы, чем до Вашингтона // Собеседник. 2020. 7 февр.

Вусатюк О.А. Война за историческую память. Как пресечь «обнуление» Великой Отечественной войны // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 145–158.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.

Дрожжин С.Н. Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией и общественное мнение современной Германии // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 310–335.

Ивашечкина В. Польша обвинила Россию в попытке «перевернуть историю» // Комсомольская правда. 2020. 17 января.

Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 349–406.

Крестьянинов В. Что делать с Польшей? // Аргументы недели. 2020. 29 января.

Куняев О.Ю. Шляхта и мы. М.: Наш современник, 2003. 272 с.

Латышев С. Исторические претензии Варшавы к России нацелены в будущее. URL: <https://news-front.info/2017/08/02/sergej-latyshev-istoricheskie-pretenzii-varshavy-k-rossii-natseleny-v-budushhee> (дата обращения: 18.09.2020).

Любин В.П. Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме: Аналитический обзор // М.: ИНИОН РАН, 2005. 120 с.

Матерски В. Польско-советские отношения (1932–1939). Узловые проблемы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М.: Наука, 2004. С. 97–111.

Назаров О. Правда и вымысел о Варшавском восстании. URL: <https://историк.рф/posts/2019/10/02/pravda-i-vymysel-o-varshavskom-voostanii.html> (дата обращения: 18.09.2020).

Нарочницкая Н.А. Грех библейского Хама // Литературная газета. 2020. 18–24 марта.

Неменский О. Вторая мировая между Россией и Польшей // Сократ. 2010. № 2. С. 146–153.

Носкова А. Ф., Мельтюхов М. И. Варшавское восстание 1944 г.: замысел и итоги. URL: https://poland.mid.ru/ob-istorii-rossii-i-rossijsko-pol-skih-otnoshenij/-/asset_publisher/xpeMk6tAITJb/content/id/24068588 (дата обращения: 18.09.2020).

Польша в XX веке. Очерки политической истории / под ред. Г.Ф. Матвеева. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Постникова Е. Ни Польше, ни меньше: почему Варшава спорит с Москвой о Второй мировой. URL: <https://iz.ru/964928/ekaterina-postnikova/ni-polshe-ni-menshe-pochemu-varshava-sporit-s-moskvoi-o-vtoroi-mirovoi>. (дата обращения: 18.09.2020).

Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 19 июня.

Терехов Н.Г. Итальянская секция Коминтерна. Сталин и «русский вопрос» // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 111–127.

Шимов Я., Лучка К. Победить нельзя сдаваться. 75 лет назад началось Варшавское восстание 01 августа 2019. URL: <https://www.svoboda.org/a/30086583.htm> (дата обращения: 18.09.2020).

References

Bavyrin D. *Vinu russkikh za razgrom Varshavskogo vosstaniya otsenivayut ne s toy storony* [The blame of the Russians for the defeat of the Warsaw uprising is assessed from the wrong side]. URL: <https://news-front.info/2019/08/01/vinu-russkikh-za-razgrom-varshavskogo-vosstaniya-otsenivayut-ne-s-toj-storony> (access date: 18.09.2020). (In Russ.)

Valensa L. *Ot Varshavy vseгда было ближе do Moskvy, chem do Vashingtona* [Warsaw was always closer to Moscow than Washington]. *Sobesednik*. [Interlocutor], 2020, 7 fevr. (In Russ.)

Vasutiuk O.A. *Vojna za istoricheskuyu pamyat'. Kak presech' "obnulenie" Velikoj Otechestvennoj vojny* [War in historical memory. How to stop the “zeroing” of the great Patriotic war]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2020, № 3, pp. 145–158. (In Russ.)

Danilevskij N.YA. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Book Publ., 1991, 576 p. (In Russ.)

Drozhdzhin S.N. *Dogovor o nenapadenii mezhdru Sovetskimi Soyuzom i Germaniej i obshchestvennoe mnenie sovremennoj Germanii* [The non-aggression Treaty between the Soviet Union and Germany and public opinion in modern Germany]. *Partitura Vtoroj mirovoj. Kto i kogda nachal vojnu?* [The score of the Second World War. Who started the war and when?]. Moscow, Veche Publ., 2009, pp. 310–335. (In Russ.)

Ivashechkina V. *Pol'sha obvinila Rossiyu v popytke "perevrat' istoriyu"* [Poland accused Russia of trying to “distort history”]. *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomol'skaya Pravda], 2020, 17 Jan. (In Russ.)

Kornat M. *Pol'sha mezhdru Germaniej i Sovetskim Soyuzom (1938–1939). Politicheskie koncepcii ministra YU. Beka i mezhdunarodnaya obstanovka* [Poland between Germany and the Soviet Union (1938–1939). Political concepts of Minister Y. Beck and the international situation]. *Mezhdunarodnyj krizis 1939 goda v*

traktovkah rossijskih i pol'skih istorikov [The International crisis of 1939 in the interpretations of Russian and Polish historians]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009, pp. 349–406. (In Russ.)

Krest'yaninov V. *CHto delat' s Pol'shej?* [What to do with Poland?]. *Argumenty nedeli* [Arguments of the week], 2020, 29 Jan. (In Russ.)

Kunyaev O.YU. *SHlyahta i my* [The Gentry and we]. Moscow, Nash sovremennik Publ., 2003, 272 p. (In Russ.)

Latyshev S. *Istoricheskie pretenzii Varshavy k Rossii naceleny v budushchee* [Warsaw's historic claims to Russia are aimed at the future]. URL: <https://news-front.info/2017/08/02/sergej-latyshev-istoricheskie-pretenzii-varshavy-k-rossii-natseleny-v-budushchee> (access date: 18.09.2020). (In Russ.)

Lyubin V.P. *Preodolenie proshlogo: Spory o totalitarizme: Analiticheskij obzor* [Overcoming the past: Disputes about totalitarianism: Analytical review]. Moscow, INION RAN Publ., 2005, 120 p. (In Russ.)

Materski V. *Pol'sko-sovetskie otnosheniya (1932–1939). Uzlovye problem* [Polish-Soviet relations (1932–1939). Nodal problems]. *Sovetsko-pol'skie otnosheniya v politicheskikh usloviyah Evropy 30-h godov HKH stoletiya* [Soviet-Polish relations in the political conditions of Europe in the 30s of the twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 97–111. (In Russ.)

Nazarov O. *Pravda i vymysel o Varshavskom vosstanii* [Truth and fiction about the Warsaw uprising]. URL: <https://istorik.rf/posts/2019/10/02/pravda-i-vymysel-o-varshavskom-vosstanii.html> (access date: 18.09.2020). (In Russ.)

Narochnickaya N.A. *Grekh biblejskogo Hama* [The Sin of the Biblical Boor]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 2020, 18–24 mart. (In Russ.)

Nemenskij O. *Vtoraya mirovaya mezhdru Rossiej i Pol'shej* [World War II between Russia and Poland]. *Sokrat* [Sokrat], 2010, № 2, pp. 146–153. (In Russ.)

Noskova A. F., Mel'tyuhov M. I. *Varshavskoe vosstanie 1944 g.: zamysel i itogi* [The Warsaw Uprising of 1944: plan and results]. URL: https://poland.mid.ru/obistorii-rossii-i-rossijsko-pol'skih-otnosenij/-/asset_public_sher/xpeMk6tAITJb/content/id/24068588 (access date: 18.09.2020). (In Russ.)

Pol'sha v HKH veke. Ocherki politicheskoy istorii [Poland in the twentieth century. Essays on Political History], ed. By G.F.Matveeva. Moscow, Indrik Publ., 2012, 952 p. (In Russ.)

Postnikova E. *Ni Pol'she, ni men'she: pochemu Varshava sporit s Moskvoy o Vtoroj mirovoj* [Neither Poland, nor less: why Warsaw is arguing with Moscow about the Second World War]. URL: <https://iz.ru/964928/ekaterina-postnikova/ni-polshe-ni-menshe-pochemu-varshava-sporit-s-moskvoi-o-vtoroi-mirovoi> (access date: 18.09.2020). (In Russ.)

Putin V.V. *75 let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim* [75 years of the

Great Victory: shared responsibility to history and the future]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 2020, 19 Jun. (In Russ.)

Terekhov N.G. *Ital'yanskaya sekciya Komintern. Stalin i "russkij vopros"* [Italian section of the Comintern. Stalin and the Russian question], *Novaya i novejshaya istoriya* [New and recent history], 2020, № 5, pp. 111–127. (In Russ.)

SHimov YA., Luchka K. *Pobedit' nel'zya sdavat'sya. 75 let nazad nachalos' Varshavskoe vosstanie 01 avgusta 2019* [To win, you can't give up. 75 years ago, the

Warsaw uprising began on August 01, 2019]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30086583.htm> (access date: 18.09.2020). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2021; одобрена после рецензирования 28.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 11.03.2021; approved after reviewing 28.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 91–95. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 91–95. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-91-95>

РЕДАКТОРСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ: Н.А. НЕКРАСОВ, Л.Н. ТОЛСТОЙ, Н.Н. СТРАХОВ

Щербакова Марина Ивановна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, m-shcherbakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

Аннотация. Автор статьи оценивает особое редакторское видение Некрасова, с первых произведений прозревшего в Толстом будущего большого писателя, а в Страхове – человека, близкого к литературе, но изначально имевшего задатки критика, а не художника слова. В статье отмечается особая заслуга Некрасова в открытии новых талантов и поддержке начинающих литераторов, анализируется манера и специфика первых произведений Толстого и Страхова, присланных в журнал Некрасова «Современник». Автор работы обращается к истокам литературного пути писателя и критика, обозначает их своеобразные схождения в темах: оба начинающих автора находились под сильным влиянием сентиментальной традиции и были внимательны к душевным исканиям, но при этом объясняет различие таланта Толстого и Страхова, проявившееся даже в отношении к своим первым художественным произведениям, о чем можно судить по их письмам к Некрасову.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов, редакторская работа, первые произведения, путь художника, литературная критика

Для цитирования: Щербакова М.И. Редакторское предвидение: Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 91–95. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-91-95>

Research Article

EDITORIAL FORESIGHT: NIKOLAY NEKRASOV, LEO TOLSTOY, NIKOLAY STRAKHOV

Marina I. Shcherbakova, DSc in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, m-shcherbakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

Abstract. The author of the article assesses the special editorial vision of Nikolay Nekrasov, from the first works of the future great writer who saw his sight in Leo Tolstoy, and in Nikolay Strakhov – a person close to literature, but who initially had the makings of a critic, not an artist of the word. The article notes the special merit of Nikolay Nekrasov in the discovery of new talents and support of novice writers, we analyse the manner and specificity of the first works of Leo Tolstoy and Nikolay Strakhov, sent to Nikolay Nekrasov's journal *Sovremennik* (The Contemporary). The author of the work turns to the origins of the literary path of the writer and critic, denotes their peculiar convergence in themes: both novice authors were strongly influenced by the sentimental tradition and were attentive to spiritual quests, but that at the same time explains the difference in the talent of Leo Tolstoy and Nikolay Strakhov, which manifested itself even in relation to their own first works of fiction, as can be judged by their letters to Nikolay Nekrasov.

Keywords: Nikolay Nekrasov, Leo Tolstoy, Nikolay Strakhov, editorial work, first works, artist's path, literary criticism

For citation: Shcherbakova M.I. Editorial foresight: Nikolay Nekrasov, Leo Tolstoy, Nikolay Strakhov. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 91–95 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-91-95>

Н.А. Некрасов для Толстого и Страхова был старшим современником, хотя разница в возрасте составляла только семь лет. Оба – и Толстой, и Страхов – родились осенью 1828 г. Ко времени пересечения в самом начале 1850-х гг. трех творческих судеб издательский гений Некрасова уже проявил себя в полную силу при подготовке и выпуске альманахов «Стайки в стихах без картинок» (1843), «Физиология Петербурга» (1845), «1 апреля» (1846), «Петербургский Сборник» (1846). Эти издания стали подлинным событием в истории отечественной литературы и важным этапом, предопределившим приобретение на рубеже 1846–1847 гг. Некрасовым и Панаевым журнала «Современник».

Столь ранний успех 25-летнего Некрасова как редактора и организатора имел в основе своей и большой художественный талант, находившийся пока еще в поиске своего пути; и несомненные деловые качества, всегда отличавшие ярославцев; и редкую работоспособность, о которой сохранились впечатляющие воспоминания и свидетельства. Для каждого готовившегося номера «Современника» Некрасов прочитывал по 12 тысяч рукописных страниц, держал до ста страниц корректуры, готовил собственные авторские тексты и переправлял чужие. Хорошо известно его признание: «Случается писать без отдыха более суток, и как только паралич не хватил правую руку».

Именно Некрасову – его особому редакторскому чутью – русская классическая литература обязана счастливо сложившейся творческой судьбой молодых писателей: Тургенева, Достоевского, Гончарова, Григоровича, Герцена, Огарева, Ап. Майкова, Островского, Салтыкова-Щедрина, Гл. Успенского и др.

Осенью 1850 г. в числе других рабочих материалов готовившегося номера Некрасов прочитал повесть, присланную в редакцию «Современника» молодым неизвестным литератором. По прочтении, синим редакторским карандашом на титульном листе рукописи сформулировал свой отзыв: «В авторе есть талант, слог его также хорош, манера довольно оригинальна. Но напечатать этой повести нельзя – цензура найдет ее скандальной, безнравственной – и зарубит» [Литературное наследство: 86].

К рукописи было приложено письмо молодого автора, адресованное редактору: «Вполне уверенный в высоком достоинстве этого сочинения и в тонкой пронизательности редакции, я не сомневаюсь в благосклонности ее суда. Особенно если редакция, как мне бы весьма желательно было, будет смотреть на рукопись с высшей психологической точки зрения, как на проявление умственной и нравственной деятельности человека в данных обстоятельствах, в данный момент его жизни» [Литературное наследство: 85].

Повесть называлась «По утрам», ее автором был Н.Н. Страхов. Отзыв Некрасова опубликован в двоем-

ном 53–54 томе «Литературного наследия» в 1949 г. Сама титульная страница с автографом Некрасова, как и рукопись целиком, находятся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины, в фонде Страхова.

События повести «По утрам» отнесены к лету 1850 г. – последнему каникулярному лету Страхова-студента. Кроме обращения «Читателю», в повести 12 глав, названных: утро 1, утро 2, утро 3 и т.д. Главы представляют собой дневниковые записи, делавшиеся повествователем в течение месяца: с 15 июня по 15 июля. Авторский замысел Страхова заключался в том, чтобы сначала яркими красками изобразить «возмутительные пробуждения чувственности, смущавшей некогда холодные занятия» героя, а затем, после некоторой борьбы, торжество духа над телом. Увлечения молодости неизбежны, но они, как показано в повести, мимолетны и, главное, не могут заглушить духовные порывы. Герой отказывается от увлечений «без грусти и тоски» и старается «воспитать в себе строгость мысли и чувства, строгость, оскорбляемую этими воспоминаниями». «Не должно ли, – спрашивает он, – изменить всю деятельность нашу, от ее начала до конца, или, по-прежнему, есть, спать, грешить и, одним словом, делать все то, что называется жизнью?»¹.

Похоже, что Некрасов бегло просмотрел лишь первые страницы рукописи, и они не привлекли его. Несколько примеров того, что легло на стол редактора «Современника».

Первая глава «Утро I» начиналась длинным стихотворением Страхова «Вчерашний вечер»:

Был дождь большой и сильный ветер. Тучи,
Косматые и черные, рядами
Неслися, громоздяся друг на друга.
И все закрыли голубое небо...

Картина грозы сменяется видом полного умиротворения природы:

Темно и тихо. Только кой-где лужи
Освещены зарею. И сверкают
Они, как ярко-золотые ленты
На омраченной тучами земле

[Толстой и о Толстом: 369].

Прозаическая часть первой главы в своей художественной беспомощности также не давала редактору возможности «зацепиться» за текст и наблюдать далее развитие авторского замысла. «Я не могу забыть этой женщины, с которой провел, может быть, не более двух часов. Я почти готов сказать, что влюблен в нее; так охотно я думаю о ней, так жарко я зову ее. А между тем... теперь... кто знает, кого она обвивает своими руками? И нет гнева в душе моей, и, кажется, явись она передо мной и расскажи сама об этом, я так же горячо, как и прежде, поцеловал бы ее. Иногда, когда я засыпаю, мне чудится вдруг, что я слышу на го-

лом теле нежно горячие кольца объятий, что чья-то страстная женская грудь лежит на моей груди. И долго я не могу заснуть... А этому прошло уже больше месяца, и впечатления так легко изглаживаются у меня!» [Толстой и о Толстом: 369–370].

И все-таки литературный дебют Страхова состоялся именно в «Современнике» у Некрасова. В 1854 г. в № 6 было напечатано его стихотворение «Ночная заметка».

В середине лета 1852 г. портфель журнала «Современник» пополнился рукописью, открывшей русскому читателю новый громадный литературный талант. К ней также было приложено письмо. В отличие от обращения к Некрасову Страхова, в тоне молодого автора звучала неуверенность, было заметно тревожное ожидание оценки его труда, при этом – полная ответственность за каждое слово: «...Если рукопись не годна к напечатанию, возвратите ее мне. В противном же случае оцените ее, вышлите мне то, что она стоит по вашему мнению, и напечатайте в своем журнале. Я вперед соглашаюсь на все сокращения, которые вы найдете нужным сделать в ней, но желаю, чтобы она была напечатана без прибавлений и перемен» [Переписка: 49–50].

Заключительные строки письма для нас представляют особый интерес. «Я убежден, что опытный и добросовестный редактор – в особенности в России – по своему положению постоянного посредника между сочинителями и читателями, всегда может вперед определить успех сочинения и мнение о нем публики. Поэтому я с нетерпением ожидаю вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь все начатое» [Переписка: 50].

Ответ Некрасова последовал незамедлительно, и сегодня он хорошо известен, ибо определил появление в русской классической литературе имени Льва Толстого и его повести «Детство». «Милостивый государь! Я прочел вашу рукопись. Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант. Во всяком случае, направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемые достоинства этого произведения. <...> И роман Ваш, и талант меня заинтересовали. Еще я посоветовал бы Вам не прикрываться буквами, а начать печататься прямо с своей фамилией, если только Вы не случайный гость в литературе» [Переписка: 50–51].

В черновиках «Детства» значительно больше, чем в окончательном тексте, авторских отступлений и расуждений. «Я замечаю, что у меня дурная привычка к отступлениям, – записал Толстой в дневнике, – и именно, что это привычка, а не обильность мыслей, как я прежде думал...» [Толстой 1928–1958. 46: 82]. Об одном из таких отступлений, не вошедших в окон-

чательный текст «Детства», надо сказать отдельно. Это глава первой редакции повести – «К читателям». Сначала она нумеровалась как 34-я, затем Толстой сделал ее первой – как важную для характеристики его эстетических взглядов, но в печать не отдал. Здесь сформулирована ключевая проблема *идеального*, понимающего читателя.

«Чтобы быть приняту в число моих избранных читателей, я требую очень немногo: чтобы вы были чувствительны, т. е. могли бы иногда пожалеть от души и даже пролить несколько слез об вымышленном лице, которого вы полюбили, и от сердца порадоваться за него, и не стыдились бы этого; чтобы вы любили свои воспоминания; чтобы вы были человек религиозный, чтобы вы, читая мою повесть, искали таких мест, которые заденут вас за сердце, а не таких, которые заставят вас смеяться; чтобы вы из зависти не презирали хорошего круга – ежели вы даже не принадлежите к нему, но смотрите на него спокойно и беспристрастно, я принимаю вас в число избранных. И главное, чтобы вы были человеком *понимающим*, одним из тех людей, с которым, когда познакомишься, видишь, что не нужно толковать свои чувства и свое направление, а видишь, что он понимает меня, что всякий звук в моей душе отзовется в его» [Толстой 2000: 141–142].

Именно таким был первый читатель повести «Детство» Некрасов.

Автобиографичность, присущая подавляющему большинству литературных дебютов, была очевидна как в отвергнутой Некрасовым повести Страхова «По утрам», так и в принятой повести Толстого «Детство». В них отразился ранний этап духовного становления – но не конкретного Николая или Льва, а молодого человека 1840-х гг. Этим объясняется негодование Толстого в адрес Некрасова, озаглавившего опубликованную повесть как «Историю моего детства».

Как нетрудно заметить, оба начинающих автора находились под сильным влиянием старинной сентиментальной традиции (Н.М. Карамзин, Л. Стерн), оба были внимательны к своим душевным исканиям, анализировали противоречия собственной и окружающей жизни.

Повести Страхова предшествовала переписка с его наставником, ссыльным униатским архимандритом Почаевского монастыря о. Иоанном (Скивским); ее Страхов считал отражением своей духовной жизни: «В этих письмах вся моя история, бедная и пустая, история всегдашних стремлений и бесплодной деятельности»².

У Толстого, как известно, автобиографический материал лег в основу замысла о четырех эпохах развития. Весной 1847 г. девятнадцатилетний студент Казанского университета начал вести свой дневник, ставший своеобразной лабораторией художествен-

ного творчества. В планах будущего сочинения было обозначить «характеристические черты каждой эпохи»; форма изложения – записки, адресованные другу; главный мотив: увидеть и показать становление души, постепенное развитие личности – от ранних детских лет до молодости, открывающей путь к зрелой жизни.

Многое в письмах Страхова сопоставимо и с дневниковыми записями молодого Толстого. Не без оснований Некрасов отметил в авторе повести «По утрам» талант, хороший слог и оригинальную манеру.

«Я чувствую, что надо много учиться и не знаю, как все это сделать, – писал юноша Страхов о Иоанну (Скивскому). – Впрочем, лень уступает теперь место занятию, которое иногда наводит на меня тоску. Я один. Как бы мне хотелось быть с вами! Я был тогда счастлив... может быть своим невежеством, или лучше незнанием о своем невежестве...

Но мы под прошлого туманом

То видим только, что блестит...

Вперед! Вперед!.. Как медленно иду я!..»³.

Как близка мыслям Страхова дневниковая запись Толстого, первая, относящаяся к истории создания трилогии: «Хочется мне начать с этого дня жить сообразно с целью, которую сам себе поставил» [Толстой 1928–1958. 46: 86]. Но несмотря на очевидное сближение, творческие силы начинающих авторов брали свою энергию из разных источников. В Толстом Некрасов мгновенно уловил мощный корень художественного гения. В Страхове было заложено многое из того, чему предстояло развиться и принести ему заслуженную славу как основоположнику философской антропологии в России, яркому публицисту и литературному критику.

Размышляя о своих юношеских писаниях, Страхов отметил в дневнике 1853 г.: «Я стал считать свои записки делом ничтожным, потому что в них только ласкается или охраняется мое самолюбие, делом вредным, потому что развивает то малодушное занятие мелочами, то бесполезное углубление в самого себя, которое так похоже на сумасшествие. Теперь я смотрю иначе. Жизнь быстра, и что проходит, то не возвращается. Как прежде я скажу – хочу уловить мысли сетью слов и выражений и удержать их на бумаге за эфирные крылья»⁴. В его творческой жизни совершился перелом. Отказавшись от писания художественного, он с 1857 г. стал регулярно печататься как критик и публицист – сначала в «Журнале Министерства народного просвещения», а потом в «Русском мире», «Русском вестнике», «Времени», «Эпохе», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Заре», «Гражданине» и др.

Именно Страхов спустя десятилетие и на все последующие годы станет самым близким понимающим читателем Толстого, всем складом своей души

отвечая душе художника. Толстой всегда повторял, что именно Страхов «придал “Воине и миру” то высокое значение, которое роман этот получил уже много позднее и на котором он остановился навсегда» [Гусев: 857].

Роман «Анна Каренина» в письмах Страхова к Толстому 1875–1878 гг. получил изумительные, тончайшие и точнейшие характеристики, ставшие, без преувеличения, эталонными. Менее чем за год до смерти Страхова, в 1895 г. Толстой еще раз и в переломный для себя момент ощутил поддержку своего главного идеального, понимающего читателя. Спрашивал, можно ли печатать рассказ «Хозяин и работник». Ответом была высочайшая оценка рассказа, определившая то главное, что стало нервом всего позднего творчества Л.Н. Толстого: «Целая драма, простейшая, яснейшая и потрясающая!» [Л.Н. Толстой и С.А. Толстая: 83].

Так две рабочие рецензии Некрасова как редактора «Современника» дают возможность еще раз убедиться в его безошибочном чутье, в даре предвидения творческих предназначений и судеб.

Примечания

¹ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины (ИР НБУ). Ф. I. Ед. хр. 5285.

² ИР НБУ, Ф. III. Ед. хр. № 18875.

³ ИР НБУ, Ф. III. Ед. хр. № 18900.

⁴ ИР НБУ, Ф. I. Ед. хр. № 5278.

Список литературы

Литературное наследство. Т. 53–54. Н.А. Некрасов. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 639 с.

Толстой и о Толстом: материалы и исследования. М.: Наследие, 2010. 473 с.

Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. I. М.: Худ. лит., 1978. 495 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 19. М.: Наука, 2000. 568 с.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. 916 с.

Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым. Сост. Л.Д. Громова и Т.Г. Никифорова. Ред. А.А. Донсков. Оттава, 2000. 308 с.

References

Literaturnoe nasledstvo. T. 53–54. N.A. Nekrasov [Literary legacy. Vol. 53–54. N.A. Nekrasov]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1949. 639 p. (In Russ.)

Tolstoi i o Tolstom: materialy i issledovaniia [Tolstoy and about Tolstoy: materials and research]. Moscow, Nasledie Publ., 2010. 473 p.

L.N. Tolstoi. Perepiska s russkimi pisateliami. T. I. [L.N. Tolstoy. Correspondence with Russian writers]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1978. 495 p. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Full composition of writings in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.: v 100 t.* [Full composition of writings in 100 vols.]. Vol. 19. Moscow, Nauka Publ., 2000. 568 p. (In Russ.)

Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god.* Moscow, AN SSSR Publ., 1957. 916 p. (In Russ.)

L.N. Tolstoi i S.A. Tolstaia. Perepiska s N.N. Strakhovym. Sost. L.D. Gromova i T.G. Nikiforova. Red. A.A. Donskov [L.N. Tolstoy and S.A. Thick. Correspondence with N.N. Insurance. Compiled by L.D. Gromova and T.G. Nikiforov. Ed. A.A. Donskov]. Ottava, 2000. 308 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2021; одобрена после рецензирования 19.03.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 26.02.2021; approved after reviewing 19.03.2021; accepted for publication 10.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 96–103. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 96–103. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103>

«И ТУТ НЕ БЕЗ ДЯДЮШКИ...» К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И И.А. ГОНЧАРОВА

Мякинченко Мария Александровна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, maria.myakinchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию литературных и биографических связей между коллизией первого романа Гончарова «Обыкновенная история» и конфликтом Достоевского с его опекуном П.А. Карепиным. Анализируя биографические материалы, автор выдвигает гипотезу о том, что Достоевский, встречаясь с Гончаровым во время работы последнего над «Обыкновенной историей», мог отчасти повлиять на создание основной коллизии и центральных образов романа. Отмечая сюжетные и образные сближения, автор статьи показывает и идейное различие Гончарова и Достоевского в представлении конфликта дядюшки и племянника – двух разных сознаний, мировоззрений и представителей двух разных поколений. Автор работы представляет значимые и интересные соответствия жизненного и творческого пути Гончарова и Достоевского, отмечая схожие литературные влияния, испытанные обоими писателями, а также указывает на салоны и литературные кружки, где они могли встретиться.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, П.А. Карепин, Петр Адуев, Александр Адуев, «Обыкновенная история», конфликт поколений

Для цитирования: Мякинченко М.А. «И тут не без дядюшки...» К истории творческих взаимоотношений Ф.М. Достоевского и И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 96–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103>

Research Article

“EVEN HERE YOUR UNCLE HAS BEEN OF USE TO YOU!” ON THE HISTORY OF CREATIVE RELATIONSHIPS OF FYODOR DOSTOEVSKY AND IVAN GONCHAROV

Maria A. Myakinchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, maria.myakinchenko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of literary and biographical connections between the collision of Ivan Goncharov's first novel “A Common Story” and the conflict between Fyodor Dostoevsky and his guardian Pyotr Karepin. Analysing biographical materials, the author hypothesises that Fyodor Dostoevsky, meeting with Ivan Goncharov, while the latter was working on “A Common Story”, could partly influence the creation of the main collision and central images of the novel. Noting the plot and figurative convergence, the author of the article also shows the ideological difference between Ivan Goncharov and Fyodor Dostoevsky in the presentation of the conflict between uncle and nephew – two different minds, worldviews and representatives of two different generations. The author of the work presents significant and interesting correspondences between the life and creative paths of Ivan Goncharov and Fyodor Dostoevsky, noting the similar literary influences experienced by both writers, and also points to salons and literary circles where they could meet.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Ivan Goncharov, Pyotr Karepin, Piotr Adouev, Alexandr Adouev, “Common Story”, generation gap.

For citation: Myakinchenko M.A. “Even here your uncle has been of use to you!” On the history of creative relationships of Fyodor Dostoevsky and Ivan Goncharov. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 96–103 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103>

А то вообразят себя, бог знает с чего,
необыкновенными людьми, –
ворчал Петр Иванович, уходя вон.

И.А. Гончаров «Обыкновенная история»

Как указывает в своей работе «И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский» В.И. Мельник, «...до сих пор нет цельной картины творческих и биографических взаимосвязей двух писателей» [Мельник 2010: 52]. Не делая попыток сравнения творчества этих авторов, хотелось бы обратить внимание на сближение некоторых биографических аспектов жизни Достоевского и мотивов в творчестве Гончарова: на совпадение биографического контекста Ф.М. Достоевского и центральной коллизии первого романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история». Тема эта малоисследована, но определенные основания для указанных параллелей существуют.

В биографиях Достоевского и Гончарова есть неожиданные сближения: так, в 1822 г. Гончаров был отдан матерью в Московское коммерческое училище, в создании и деятельности которого принимали участие родственники Достоевского купцы Куманины, пожертвовавшие в 20–30-х гг. XIX в. около 100 тыс. руб. на библиотеку и учебные кабинеты училища.

В 1831 г. Гончаров поступил на словесное отделение Московского университета, где в 1830-х гг. учились «будущие герои романов Достоевского» – Герцен и Станкевич. Студентами Московского университета в 1830-е гг. были и В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, М.Ю. Лермонтов, К.С. Аксаков.

Возможно, что в это время у обоих писателей сформировалось преклонение перед гением Пушкина. Вспомним, как герой «Обыкновенной истории» Сашенька Адуев, очутившись в столице, первым делом отправился к Медному всаднику, мысленно сравнивая себя с пушкинским Евгением. «...Я <...> жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идолом, и – только один он», – свидетельствовал писатель в письме к Е.А. и М.А. Языковым от 15 декабря 1853 г.» [Гончаров 1952–1955, 8: 263]. Впоследствии Гончаров вспоминал свои чувства, когда он получил известие о гибели Пушкина: «И вдруг пришли и сказали, что он убит, что его более нет... Это было в департаменте. Я вышел в коридор и горько-горько, не владея собою, отвернувшись к стенке и закрывая лицо руками, заплакал... Тоска ножом резала сердце, и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его уже нет, что Пушкина нет! Я не мог понять, чтобы тот, пред кем я склонял мысленно колени, лежал бездыханен. И я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины. Нет, это неверно – о смерти матери. Да! Матери...» [Кони: 491–492].

Примечательно, что Достоевский, будучи еще подростком, не раз заявлял старшему брату, что, если бы в год смерти Пушкина, тот страшный для их семьи год, им не пришлось бы носить траур по матери, он носил бы его по Пушкину [Достоевский А.М.: 78]. Преклонение перед гением русской литературы осталось у обоих писателей на всю жизнь. «Живее и глубже всех поэтов поражен и увлечен был Гончаров поэзией Пушкина в самую свежую и блистательную пору силы и развития великого поэта и в поклонении своем остался верен ему навсегда, несмотря на позднейшее тесное знакомство с корифеями французской, немецкой и английской литературы» [Гончаров 1952–1955, 8: 222], – писал в одной из своих автобиографий Гончаров.

Вспоминая свой круг чтения в отроческие годы, Гончаров отмечал, что «юношеское сердце искало между писателями симпатии и отдавалось тогда Карамзину по горячим его следам» [Гончаров 1952–1955, 8: 222]. Для подростка Достоевского Карамзин «был настольною книгой» [Достоевский А.М.: 71]. Позже оба писателя будут увлечены Шекспиром, Шиллером, Бальзаком, Гоголем. Адуев-младший обещает матери своей возлюбленной Наденьки принести расхваленную им «Шагреновую кожу» Бальзака, таким образом, у героя «Обыкновенной истории» тот же круг интересов, что и у молодого Достоевского, переводчика Евгении Грандэ.

Достоевский и Гончаров вступили на литературное поприще в 1840-е гг., почти одновременно. Оба посвящали все свое свободное от службы время литературным занятиям. И тот и другой, прежде чем приступить к собственному литературному творчеству, перевели: Достоевский – Бальзака, Гончаров – Шиллера. Оба прошли через литературный кружок В.Г. Белинского, и с незначительной разницей во времени критик был страстно увлечен и Гончаровым, и Достоевским как подающими надежды дарованиями.

Гончаров и Достоевский – авторы литературных сенсаций середины 1840-х гг. Романы «Бедные люди» и «Обыкновенная история» появились практически в одно время: в 1846 г. и в начале 1847 г. соответственно. П.В. Анненков вспоминал, что почти такое же настроение охватило Белинского <...> с рукописью «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова», как до этого с рукописью «Бедных людей» Достоевского: «Он с первого же раза предсказал обоим авторам большую литературную будущность, что было не трудно, но он еще предсказал, что потребуются им много усилий и много времени, прежде чем они наживут себе творческие идеи, достойные их таланта» [Анненков: 273].

Достоевский всю жизнь пристально следил за творчеством Гончарова, называя его в ряду своих любимых русских писателей. В начале творческого пути их отношения несколько походили на соперничество. Еще в апреле 1846 г. в письме брату Михаилу Достоевский рассказал ему о появлении новых писателей, из которых «особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. 1-й печатался, второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят. Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда...» [Достоевский 28: 120].

Не избежали они и сравнений, данных современниками. Так, в 1847 г. Гончаров в статье Л.В. Бранта, размещенной в «Северной пчеле», назван новым литературным гением, «достойным преемником г.г. Голя и Достоевского <...>, из коих, как известно, один сам отказался от славы, а другому отказали в таковой публички и критика» [Летопись жизни: 132].

Писатели были не только лично знакомы, но и периодически встречались в кружке Белинского и в салоне Майковых. Как известно, летом 1835 г. Гончаров через своего сослуживца В.А. Солоницына познакомился с семьей живописца Н.А. Майкова, по приглашению которого начал вскоре готовить к поступлению в университет его детей, Аполлона и Валериана Майковых.

В то же время Гончаров стал часто, почти ежедневно, посещать литературный дом Майковых, «помосковски открытый для многочисленных родных и друзей» [Гродецкая: 16] и ставший после переезда Майковых из Москвы в Петербург «одним из самых заметных явлений в литературно-художественной жизни столицы» [Гродецкая: 16]. Здесь Гончаров был окружен всеобщей любовью, а за свои флегматичность и внешнее спокойствие получил нежное прозвище Принц де-Лень, образованное по аналогии с именем известного военного деятеля XVIII в., бельгийца, находившегося и на русской службе, принца де-Линя. Кроме того, Гончаров начал печататься в рукописном журнале кружка Майковых «Подснежник», на страницах которого помещали свои произведения не только сами Майковы, но и профессиональные литераторы, близкие к их кругу.

В конце зимы – начале весны 1846 г., судя по воспоминаниям Григоровича, Достоевский начал посещать кружок братьев Бекетовых, который также посещали А.Н. и В.Н. Майковы. Достоевский близко сошелся с А.Н. Майковым, с ним писатель познакомился ранее у Белинского и дружил, несмотря на некоторые периоды охлаждения, всю жизнь. А.Н. Майков привлек Достоевского к участию в литературном салоне Майковых во второй половине 1846 г., где Достоевский, как до него Гончаров, был тепло принят. У Майковых было заведено привечать и обогревать юные таланты. А.Н. Плещеев писал Майкову в апре-

ле 1888 г.: «Перебирая иногда в памяти далекое прошлое, я с особенным удовольствием останавливаюсь на той поре, когда я, еще начинающий, встретил в вашем семействе столько теплого участия и одобрения. Какое это было блестящее время в литературе! Обычными посетителями и друзьями вашего дома были И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский, читавшие у вас свои произведения» (принято считать, что Достоевский познакомился с Гончаровым у Майковых, но их встреча могла состояться и ранее) [Литературный архив: 135].

Время знакомства Достоевского с Гончаровым совпало со временем работы писателя над его первым романом «Обыкновенная история». Роман был задуман Гончаровым в 1844 г. и писался частями в 1845–1846 гг. В 1845 г., после прочтения набросков «Обыкновенной истории» в семье Майковых, Гончаров внес некоторые изменения в рукопись, прислушавшись к советам хозяев дома. «Такие чтения для не совсем уверенного в себе Гончарова имели принципиальное значение. После каждого чтения суждения слушателей анализировались, автором производился отбор мнений, и в текст произведения вносились коррективы. Но и романист, прекрасно чувствующий аудиторию, начинал и сам вносить правку. Точно так же он читал впоследствии и “Обломова”, и “Обрыв”, и даже свои поздние очерковые произведения», – отмечает В.И. Мельник [Мельник 2020: 138]. Затем с помощью Некрасова рукопись первой части романа была передана Белинскому. Кроме того, весной 1846 г. Гончаров читал первую часть «Обыкновенной истории» в кружке Белинского в доме Лопатина, который посещал и Достоевский. Однако нет никаких документальных подтверждений тому, когда был закончен роман.

Главным конфликтом первого романа Гончарова стало столкновение юного романтика с его «мечтательным и бесплодным романтизмом» [Анненков: 317] с человеком трезвым и «положительным». Темы романа «Обыкновенная история» вечные: отцы и дети, разум и чувство, утраченные иллюзии. Мечтатель и романтик Адуев-младший на протяжении всего романа ведет спор с практичным и трезвомыслящим дядюшкой Адуевым-старшим.

Любопытно, что как раз в то время, когда Гончаров работал над своим первым произведением, в жизни Достоевского, тоже юного мечтателя и романтика, произошло важное для всего его дальнейшего творчества событие, – конфликт с опекуном, мужем его младшей сестры Вареньки, Петром Андреевичем Карепиным. Нельзя не отметить тут сходство с коллизией, описанной Гончаровым в его «Обыкновенной истории», где дядюшка, деловой человек Петр Иванович Адуев – тезка П.А. Карепина – поучает юного, романтически настроенного племянника Сашеньку

Адуева и пытается обратить его на путь практической деятельности. Таким «дядюшкой» П.А. Карепин стал для Ф.М. Достоевского. Мироззренческие столкновения дяди и племянника Адуевых во многом схожи с таковыми же у Карепина с Достоевским.

Итак, в апреле 1840 г. младшая сестра Ф.М. Достоевского В.М. Карепина 17 лет от роду была выдана замуж за правителя канцелярии Московского военного генерал-губернатора, главноуправляющего имений князей Голицыных, надворного советника П.А. Карепина (1796–1850). Возрастом Карепин, который был значительно старше своей невесты, действительно скорее годился Достоевскому в дядюшки, нежели в зятя. В 1840 г., после смерти Михаила Федоровича Нечаева (брата матери Ф.М. Достоевского), П.А. Карепин, как ближайший родственник мужского пола, сделался опекуном над имением, оставшимся братьям и сестрам Достоевским после смерти родителей.

Следует отметить, что в начале «Обыкновенной истории» Адуеву-старшему, тоже собирающемуся вступить в брак, около сорока: Карепину, когда он женился на сестре Достоевского, было сорок четыре года – разница в возрасте жениха и невесты шокировала молодого Достоевского (впоследствии Карепин станет прототипом героев Достоевского – растлителей юных красавиц). Вспомним, что говорит Сашенька Адуев, узнав про предстоящую женитьбу своего дяди: «Услышишь о свадьбе, пойдешь посмотреть – и что же? видишь прекрасное, нежное существо, почти ребенка, которое ожидало только волшебного прикосновения любви, чтобы развернуться в пышный цветок, и вдруг ее отрывают от кукол, от няни, от детских игр, от танцев, и слава богу, если только от этого; а часто не заглянут в ее сердце, которое, может быть, не принадлежит уже ей. Ее одевают в газ, в блонды, убирают цветами и, несмотря на слезы, на бледность, влекут, как жертву, и ставят – подле кого же? подле пожилого человека, по большей части некрасивого, который уж утратил блеск молодости. Он или бросает на нее взоры оскорбительных желаний, или холодно осматривает ее с головы до ног, а сам думает, кажется: “Хороша ты, да, чай, с блажью в голове: любовь да розы, – я уйму эту дурь, это – глупости! у меня полно вздыхать да мечтать, а веди себя пристойно”, или еще хуже – мечтает об ее имени. Самому молодому мало-мало тридцать лет. Он часто с лысиною, правда с крестом, или иногда со звездой. И говорят ей: “Вот кому обречены все сокровища твоей юности, ему и первое биение сердца, и признание, и взгляды, и речи, и девственные ласки, и вся жизнь”. А кругом толпой теснятся те, кто по молодости и красоте под пару ей и кому бы надо было стать рядом с невестой. Они пожирают взглядами бедную жертву и как будто говорят: “Вот, когда мы истощим свежесть, здоровье, оплешивеем, и мы женим-

ся, и нам достанется такой же пышный цветок...”. Ужасно!» [Гончаров 1952–1955, 1: 77–78].

Вероятно, схожие чувства испытывал и юный Достоевский. Так, в рассказе 1848 г. «Елка и свадьба» делец Юлиан Мастакович (многие исследователи видят в этом герое «развитие образа, намеченного в Быкове в “Бедных людях”») [Нечаева: 235], прототипом которого был П.А. Карепин) подыскивает себе невесту на детском балу и выбирает девочку, «лет одиннадцати, прелестную, как амурчик, тихонькую, задумчивую, бледную, с большими задумчивыми глазами» [Достоевский 1972–1985, 2: 96], только что получившую в подарок куклу. Спустя несколько лет, проходя мимо церкви, рассказчик становится невольным свидетелем свадьбы Юлиана Мастаковича с той самой девочкой, которой теперь около шестнадцати лет (Вареньке Достоевской на момент замужества было семнадцать). Ужас, возмущение, жалость по отношению к ребенку-невесте, охватившие рассказчика, созвучны чувствам Сашеньки Адуева при известии о дядиной свадьбе. Достоевский рисует в «Елке и свадьбе» столь же «глубоко трагический облик юной невесты» [Нечаева: 233], как и ранее Гончаров: «Я протеснился сквозь толпу и увидел чудную красавицу, для которой едва настала первая весна. Но красавица была бледна и грустна. Она смотрела рассеянно; мне показалось даже, что глаза ее были красны от недавних слез. Античная строгость каждой черты лица ее придавала какую-то важность и торжественность ее красоте. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвечивал еще первый детский, невинный облик; сказывалось что-то донельзя наивное, неустановившееся, юное и, казалось, без просьб само за себя молившее о пощаде» [Достоевский 1972–1985, 2: 100–101].

Как мы уже упомянули выше, зовут опекуна Достоевского и главного героя «Обыкновенной истории» Адуева-старшего одинаково – Петрами. Это имя для Достоевского после конфликта с Карепиным навсегда приобрело негативные коннотации, а носителями его в творчестве писателя станут наиболее яркие антагонисты – Петр Александрович из «Нечки Незвановой», Пётр Лужин, Пётр Верховенский. У Гончарова же имя героя, скорее всего, связывается с присущей Адуеву-старшему твердостью характера и убеждений (вспомним, что Пётр в переводе с древнегреческого – скала, камень).

При сопоставлении характеров, рода занятий и даже внешности Карепина и Адуева можно найти у них много общего. Пётр Иванович Адуев «служил при каком-то важном лице чиновником особых поручений и носил несколько ленточек в петлице фрака; жил на большой улице, занимал хорошую квартиру, держал троих людей и столько же лошадей» [Гончаров 1952–1955, 1: 25], а также владел с компаньонами стеклянным и фарфоровым заводами. Что до внешне-

сти, это был «высокий, пропорционально сложенный мужчина, с крупными, правильными чертами смугло-матового лица, с ровной, красивой походкой, с сдержанными, но приятными манерами. Таких мужчин обыкновенно называют *bel homme*. В лице замечалась также сдержанность, то есть умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души <...> Он слыл за деятельного и делового человека. Одевался он всегда тщательно, даже щеголевато, но не чересчур, а только со вкусом; белье носил отличное» [Гончаров 1952–1955, 1: 25–26]. Сохранилось свидетельство А.М. Достоевского, младшего брата писателя, который описывает П.А. Карепина так: «Мужчина лет сорока, или с шишечком, видный, выше среднего роста, стройный, очень красивый и развязный. Видно было, что ему не впервые входить в большой и богатый дом и что он постоянный и желанный гость как богатых, так и знатных многочисленных своих знакомых» [Достоевский А.М.: 106]. Карепин, как и Адуев-старший, прежде всего человек деловой, что подчеркивал и сам Достоевский в письме к Карепину: «Вы человек деловой!» [Достоевский 1972–1985, 28, кн. 1: 103], – писал он опекуну.

И Карепин, и Адуев – люди образованные. Адуев «знает наизусть не одного Пушкина...» [Гончаров 1952–1955, 1: 51], «читает на двух языках все, что выходит замечательного по всем отраслям человеческих знаний, любит искусства, имеет прекрасную коллекцию картин фламандской школы» [Гончаров 1952–1955. 1: 51], Карепин очаровывал всех своим «чисто парижским французским языком» [Достоевский А.М.: 107], был абонирован на различные журналы и, по всей видимости, обладал неплохой библиотекой, так как его жена В.М. Достоевская-Карепина, переехав после свадьбы на квартиру мужа, первый год после замужества взахлеб читала и щедро делилась с младшим братом Андреем книгами, принадлежавшими ее мужу.

Достоевский и опекун были в неплохих отношениях вплоть до августа 1844 г., когда Достоевский написал Карепину широко известное письмо с просьбой выделить причитающуюся ему часть наследства разом, до дележа с остальными братьями и сестрами, – письмо, положившее начало своеобразной эпистолярной дуэли между начинающим писателем и его взрослым родственником. Как уже было отмечено выше, суть этого конфликта очень схожа с главной коллизией «Обыкновенной истории» (любопытно, что роман, по словам самого Гончарова, был задуман как раз в 1844 г.).

Итак, юный Достоевский объяснил опекуну, что хочет навсегда оставить однообразную службу в Петербургской инженерной команде, которой с самого начала тяготился, и просил опекуна выделить ему причитающуюся ему часть наследства родите-

лей сразу, чтобы всецело посвятить себя литературным занятиям. «Спешу уведомить Вас, Петр Андреевич, – пишет он Карепину, – что по естественному и весьма неприятному ходу дел моих я принужден был подать в отставку. Просьба подана дней 10 тому назад; на нее последовало со стороны начальства соизволение. Высочайшее решение выйдет много что через две недели» [Достоевский 1972–1985, 28, кн. 1: 92]. Однако эта просьба возмутила опекуна. В ответном письме Карепин попытался отечески урезонить юного родственника. В начале сентября 1844 г. П.А. Карепин, «который как ответственный наставник братьев и сестер Достоевских видел свою задачу в том, чтобы поддержать волю покойного отца семейства» [Баршт: 339], отказал Достоевскому в просьбе выделить причитающуюся ему часть наследства. В ответном письме Карепин приводил расход денег на всех братьев Достоевских и указывал Ф.М. Достоевскому на то, что на его нужды было выслано больше, чем всем остальным братьям вместе взятым.

«Оставьте излишнюю мечтательность и обратитесь к реальному добру, которого Бог весть почему избегаете; примитесь за службу с тем убеждением, которому поверите по опыту, что сколь бы ни велики были наши способности, всё нужно еще при них некоторое покорство общественному мнению» [Волгин: 576], – взывал к юноше Карепин. Опекун пытался внушить юноше, что следует не предаваться грезам о литературном поприще, а приняться за службу, что «настоящая поэзия жизни» – в исполнении своего долга.

«Словно отвечая на самые сокровенные мысли своего подопечного о “тайне человека” (которую Достоевский стремился познавать всю оставшуюся жизнь, как писал он брату Михаилу. – М. М.), он назидательно рекомендовал познавать ее именно на казенных, служебных дорогах» [Сараскина: 122]. Кроме того, Карепин обвинил Достоевского в том, что тот «слишком мало дорожит трудами и заботами родителей», желая «сбыть на другой год выхода из школы» то, «что стоило им ценой жизни», и объяснял, что наследство, доставшееся братьям и сестрам, «миниатюрно» [Волгин: 575–576].

В том же письме от 5 сентября 1844 г. Карепин советовал Достоевскому не предаваться «неге Шекспировских мечтаний», а избрать дорогу «труда уважительного» [Волгин: 576]. «Именно Шекспир, по мнению Карепина, преграждал своим авторитетом путь его подопечного к правильной и счастливой жизни, которая ожидала его на военно-инженерной стезе. С другой стороны, имя Шекспира и для Достоевского было путеводной звездой, которая уводила его от рутинного бытового прозябания к литературному творчеству как сфере бытия, тождественной настоящей жизни» [Баршт: 346].

Александр Адуев, писавший и стихи, и прозу, по сути дела, такой же мечтатель, как и юный Достоевский. Он «чувствует призвание к творчеству» [Гончаров 1952–1955, 1: 55], а не к переводу технических статей, которые ему в качестве литературного занятия подкинул дядюшка. Служба для него – «занятие сухое, в котором не участвует душа, а душа жаждет выразиться, поделиться с ближними избытком чувств и мыслей, переполняющих ее» [Гончаров 1952–1955, 1: 55]. Ему, как и Достоевскому, присущи вера в блестящее незаурядное будущее, уверенность в своей исключительности, отличии от других людей, так как «поэт заклеивает особенною печатью: в нем таится присутствие высшей силы...» [Гончаров 1952–1955, 1: 56].

О том же писал двадцатилетний Достоевский брату Михаилу 27 февраля 1841 г.: «О брат! милый брат! Скорее к пристани, скорее на свободу! Свобода и призвание – дело великое. Мне снится и грезится оно опять <...> Передо мною системы Марино и Жилломе (системы фортификации, изучаемые в Инженерном училище. – М. М.) и приглашают мое вниманье. Мочи нет, мой милый» [Биография, письма].

Так же, как и Карепин, Адуев-старший видит свою обязанность по отношению к племяннику в том, чтобы отучить его мечтать, «теряя по-пустому время» [Гончаров 1952–1955, 1: 51], наставить на путь истинный, научить прежде всего «делать дело». «Уверен ли ты, что у тебя есть талант? – вопрошает Петр Адуев племянника. – Без этого ведь ты будешь черноработчий в искусстве – что ж хорошего? Талант – другое дело: можно работать; много хорошего сделаешь, и притом это капитал – стоит твоих ста душ» [Гончаров 1952–1955, 1: 55].

Заходит и у Адуевых разговор о Шекспире. Дядя замечает, что «присутствие высшей силы» [Гончаров 1952–1955, 1: 56] есть не только у Шекспира и Данте, но и у математика, часовщика, заводчика. «Ньютон, Гутенберг, Ватт так же были одарены высшей силой, как и Шекспир, Дант и прочие», ведь «искусство само по себе, ремесло само по себе, а творчество может быть и в том и в другом, так же точно, как и не быть. Если нет его, так ремесленник так и называется ремесленник, а не творец, и поэт без творчества уж не поэт, а сочинитель» [Гончаров 1952–1955, 1: 56]. У каждого своя стезя: «Всякому свое: одному суждено витать в небесных пространствах, а другому рыться в наземь и оттуда добывать сокровища» [Гончаров 1952–1955, 1: 172].

Адуев-младший отдает дядюшке на суд свою рукопись в надежде, что дядя переменит свое мнение и признает за племянником право отдаться литературному призванию. Однако дядя по прочтении лишь убеждается в отсутствии подлинного таланта у Александра, который может лишь гладко писать, но не бо-

лее. Литературные опыты Александра оказываются «пустяками», годными лишь для того, чтобы обклеить ими стены.

Кто бы мог осудить заботливых мудрых «дядюшек» за их желание объяснить юным родственникам, что избыток душевных сил, которые юноши в себе чувствуют, напрасно принимаются ими за талант; за желание внушить юношам, что «прожить век свой тихо, безвестно, исполнить только свое дело» – достаточное основание для того, чтобы человек мог «быть горд и счастлив этим» [Гончаров 1952–1955, 1: 178]. А опекуна Достоевского кто бы мог судить еще и за то, что он не смог разглядеть в своем подопечном гения, будущего великого писателя, распознать в нем подлинный литературный талант?

Карепин был уже оправдан исследователями творчества Достоевского: «Заметим бесспорную житейскую правоту Карепина, когда он говорит о юридической и моральной невозможности передачи Достоевскому части наследства» [Баршт: 349]; «...на месте Карепина подобные советы молодому человеку, презревшему отменное образование и служебную карьеру ради эфемерностей, дал бы любой старший родственник» [Сараскина: 122–123]. Карепин оказался фактически единственным взрослым – носителем здравого смысла – для оставшегося без родителей юноши, единственным взрослым, пытавшимся вернуть молодого мечтателя с небес на землю.

Александр Адуев со временем перестал видеть в дядюшке пушкинского демона, а вот для пылкого юноши Достоевского эпистолярная перепалка с Карепиным превратилась в «борьбу <...> за возможность творческого самоосуществления» [Баршт: 339]. «В широком смысле эта жизненная ситуация – утверждение своего права быть писателем» [Сафронова: 40]. Столкновение Достоевского с Карепиным было, по сути, конфликтом двух мировоззрений, двух несовместимых жизненных моделей, и Достоевский приобрел тут немалый жизненный опыт, позже творчески переработанный им в первом романе «Бедные люди», а затем – в «Неточке Незвановой», «Преступлении и наказании», «Подростке», «Братьях Карамазовых» и др.

Поразительное сходство творческих и биографических коллизий у Гончарова и Достоевского позволяет сделать предположение, что образ Адуева-старшего мог сложиться у Гончарова в том числе и под влиянием рассказов юного Достоевского о его отношениях с опекуном П.А. Карепиным, которыми Достоевский вполне мог поделиться в салоне Майковых или у Белинского, вольно или невольно затронув тем самым вопросы, которые в то время ставил перед собой Гончаров. Вспомним, что Достоевский в те годы не отличался особенной сдержанностью: «По молодости и нервности, он не умел владеть собой и слишком

явно высказывал свое авторское самолюбие и высокое мнение о своем писательском таланте. Ошеломленный неожиданным блистательным первым своим шагом на литературном поприще и засыпанный похвалами компетентных людей в литературе, он, как впечатлительный человек, не мог скрыть своей гордости перед другими молодыми литераторами, которые скромно выступили на это поприще с своими произведениями» [Панаева: 148–149]. Со своей стороны Гончаров также не скрывал «работы ума и души» своих от окружающих и с готовностью делился ее плодами в том же кружке Майковых: «он должен был идти на обмен мыслями и переживаниями в артистической среде» [Мельник 2020: 129].

Итак, размышляя о явлениях и схожих образах, отвечая вызовам времени, Гончаров и Достоевский оценивали их по-разному, исходя из собственной творческой и мировоззренческой концепции. У Достоевского Карепин явился прародителем героев наиболее отрицательных, от Быкова и до Лужина, у Гончарова дядюшка оказался в итоге в чем-то даже симпатичнее племянника, а та же жизненная коллизия, что явилась у Достоевского творческим зачином для разработки отношений Раскольникова и Лужина, Лужина и Авдотьи Андреевны и т. д., представлена скорее как традиционный конфликт поколений отцов и детей, оказываясь в конечном итоге тем, чем она и являлась, – историей обыкновенной. Отметим, что образ Петра Ивановича Адуева был понят Достоевским отчасти неверно. В «Записках из подполья» Достоевский сближает Адуева с гоголевским Костанжогло, осмысливая их как дурно понятый «положительными публицистами» идеал положительного героя [Достоевский 5: 126]. Не был оправдан в глазах Достоевского и его собственный опекун П.А. Карепин. Понять мотивы опекуна и примириться с ним судьба не предоставила писателю возможности: они так и не встретились.

Список литературы

- Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1983. 694 с.
- Барит К.А. Письмо П.А. Карепина к Ф.М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст // Достоевский: материалы и исследования. 2019. № 22. С. 339–357.
- Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883. Отд. II. С. 21–22.
- Волгин И.Л. Хроника рода Достоевских. М.: Фонд Достоевского, 2013. 1222 с.
- Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит., 1952–1955.
- Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» / изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л.: Наука, 1986. 879 с.
- Гродецкая А.Г. Гончаров в литературном доме Майковых. СПб.: Полиграф, 2021. 430 с.
- Достоевский А.М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 402 с.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1985.
- Кони А.Ф. Иван Александрович Гончаров: Речь в заседании Академии наук 15 апреля 1912 г. СПб.: СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. 22 с.
- Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. СПб.: Академический проект, 1993.
- Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: АН СССР, 1961. 484 с.
- Мельник В.И. И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский // Вестник славянских культур. 2010. № 1 (15). С. 51–63.
- Мельник В.И. «Крупный, мыслящий и осмысливающий синтез...» (Возникновение замысла романной трилогии И.А. Гончарова) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 118–199. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199>
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. М.: Наука. 1979. 290 с.
- Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 508 с.
- Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. 824 с.
- Сафронова Е.Ю. Проблема правового жизнетекста Ф.М. Достоевского: дело с П.А. Карепиным // Культура и текст. 2016 (26). № 3. С. 107–113.

References

- Annenkov P.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary memories]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1983, 694 p. (In Russ.)
- Barsht K.A. *Pis'mo P.A. Karepina k F.M. Dostoevskomu ot 5 sentiabria 1844 g.: ispravlennyi tekst* [Letter to P.A. Karepin to F.M. Dostoevsky, September 5, 1844: revised text]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: materials and research], 2019, № 22, pp. 339–357. (In Russ.)
- Biografiia, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F.M. Dostoevskogo* [Biography, letters and notes from F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, 1883, otd. II, pp. 21–22. (In Russ.)
- Volgin I.L. *Khronika roda Dostoevskikh* [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2013, 1222 p. (In Russ.)
- Goncharov I.A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 volumes]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1952–1955. (In Russ.)
- Goncharov I.A. *Fregat "Pallada"* [Frigate "Pallada"], ed. prepare T.I. Ornatskaya. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 879 p. (In Russ.)
- Grodetskaia A.G. *Goncharov v literaturnom dome Maikovykh* [Goncharov in the literary house of the Maykovs]. SPb, Poligraf Publ., 2021, 430 p. (In Russ.)
- Dostoevskii A.M. *Vospominaniia* [Memories]. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1992, 402 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Koni A.F. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Rech' v zasedanii Akademii nauk 15 apreliia 1912 g.* [Ivan Alexandrovich Goncharov: Speech at a meeting of the Academy of Sciences on April 15, 1912]. St. Petersburg, Spb. t-va pech. i izd. dela “Trud” Publ., 1912, 22 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo [Chronicle of the life and work of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993. (In Russ.)

Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia [Literary archive: Materials on the history of literature and social movement]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1961, 484 p. (In Russ.)

Mel'nik V.I. *I.A. Goncharov i F.M. Dostoevskii* [I.A. Goncharov and F.M. Dostoevsky]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2010, № 1 (15), pp. 51–63. (In Russ.)

Mel'nik V.I. “*Krupnyi, mysliaishchii i osmyslivaiushchii sintez...*” (*Vozniknovenie zamysla romanoii trilogii I.A. Goncharova*) [“A large, thinking and comprehending synthesis...” (The origin of the idea of the novel

trilogy by Ivan Goncharov)]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, № 3, pp. 118–199. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199> (In Russ.)

Nechaeva V.S. *Rannii Dostoevskii* [Early Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 290 p. (In Russ.)

Panaeva A.Ia. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1986, 508 p. (In Russ.)

Saraskina L.I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013, 824 p. (In Russ.)

Safronova E.Iu. *Problema pravovogo zhizneteksta F.M. Dostoevskogo: delo s P.A. Karepinym* [The problem of the legal life text of F.M. Dostoevsky: the case with P.A. Karepin]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2016 (26), № 3, pp. 107–113. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 18.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

**ОБРАЗЫ СВЯЩЕННИКОВ
В ПОЭМЕ Н.А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»
И ПОВЕСТИ С.И. ГУСЕВА-ОРЕНБУРГСКОГО «СТРАНА ОТЦОВ»**

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация: В статье анализируются знаковые соответствия между образом попа в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» и священника в повести С.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов». Автор работы обращается к процессу создания образа священника Некрасовым и показывает двойственность этой фигуры, возникшую в связи с тем, что сначала поп не виделся поэту возможным народным заступником, но постепенно Некрасов в лучших своих произведениях приближался к оценке окружающего именно с позиции религиозного сознания. В итоговом тексте поэт как бы совместил два взгляда: впечатление о сытой и довольной жизни попа, высказанное мужиком Лукой, и своеобразный идеал жизни священника как духовного отца народа. Творчески осваивая находки Некрасова, его образы борцов и правдолюбцев, С.И. Гусев-Оренбургский на рубеже веков создает пример автобиографического героя, порывающего со своей средой, воплощает в художественном мире повести, но теперь уже в отношении к разным персонажам, двойственную оценку священников. Вслед за Некрасовым Гусев-Оренбургский ищет в народной среде настоящих деятелей, поступающих в соответствии с христианской этикой, не могущих обособиться от мира и не думать о счастье народном.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, С.И. Гусев-Оренбургский, священники, народная тема, революционная борьба, художественные переключки, образ сеятеля.

Для цитирования: Андреева В.Г. Образы священников в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и повести С.И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 104–109. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-104-109>

Research Article

**THE IMAGES OF PRIESTS
IN THE EPIC POEMS “WHO IS HAPPY IN RUSSIA?” BY NIKOLAY NEKRASOV
AND “THE LAND OF THE FATHERS” BY SERGEY GUSEV-ORENBURGSKY**

Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article analyses the symbolic correspondences between the image of the priest in the epic poems “Who Is Happy in Russia?” by Nikolay Nekrasov and “The Land of the Fathers” by Sergey Gusev-Orenburgsky. The author of the work turns to the process of creating the image of the priest by Nikolay Nekrasov and shows the duality of this figure, which arose due to the fact that at first the poet used to take a dislike to the priest, but gradually Nikolay Nekrasov approached the assessment of the environment precisely from the position of religious consciousness in his best works. In the final text, the poet, as it were, combined two views: the impression of the priest’s well-fed and contented life, expressed by Luka the peasant, and the peculiar ideal of the life of a priest as the spiritual father of the people. Creatively mastering many of Nikolay Nekrasov’s finds and achievements, his images of fighters and truth-lovers, at the turn of the 19th century, Sergey Gusev-Orenburgsky created an example of an autobiographical hero breaking with his environment, embodying in the artistic world of the story, but this time in relation to different heroes, the dual assessment of Nikolay Nekrasov’s priests. Following Nikolay Nekrasov, Sergey Gusev-Orenburgsky looked for real figures among the people who acted in accordance with Christian ethics, who could not isolate themselves from the world and who thought about the happiness of the people.

Keywords: Nikolay Nekrasov, Sergey Gusev-Orenburgsky, priests, folk theme, revolutionary struggle, artistic consonances, image of sower.

For citation: Andreeva V.G. The images of priests in the epic poems “Who Is Happy in Russia?” by Nikolay Nekrasov and “The Land of the Fathers” by Sergey Gusev-Orenburgsky. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 104–109 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-104-109>

Сложно переоценить влияние, оказанное Н.А. Некрасовым на писателей демократического направления в русской литературе: речь в данном случае можно вести и о реальной поддержке Некрасовым молодых литераторов сходных убеждений, и об огромном значении его образов и идей, творчески осмысленных современниками и последователями. Тема героической борьбы с народными обидчиками и притеснителями, тема восстановления справедливости и помощи крестьянам оказались чрезвычайно актуальными не только в 1860–1870-е гг., но и на рубеже XIX–XX вв., а также в начале XX в. Некоторые мотивы Некрасова отчетливо звучат в творчестве С.И. Гусева-Оренбургского – писателя, прожившего долгую и непростую жизнь, отказавшегося от пути священника и посвятившего себя литературному труду. Воспитанный в православной семье, Гусев-Оренбургский после учебы в духовных семинариях и работы сельским учителем был в течение более чем 5 лет священником, но в 1898 г. попросил о сложении сана. После этого Гусев-Оренбургский переезжает в Москву, пишет повести и рассказы, вошедшие потом в состав его 16-ти томного собрания сочинений. В 1921 г. Гусев-Оренбургский с супругой уезжает в Харбин, а дальше – в США, где писатель прожил еще более 40 лет и скончался в 1963 г. Уже в конце XIX в. рассказы Гусева-Оренбургского становятся известны, писатель получает признание. В письме от 19 мая 1902 г. П.И. Бирюкову Л.Н. Толстой, который в течение двух последних десятилетий жизни особенно интересовался творчеством молодых писателей, отмечает, упоминая Гусева-Оренбургского: «Получил, милый друг Поша, Ваше письмо и перевод “О религии” не через Гусева, но через четвертые руки, и Гусева еще не видал, а очень желаю» [Толстой, 73: 243].

В 1904 г. в сборнике товарищества «Знание» вышло одно из самых знаменитых в свое время произведений Гусева-Оренбургского – повесть «Страна отцов», в которой отчетливо прозвучали некоторые некрасовские мотивы. Образ главного героя указанной повести, отца Ивана Гонибесова, отчасти автобиографичен: как и сам Гусев-Оренбургский, отец Иван отказывается от сана и порывает со средой священников. Однако фигура персонажа, восклицающего в финале повести: «Я решил! Твердо решил! Бесповоротно! Ухожу! Довольно!» [Гусев-Оренбургский], очень двойственна и неоднозначна. Отца Ивана можно уподобить некрасовским героям-борцам и правдолюбцам: ему скучно, не хватает деятельности; человек от земли, умеющий работать и переносить невзгоды, он жаждет активной борьбы, но, к сожалению, не понимает, что она противоречит благословенному труду, не принесет добра, а только разрушение и потерю веками хранимых народом православных ценностей.

И отказ отца Ивана от сана во имя решительной деятельности, о которой читатель повести может только догадываться, выглядит несколько по-некрасовски. «Нет сомнения, что Некрасов переживал в своей жизни сложный религиозный комплекс, основанный, с одной стороны, на любви к народу и отличном знании народных идеалов, в том числе и религиозных, а с другой – на личном (с точки зрения церкви еретическом) представлении о праведности революционного бунта и необходимости нравственной аскезы и покаяния», – отмечает В.И. Мельник [Мельник: 42].

В повести «Страна отцов» писатель показывает процесс оскудения крестьян, остающихся без земли, быстро переходящей в руки предпринимателей-хищников – купцов и новой аристократии, высшей ценностью для которой является презренный металл. У Гусева-Оренбургского, по сути дела, повторяется ситуация поэмы «Кому на Руси жить хорошо», только если Некрасов изображает тяжелое материальное положение народа в статике, Гусев-Оренбургский описывает новый временной виток и резкий, заметный переход от крестьянского достатка к обнищанию. Повесть открывается описанием богатого города и благосостояния крестьян, которые быстро сменяются картинами упадка. Причем одними из ключевых и показательных в этих описаниях становятся образы зерна, хлеба, сеятелей.

«Уездный город Житница, окруженный кольцом хлебных амбаров, где денно и ночью ссыпался и выгружался хлеб, напоминал вечную ярмарку... Грязь улиц казалась золотой грязью, так густо было в ней замешано зерно» [Гусев-Оренбургский]. Буквально на первых страницах повести появляется редактор-издатель «Старомирского листка» – народолюбец 1860-х гг., который гордится успехами народа, объединяет себя с ним: «Мы – народ землепашцев, – говорил он на одном съезде, – мы – пахари! Мы вспашем ниву мира под посев «разумного, доброго, вечного». Гусев-Оренбургский отмечает, что газета в скором времени переходит в руки купца Чугунникова, а «хлеб “мужицкий” сменился хлебом “купецким” и “арендательским”» [Гусев-Оренбургский].

П.Ф. Успенский рассматривает ситуацию, «когда аграрная образность наделяется революционными коннотациями» и «происходит вторичная семантизация: библейская метафора последовательно переосмысливается в политическом контексте» [Успенский: 134]. По мнению ученого, именно Некрасов соединил ее с социально-политическими идеологемами. Эту маркированность образа Некрасова далее в своих целях стали использовать революционеры начала XX в. П.Ф. Успенский приводит пример листовки, в которой реализуется в бунтарском плане образ сеятелей, причем «он обростает отсутствующим у поэта, но со всей очевидностью напрашивающимся финальным

элементом – жатвой» [Успенский: 135]. Внимательный анализ повести «Страна отцов» позволяет сделать вывод, что Гусев-Оренбургский иронично оценивает деятельность не только новых хозяев жизни, но и многих революционеров, идущих не от народа. А примером народного героя-борца у него оказывается мужик Назаров, владеющий даром слова и отдаленно напоминающий Гришу Добросклонова из поэмы Некрасова: «Назаров был человек страсти и пламенного красноречия, один из тех “идейных” крестьян и народных ораторов, которые будут увлекать массы с трибун будущего. Он кончил земскую школу, глубоко любил книгу, хорошую, умную беседу, много раз подвергался штрафам и арестам со стороны земского, отсидел за устройство на дому чтения для крестьян» [Гусев-Оренбургский].

Слово Назарова значительно отличается от воззваний других революционеров именно потому, что это слово знающего крестьянина. Так и Гриша Добросклонов, сам «выйдя из народной среды, выбирает обратный путь, ведущий к униженным и обиженным. Но его оружием, его инструментом на этом пути оказывается слово. Счастливым герой предстает в тот момент, когда сочиняет “песню новую”...» [Сухих: 63]. Увлеченная и искренняя революционерка Александра Порфирьевна в «Стране Отцов» рассуждает о новых временах, говорит отцу Ивану о песнях будущего. Но в авторском описании девушки наряду с оптимистичными нотами чувствуется формульность: «Мы, отбросившие предрассудки наших отцов... Мы... демократы!» [Гусев-Оренбургский]. Если вспомнить, что героиня эта дочь злостного стяжателя, то фраза про предрассудки отцов из ее уст звучит несколько иначе.

Образ жатвы у Гусева-Оренбургского закольцовывается не с деятельностью революционных активистов, а с некрасовским образом несжатой полосы, жнецами на которой становятся не революционеры-рабочие, а именно мужики. В повести есть эпизод конфликта из-за полосы земли, которая находится между владениями нового богача Широкозадова: «Полоса эта клином врезывалась в земли Широкозадова, была одною из лучших земель по округе, кроме того, она прилегала к берегу Поёмы, где было очень удобно поставить паровую мельницу» [Гусев-Оренбургский]. По мнению Гусева-Оренбургского, единственный и правильный протест, описанный в повести искренне и с глубоким смыслом, – это протест крестьянина, которого лишают земли и работы: «Мужики дали Широкозадову вспахать землю и засеять. Но когда пришла пора уборки, шумной и многочисленной толпой двинулись они под предводительством Назарова, с серпами и косами, на спорную землю и в одну ночь сжали, выкосили и вывезли хлеб. Налетело начальство, началось расследование, пошли опи-

си, обыски, аресты, возбудилось “дело о самовольной потраве”» [Гусев-Оренбургский].

Отец Иван у Гусева-Оренбургского, как и многие герои в поэме «Кому на Руси жить хорошо» изображен в постоянном движении, причем иногда оно оказывается даже слишком решительным, как, например, в сцене преследования убежавшей в город Павлинки, когда отец Иван оказывается в повозке с лошадьми, очень напоминающей птицу-тройку: «Кони птицами снялись с места, бешено вырвались за ворота и в густом облаке пыли помчали за околицу. ... Гнедой коренник широко работал ногами. Колокола захлебнулись и едва звякали под дугой от быстроты его бега. Пристяжные прыгали, как котятка. Пегая пристяжка совсем завернула голову к боку, но все рвалась вперед, возбуждаемая бегом. Тарантас подпрыгивал от каждого камешка и ямки» [Гусев-Оренбургский].

Создавая образ сельского священника, живущего среди крестьян и непосредственно занимающегося трудом на земле, а также в целом русского духовенства, Гусев-Оренбургский, по всей видимости, опирался на находки Некрасова в первой главе его поэмы «Кому на Руси жить хорошо», получившей название «Поп». Интересно, что некоторая двойственность образа некрасовского попа и вообще представления крестьян о сельском священнике отразилась в повести «Страна отцов». Но если у Некрасова эта двойственность связана с одной фигурой попа, но у Гусева-Оренбургского мы видим антитетичные образы священников.

В комментариях к поэме Некрасова отмечены факты, позволяющие говорить о том, что в процессе работы поэта образ попа претерпел ряд изменений: «В рассказе попа исключен отрывок, в котором он сетовал на упадок религиозного чувства в народе и отсутствие “рвения” к православию» [Некрасов: 621]. Некоторые ученые даже предполагают, что варианты представления образа попа у Некрасова были полярными, что поэт был готов изменить и фактически заменил отрицательную характеристику на положительную: «Если воспользоваться приемом “обратного хода”, то можно “реконструировать” первоначальный вариант главы. В ней (как очевидно) поп был без совести, не был озабочен крестьянскими нуждами, был причастен к взяткам с раскольников, сетовал на упадок религиозного чувства в народе. В подобной интерпретации образ попа выглядел сатирически-лубочным, сниженным – зловещим, лукавым, безнравственным и бесчестным [Богданова, Некрасов: 22].

Однако вряд ли стоит говорить о категоричной смене позиции Некрасова, скорее, о ее эволюции: осмыслить образ священника именно с народной позиции – было делом не лёгким. Вероятно, что сначала поп не виделся Некрасову возможным народным за-

ступником, а категоричность взгляда поэта и его уверенность в необходимости продвижения и поддержки именно героических натур не распространялась на попа – он точно не выглядел героем для поэта. Но постепенно Некрасов в лучших своих произведениях приближался к оценке образов именно с позиции религиозного сознания. В данном случае вполне вероятно ситуация, при которой поэт переоценил значение священника в жизни народа, но в итоговом тексте как бы совместил два взгляда: впечатление о сытой и довольной жизни попа, высказанное мужиком Лукой, и своеобразный идеал жизни священника как духовного отца народа.

Об этой двойственности произведений Некрасова писал Ю.В. Лебедев: «Создавая историко-героические поэмы, Некрасов действовал “от противного”»: они были своеобразным упреком той революционно-материалистической бездуховности, которая глубоко потрясла и встревожила поэта. Впрочем, и ранее, в лирических стихотворениях на гражданские темы, Некрасов придерживался той же эстетической и этической установки. По его собственным словам, в “Памяти Добролюбова”, например, он создавал не реальный образ Добролюбова, а тот идеал, которому реальный Добролюбов, по-видимому, хотел соответствовать» [Лебедев: 62].

Оба представления о жизни священника, как бы существующие в художественном мире поэмы Некрасова, воплощаются и Гусевым-Оренбургским в «Стране отцов». Напомним отрывок из поэмы, в котором Лука представляет сытое поповское житье:

«Малина – не житье!
 Попова каша – с маслом,
 Попов пирог – с начинкою,
 Поповы щи – с сметком!
 Жена попова толстая,
 Попова дочка белая,
 Попова лошадь жирная,
 Пчела попова сытая,
 Как колокол гудет!» [Некрасов: 26].

Этот взгляд некрасовского героя во многом реализован в образах отца Матвея и отца Рудометова у Гусева-Оренбургского. Когда от отца Матвея бежит жена, по словам некоторых зевак, убежавшая с любовником, а на самом деле просто сбежавшая в город к родным, отец Матвей недоумевает, *каких удобств не хватило душе* матушки: «За что?! Чем заслужил?! Я ли не любил, я ли не холил! Все удобства предоставил... чего душа хочет? Приход – лучший в епархии... по доходности... Богатейший приход! В бархате ходила! Шляпки-то ей, бывало... Шляпки! Как в город еду... шляпку: сам знаешь... по двенадцати целковых!» [Гусев-Оренбургский]. Отец Матвей не понимает, что душа Павлиньки просит нравственного труда и душе этой не хватает не материального,

а воли в муже-священнике. Не меньшим, а еще большим стяжателем оказывается в повести Гусева-Оренбургского отец Рудометов, который беззастенчиво называет себя и себе подобных «полицейскими Бога высшего». Гусев-Оренбургский отмечает: «При всем том Рудометов состоял крупным пайщиком акционерного предприятия по сбыту за границу джибаги и дубленых кож “Пирогович и К^о”, почему местные интеллигенты его звали: “Буржуа в рясе!”» [Гусев-Оренбургский].

Но итоговый образ священника у Некрасова, как мы уже сказали, связан именно с рассуждениями о душе, о трудном пути переживания вместе с народом всех его бед и горестей:

«Дороги наши трудные,
 Приход у нас большой.
 Болящий, умирающий,
 Рождающийся в мир
 Не избирают времени:
 В жнитво и в сенокос,
 В глухую ночь осеннюю,
 Зимой, в морозы лютые,
 И в половодье вешнее
 Иди – куда зовут!
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одни,
 Нет! всякий раз наместя,
 Переболит душа» [Некрасов: 19–20].

Именно так живет и отец Иван Гонибесов, более того, он вникает в дела и проблемы мужиков: «Если неприятность, походи к мужику-то, да поговори ладком, по душе, он тебе штаны отдаст! А что толку, ежели я с жалобой, да еще по начальству! Да он того никогда не простит и не забудет! Эка! Ты к нему же с жалобой-то, к мужику, торкнись... у него сердце боольшое, в три объёма, всем места хватит! ... Он всех кормит! Помоему, лучше мужика и человека нет! Прост, душа на ладонке... Легко с ним!» [Гусев-Оренбургский].

Гусев-Оренбургский по сути дела показывает результат оскудения веры и игнорирования религиозного сознания, о котором говорил еще Некрасов. Стоит вспомнить хотя бы сравнение Гаврилы Афанасьевича Оболта-Оболдуева, не просто уравнивающее образ Церкви и усадьбы, но превозносящее последний:

«Краса и гордость русская,
 Белели Церкви Божии
 По горкам, по холмам,
 И с ними в славе спорили
 Дворянские дома» [Некрасов: 74].

Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» описал время разрушения мифа о вседозволенности помещика, его оценки как благодетеля. Но повествуя о разрушении старых порядков, Некрасов еще не мог сделать акцента на образах новых хищников. У по-

эта поп как бы потворствует ложным представлениям помещиков о собственной избранности, вины священника тут, может, и нет, но он был прочно включен в ту систему оценки, где даже на Всеночной помещик был главным человеком и распорядителем всего.

Если ранее священники были невольны, устройством дел подчинены помещикам, то в повести Гусева-Оренбургского святые отцы сами, отказываясь от православия, ищут новых путей. И именно в такой среде отцу Ивану Гонибесову тяжело и не по себе: «Что касается православия, то поскольку оно есть человеческое учреждение, оно закаменело, и я сам ищу в нем новых путей, новых согласований с Божественной Волей...», – говорит отец Клавдий [Гусев-Оренбургский].

Исследователи творчества Некрасова проницательно отметили возможную основу первоначального образа попа у Некрасова – мнение учителя и наставника поэта – В.Г. Белинского. «Если обратиться к открытому письму Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 3(15) июля 1847 года, то обращает на себя внимание удивительное сходство». «Без дополнительных текстологических изысканий можно с уверенностью констатировать, что Некрасов при создании образа попа, несомненно, опирался на ставшее легендарным письмо Белинского – в большей мере следуя ему в первой редакции главы, но сохраняя стилистическую близость и во второй» [Богданова, Некрасов: 24]. Действительно, мнение Белинского во многом представлено в поэме, но Некрасов умело выстраивает систему соответствий. Позиция критика совпадает в повести с мнением Луки: «...Но неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадю, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно!» [Белинский]. А «вопросы Белинского» в поэме от противного задает сам поп мужикам, что и говорит о необходимости обратного восприятия: и тут торжествует не некрасовская правда народная, а христианская правда, поскольку уже не мужики спрашивают попа, как ему живется, в сами они начинают держать ответ и перед ним, и перед Богом. Не случайно после того, как священник задает мужикам ряд вопросов, воцаряется молчание, а поп смотрит на небо – автор символично напоминает нам о высшем суде:

«...А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо Божие:

Там с золотыми нитками

Развешаны мотки...» [Некрасов: 21].

Вслед за Некрасовым, изображающим священника, Гусев-Оренбургский на примере жизни отца Ивана показывает читателю, что «покой, богатство, честь» – это не те понятия, которые характеризуют бытие попа. «Теперь посмотрим, братия, / Каков попу почет?» – говорит священник крестьянам [Некрасов: 20]. «Вот оно поповское житье! Смейся, смейся! А как порассудить, нет горше одежи, как подрясник с рясой да широкополая шляпа. Сделай себе хоть посох с золотым набалдашником, а все тебе один почет...» – рассуждает отец Иван [Гусев-Оренбургский].

И злорадный крик мужиков, о котором говорит поп у Некрасова: «Кому вдогон, злорадствуя, / Кричите: го-го-го?...» [Некрасов: 21], отец Иван в повести обращает к реке: «А теперь лешего попугаем, чтобы не баловался другой раз. При смехе мужиков он обернулся к бурлящей реке и, покрывая голос бури, заорал: – О-го-го-го-го-го-го-о...» [Гусев-Оренбургский].

Гусев-Оренбургский не раз в повести подчеркивает героическую основу бытия своего персонажа, чего стоит хотя бы эпизод спасения паромом священником, без страха бросившимся в воду в шторм. Но отец Иван чуждается стачек и собраний, оказавшись как-то в городе среди революционно настроенной толпы, священник не понимает целей восставших людей. И когда студент-революционер говорит ему: «Знаете... ей-Богу! Ведь это подвиг!», отец Иван отвечает: «Ну! Тонуть разве было? Ведь у меня на пароме свои кони стояли». И тут нет никакой жажды блеснуть и героизировать (даже перед женщиной, которая ему очень дорога), отец Иван как истинный христианин готов на самопожертвование.

У Некрасова образ попа соотносится с миром народным, но не сливается с ним. У Гусева-Оренбургского отец Иван отказывается от сана именно для того, чтобы идти вперед. Рассуждая о персонаже Гусева-Оренбургского, Богданович упоминает о долгой и сложной борьбе «привитых с детства и развитых воспитанием привычек показного смирения, стяжательства и подчинения чужой воле – с здоровой, сильной и увлекающейся натурой честного и благородного человека, способного на высокий подвиг самопожертвования» [Богданович]. Критик писал об отце Иване в революционном духе, но читатель до конца не может сказать, каковы масштабы его деятельной жизни и дальнейшей борьбы, точнее, насколько они соотносятся с революционными идеями. Несмотря на финальный призыв героя, на его наблюдения за общим движением: «Все вокруг нас ищет рая правды, рая справедливости, страстно борются за свой идеал... А мы?! Довольно!» [Гусев-Оренбургский] читатель понимает, что в этом общем движе-

нии жажда деятельности, подвиги отца Ивана были направлены в большей степени именно на выстраивание своего собственного пути, личной жизни в новых условиях. Как и герои Некрасова, Иван Гонимцев ищет прежде всего человеческого счастья, хотя в этом поиске он действует в соответствии с христианской этикой, не может обособиться от мира и не думать о счастье народном.

Список литературы

Белинский В.Г. Письмо Н.В. Гоголю 15 июля 1847 г. // Н.В. Гоголь в русской критике. М.: Худ. лит., 1953. С. 243–252.

Богданова О.В., Некрасов С.М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №1(20). С. 20–28. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-20-28

Богданович А.И. «Петр и Алексей», роман г. Мережковского. – «Страна отцов» г. Гусева-Оренбургского. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanowich_a_i/text_0450oldorfo.shtml (дата обращения: 24.03.2021)

Гусев-Оренбургский С.И. Страна отцов. URL: http://az.lib.ru/g/guseworenburgskij_s_i/text_0020oldorfo.shtml (дата обращения: 24.03.2021).

Лебедев Ю.В. Христианские и фольклорные мотивы в поэзии Н.А. Некрасова // Вестник Костромского государственного университета. 2016. №4. С. 59–64.

Мельник В.И. К вопросу о специфике христианского сознания в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 1999. №4(8). С. 42–47.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Л.: Наука, 1982. С. 599–686.

Сухих И.Н. Художественный мир Некрасова. Спор об искусстве: поэт как гражданин // Мир русского слова. 2006. №3. С. 56–64.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Успенский П.Ф. «Путем зерна» как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная тематика русской лирики // Русская литература. 2020. №2. С. 131–147.

References

Belinskii V.G. *Pis'mo N.V. Gogoliu 15 iulija 1847 g.* [Letter to N.V. Gogol on July 15, 1847]. *N.V. Gogol' v russkoi kritike* [N.V. Gogol in Russian criticism.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1953, pp. 243–252. (In Russ.)

Bogdanova O.V., Nekrasov S.M. *Tendentsiozniy duализм avtorskogo videniia (glava "Pop" v kontekste poemu N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho")* [Tenden-

tious dualism of the author's vision (chapter "Pop" in the context of N. Nekrasov's poem "Who lives well in Russia"). *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological bulletin]. 2020, №1(20), pp. 20–28. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-20-28 (In Russ.)

Bogdanovich A.I. *"Petr i Aleksei", roman g. Merezhkovskogo. "Strana ottsov" g. Guseva-Orenburgskogo* ["Peter and Alexei", a novel by Mr. Merezhkovsky. "Country of Fathers" of Gusev-Orenburgsky]. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanowich_a_i/text_0450oldorfo.shtml (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

Gusev-Orenburgskii S.I. *Strana ottsov* [Country of Fathers]. URL: http://az.lib.ru/g/guseworenburgskij_s_i/text_0020oldorfo.shtml (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

Lebedev Iu.V. *Khristianskie i fol'klornye motivy v poezii N.A. Nekrasova* [Christian and folklore motives in the poetry of N.A. Nekrasov]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, №4, pp. 59–64. (In Russ.)

Mel'nik V.I. *K voprosu o spetsifike khristianskogo soznaniia v poeme N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho"* [On the issue of the specificity of Christian consciousness in the poem by N.A. Nekrasov "Who lives well in Russia"]. *Vestnik Ul'ianovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University]. 1999, №4(8), pp. 42–47. (In Russ.)

Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t. In-t rus. lit. (Pushkin. dom). T. 5. Komu na Rusi zhit' khorosho* [Complete works and letters: in 15 vols. Vol. 5. "Who lives well in Russia"]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 599–686. (In Russ.)

Sukhikh I.N. *Khudozhestvennyi mir Nekrasova. Spor ob iskusstve: poet kak grazhdanin* [The artistic world of Nekrasov. Dispute about art: the poet as a citizen]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word]. 2006, №3, pp. 56–64. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Full composition of writings in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Uspenskii P.F. *"Putem zerna" kak formula revoliutsii: Khodasevich, Nekrasov, krest'ianskie poety i agrarnaia topika russkoi liriki* ["By the grain" as a formula of the revolution: Khodasevich, Nekrasov, peasant poets and the agrarian topic of Russian lyric poetry]. *Russkaia literatura* [Russian literature]. 2020, №2, pp. 131–147. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; одобрена после рецензирования 27.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 12.03.2021; approved after reviewing 27.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

**ПОЭТИКА СТИХОТВОРЕНИЯ
А.А. ФЕТА «НА СМЕРТЬ А.В. ДРУЖИНИНА 19 ЯНВАРЯ 1864 ГОДА»:
ЖАНРОВЫЕ АТРИБУТЫ**

Жиляков Сергей Викторович, кандидат филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал), Старый Оскол, Россия, szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Аннотация. В статье рассматривается поэтика стихотворения «На смерть...» на примере предлагаемого для анализа одноименного произведения А.А. Фета «На смерть А.В. Дружинина 19 января 1864 года». Цель анализа заключается в определении жанровой принадлежности стихотворения, остающейся до сих пор не проясненной. Новизна авторского подхода обуславливается тем, что обнаружение посредством анализа таких жанрообразующих атрибутов, как генезис, восходящий к эпицидиуму (разновидность траурной элегии), жанровая «концепция личности», погребальный портрет, характерный принцип образной визуализации, датировка написания, позволяет выявить самостоятельный жанровый статус стихотворения. Именно генетическая наследственность эпицидиума, вокруг которой концентрируются другие рассматриваемые жанровые атрибуты, помогает определить стихотворение «На смерть...» как особую жанровую форму, связанную с моральными и поминальными жанрами – эпитафией и стихотворением «Памяти...». Так как набор жанровых атрибутов, состав которого может варьироваться в зависимости от объекта исследования, носит идеально-моделирующий характер, то методика его применения может быть использована в дальнейшем при изучении как жанрового стихотворения «На смерть...», так и других лирических жанров.

Ключевые слова: субъектная организация, жанр, хронотоп, жанровая «концепция человека», композиция, эпицидиум, жанровая структура, жанровый атрибут, погребальный портрет.

Для цитирования: Жиляков С.В. Поэтика стихотворения А.А. Фета «На смерть А.В. Дружинина 19 января 1864 года»: жанровые атрибуты // Вестник Костромского государственного университета. 2021. № Т. 27, № 2. С. 110–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-110-116>

Research Article

**POETICS OF THE EPITAPH
“ON THE DEATH OF ALEXANDER DRUZHININ, JANUARY 19, 1864” BY AFANASY FET:
GENRE ATTRIBUTES**

Sergey V. Zhilyakov, Candidate of Philological Sciences, Belgorod National Research State University, branch in Stary Oskol, Russia, szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Abstract. The article examines the poetics of an epitaph “On the Death...” on the example of the work of the same name proposed for analysis by the poem “On the Death of Alexander Druzhinin, January 19, 1864” by Afanasy Fet. The purpose of the analysis is to determine the genre of the poem, which still remains unclear. The novelty of the author’s approach is due to the fact that the discovery through analysis of such genre-forming attributes as genesis dating back to the epicedium (a kind of mourning elegy), genre “concept of personality”, burial portrait, the characteristic principle of figurative visualisation, dating of writing, that allows us to reveal the independent genre status of the poem. It is the genetic heredity of the epicedium, around which other considered genre attributes are concentrated, that helps to define the poem “On the Death...” as a special genre form associated with mortal and memorial genres – the epitaph and the poem “In Memoriam...”. Since the set of genre attributes, the composition of which may vary depending on the object of research, is ideally modelling in nature, the method of its application can be used in the future when studying both the genre poem “In Memoriam...” and other lyric genres.

Keywords: subject organisation, genre, chronotope, genre “concept of human”, composition, epicedium, genre structure, genre attribute, funeral portrait

For citation: Zhilyakov S.V. Poetics of the epitaph “On the death of Alexander Druzhinin, January 19, 1864” by Afanasy Fet: genre attributes. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 110–116 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-110-116>

Жанр литературный – явление сверхсложное, обладающее множеством критериев, определяющихся в свою очередь многообразием подходов литературоведческих школ. Исследовать литературный жанр – значит увидеть в нем, с одной стороны, типологическое, повторяющееся из раза в раз в ряду, например, одноименных и сходных между собой произведений, с другой же – суметь выявить в нем индивидуальные признаки, присущие только ему, те, которые и делают жанр оригинальным. Данная оригинальность и есть изначальная, присущая жанру способность при его общем следовании определенной художественной традиции. Как пишет И.П. Смирнов: «Всеобщее, превратившееся в особое, есть жанр в его истоке» [Смирнов: 63–64].

Процесс изучения жанра всегда сопряжен с поиском той мировоззренческой парадигмы, которую он в себе конституирует, так как всякие «жанры – это выработанные культурой формосодержательные системы художественного понимания и познания» [Головкин 2015: 136]. Вдобавок к этому общеизвестно, что жанр исторически подвижен и текуч: возникнув «на определенной стадии развития искусства слова», они, литературные жанры, «затем постоянно меняются и сменяются» [Лихачев: 42], будучи подверженными объективным законам динамики исторической поэтики [Аверинцев: 110]. И если одни жанры подвергались неоднократному и всестороннему изучению (ода, элегия, героический эпос, роман, идиллия и проч.), то другим внимание вовсе не уделяется или вскользь (в лучшем случае) упоминается о них. Так, стихотворение «На смерть...», хотя и относится традиционно к элегическому жанру [Гаспаров 1989: 58–62], обладает, на наш взгляд, достаточно самостоятельной поэтикой, чтобы судить о нем как об отдельном жанре.

В западном литературоведении давно устоялся термин «архитексты памяти» [Ender: 205] – собирательный образ литературных, научных произведений, представляющий в своем составе тематические конструкции памяти на имажинативном, эпистемологическом, риторическом уровнях. Стихотворение «На смерть...» как обособленный литературный феномен, могущий быть одним из репрезентантов «архитекстов памяти», еще недостаточно изучен в современном литературоведении. Одни исследователи усматривают в нем автономную жанровую форму, для которой жанрообразующими являются два признака – двучастность организации лирического субъекта и реминисценция объекта стихотворной рефлексии [Долинин: 394–395]. А.А. Яшина причисляет весь комплекс стихотворений «Памяти...», «На смерть...» и др. к жанровой группе стихотворений *in memoriam*, входящих в мемориальную лирику [Яшина: 589–590], несмотря на то, что обе жанровые разновидности

имеют разительные отличия – уже даже потому, что жанровая рефлексия одного выражается в большей мере памятью, а второго – происшествием смерти. Такая разногласия мнений, неоднородность теоретических позиций и непроясненность жанрового статуса в отношении изучаемого стихотворения побуждает нас к его более детальному анализу.

Мы попытаемся показать развернутый спектр существующих жанровых признаков в стихотворении «На смерть А.В. Дружинина» А.А. Фета как конкретной жанровой формы, которая может подвергаться некоторым изменениям в зависимости от авторского стиля и художественных методологических установок.

Приведем все произведение ввиду его малого объема:

Умолк твой голос навсегда,
И сердце жаркое остыло,
Лампаду честного труда
Дыханье смерти погасило.

На мир усопшего лица
Кладу последнее лобзанье.
Не изменили до конца
Тебе ни дружба, ни признанье.

Изнемогающий больной,
Души ты не утратил силу,
И жизни мутною волной
Ты чистым унесен в могилу.

Спи! Вечность правды настает,
Вокруг стихает гул суровый,
И муза строгая кладет
Тебе на гроб венок лавровый [Фет: 185].

Уже первое знакомство с произведением наводит на мысль о том, что вряд ли тут можно говорить об элегии и элегическом в ее классическом варианте исполнения с неотъемлемой тоской и печалью по чему-то безвозвратно ушедшему, с ее рассуждением о смерти – этой неминуемой для каждого человека участи. В фетовском стихотворении авторская установка, соотносимая с гнетущими эмоциями, направлена в иное русло – на стоическое принятие смерти как неизбежного конца, которое ставит над человеческим бытием точку, фиксирующую все его достижения и неуспехи. В пользу «неэлегичности» стихотворения прямо говорит восходящая ямбическая интонация, как бы убеждающая читателя в невозможности сопротивления вездесущему року, так как, по мнению С.И. Ермоленко, жанровая структура лирики, кроме иных критериев, особенно детерминирована «характером интонационно-мелодического строя» [Ермоленко 1996: 20], а также отсутствием симптоматических «топосов» вегетативного увядания, календарной осени, быстротечности человеческой жизни.

Вследствие этого насущная потребность жанра стихотворения «На смерть...» определяется поэтической функцией оперативно высказаться о жизни и ка-

чествах человека, уходящего в последний путь, составить некий отчет о его деяниях. Этим фактически и определяется оригинальная жанровая «концепция человека» – *первый* жанровый атрибут, инициирующей жанрообуславливающую сферу [Головки 2009: 138]. Она в свою очередь детерминирует проблему произведения – ценностное отношение к уникальности человеческого бытия, двояко характеризуемого с точки зрения конечности его телесного существования (бытие-для-себя) и бесконечности духовного существования (бытие-для-других) в контексте неминимума феномена смерти. Такая концептуальная двойственность поэтической рефлексии продиктована переходным событием похорон.

Если судить «о лирическом жанре как такой художественной структуре, которая порождает определенный тип миропереживания и в которой с большей или меньшей степенью отчетливости проступают контуры образа мира, соответствующие данному миропереживанию» [Ермоленко 2015: 55], то стихотворение «На смерть...» сообщает нам, действительно, неповторимые эмоции и чувства, вызванные откликом на смерть обозначаемого в заголовке лица, демонстрируя целостную завершенность трагического события, соответствующего аутентичному высказыванию, уподобленному такому же автономному мирообразу, определяемому данным высказыванием.

Автор «ориентируется на канонический русский образец стихотворения *in metoiam* – лермонтовскую “Смерть поэта”» [Яшина: 591] в образном живописании скорострительной смерти (адресат фетовского стихотворения, писатель и литературный критик А.В. Дружинин, умер в возрасте сорока лет). Так, очевидны следующие параллели: «погасла лампада» (Фет) – «угас, как светоч» (Лермонтов), «умолк голос» (Фет) – «замолкли звуки чудных песен» (Лермонтов), формальное соблюдение четырехстопного ямба с разновариантным ритмическим выражением. Но в целом концепция стихотворения Фета иная, чем жертвенная, наличествующая в «Смерти поэта». Оно близко к жанру эпитафии (разновидность траурной элегии), который в некоторых своих вариациях тематизирует «эпитафийное посвящение еще не захороненному покойнику» [Иванюк: 172]. Генетическая наследственность эпитафии составляет *второй* жанровый признак, который присутствует в эпитафии, занимающей заключительную строфу стихотворения. На ритмико-интонационном уровне эта строфа выбивается из всего произведения, ломая сверхсхемным ударением начала перового стиха привычный для пятистопного каталектического ямба, чередующегося с четырехстопным ямбом с симптоматическим пропуском в обоих строках (в разных местах) на одной стопе ударного слога, темпоритм. Эпилог благодаря этому выступает структурно-тема-

тическим оппонентом ко всему произведению, представляя функциональной посылкой. Такое структурно-композиционное «соседство» может объясняться сходством морально-мнемонической природы эпитафии, стихотворения «На смерть...» и эпитафии.

Строки второй и третьей строфы: «Не изменили до конца / Тебе ни дружба, ни признание. // Изнемогающий больной, / Души ты не утратил силу, / И жизни мутною волной / Ты чистым унесен в могилу» служат хвалой и утешением одновременно. Через эти «топосы», предписанные правилами составления надгробных речей [Ненарокова: 57–70], также осуществляется жанровая «память» родства с эпитафией.

Жанрообуславливающие факторы – жанровая «концепция человека», «проблема человека» предопределяют жанроформирующую сферу, состоящую из композиции, концептуального хронотопа и типа повествования (в данном случае субъектная организация). Хронотоп (*третий* жанровый атрибут) художественного произведения определяется, как известно, временем-пространством разворачивающегося действия, повествованием или описанием лирического отношения к объекту рефлексии. В большей степени свое выражение хронотоп осуществляет через глагольные формы, конституирующие динамику или статику развития лирического сюжета. Итак, глагольные формы распределяются строфично следующим образом: 3 глагола перфектного вида прошедшего времени находятся в первой строфе («умолк», «остыло», «погасило»); 2 глагола – один настоящего времени («кладу»), другой – прошедшего времени совершенного вида («не изменили») – занимают вторую строфу. Третья строфа занята апофатическим глаголом прошедшего времени совершенного вида («не утратил») и страдательным причастием прошедшего времени («унесен»). В четвертой строфе все три глагола настоящего времени («настает», «стихает», «кладет») и один безотносительный ко времени, имеющий ахроническую форму императива («спи»). Фонологический анализ показывает, что наибольшее количество раз повторяются звуки *л, с, н, о, е*, из которых может быть составлена анаграмма «сон», метафорически дублирующая неотступную мысль, возникающую в контексте прочитанного произведения – смерть всего лишь сон.

Таким образом, глаголы прошедшего времени, которых большинство, семантически соотносятся с необратимостью события смерти. А там, где в лирическую ткань произведения интерполируется образ лирического «я» (выразителя стихотворной эмоции или его помощника – образ музы), глаголы неизменно выражены настоящим временем и императивной формой. Так претворяется жанровая установка стихотворения как отзыв на смерть еще не захоро-

ненного лица, чего нельзя сказать, например, о стихотворении «Памяти...», типологически близком к исследуемому жанру: в нем образ «я» – выразителя лирического высказывания – находится в одном жизненном пространстве с «ты» или «он» – адресатом и объектом лирической рефлексии.

В стихотворении четко разделены два плана бытия – смерти и жизни, адресата и адресанта послания. Пространство произведения контурно обрисовывается дублирующейся глагольной формой «кладу» – «кладет» и обставляется всей церемониально очерчивающейся сферой похорон: координатами-индексами могилы, гроба, гула, лаврового венка. Причем «жизни мутная волна» четко противопоставляется «чистой» смерти в образе могилы. В этом смысле смерть представляется окончанием мучений, точкой перехода-возрождения к новой жизни. Стойкое смирение перед смертью, пиетет перед нею, выраженный тишиной и беззвучием («Вокруг стихает гул суровый»), вторит образу «умолкшего голоса» первого стиха. Все это, сообразуясь в континууме семиотического «низа», вызывает устойчивую картину пантеизма, всепроницающего жизнь и смерть в своем единоначалии. Пантеизма, сродни которому анимизм – тотальная одухотворенность. В этой связи все олицетворения и персонификации, замещающие друг друга в фокусе представления «производителя» организации лирической речи (муза, прямо не высказанное лирическое «я»), приближаются «к неопределенному субъекту, иногда подходящему к самой границе синкретизма» [Бройтман: 181] в лирике Фета вообще и в данном произведении в частности. И в этом прослеживается авторский стиль, едва ли колеблемый жанром, но, напротив, лишь подчеркивающий тотальность смерти, центростремительно затягивающей все живое.

Таким образом, хронотоп очерчивается окружностью, пространственной локализацией «лежащего» в гробу тела, находящегося в актуализированном ритуальном времени, соотносимом с вечностью («Вечность правды настает»). При незначительном расширении пространственных координат временная длительность хронотопа все же перманентна и статична («Вокруг стихает гул суровый»). В стихотворении «Памяти...», типологически близком, напротив, время активно при подчиненно-пассивном качестве пространственного модуса конструирования художественной условности.

Хронотоп подводит к другим жанроформирующим факторам – к композиционно-образным особенностям построения стихотворения, которые, в свою очередь, определяют ведущий принцип образостроения – визуализацию, воплощенную в погребальном портрете (четвертый жанровый атрибут) как разновидности литературного портрета. Но сначала об образном строении.

Соматические образы первой пары стихов первой строфы, в своем стагнационном состоянии служащие симптомами наступления кончины, сменяются в следующей паре стихов абстрактно-образными метафорами, подчеркивающими ту же мысль. Во второй строфе прослеживается та же тенденция – конкретика двух первых стихов с лихвой сменяется абстрактными состояниями: «Не изменили до конца / Тебе ни дружба, ни признанье». Противостояние это подчеркивается общим апофатическим колоном, стягивающим зависимые члены в фигуру антенантиосис. В этом фактически тройном отрицании подчеркивается, с одной стороны, стоическое сопротивление смерти ценностей жизни – любви и дружбы, а с другой – уход объекта творческой рефлексии туда, «где только “ни” и только “не”» (В. Высоцкий «Песня конченого человека»).

Третья строфа следует тому же приему контраста первого полустрофия, наполненного конкретно визуально-тактильными деталями, чертами характера («Изнемогающий больной, / Души ты не утратил силу...»), второму, в котором торжествует мортальная метафоричность, пронизывающая все произведение («И жизни мутною волной / Ты чистым унесен в могилу»). Так подчеркивается главная философская концепция стихотворения – в синкретическом единстве жизни-смерти материальному суждено погибнуть наперекор вечности духовной субстанции.

Образная визуализация, доминирование которой при наличии двух образов – голоса и гула, относящихся к слуховому восприятию, формирует мотив погребального портрета как весьма существенный жанровый маркер стихотворения «На смерть...». Он реализуется в следующем.

С первой строфы врывается в произведение образ смерти, оставляющий слепок на усопшем, связанный с немотой («умолк голос»), холодом («сердце жаркое остыло») и темнотой («лампаду труда погасило дыхание смерти»). Все образы имеют конкретное предметное происхождение, что выражается в их физиологической семантике – голос, сердце, дыхание. Причем семантико-стилевое единство при пристальном усмотрении распадается минимум на две составляющие – в первых двух строчках конкретика образов последовательно налагается друг на друга, подчеркивая их равенство, третий и четвертый стихи контрастируют метафорически («лампаде честного труда» – жизни противостоит «дыханье смерти»). Состояние смерти, подготовленное посмертным портретом, продолжает образную тактильно-визуализированную семантику смысла в первой паре стихов, высвечивающих детальное описание прощания: «На мир усопшего лица / Кладу последнее лобзание», как бы эскизно, в нескольких мазках передавая свидетельство наступления кончины. Визуализация

как ведущий принцип образостроения стихотворения контекстуально орнаментируется пространственным континуумом, коррелирующим с цвето-зрительными имажинативными состояниями. И вот здесь в центре внимания как раз и прорисовывается портретируемый образ умершего.

Литературный портрет как способ «обозначения визуального впечатления» [Уртминцева: 6] презентует здесь «внешнюю» физиологическую часть биографии объекта лирической рефлексии, воссоздавая характеристики личности в памяти. А его разновидность – погребальный портрет, этимологически и генетически связанный с посмертной маской и похоронным обрядом, представляет самый аналог литературного портрета живого человека. В данном произведении отчетливо видны элементы погребального портрета, включающего биографические и психологические черты, выделяемые автором на основании их значимости для воспоминания современников и памяти потомков («дружба», «призванье» и проч.) в единый жанровый мотив. Образная детализировка портретируемого проступает в соматических и духовно-нравственных характеристиках через их реализацию с помощью пластической образительности («Изнемогающий больной, / Души ты не утратил силу»). Думается, что функция мотива погребального портрета – запечатлеть для памяти последний облик объекта лирической рефлексии, находящегося в пограничном состоянии между умиранием и захоронением, – определена параметрами соответствующего художественного хронотопа.

Ритуализированному финалу соответствует размеренно упорядоченные структурно-композиционные части: «наступление смерти» (1-я строфа), «похвала и почести покойному» (2-я и 3-я строфы), «прощание перед ожидаемым погребением» (4-я строфа). Таким образом, тематический переход от бытия к небытию, обозначенный в хронотопе, жанровой «концепции человека» подтверждается и на композиционном уровне.

Следующий (*пятый* жанровый атрибут) – дата написания произведения. В данном случае важность ее продиктована самой жанровой идеей, связываемой с генезисом, – эпицидиумом. Так, оперативный художественный отзыв на смерть еще не захороненного лица предполагает написание стихотворения в день смерти. Фет нарочито выносит датировку написания в заголовок «На смерть А.В. Дружинина 19 января 1864 года», конкретизируя тем самым, на наш взгляд, жанровую установку, направленную на предвосхищение читательского восприятия, согласованного с поставленным перед произведением жанровым заданием как ключом к необходимому пониманию текста.

Шестой жанровый атрибут связан уже с самим заголовком стихотворения как фактором жанровой кон-

венции. «Мы можем быть до конца уверены, – пишет В.И. Козлов, – только в одном «каноническом» элементе – наименовании жанра» [Козлов: 14], которое маркирует его и в «неканоническую» эпоху. В этом проявляется своеобразная историческая дань жанровому мышлению, которое, конечно, не исчезает, а меняет свой вектор направления – не к жанру, а от него, осуществляя коммуникацию между автором и читателем пока еще в доступной форме и на допустимом уровне.

Седьмой жанровый атрибут – адресат, который частично вносит в жанровый статус определенную лепту, а именно – фундирует внутри уже устоявшегося целого жанр дружеского послания, который растворен в произведении на основании такого типа жанрового синтеза, как жанровая ассимиляция [Ермоленко 2013: 51]. В тексте стихотворения выражено дружеское послание через местоименное обращение «ты» в его вариантах («тебе») к адресату и лексему «дружбы» (8-й стих). Необходимо отметить, что данный атрибут может принимать различные модификации – от мотива, жанровой вставки к жанровой доминанте. Это подтверждает мысль о подвижности категории жанра и наличии в его онтологическом окружении «внутренней меры», которая «фиксирует не образец воспроизведения, а образец выбора; не набор обязательных признаков, а принцип конструирования художественной структуры на основе полемики с предшествующей жанровой традицией и с учётом “жанровой памяти” гипотетического и реального читателя» [Артемова, Миловидов: 40]. Поэтому «мерцание» данных жанровых атрибутов допустимо рассматривать в качестве легитимных свойств жанра в его проспективном и ретроспективном аспектах развития.

Итак, стихотворение А.А. Фета «На смерть А.В. Дружинина 19 января 1864 года» как вид надгробного слова – лирический вид прозаических речей, берущий свое начало из античного эпицидиума и, видимо, связанный с древнерусским типологическим рядом произведений «Слово на погребение...», включает в себе ряд специфических черт – жанровых атрибутов. Происхождение его из эпицидиума объясняет во многом и жанровую «концепцию человека», находящегося на границе сфер бытия и небытия, и хронотоп, сконцентрированный вокруг образа «лежащего» тела, образное пересечение жизни-смерти, оформленное композиционно, и погребальный портрет с принципом визуализации. Постоянный номинатив и датировка написания сразу после события смерти служат также обоснованием в пользу отдельного самостоятельного жанрового статуса исследуемого стихотворения «На смерть...».

Ввиду отсутствия апробированного нормами поэтики жанрового инварианта предлагаемый нами перечень жанровых атрибутов носит идеально-моделирующий характер. При этом количество атрибутов

так же, как и их качественный состав, может меняться в различных типологических модификациях стихотворения «На смерть...» как в русской, так и зарубежной литературных традициях в зависимости от авторских вариантов произведения, а также доминирующей художественной парадигмы и происходящих в ней жанровых процессах.

Список литературы

Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104–116.

Артемова С.Ю., Миловидов В.А. Внутренняя мера жанра // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной Intrada, 2008. С. 40–41.

Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная структура). М.: РГГУ, 1997. 307 с.

Газаров М.Л. Три типа русской романтической элегии (индивидуальный стиль в жанровом стиле) // Контекст – 1988: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989. С. 39–63.

Головко В.М. Герменевтика литературного жанра: учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. 184 с.

Головко В.М. Понимающий потенциал литературного жанра как проблема теоретической поэтики М.М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 136–140.

Долнин А. Цикл «Смерть поэта» и «29 января 1837» Тютчева // Пушкинские чтения в Тарту – 3: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Ф.И. Тютчева / под ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 381–395.

Ермоленко С.И. Два отклика на смерть А.И. Одоевского – два жанровых решения: («Памяти А.И. Одоевского» М.Ю. Лермонтова, «Кавказские воды» Н.П. Огарева) // Уральский филологический вестник. 2015. № 3. С. 51–62.

Ермоленко С.И. Границы жанра и жанровый синтез в лирике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 49–53.

Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы: монография. Екатеринбург: УГПУ, 1996. 420 с.

Иванюк Б.П. Жанровая вставка в поэзии Г.Р. Державина // Филология и культура / Philology and culture. 2015. № 1 (39). С. 171–176.

Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: типология, история, поэтика: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2013. 46 с.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп. Л.: Художественная литература, 1971. 416 с.

Ненарокова М.Р. Эклога Пасхазия Ратберта и античная традиция «литературы скорби» // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2011. Вып. 3 (25). С. 55–73.

Смирнов И.П. Олитературенное время. (Типо) теория литературных жанров. СПб.: РХГА, 2008. 264 с.

Уртминцева М.Г. Жанр литературного портрета в русской литературе второй половины XIX века: генезис, поэтика, типология: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 40 с.

Фет А.А. Стихотворения, поэмы, переводы / сост., вступ. ст. и коммент. А. Тархова. М.: Правда, 1985. 560 с.

Яшина А.А. Романтизация смерти в стихотворениях Н.А. Некрасова in memoriam // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 589–598.

Ender Evelyne. Architexts of memory: literature, science, autobiography. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2008, 305 p.

References

Averintsev S.S. *Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii* [Historical mobility of the genre category: the experience of periodization]. *Istoricheskaja poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics. Results and perspectives of the study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116. (In Russ.)

Artemova S.Iu., Milovidov V.A. *Vnutrenniaia mera zhanra* [Internal measure of the genre]. *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics. Glossary of current terms and concepts]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Intrada Publ., 2008, pp. 40–41. (In Russ.)

Broitman S.N. *Russkaia lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki. (Sub"ektно-образnaia struktura)* [Russian lyric poetry of the XIX - early XX century in the light of historical poetics. (Subject-like structure)]. Moscow, RGGU Publ., 1997, 307 p. (In Russ.)

Gasparov M.L. *Tri tipa russkoj romanticheskoi elegii (individual'nyj stil' v zhanrovom stile)* [Three types of russian romantic elegy (individual style in genre style)]. *Kontekst – 1988. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context-1988. Literary and theoretical studies]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 39–63. (In Russ.)

Golovko V.M. *Germenevtika literaturnogo zhanra: ucheb. posobie* [Hermeneutics of the literary genre: study allowance]. Moscow, Flinta Publ., 2015, 184 p. (In Russ.)

Golovko V.M. *Ponimaiushchii potentsial literaturnogo zhanra kak problema teoreticheskoi poetiki M.M. Bakhtina* [Understanding the potential of the literary genre as a problem of theoretical poetics M.M. Bakhtin]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2009, № 3, pp. 136–140. (In Russ.)

Dolinin A. *Tsiki «Smert' poeta» i «29 ianvaria 1837» Tjutcheva* [Cycle "Death of a poet" and "January 29, 1837" Tyutchev]. *Pushkinskie chteniia v Tartu – 3: materialy mezhdunar. nauch. konf., posviash. 200-letiiu F.I. Tjutcheva* [Pushkin readings in Tartu - 3: Materials

of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of F.I. Tyutchev], ed. by L. Kiseleva. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2004, pp. 381–395. (In Russ.)

Ermolenko S.I. *Dva otklika na smert' A.I. Odoevskogo – dva zhanrovyykh resheniia: («Pamiati A.I. O <doevskogo>» M.Iu. Lermontova, «Kavkazskie vody» N.P. Ogareva)* [Two responses to the death of A.I. Odoevsky - two genre solutions: ("To the memory of A.I. O <doevsky>" by M.Yu. Lermontov, "Caucasian waters" by N.P. Ogarev)]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Uralsky philological bulletin], 2015, № 3, pp. 51–62. (In Russ.)

Ermolenko C.I. *Granitsy zhanra i zhanrovyi sintez v lirike* [The boundaries of the genre and genre synthesis in the lyrics]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky], 2013, № 4 (2), pp. 49–53. (In Russ.)

Ermolenko S.I. *Lirika M.Iu. Lermontova: zhanrovye protsessy: monografiia* [Lyrica M.Yu. Lermontov: Genre Processes: monograph]. Ekaterinburg, UGPU Publ., 1996, 420 p. (In Russ.)

Ivaniuk B.P. *Zhanrovaia vstavka v poezii G.R. Derzhavina* [Genre insert in the poetry of G.R. Derzhavin]. *PHilologiya i kul'tura. PHilology and culture* [Philology and Culture], 2015, № 1 (39), pp. 171–176. (In Russ.)

Kozlov V.I. *Russkaia elegiia nekanonicheskogo perioda: tipologiya, istoriya, poetika: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Russian elegy of the non-canonical period: typology, history, poetics: DSc thesis, summary]. Moscow, 2013, 46 p. (In Russ.)

Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Khudozhest-

vennaia literatura Publ., 1971, 416 p. (In Russ.)

Nenarokova M.R. *Ekloga Paskhaziiia Ratberta i antichnaia traditsiia «literatury skorbi»* [Eclogue Rathbert's Easter and the ancient tradition of the "literature of sorrow"]. *Vestnik PSTGU. Ser. 3: Filologiya* [Bulletin of PSTGU. Ser. 3: Philology], 2011, vol. 3 (25), pp. 55–73. (In Russ.)

Smirnov I.P. *Oliteratrennoe vremia. (Gipo) teoriia literaturnykh zhanrov* [Oliterated time. (Hypo) theory of literary genres]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2008, 264 p. (In Russ.)

Urtmintseva M.G. *Zhanr literaturnogo portreta v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: genesis, poetika, tipologiya: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The genre of literary portrait in Russian literature of the second half of the 19th century: genesis, poetics, typology: DSc thesis, summary]. Nizhny Novgorod, 2005, 40 p. (In Russ.)

Fet A.A. *Stikhotvoreniia, poemy, perevody* [Poems, poems, translations], ed. by A. Tarkhova. Moscow, Pravda Publ., 1985, 560 p. (In Russ.)

Iashina A.A. *Romantizatsiia smerti v stikhotvoreniiakh N.A. Nekrasova in memoriam* [The romanticization of death in N.A. Nekrasova in memoriam]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI century], 2016, № 4, pp. 589–598. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.01.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 13.01.2021; approved after reviewing 21.02.2021; accepted for publication 10.05.2021.

ВИНОГРАД В ЕВРОПЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЦВЕТОВ (XVIII–XIX ВВ.)

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, Институт Мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Аннотация: Статья посвящена винограду как элементу языка цветов, культурного феномена XVIII–XIX вв. Виноград относится к наиболее древним «словам» языка цветов, к античному ядру. Он рассматривается как многозначное слово или короткое предложение. Использование винограда характерно для всех европейских языков цветов, включая и русский. Одной из областей применения языка цветов являются тексты художественной литературы. На реализацию отдельно взятого значения винограда влияет эпитет, обозначающий цвет. Самыми распространенными цветами винограда оказываются красный и желтый, гораздо реже встречается зеленый виноград. Красный цвет усиливает значения «веселье», «праздник», «плотские удовольствия». Желтый связан с родительским счастьем, родиной, дружбой, непорочной молодостью. Зеленый появляется в контекстах «попытка скрыть разочарование», «неумение/неспособность к чему-либо». В число наиболее распространенных значений винограда входят «праздник», «радость», «наслаждение», «плотская любовь». Вторая группа значений связана со сферой интеллектуальной деятельности. Это «истинное знание», а также «неумение», «ограниченность личности». Последнее значение имеет корни в русском фольклоре. Виноград может появляться в контекстах, где речь идет о поэзии и вдохновении, но также символизирует мирную сельскую жизнь. Поскольку это растение сопровождает античных богов и богинь, изображавшихся в человеческом облике, виноград используется в сравнениях, раскрывающих особенности характеров героев и героинь.

Ключевые слова: история литературы, европейская литература XVIII–XIX вв., русская литература, поэзия, проза, язык цветов, виноград, символ, эмблема

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Виноград в европейском и русском языке цветов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 117–122. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-117-122>

Research Article

GRAPES IN EUROPEAN AND RUSSIAN LANGUAGE OF FLOWERS (THE 18TH –19TH CENTURIES)

Maria R. Nenarokova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Abstract. The article focuses on grapes as an element of the language of flowers, the 18th–19th century cultural phenomenon. Grapes belong to the ancient “core” of the language of flowers. It is considered a polysemantic word or a short sentence. Its use is typical for all European languages of flowers, including Russian. Grapes are often found in fiction. The epithet influences the contextual meaning of grapes. The most common colours are red and yellow, while green is much less used. Red colour enhances the meanings “fun”, “feast”, “carnal pleasures”. Yellow is associated with parental happiness, homeland, friendship, immaculate youth. Green appears in the contexts “trying to hide frustration”, “lack of skill”. The first group of meanings includes “feast”, “joy”, “pleasure”, “carnal love”. The second group of meanings is associated with the field of intellectual activity: “true knowledge”, “narrow-mindedness”. The latter meaning comes from the Russian folklore. Grapes can symbolise poetry and inspiration, and peaceful rural life as well. Since this plant accompanies ancient gods and goddesses, depicted in human form, grapes are used in comparisons that reveal the peculiarities of heroes and heroines’ characters.

Keywords: history of literature, 18th–19th centuries European literature, Russian literature, poetry, prose, language of flowers, grapes, symbol, emblem

For citation: Nenarokova M.R. Grapes in European and Russian Language of Flowers (the 18th–19th centuries). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 117–122 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-117-122>

Европейский язык цветов, культурный феномен XVIII–XIX вв., по своему предназначению является средством общения, иными словами, коммуникационной системой, обеспечивающей контакты между людьми в сфере эмоций. Первые книги, говорящие об этой знаковой системе как о языке, появилась в 1810-х гг. Как писала одна из создательниц языка цветов, Шарлотта де ла Тур, «этот язык... сообщает очарование дружбе, благодарности, любви ребенка, материнской любви. Даже несчастье может принять помощь от этого приятного языка» [Tour 1858: 5]. Цветы в этом языке рассматриваются не как буквы, а как отдельные слова или предложения. Непосредственным, самым близким по времени европейским источником языка цветов была барочная традиция эмблем, чего создатели языка цветов и не скрывали, приводя в предисловиях к своим сочинениям определение эмблемы: «Эмблемы вообще суть хитроумные картинки, представляющие взору одно и пониманию другое» [Phillips 1825: 19]. Отдельные растения рассматривались составителями словарей языка цветов как слова, поэтому многозначность таких «слов» принималась как должное: «Там, где авторитетные источники давали разные значения, мы тщательно отыскивали наиболее правильное; и в некоторых случаях, когда оба казались равно хороши, приведены два значения» [Ildrewe 1865: 6].

Виноград относится к наиболее древним «словам» языка цветов, к его античному ядру. В древней Греции он был символом бога Вакха и Силены, его воспитателя. К XVII–XIX вв., когда в ходу были словари эмблем и символов, виноград стал также соотноситься с Помоной, богиней плодородия и изобилия, и с вакханками, спутницами Вакха, а также с осенью [Masenius 1681: 211].

Судя по тому, со сколькими мифологическими фигурами связан виноград, его можно считать многозначным словом. И действительно, в словаре «Избранные Эмблемы и Символы», изданном Н. Максимовичем-Амбодиком в 1788 г., виноград имеет следующие значения: «изобилие, веселие, страна, добрым вином изобилующая... пьянство и бешенство, излишним употреблением вина причиняемое» [Эмблемы и символы 1995: 52, 53].

В начале XIX в. существовали четыре основные традиции языка цветов: французская, возникшая первой; из Франции язык цветов попал сначала в Германию, затем в Англию, позже из Англии в Америку; Россия приняла все традиции равно. Хотя комплекс значений, приданных винограду, в общих чертах сохраняется, словари акцентируют в нем аспекты, определяющиеся самими национальными традициями. Так, во французском языке цветов основным значением, которое придавалось винограду, было «опьянение» [Tour 1858: 319; L’Ancien et Le Nouveau Language

des Fleurs 1850: 85; Faucon 1860: 127], а также его последствия – «легкомыслие» [L’Ancien et Le Nouveau Language des Fleurs 1850: 85] и «ярость» [Faucon 1860: 127]. Английский язык цветов складывался в эпоху Регентства, когда нравы в английском обществе были свободнее, и в этот период виноград также символизировал «опьянение» [Phillips 1825: 126]. В Викторианской Англии одной из главных ценностей была семья, домашний очаг, и значение винограда изменилось на «плодородие» [Voices from the Garden 1849: 13], а затем на «чистая любовь» [например: Burke 1856: 26; Walser 1897: 239] (англ. *charity* из лат. *caritas* – «небесная, возвышенная любовь»). Последнее значение закрепилось в Англии за виноградом на всю вторую половину XIX в. В американской традиции достаточно долго сохраняются значения «веселье» [Hale 1833: 254; Miles 1848: 86] и «опьянение» [Miles 1848: 85; Ildrewe 1865: 128], но во второй половине XIX в. виноград, как и в английском языке цветов, стал означать «чистую любовь» [The Lady’s Book of Flowers and Poetry 1842: 230].

Пожалуй, наиболее независимой оказывается немецкая традиция языка цветов, тесно связанная с барочной эмблематической традицией. Значениями наделяются листья, ягоды, виноградная лоза. Ягоды винограда означают «я обожаю только тебя» [Voigt 1822: 163], тогда как листья имеют значения «подающий радость Вакх» [Voigt 1822: 163], «удовольствие» [Voigt 1822: 163], «головокружение от радости» [Voigt 1822: 163]. Виноградная лоза толкуется как «Без тебя я не могу жить» [Selam 1832: 423]. Сочетание лозы и вяза в одном контексте получает значение «брачный союз» [Voigt 1822: 163]. Виноград без указания на какую-либо часть растения также передает такие понятия, как «радость» [Breysig 1830: 929], «удовольствие» [Breysig 1830: 929], «откровенность» [Breysig 1830: 929], «искренность» [Breysig 1830: 929], «изобилие» [Breysig 1830: 929], «плотская любовь» [Breysig 1830: 929]. Как уже говорилось, еще в эмблематической традиции виноград был символом Вакха [Breysig 1830: 928], Силены [Breysig 1830: 928], вакханок [Breysig 1830: 928], Помоны [Breysig 1830: 928], Осени [Breysig 1830: 928]. В немецком языке цветов он также связывается с этими мифологическими персонажами и персонификацией времени года.

Прежде чем устанавливать значения, которые виноград приобретает в русском языке цветов, стоит проанализировать символику его цвета. Самыми распространенными цветами винограда оказываются красный и желтый: «Янтарь и яхонт винограда» [Пушкин 1985: 88], но изредка встречаем и зеленый виноград. Пожалуй, проще всего определить значение зеленого цвета винограда. Выражение «зелен виноград» употребляют, когда «когда и хочется что-то получить, но получить это невозможно, а по-

тому только и остается пренебрежительно отзываться о своей цели» [Академик]. Оно восходит к басне И.А. Крылова «Лисица и виноград», но имеет античные корни: источником сюжета является басня Эзопа. «На взгляд-то он хорош, да зелен – ягодки нет зрелой: тотчас оскомину набьешь», – восклицает лисица «с досадою» [Крылов]. Красный виноград появляется в контекстах, где подразумеваются не только веселье, праздник, но и плотские удовольствия. Наиболее красноречив пример из стихотворения, подписанного буквами «Н. Ф.»: «В храм пышный наслажденья / Дорогой забредем... / Там все к себе манит, / Все чувства веселит: / И виноград румяный, / И Вакха сок багряный / Там братья в рюмки льют / В веселии сердечном / И в обществе беспечном / Песнь радости поют. / Там резвые Людмиллы, / И Софьи и Камиллы – / Всех прелестей собор» [Н. Ф. 1821: 137]. Однако красный виноград намекает на любое сильное чувство, «страсть». В уже упоминавшейся басне лиса пробралась в сад, где «винограду кисти рделись» [Крылов], и немедленно захотела им полакомиться. Комплекс значений желтого винограда гораздо более сложен. Находим «грозди[я] златы[е]» [Дельвиг 1986: 58] там, где речь идет о родительском счастье [Дашков 1803: 207], о родине [Баратынский 1983: 127], о дружбе [Дельвиг 1986: 59], о непорочности молодости [Шенья 1989: 231].

В числе основных значений, которые вслед за европейскими традициями языка цветов придаются винограду в русской литературе, обнаруживаем «любовь», однако это любовь плотская, любовь-страсть, а не возвышенное платоническое чувство. Так, еще у Антиоха Кантемира встречаем: «...Вырежь и Любви бессбруины / И веселы Благодати / Под высоким виноградом, / Полным кистями сладких ягод...» [Кантемир]. Виноградные лозы, оплетающие беседку, становятся символом взаимной любви: «юные любовники, обманутые восходом светлой зари, сошлись в одной беседке, осеняемой виноградными лозами, в конце селения» [Храм любви: 77–78]. Поэт обращается к своей возлюбленной: «Взгляни на эту цепь синеющих холмов: / Как яхонт, виноград здесь рдеет сквозь листов...» [Н. 1819: 72], и алый цвет виноградных гроздьев подсказывает дальнейшее развитие событий.

К этому же кругу значений относятся «радость» и «наслаждение». «Виноград», метонимическое обозначение вина, упоминается в поздравительных стихах, например, у П.А. Вяземского: «Василий Львович милый! здравствуй! / Я бью челом на новый год! / Веселье, мир с тобою царствуй, / ... / Пусть цедится рукою Вакха / В бокал твой лучший виноград» [Вяземский 1986: 152]. П.А. Плетнев упоминает виноград как обязательный элемент праздника: хозяин «гостям своим в отраду / Выжимал из винограду / Сок в живительный покал» [Плетнев 1988: 315]. В стихотво-

рении «К Виню» Н.М. Языкова есть такая строфа: «Невольный гость Петрова града, / Несчастный друг веселых мест, / Где мы кистями винограда / Разукрашаем жизни крест» [Языков 1934: 275]. «Крест жизни», обычно обозначающий страдания и испытания, которые выпадают на долю человеку, противопоставляется здесь «кистям винограда», которые можно понимать как «радости жизни». Такое же противопоставление находим и у П.А. Вяземского: «Так из чужбины отдаленной / Мой стих искал тебя, Денис! / А уж тебя ждал неизменный / Не виноград, а кипарис» [Вяземский 1986: 232]. Здесь противопоставляются два растения-символа – кипарис, означающий «скорбь», и «виноград», толкующийся как «радость».

Как уже говорилось выше, язык цветов был выработан, чтобы выражать дружеские чувства, описывать отношения между родителями и детьми. Так, виноград, пусть и в переводном тексте, появляется в ситуации, когда речь идет о семейных ценностях, например: «Милые дети растут в этой пустыне, почти неприступной, с чистым сердцем, и спешат уже облегчить ваши труды. Так, виноград, который вы посадили при выходе из хижины, осеняет уже ее тению, и обогащает золотыми гроздиями своими» [Дашков 1803: 207]. Дружеская встреча также проходит в саду, где растет виноград: «Милый друг, твои кудри / Старость не скупко осыпала снегом! Приди же к Цефизу; / Здесь отдохни под прохладною тенью: тебя ожидают / Сочный в саду виноград и плодами румяная груша!» [Дельвиг 1986: 531]. Здесь «виноград» означает «радость дружеской встречи», тогда как «груша», грушевое дерево, символизирует «утешение» или «покой» [The Language of Flowers 1858: 14].

Виноград находим в тех контекстах, где упоминаются явления из области умственной деятельности и талантов человека. Так, в стихотворении О. Сомова «Лоза истины» обыгрывается известное латинское выражение *in vino veritas*, принадлежащее Плинию Старшему: «Сей виноград неоцененный / Когда-то сам собою рос / В Аркадии, стране блаженной, / И ягод множество принес» [Сомов 1821: 194]. Поскольку О. Сомов написал это стихотворение в жанре песни, то у него есть припев: «Друзья, навек она пропала, / И возратить ее нельзя: / Увяла / Истины лоза!» [Сомов 1821: 194]. Видимо, в этом контексте виноград символизирует истинное знание, которое создавалось античными философами, но потеряло ценность для современников поэта.

П.А. Вяземского можно считать создателем еще одного значения винограда. В его стихотворениях упоминается «кислый виноград», например, «... виноград мне кисел, / Что сроду я не мог сложить созвучных чисел / В гекзаметр правильный» [Вяземский 1986: 309], где кислый, незрелый виноград связыва-

ется с неумением сочинять гексаметры. Эта же мысль развивается в стихотворении: «Дивлюсь всегда тому счастливцу...»: «А всё же я плохой солдат. / И виноград и лавр мне зелен» [Вяземский 1986: 344–345]. Иными словами, и в поэзии лирический герой не искусен, и военная карьера у него не задалась. Герою стихотворения «Обыкновенная история» оказывается так называемый «средний человек»: «Мудрец, или лентяй, или просто добрый малый /.../ Пылливого ума не чувствовал тоски; / Нет, этот виноград ему всегда был кисел, / Он не протягивал к нему своей руки» [Вяземский 1986: 407]. Здесь «кислый» виноград символизирует ограниченность ума, отсутствие тяги к знаниям, что возвращает нас к «увядшей лозе истины» О. Сомова. В этих стихотворениях Вяземский обращается не к тому значению, которое появилось у словосочетания «зеленый/кислый виноград» под влиянием упомянутой выше басни И.А. Крылова, а обыгрывает русскую пословицу, существующую в двух вариантах – «Незрел виноград не вкусен, млад человек не искусен» и «Зелен виноград не сладок, а молод человек не крепок» [Снегирев], создавая чисто русское значение винограда с опорой на народную традицию.

И в европейской, в частности в английской и французской традиции, и в русском языке цветов виноград связан с поэзией и вдохновением. В книге эмблем *Minerva Britannia* (1612) Генри Пичем отмечает, что «плоды Вакха, растущие гроздьями, ... желают мастерства Музы» [Reacham 1612: 39]. В стихотворении Эвариста Парни, переведенного Н.А. Маркевичем, поэзия и виноград связаны напрямую: «Сильваны, бог садов, / румяный Вакх мой гений! / Они, они меня вдохнут! / Да будет в них моя услада! / Они бокал мне подадут / И лиру с кистью винограда» [Парни 1989: 91]. В русской поэзии эпохи романтизма также находим соединение винограда и поэзии. Так, в стихотворении Л.Ф. Алексеева, адресованном Н.М. Языкову, есть следующие строки: «Твой круглый стих, как жемчуг дорогой, / Дымясь, кипит над соком винограда» [Языков 1934: 692]. Ту же мысль встречаем и у П.А. Вяземского: «Друзья! Вы в памяти храните, / Что воды воду лишь родят, – / Восторг стихов вы там ищите, / Где расцветает виноград» [Вяземский 1986: 103].

Виноград мог символизировать мирную сельскую жизнь в том Средиземноморье, которое существовало в воображении русских поэтов-романтиков, или, по крайней мере, на юге России. Так, например, «юный Гезиод» [Батюшков 1985: 31] в стихотворении К.Н. Батюшкова «Гезиод и Омир, соперники» воспевал «Заботы сладкие при сборе винограда» [Батюшков 1985: 31], которые радуют жителей «благословенных сел» [Батюшков 1985: 31]. Другой герой Батюшкова, Домосед, рассказывает о прелестях

сельской жизни, упоминая и виноградарство: «От детства я любил ходить за виноградом...» [Батюшков 1934: 148]. Согласно Г.Р. Державину, крестьянин всегда «беспокоится, что градом / На холмах виноград побит» [Державин 1987: 151]. Однако подобное беспокойство приносило богатый урожай, и виноград стал одним из символов изобилия: «Природа дивная! волшебница святая! / Пленен я, удивлен, тебя здесь созерцаю: / Обремененный тут гроздами виноград / И тяжестью плода на мураву нагбенный...» [Норов 1818: 127].

Одним из источников русского языка цветов стала европейская эмблематическая традиция, следы которой можно обнаружить в русской поэзии начала XIX в. Как уже говорилось выше, виноград символизировал античных богов и богинь, а они изображались в человеческом облике. Так, например, в «Иконологическом лексиконе» приводится следующее описание Вакха: он «изображается в виде молодого и резвого юноши, увенчанного плющевым и виноградным листием..., держащего палку, обвитую виноградом и виноградную кисть» [Эмблемы и символы 1995: 38]. Подобные описания давали поэтам возможность вводить виноград в сравнения, раскрывающие особенности характеров героев и героинь, либо придавать винограду черты человека. В переводе И.И. Козлова из Андре Шенье читаем: «В полях блестящий серп зеленых нив не жнет; / Янтарный виноград, в ту пору как цветет, / Не должен хищных рук бояться! / А я лишь начала, красуясь, расцветать... / И пусть мне суждено слез много проливать – / Я с жизнью не хочу расстаться» [Шенье 1989: 231]. Здесь сравнение с виноградом, причем с виноградом «янтарным», помогает создать образ молодой невинной девушки, только входящей в жизнь. Совершенно иной образ создан в стихотворении П.А. Вяземского «К партизану-поэту (Давыдов, баловень счастливый...)». Поэт скорбит о смерти общего друга: «От сиротствующих пиров / Ты был оторван смертью жадной! / Так резкий ветер, посол снегов, / Сразившись с лозой виноградной, / Красой и гордостью садов, / Срывает с корнем, повергает, / И в ней надежду убивает / Усердных Вакховых сынов!» [Вяземский 1986: 75]. В этом контексте на первый план выходят такие значения, придаваемые винограду, как «праздник», «веселье», «наслаждение», «опьянение», помогающие создать образ погибшего Бурцева, который был «Честь гусаров, / По сердцу Вакха человек!» [Вяземский 1986: 75]. Добавочное значение «любовь» реализуется в стихотворении Г.Д. Державина «Соломон и Суламита»: «...Мой друг прекрасен, млад, умилен..., / Как виноград, он крепок, силен» [Державин]. Сравнение возлюбленного с виноградной лозой появилось у Державина под влиянием эмблематической традиции, поскольку в «Песни песней» тако-

го сравнения нет. Однако и виноград может представлять в облике человека. «Предо мной скалы и горы / Тесно сковывает взоры / Высь подоблачных громад! / Вот на солнечном их скате / Жарко нежится в халате / Полосатом виноград!» [Языков 1934: 511], пишет Н.М. Языков в стихотворении «Крейцнахские солеварни». «Полосатый халат», в котором «нежится» виноград, мог прийти на мысль поэту при взгляде на длинные ряды лоз в винограднике: каждая лоза растет, будучи закреплена на отдельной опоре, и, видимо, ряды опор на фоне зелени вызвали ассоциацию с тканью в полоску. Здесь виноград словно бы присоединяется к людям, отдыхающим летом на курорте в Рейнской области.

Как кажется, особого внимания заслуживает образ Осени. Словарь «Емблемы и символы» дает такое аллегорическое описание этого времени года: «Осень представляется в виде жрицы Вакховой... в венце из виноградных листьев, с виноградными гроздями в руке» [Эмблемы и символы 1995: 45]. В переводе П.Г. Сиянова из Ламартина осень и виноград появляются в одном контексте: «И осень, вестница метелей, непогод, / К нам зиму хладную ведет! /.../ Так с виноградных лоз в кошницы упадают / Осеннюю порой румяные плоды!» [Ламартин 1989: 325]. Представление об осени как о молодой и красивой девушке удерживается на протяжении всей истории языка цветов в России. Так, у Г.Р. Державина находим: «Уже румяна Осень носит / Снопы златые на гумно, / И роскошь винограду просит / Рукою жадной на вино» [Державин 1987: 79] («Осень во время осады Очакова»). Безымянный автор стихотворения «Сельский житель» пишет в 1815 г.: «И осень для него готовит виноград, / Растущий на холмах вокруг масличной оливы» [Сельский житель: 67]. Проходит около полувека, и у П.А. Вяземского осень уже не «румяная» поселанка, а утонченная, богато одетая дама: «Кокетничает осень с нами / Красавица на западе своем / Последней ласкою, последними дарами / Приманивает нас нежнее с каждым днем... / Всё в ней мне нравится: и пестрота наряда, / И бархат, и парча, и золота струя, / И яхонт, и янтарь, и гроздья винограда, / Которыми она обвешала себя» [Вяземский 1986: 405] («Осень 1874 года. (Гамбург. Октябрь)»). Хотя облик осени изменился, важной деталью ее наряда остается виноград.

Сочетание вяза и винограда отсылает нас к немецкой традиции языка цветов: «Лоза и вяз – брачный союз» [Voigt 1822: 163], однако оно может символизировать и дружбу. В стихотворении А.А. Дельвига «Друзья (Идиллия). Е.А. Баратынскому» рассказывается о том, как две подруги, ожидая детей, дали обет: если родятся мальчик и девочка, то матери будут «молить Гименя и бога Эрота» [Дельвиг 1986: 59], чтобы дети вступили в брак и уподобились «ви-

ноградной лозе и сошке прямой и высокой. / Верной опорой служит одна, украшеньем другая» [Дельвиг 1986: 59]. Виноградную лозу часто изображали растущей рядом с молодым высоким деревом, вокруг которого она обвивалась. Стихотворение К.Н. Батюшкова «Явор прохожему» описывает верность дружбе, сохраняющуюся и после смерти одного из друзей: «Смотрите, виноград кругом как вьется! / Как любит мой полуистлевший пень! / Я некогда давал ему отрадну тень; / Завял... Но виноград со мной не расстанется. Зевеса умоли, / Прохожий, если ты для дружества способен, / Чтоб друг твой моему был некогда подобен / И пепел твой любил, оставшись на земле» [Батюшков 1934: 183]. Это стихотворение могло бы служить подписью к соответствующей картинке в каком-нибудь сборнике эмблем.

Как видим, выполняя роль «иероглифа» в языке цветов, виноград реализует целую палитру значений, соответствующую цвету его ягод. Далеко не все контекстные значения оказываются зафиксированными в словарях языка цветов, но, к счастью, они сохраняются в европейском поэтическом наследии и их «яхонты и янтари» можно собрать в одну корзинку.

Источники

Алексеев Л.Ф. К Н.М. Языкову. Сонет // Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: АCADEMIA, 1934. С. 692–693.

Баратынский Е.А. Дядьке-итальянцу // Баратынский Е.А. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Правда, 1983. С. 127–130.

Батюшков К.Н. Странствователь и домосед // Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л.: АCADEMIA, 1934. С. 148–158.

Батюшков К.Н. Гезиод и Омир, соперники // Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии. М.: Современник, 1985. С. 28–31.

Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. 542 с.

Дашков Д. Следы золотого века. С Французского // Утренняя заря: Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. Москва: В Университетской типографии, изданием содержателей ея Любия, Гария и Попова, 1803. Кн. 2. С. 206–207.

Дельвиг А.А. Сочинения. Л.: Худ. лит., 1986. 472 с.

Державин Г.Р. Сочинения. Л.: Худ. лит., 1987. 504 с.

Державин Г.Р. Соломон и Суламита. URL: <https://rupoem.ru/derzhavin/all.aspx> (дата обращения: 09.03.2021).

Кантемир А. О стакане серебряном. URL: <https://rvb.ru/18vek/kantemir/01text/03translations/01anacreontes/64.htm> (дата обращения: 16.03.2021).

Крылов И.А. Лисица и виноград. URL: <https://rupoem.ru/krylov/all.aspx#golodnaya-kuma-lisa> (дата обращения: 09.03.2021).

Ламартин, Альфонс де. К Эльвире // Французская элегия 18–19 вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. С. 323–325.

Н. Весна. Идиллия // Благонамеренный. 1819. № 1, ч. 2. С. 72–73.

Н. Ф. П. В. В. «Ах, ты ли, милый друг...» // Благонамеренный. 1821. № 2, ч. 3. С. 136–137.

Норов А. Отрывок из послания Ла Гарпа к Графу Андрею Петровичу Шувалову // Благонамеренный. 1818. № 8. С. 127–128.

Парни Э. Возвращение // Французская элегия 18–19 вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. С. 91–93.

Плетнев П.А. Статьи. Стихотворения. Письма. М.: Советская Россия, 1988. 384 с.

Помпея. Поэма // Благонамеренный. 1821. № 4, ч. 7–8. С. 5–7.

Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан // Русская романтическая поэма. М.: Правда, 1985. С. 75–89.

Сельский житель // Амфион: ежемесячное издание. Москва: В Университетской типографии, 1815 (Апрель). С. 66–68.

Словарь крылатых слов и выражений. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/934/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD (дата обращения: 16.03.2021).

Снегирев И.М. Русские пословицы и притчи. URL: <https://azbyka.ru/fiction/russkie-narodnye-poslovicy-i-pritchi-snegirev/43/> (дата обращения: 17.03.2021)

Сомов О. Лоза истины. (Подр. Французск.) // Благонамеренный. 1821. № 2, ч. 4. С. 194–195.

Храм любви (Анекдот из Жуи) // Благонамеренный. 1819. № 1, ч. 2. С. 77–78.

Шенья А. Молодая узница // Французская элегия 18–19 вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. 688 с.

Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: ACADEMIA, 1934. С. 275–276.

Breysig A. Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und beherrschende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. Leipzig, bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830, pp. 972.

Burke, Mrs L. The Illustrated Language of Flowers. L., G. Routledge & Co, 1856, 96 p.

Faucon E. Le Language des Fleurs. Paris, Théodore Lefèvre, 1860, 140 p.

Hale S.H. Flora's Interpreter, or the American Book of Flowers and Sentiments. Boston, Thomas H. Webb, 1833, 264 p.

Ildrewe Miss. The Language of Flowers. Boston: DE VRIES, IBARRA, AND COMPANY, 1865, 218 p.

L'Ancien et nouveau langage des fleurs. Paris, Le Bailly, [1850], pp. 108.

Masenius Jacobus. Speculum imaginum veritatis occultae, exhibens symbola, emblemata, hieroglyphica, aenigmata, omni tam materiae, quam formae varietate; exemplis simul, ac praeceptis illustratum. Editio tertia. Coloniae Ubiorum, Viduae & Haeredum Joannis Antonii Kinchii, 1681, pp. 1340.

Miles P. Sentiments of Flowers in Rhymes. NY., Wiley and Putnam, 1848, 96 p.

Peacham H. Minerva Britanna. London, W. Dight, 1612, 214 p.

Phillips H. Floral Emblems. L., Saunders and Otley, 1825, 384 p.

Selam oder die Spracheder Blumen. Wien, Lechner, 1832, 552 s.

The Lady's Book of Flowers and Poetry. New York, J.C. Riker, 1842, 264 p.

The Language of Flowers: An Alphabet of Floral Emblems. L., T. Nelson and Sons, 1858, 54 p.

Tour, Charlotte de la. Le Langage des Fleurs. Paris, GARNIER FRERES., 1858, 310 p.

Voices from the Garden, The Christism Language of Flowers. L., Partridge, Samuel William, 1849, 40 p.

Voigt C. Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmaehler und Stickerinnen. Leipzig, bei Ludwig Herbig, 1822, pp. 248.

Walser G.H. The Bouquet. A Poetic Treasure of Flowers, Their Classics and Vocabulary. Lincoln, Neb, 1897, 276 p.

Список литературы

Эмблемы и символы. Вступительная статья и комментарии А.Е. Махова. М.: ИНТРАДА, 1995. 368 с.

References

Emblemy i simvoly. Vstupitel'naia stat'ia i kommentarii A.E. Makhova [Emblems and symbols. Introductory article and comments by A.E. Makhova]. Moscow, INTRADA Publ., 1995, 368 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 22.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

ОБРАЗ «СТРАШНОГО МИРА» В ПРОЗЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» (М.П. АРЦЫБАШЕВ, Ф.К. СОЛОГУБ, Л.Н. АНДРЕЕВ)

Хитарова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3475>

Хитарова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-2841>

Аннотация. Статья исследует проблему типологических признаков хронотопа прозы писателей «серебряного века», определивших модель мироустройства в образе «страшного мира». Цель – анализ образцов прозы среднего эпоса М.П. Арцыбашева, Ф.К. Сологуба (Тетерникова), Л.Н. Андреева. Перверсивность, телесность изображаемой реальности – основные хронотопические признаки, которые обнаруживаются во всех привлеченных для рассмотрения художественных текстах. Проводится сравнение с иными формами искажения реальности: фантастической прозой, сказкой. Исследуются причинно-следственные связи нарушения главного принципа реалистического изображения мира. Можно заключить, что писатели «серебряного века» действительно делают страх и ужас постоянно звучащим сюжетобразующим мотивом. Но этот постоянный для литературного процесса рубежа веков мотив звучит в неповторимой персональной тональности. Писатели предлагают свою архитектуру «страшного». Таким образом, звучание мотива страха является художественной характеристикой текста, определяет как доминанту его поэтики, так и мировидение и мироощущение создателя текста.

Ключевые слова: модель мира, «страшный мир», поэтика художественного текста, серебряный век, проза, литература.

Для цитирования: Хитарова Т.А., Хитарова Е.Г. Образ «страшного мира» в прозе «серебряного века» (М.П. Арцыбашев, Ф.К. Сологуб, Л.Н. Андреев) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 123–129. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-123-129>

Research Article

THE IMAGE OF THE “HORROR” WORLD IN THE “FIN DE SIÈCLE” PROSE (MIKHAIL ARTSYBASHEV, FYODOR SOLOGUB, LEONID ANDREYEV)

Tatyana A. Khitarova, Associate Professor, Trubilin the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3475>

Elena G. Khitarova, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-2841>

Abstract. The article examines the problem of typological features of the chronotope of the prose of the writers of the “Fin de siècle”, who defined the model of the world order in the image of the “horror world”. The goal is analysis of the prose samples of the middle epic of Mikhail Artsybashev, Fyodor Sologub (Teternikov), Leonid Andreyev. Perversion, the corporeality of the depicted reality are the main chronotopic features found in all the literary texts involved for consideration. As we can conclude, the writers of the “Fin de siècle” really do make fear and horror a constantly sounding plot-forming motif. However, this constant motif for the literary process of the turn of the century sounds in a unique personal key. The writers offer their own architecture of the image of the “horror”. Thus, the sound of the fear motif is an artistic characteristic of the text, it determines both the dominant of its poetics, and the worldview and attitude of the creator of the text.

Keywords: world model, “horror world”, poetics of literary text, Fin de siècle, prose, literature

For citation: Khitarova T.A., Khitarova E.G. The image of the “horror” world in the “Fin de siècle” prose (Mikhail Artsybashev, Fyodor Sologub, Leonid Andreyev). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 123–129 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-123-129>

Пугающий неизвестностью «стык веков», трагическая «смена вех» – порождают образ «страшного мира» в литературе «серебряного века». Проблем у творческой интеллигенции было много: это и вопрос о языке нового искусства, который не может быть прежним, если время стало другим, и вопрос поиска дальнейших путей, которыми пойдет в страданиях рождающееся новое искусство. О кризисе искусства говорят и пишут выдающиеся мыслители и философы этой эпохи. Так назвал свою статью Н.А. Бердяев, в которой он с горечью констатирует случившуюся культурную катастрофу – разрыв с искусством классическим: «Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах. Окончательно померк старый идеал классически прекрасного искусства и чувствуется, что нет возврата к его образам» [Бердяев: 3].

Однако философ подчеркивает, что современный кризис не означает смерть искусства, а является его переходом на новые пути: «С противоположных концов намечается кризис старого искусства и искание новых путей» [Бердяев: 4].

В процессе этих поисков рождаются новые течения и направления, заявляют о себе новые имена. Н.А. Бердяев усматривает и анализирует значительные художественные явления и в сегодняшнем, уже постклассическом, искусстве: живопись Пикассо, «астральный роман» «Петербург» Андрея Белого.

Д.С. Мережковский (1865–1941) тоже отмечает рождение нового искусства в своем программном манифесте «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Автор очень точно определил здесь «три главных элемента нового искусства»: «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [Мережковский, 373].

В данной работе рассматриваются образцы только таких произведений мастеров «серебряного века», в которых нарушен главный принцип реалистического изображения мира – реальный хронотоп, то есть пространство и время включают некоторые намеренно допущенные писателями отклонения от обычного своего состояния. Реальность при этом не исчезает, но смещается и искажается. Формы искажения реальности могут быть различны. Если в фантастической литературе, и этим она близка к волшебной сказке, реальность изменяется путем введения феномена чудесного, нереального, то в литературе ужасов (хоррор), имеющей цель вызвать у читающего чувство страха, изменения реальности носят перверсивный характер, то есть она как бы переворачивается и приобретает иной, пугающий, ужасный характер. Произведения, содержащие концепты страха и ужаса в литературе «серебряного века», приближены к последней версии:

реальность в них перверсивна. В данной статье анализируются образцы прозы Федора Сологуба (Тетерникова), Леонида Андреева, Михаила Арцыбашева.

В современных литературоведческих исследованиях выделяют три основные формы искажения реальности в пространстве художественного текста: инверсия, перверсия и телесность, которые могут быть как по отдельности, так и в совокупности в одном и том же произведении. В связи с этим автор работы по проблемам хронотопа в прозе «серебряного века», С.Ю. Чвертко, так определяет его особенности: «Первая проявляется в том, что привычные вещи переворачиваются, встают с ног на голову. Это происходит как на уровне сюжета, так и на уровне образа. Вторая черта характеризуется извращением, искажением привычного мира и ценностей. Последняя проявляется в том, как авторы акцентируют внимание на описании физических страданий, сцен разложения или смерти» [Чвертко: 126].

В «литературе ужасов» «серебряного века» наблюдаются именно эти характерные признаки деформации реальности, которые вызывают эффект утраты самоидентификации, а также ценностных ориентиров живущего здесь и сейчас человека. В крайних случаях подобное «развеществление» реальности порождает тотальную неуверенность в надежности бытия в целом, в масштабах космического мироздания, как следствие, вызывая атаки страха, вплоть до панического ужаса. Эти состояния полной дезориентации часто переживают герои произведений, они передаются и читателю.

В психологии с понятием «страх» связаны три основные мучительные состояния человеческой психики:

1. *Страх*. Состояние, обусловленное реальной или предполагаемой угрозой. Различается страх реальный, предостерегающий от опасности, и страх необъяснимый – не имеющий под собой реальных, чувственно осязаемых оснований.

2. *Ужас*. Состояние, порождаемое сильным страхом. Оно способно повергнуть человека в оцепенение, дрожь, шок. Активная реакция человека при ужасе отсутствует, устранить источник страха он не в силах.

3. *Паника*. Состояние, представляющее крайнюю форму страха, но выражается оно не в оцепенении, а в том, что человеком начинают управлять его чувства. Его действия при этом не подчинены никакой логике и часто вредят ему самому [Осипов].

Разнообразные виды страхов и формы ужаса, как и приступы паники, наблюдаются в прозе писателей «серебряного века».

Говоря о феномене ужасного в литературе «серебряного века», следует коснуться творчества М.П. Арцыбашева (1878–1927). По замечанию критика М.Н. Николаева, писатель включает в свои произведения мотив насилия, а в «насилии он ви-

дит, в первую очередь, ужас» [Николаев]. Насилие и вызывает искажение реальности, делая совершенно невозможное и нереально ужасное – возможным и даже обыденным. Так и называется один из наиболее показательных рассказов писателя – «Ужас» (1905). Источников ужасного здесь два: первый – сам человек как существо биологического порядка и раб своих чудовищных страстей; второй – социальная система, в рамках которой он сформирован и существует.

Секс и насилие – главные страсти, и в изображении писателя они неразрывны. Антропологическая концепция определяется биологическим детерминизмом и выражена в афоризме писателя: «Человек мерзок по природе своей, и вы разочаруетесь, если будете ждать от него чего-то хорошего» [Гришин: 12].

В литературном творчестве это порождает обширную галерею персонажей, способных на «все, чем только богата копилка человеческих мерзостей... все ужасное и непристойное...» [Гришин: 6].

Подобный биологический детерминизм выражен уже в первом романе «Санин» (1907), проходя затем через все творчество М.П. Арцыбашева. Это придавало скандальный характер личности и творчеству писателя, что повлияло на судьбу его наследия.

Тяга к насилию и жестокости априори присуща человеку, толкает его на чудовищные поступки и создает извечный ужас человеческого бытия. Эта концепция определяет сюжет уже первых рассказов писателя начала XX века: «Паша Туманов» и «Из подвала». Герои обоих совершают зверское хладнокровное убийство. Жертвы виновны, но вина и «наказание» здесь неравноценны. Убивают же не ради справедливости, а чтобы удовлетворить тягу к пролитию крови, к насилию. Ужас перед жизнью испытал и сам писатель, который уже в шестнадцать лет пытался совершить суицид, а в течение всей жизни испытывал депрессивные состояния, что ускорило его ранний уход из жизни. Тема самоубийства постоянна и в прозе М.П. Арцыбашева.

Если человек по природе ужасен, то в этом ему не уступает и социум. У М.П. Арцыбашева, как и у Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева, присутствует пугающий образ массы, толпы. В отличие от Ф.К. Сологуба, он своей толпы не боится, однако тоже показывает, что толпа не равна сумме голов, что при плотном скоплении пробуждаются «первичные» биологические инстинкты – убивать, резать, проливать кровь. Однако в повести «Ужас» (1905) агрессия толпы имеет другое направление, чем у Ф.К. Сологуба в рассказе «В толпе», где масса и была источником социальной и биологической агрессии. Здесь же толпа выступает как вершитель правосудия, ищет правды и справедливого обвинения и наказания убийц. Но в обоих случаях толпа

способна и стать орудием уничтожения. У Ф.К. Сологуба ее действия более мистифицированы: она стала орудием дьявольских сил, появляется призрачный образ рыжего дьявола, одержимая им толпа убивает просто из потребности сладострастно убить ни в чем не повинных, даже малых детей. У М.П. Арцыбашева в толпе тоже пробудилась ненависть и агрессия, что привело к зверской расправе над убийцами. Но как только раздались первые залпы вызванных войск, смелость покидают восставших за справедливость. Образ толпы и финал рассказа «Ужас» навеяны событиями массового расстрела в Кровавое воскресенье.

В повести «Ужас» показан разгул чудовищного, немислимого биологически детерминированного насилия. Как могли трое *представителей власти* совершить групповое насилие над учительницей местной школы – Ниночкой? Под влиянием алкоголя в мужчинах проснулась сексуальная агрессия, которая оказалась сильнее чести, гуманности, страха наказания. Только на изломе этой страшной ночи к ним стал возвращаться разум, а вместе с тем и страх возмездия. Боясь, что жертва не замолчит, они ее убивают, инициатором является становой – главный представитель власти и правосудия: «А!.. – пронзительно крикнула Ниночка, вырвав рот из-под руки станового, и вдруг его лицо исказилось страшной животной злобой. С беспощадной уверенной силой он схватил ее за лицо и страшно сжал, скомкал, так, что слюна и кровь облепили его пальцы. С секунду они смотрели друг другу в глаза, в упор, как бы сливаясь в один острый взгляд, и страшен был этот взгляд и нечеловечен...» [Арцыбашев].

Понятия чести и совести, законности и правопорядка в этой социальной реальности отсутствуют: «Ну, поиграли с девочкой... пьяны были... *На нашем месте и всякий то же самое сделал бы...* Что, мы ей смерти хотели, что ли?..» [Арцыбашев].

Изощренно, имея немалый опыт расследования криминальных преступлений, они измышляют и способны заставить замолчать свою жертву, и свое алиби, то есть и социальная первопричина ужаса бытия показана М.П. Арцыбашевым ярко и убедительно. И вот конечный результат и следствие разгула биологических инстинктов у озверевших преступников: они растерзаны толпой, а вызванные вооруженные войска, защищая власть и силу, расстреливают толпу: «В сарае, при волости, на помосте лежали рядами неподвижно мертвые люди и смотрели вверх остановившимися навсегда белыми глазами, в которых тускло блеснул вопрошающий и безысходный ужас» [Арцыбашев].

Тема страха и ужаса проходит через весь текст рассказа, как бы прошивая его кровавой нитью. Лексема «ужас» вынесена в сильную заглавную позицию текста, а также стала его последним словом: «вопро-

шающий и безысходный ужас». Началом темы ужаса стало групповое насилие над юной девочкой и ее убийство. Финалом – массовый расстрел толпы народа. Особенность поэтики рассказа М.П. Арцыбашева – детерминированная последовательность причины и следствий: насилие – убийство. В финале смерть и ужас соединяются в ужасе массовой насильственной смерти. Убита жертва насилия, растерзаны убийцы, расстреляна толпа.

Итак, в прозе М.П. Арцыбашева можно наблюдать детерминизм двоякого рода: биологический – непреодолимая природная тяга к насилию и сладострастному зверству; социальный – смертоносная агрессия массы, толпы и убийство себе подобных покорными исполнителями приказов власть имеющих (казаки, солдаты, расстрелявшие людей). Это вызывает страх как у героев произведения, так и у читателей и порождает совершенно особый феномен ужасного в образе «страшного мира».

Рассмотрим мотивы страха и ужаса в прозе Ф.К. Сологуба на примере новеллы «В толпе» (1907). Нарастание мотива страха происходит на протяжении всего развития сюжета, от экспозиции до развязки, завершаясь в финале всплеском высшего накала ужаса и начавшейся в толпе паники, ибо наступает тотальная смерть, приближение и присутствие которой ощущали герои- дети на протяжении всей этой ужасной ночи. Мотив страха переходит в мотив беспредельного ужаса и всеобщей неизбежной гибели, тему смерти, которая постигла всех четверых детей. Для Ф.К. Сологуба, и в этом особенность его катастрофического мировосприятия, ужасна как жизнь, так и смерть. В этом смысле он относится к мрачнейшим писателям всех времен, а не только своей трагической эпохи. Смерть невидимо и бесшумно сопровождает страшную и бессмысленную, грубо телесную жизнь. Между «этим» и «тем» миром появляется щель, зазор. Оттуда приходит Смерть, предупредив свое появление отвратительными образами искажившейся телесности. Инфернальные образы появляются и в рассказе «В толпе», где инобытие вторгается в ужасное бытие и начинает его уничтожать. И неизвестно, что страшнее, – жизнь, когда все видишь и чувствуешь, но ничего не можешь изменить или смерть, когда уже ничего не чувствуешь. В мироощущении Ф.К. Сологуба нет религиозного спасительного компонента, нет понятия загробной жизни, нет духовной жизни. Жизнь омерзительна, хотя старается казаться другой. Так же омерзительны люди, которые страшны своей жестокой непредсказуемостью, неудержимой тягой к насилию, духовному распаду, моральной грязи. Как следствие, в поэтике произведений Ф.К. Сологуба превалируют образы распада и разрушения. В рассказе «В толпе» есть внешний и внутренний сюжет. Внешний: движение в толпе, вместе с толпой, которое героя-

ми уже не регулируется. Внутренний: передан поток сознания зажатых и гибнущих в толпе детей. Внешний сюжет – от предчувствия приближения смерти до ее явления в действии, сначала для других. В финале мальчик стряхивает со своих рук двух уже мертвых сестер. Наступила и его смерть: Леша еще слышал, как по нем бежали, дробно переступая по спине. Тяжко во всем теле отдавались свирепые удары дьявольских ног. Смерть [Сологуб: 283].

Каждый писатель возводит здание своего «страшного мира» из отдельных персональных «кирпичиков». Модель включает в себя сюжетные ситуации, различные в каждом отдельном случае, но имеющие сходную эмоциональную окрашенность, общую авторскую интенцию – они ужасны и вызывают отвращение к изображаемому и сомнение в разумности мироустройства в целом. Это можно наблюдать и в поэтике рассказов Л.Н. Андреева: чудовищны картины войны в рассказе «Красный смех» (1904), пожирания трупа в рассказе «Стена» (1901). Ужасно основное сюжетное событие – насилие – в рассказе «Бездна» (1901). При разном сюжетном содержании все это – картины деструкции, энтропии мира, его распада материального и духовного. Такой образ мира характерен для модернистской эстетики. В одном из последних исследований данной проблемы В.М. Мескин определяет приметы модернистской поэтики в отечественной литературе указанного периода. Первоисточником неуклонного распада ученый считает реальный мир, с его социальными катастрофами и новыми научными открытиями, разрушающими представление о надежности и стабильности мироустройства как такового. Наиболее характерной чертой эпохи XIX–XX веков в целом он называет процесс «разрушения»: «...характерной особенностью наступившего века стало разрушение многих представлений о материальных и идеальных сущностях мира, о возможных связях между ними. Разрушение представляется следствием какого-то скрытого метазакона XX столетия, который повлиял и на жизнь, и на искусство» [Мескин: 6].

Модель «страшного мира» в прозе Л.Н. Андреева демонстрирует общие деструктивные тенденции эпохи. Однако в структуре модели есть и особые авторские включения, это образы-символы. Символическое изображение бытия сочетается в творчестве Л.Н. Андреева с перверсированным. Задолго до появления рассказа Ж.П. Сартра в 1939 году, он пишет свой с таким же названием – «Стена» (1901). Экзистенциалистская концепция бытия, проблема смерти поставлена Сартром на философском уровне, но истоки ее обнаруживаются в рассказе Л.Н. Андреева. В обоих случаях присутствует образ несвободы – стены, отгородившей людей от обычного мира. У Л.Н. Андреева символически как образ толпы прокаженных, так и сте-

ны, которая не выпускает их в обычную жизнь, отгораживая от нее, помещая в условия вымороченного «страшного» бытия.

Другим образом-символом у Л.Н. Андреева является «бездна». Символ указывает на биологическую телесность, неподвластную силам разума, на шевелящийся хаос в глубине космоса бытия. «Бездна» символизирует непознаваемую пугающую глубину человеческой психики, необоримую силу его животных физиологических инстинктов. Символ вынесен в сильную позицию в заглавии рассказа, принесшего писателю скандальную известность, – «Бездна».

Символы «стены» и «бездны» – ключевые в модели «страшного мира» Леонида Андреева. Они выразились как в «катастрофическом» мироощущении писателя, так и в поэтике его произведений. К ним добавляется символический образ огромной художественной силы – образ «Красного смеха» в одноименном рассказе. Яркая самобытность символики Л.Н. Андреева в том, в частности, что в ней зашифрованы понятия и образы не только мира живых, но и мира уже ушедших, бытия в целом. А также – космических сил, иррациональных и метафизически непознаваемых.

Жизнь социальная всегда изображена у Л.Н. Андреева сквозь призму мистического и иррационально-необъяснимого ужаса как общей категории бытия, в поэтике текста находящей выражение в образах-символах: бездна, стена, красный смех (кровавый смех).

В современных научных исследованиях встречаются попытки создать типологию ужасного. Так, А.А. Гришин в своей диссертации выделяет три типа ужасного:

1. Ужас смерти.

2. Ужас перед реальностью, переставшей быть понятной.

3. Ужас перед тайной бытия [Гришин: 12].

Понятия «страх» и «ужас» не совсем совпадают в своем лексическом значении, но оба приближены к понятию «смерть». Лексема «ужас» традиционно обозначает предельно эмоциональное состояние отрицательного характера. Все, что определяется как «ужасное», представляет собой иррациональную и враждебную силу, с которой человек, чтобы продолжить свою жизнь, пытается совладать и справиться. Но такой же иррациональной силой является сила смерти. Вот почему эти два понятия неразделимы. Л.Н. Андреев помещает их в самый центр своей модели «ужасного мира». Как в обычном физическом реальном мире, так и в мире художественном эмоция ужаса сопровождает известие о смерти, картину смерти. В пространстве художественного текста эта эмоция также сопровождает картину смерти. Таким образом, можно выделить единую главную функцию «страшного» или «ужасного» мира: это

способ выявления метафизической картины смерти. С понятием «ужас» связаны исключительно разрушительные эмоции. Ужас – реакция на процесс деструкции, разрушения, составляющий суть смерти.

Ярким примером является первый фрагмент в рассказе «Красный смех». События Русско-японской войны переведены писателем в общеполитологический план устройства бытия и места и роли в нем человека, пределов его возможностей в понимании и изменении происходящего. Уже эпиграф к первой части рассказа передает атмосферу ужасного: «безумие и ужас...». Ощущается приближение тотального уничтожения, присутствуют мотивы апокалипсиса. Полубезумной толпой бредут по страшной знойной пустыне вооруженные люди, потеряв представление о том, кто их ведет, куда они идут и с какой целью. Ужас существования показан еще до начала военных событий. Во-первых, это связано с особым состоянием земной атмосферы, вдруг ставшей совершенно чужой и непригодной для существования человека. Начавшийся апокалипсис выражен через стихию огня: страшный зной, раскаленное солнце. Смертельным врагом человека, идущего убивать себе подобных и погибнуть в муках самому, выступает при этом животворящий источник жизни, переставший им быть, – солнце, превратившееся в раскаленный шар: «Стоял зной. Не знаю, сколько было градусов: сорок, пятьдесят или больше; знаю только, что он был непрерывен, безнадежно-ровен и глубок. Солнце было так огромно, так огненно и страшно, как будто земля приблизилась к нему и скоро сгорит в этом беспощадном огне» [Андреев].

Во-вторых, ужас связан с состоянием человека – как физическим, так и душевным, которое невыносимо и несовместимо с жизнью. Это поясняет повествователь на собственном примере. Выбравшись из толпы солдат, он отходит в сторону, долго сидит на камне, и со стороны ему становится заметно, что есть какая-то страшная сила, управляющая этими обезумевшими людьми. Это сила определена им как «красный смех». Она связана с понятием смерти: «И тут впервые я почувствовал это. Я ясно увидел, что эти люди, молчаливо шагающие в солнечном блеске, омертвевшие от усталости и зноя, качающиеся и падающие, что это безумные. Они не знают, куда они идут, они не знают, зачем это солнце, они ничего не знают. У них не голова на плечах, а странные и страшные шары» [Андреев].

Только после того, как атмосфера смерти и «расчеловечивания» состоялась, созданы достаточные условия для начала военных действий. Вот первый голос и первый вестник войны. Применен прием олицетворения, что придает характер мистического ужаса происходящему – граната действует как живое существо, радостно готовящееся к уничтожению всего живого: «... слева, на вершине, бухает выстрел и за ним немед-

ленно, как эхо, два других. Где-то над головою, с радостным, многоголосым визгом, криком и воем проносится граната» [Андреев].

Неизвестно, кем создана страшная ситуация начавшегося тотального уничтожения жизни, кем она управляется. Термин экзистенциалистской философии – «враждебный аноним» – здесь как нельзя более уместен, и это ощущение усиливает состояние ужаса. Затем будет рассказ об эпизодах войны, показанной как неуклонное уничтожение одних людей – другими, утрата человеческого облика в прямом физическом и переносном – нравственном и духовном смысле. Таким образом, основная функция образа «страшного мира» в прозе Л.Н. Андреева – сказать страшную правду о законах бытия:

Во-первых, это страшная правда о жизни: смерть и жизнь – равноценные непостижимые разумом метафизические понятия, которые находятся в мире в нерасчленимом единстве («Красный смех»).

Во-вторых, это страшная правда о человеке, который открыт всем физиологическим природным разрушительным инстинктам и порывам, – насилие, каннибализм как формы деструкции биологической и духовной («Бездна», «Стена»).

Как следствие, картина мира и человека в творчестве Л.Н. Андреева определяется двумя этими маркерами: страшный мир, в котором господствует смерть, и живущий в страшном мире страшный человек, который не может управлять своими природными порывами и открыт не для добра, как учит религия, а исключительно для уничтожения себе подобных.

В данной работе исследована модель «страшного мира» в прозе «серебряного века» на примере образцов прозы трех писателей: М.П. Арцыбашева, Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева. Как можно заключить, писатели «серебряного века» действительно делают страх и ужас постоянно звучащим сюжетообразующим мотивом. Однако звучание это разное, и так же различна образная система, поэтика того или иного произведения. То есть этот постоянный для литературного процесса рубежа веков мотив звучит в неповторимой персональной тональности. Таким образом, звучание мотива страха является художественной характеристикой текста, определяет как доминанту его поэтики, так и мировидение, и мироощущение создателя текста. В основе модели мира и личности человека в таких произведениях лежит принцип перверсивности и искажения жизненных ценностей. Когда жизнь и человек раскрывают свою внутреннюю суть – она невыразимо страшна: любящий муж – сладострастный убийца, следственная группа – сексуальные маньяки, люди в толпе – дьяволы. Постоянно присутствие inferнальных образов, воплощающих метафизический ужас человеческого существования и смерти: Недотыкомки и дьяволы в произведениях Ф.К. Сологуба,

«Красного смеха» в рассказе Л.Н. Андреева. Присутствует телесность как особый прием поэтики жестокости. Сладострастное насилие определяет сюжет произведений Ф.К. Сологуба и Л.Н. Андреева. Но более всего принцип жестокой телесности выражен в рассказе М.П. Арцыбашева «Ужас».

Образ «страшного мира» как особый тип мироустройства, возникший в указанное время, чреват революционными военными событиями и в мире в целом, и в России в частности, связан с понятием деструкции, энтропии. В художественном пространстве текста находит выражение катастрофическое, кризисное разрушение биологических, природных, механических форм реального мира, придающее гротескные, пугающие формы художественным образам в поэтике данных произведений.

Список литературы

- Андреев Л.Н.* Красный смех. URL: <https://ilibrary.ru/text/1646/p.1/index.html> (дата обращения: 20.03.21).
- Андреев Л.Н.* Бездна. URL: http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_0240.shtml (дата обращения: 23.03.21).
- Арцыбашев М.П.* Ужас. URL: http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0360.shtml (дата обращения: 07.02.21).
- Бердяев Н.А.* Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 3–28.
- Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 491 с.
- Воскресенская М.А.* Феномен «серебряного века»: проблемное поле культурно-исторического осмысления // Вестник Томского университета. Сер.: История. 2017. № 48. DOI: 10.17223/19988613/48/4
- Гараев А.И.* М.П. Арцыбашев: История формирования литературной репутации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 18 с.
- Гришин А.А.* Феномен ужаса: этико-философский анализ.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015. 18 с.
- Мережковский Д.С.* О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М.: Промсвещение, 1971. С. 369–373.
- Мескин В.М.* Кризис сознания и трагическое в русской прозе конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 18 с.
- Николаев М.Н.* Особенности творчества М.П. Арцыбашева. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/ARCYBASHEW/n_artz.txt (дата обращения: 09.02.2021)
- Осинов С.С.* Типология страхов. Самые распространенные страхи и фобии. URL: <https://4brain.ru/blog/fears-typology/> (дата обращения: 03.02.2021).
- Сологуб Ф.К.* В толпе // Русский жестокий рассказ. М.: АСТ, 2014. С. 245–289.

Чвертко С.Ю. Особенности хронотопа в «страшных» новеллах серебряного века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 126–131.

References

Andreev L.N. *Krasnyj smeh* [Red laughter]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1646/p.1/index.html> (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Andreev L.N. *Bez dna* [Chasm]. URL: http://az.lib.ru/a/andreev_1_n/text_0240.shtml (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Artsybashev M.P. *Uzhas* [Horror]. URL: http://az.lib.ru/a/arcybashev_m_p/text_0360.shtml (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Russkaja literatura nachala XX veka i okkul'tizm. Issledovanija i materialy* [Russian literature of the beginning of the XX century and occultism. Research and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999, 491 p. (In Russ.)

Voskresenskaja M.A. *Fenomen "serebrjanogo veka: problemnoe pole kul'turno-istoricheskogo osmyslenija"* [The phenomenon of the "silver Age: the problem field of cultural and historical understanding"]. *Vestnik Tomskogo universiteta. ser.: Istorija* [Tomsk University Bulletin. Series: History], 2017, № 48. (In Russ.)

Garaev A.I. *M.P. Arcybashev: Istorija formirovanija literaturnoj reputacii* [The history of the formation of literary reputation]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2008, 18 p. (In Russ.)

Grishin A.A. *Fenomen uzhasa: jetiko-filosofskij analiz* [The phenomenon of horror: an ethical and philosophical analysis]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ivanovo, 2015, 18 p. (In Russ.)

Merezhkovskij D.S. *O prichinah upadka i novyh tendencijah sovremennoj russkoj literatury. Russkaja literatura XX veka. Dooktjabr'skij period* [Russian Literature of the twentieth Century: On the causes of decline and new trends in modern Russian literature. Pre-October period]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1971, pp. 369–373. (In Russ.)

Meskin V.M. *Krizis soznaniya i tragicheskoe v russkoj proze konca XIX – nachala XX vekov* [The crisis of consciousness and the tragic in Russian prose of the late XIX – early XX centuries]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow, 2001, 18 p. (In Russ.)

Nikolaev M.N. *Osobennosti tvorcestva M.P. Arcybasheva* [Features of M.P. Artsybashev's creative work]. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/ARCYBASHEW/n_artz.txt (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Osipov S.S. *Tipologija strahov. Samye rasprostrannnye strahi i fobii* [Typology of fears. The most common fears and phobias]. URL: <https://4brain.ru/blog/fears-typology/> (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Sologub F.K. *V tolpe* [In the crowd]. *Russkij zhestokij rasskaz* [Russian cruel story]. Moscow, AST Publ., 2014, pp. 245–289. (In Russ.)

Chvertko S.Ju. *Osobennosti hronotopa v "strashnyh" novellah serebrjanogo veka* [Features of the chronotope in the "terrible" novels of the Silver Age]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, № 3, pp. 126–131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.02.2021; одобрена после рецензирования 13.04.2021; принята к публикации: 10.05.2021

The article was submitted 22.02.2021; approved after reviewing 13.04.2021; accepted for publication 10.05.2021

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 130–136. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 130–136. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-130-136>

А.П. ПЛАТОНОВ И ДИСКУССИЯ О СКАЗКЕ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГОДОВ

Костылев Алексей Олегович, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, alekseykostylevv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена дискуссии вокруг сказки, которая нашла место в журнале «На путях к новой школе», газете «Читатель и писатель», ее основным положениям. В 1920-х гг. педагоги и детские писатели во главе с Н.К. Крупской подвергали пересмотру старую детскую литературу и занимались теорией новой советской книги для ребенка, публикуя статьи и обзоры. Прослежена связь между работой в детской литературе и идеологией, антирелигиозной пропагандой. Обращено внимание на обсуждение категории фантастического в сказке среди авторов периодических изданий «На путях к новой школе», «Читателя и писателя». Приведены примеры новой литературы для детей, ее отличия и сходства с прежней. О дискуссии вокруг жанра сказки мог знать А.П. Платонов в 1926–1927 гг., после переезда в Москву, на что указывают эпистолярный, факты биографии и художественные произведения, в частности повесть «Эфирный тракт», стихотворение «Про электричество». Рассматриваются эпизоды из романа «Чевенгур» в контексте этой дискуссии.

Ключевые слова: история литературы, А.П. Платонов, платоноведение, детское чтение, детская литература, периодика, сказка, категория фантастического, литература 1920-х гг., педагогика

Для цитирования: Костылев А.О. А.П. Платонов и дискуссия о сказке в детской литературе 1920-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 130–136. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-130-136>

Research Article

ANDREI PLATONOV AND THE DISCUSSION OF THE FAIRY TALE IN CHILDREN'S LITERATURE OF THE 1920S

Aleksey O. Kostylev, A.M. Gorky Institute of World Literature, alekseykostylevv@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the discussion around the fairy tale, which found a place in the magazine «On the Way to a New School», the newspaper «Reader & Writer», its main provisions. In the 1920s pedagogues and children's writers headed by Nadezhda Krupskaya revised old children's literature and studied the theory of a new Soviet book for children, publishing articles and reviews. The connection between work in children's literature and ideology, anti-religious propaganda is traced. Attention is drawn to the discussion of the category of the fantastic in a fairy tale among the authors of «On the Way to a New School», «Reader & Writer». Examples of new literature for children, its differences and similarities with the previous one are given. Andrei Platonov could also have known about the discussion around the genre of a fairy tale in 1926–1927 after moving to Moscow, as indicated by the epistolary, biographical facts and works of art, in particular the story «The Ethereal Path», the poem «About Electricity». The episodes from the novel «Chevengur» are considered in the context of this discussion.

Keywords: history of literature, Andrei Platonov, children's reading, children's literature, periodicals, fairy tales, category of fantastic, literature of 1920s, pedagogy

For citation: Kostylev A.O. Andrei Platonov and the discussion of the fairy tale in children's literature of the 1920s. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 130–136 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-130-136>

Споры 1920-х гг. вокруг сказки важны для изучения творчества Платонова и его пути к детской литературе. Детям посвящены одни из ранних произведений писателя – «Сережка»¹, рассказ «Странники»²; Платонов писал статьи о новой школе, жизни детей³, детском театре [Антонова: 649–650].

К поэтике сказки Платонов обратился в ранний период творчества. К этому жанру можно отнести произведение «Ерик» 1921 г., в котором отражается обрушение старой культуры и ставится цель – строить «новый мир». В отзыве на сборник прозы, отправленный Платоновым в Госиздат в 1921 г., «Ерику» была дана такая характеристика: «Сказка написана живо. Язык и стиль хороши»⁴.

На страницах записной книжки за 1921 г. Платонов делает набросок аллегорической сказки «Вера, Знание и Сомнение». В сказке Платонов вновь отражает, как рушатся вековые устои; красноречиво описано движение в духовной жизни страны – вместо веры в Бога людям после революции давалось лишь сухое знание. Действительно, одна из главных задач государства заключалась в том, чтобы просветить массы. Так, в журнале «На путях к новой школе» в статье Н.К. Крупской было сказано: «...Советская власть – единственная власть, которая поможет народным массам подняться к светлой жизни, положить конец всякой эксплуатации и нищете; мы знаем, что путь этот не легок, что массы еще недостаточно вооружены *знанием*, чтобы стать настоящими хозяевами жизни»⁵ (курсив наш. – А. К.; орфография оригинала сохранена).

Дискуссия 1920-х гг. о сказке была, по всей видимости, известна Платонову. В 1926 г. он переезжает из Воронежа в Москву на работу в ЦК Всеработземлес. Вместе с Платоновым в Москву перебралась его семья – жена Мария Александровна и сын Платон, которому в 1926 г. было уже почти четыре года. Так как в семье рос маленький ребенок, естественно, что супруги Платоновы интересовались тем, какие издаются детские журналы, что выходит из детских книг. В письме от 8 декабря 1926 г., отправленном вторым по приезде в Тамбов, куда Платонов уехал работать, говорится: «Обними моего мужичка и купи ему сказку»⁶. Судя по всему, сыну Платонова уже читали небольшие произведения для детей, и примечательно, что писатель упомянул о сказке сразу после отъезда из столицы.

Сохранились сведения, что уже по возвращении из Тамбова, в московский период жизни, Платонов общался с писателями, перу которых принадлежали детские произведения. Ими были А.В. Кожевников и Ф. Каманин – авторы, не могущие не знать о тенденциях в детской литературе. В 1981 г. журнал «Новый мир» опубликовал главы из книги Каманина «Литературные встречи», и автор в них описывал

первое знакомство с Платоновым в доме Кожевникова в 1927 г.⁷ Сам Каманин в начале 1927 г. опубликовался в 1-м номере «Дружных ребят» с рассказом «Писаки»⁸, а в № 21 этого журнала было анонсировано издание рассказа А.В. Кожевникова «Лопаренок Олеса».

Соприкосновение Платонова со средой, в которой были детские писатели, могло отразиться на его дальнейшем творческом пути – в его обращении к детской литературе в 1930-х гг. Дружбу с Кожевниковым он продолжал в дальнейшем, в частности Платонов пытался опубликоваться в 1936 г. в журнале «Колхозные ребята», редактором которого был этот автор.

После Октябрьской революции 1917 г. воспитание детей было особой задачей. Им стремились привить новую культуру и мировоззрение с самых ранних лет. Дискуссия о сказке в детском чтении стала одним из ярких отражений того, как шел процесс разрыва с традицией. И.Н. Арзамасцева в своей монографии «Век ребенка» делится воспоминаниями И.И. Халтурина, утверждавшего, что старой детской литературе нечего было сказать новому читателю. Подмена читателя стала одним из важнейших факторов в литературном процессе: «В дискуссиях 20-х гг. о сказках, вымысле, “веселой” книжке вопрос о новом читателе был ключевым» [Арзамасцева: 85].

Одной из причин нападок на сказку в детском чтении была антирелигиозная пропаганда. В советском государстве правильным считался материалистический взгляд на мир – это было отражено Платоновым в «Вере, Знании и Сомнении». Крупская писала: «Советской власти нет надобности дурачить широкие массы, она хочет их духовного освобождения... вопрос об антирелигиозной пропаганде для нее – вопрос ударный, неотложный. <...> ...Явственно слышны аккорды настраиваемых на *мистицизм струн*»⁹ (курсив наш. – А. К.).

Волшебную сказку критиковали за то, что она может заронять зерна мистицизма, исказить представление детей о реальности. Другой идеологической составляющей дискуссии было то, что сказка показывает модели буржуазных отношений – недопустимым оказывалось изображение благополучия побежденных классов, монархической формы правления. В статье 1926 г. «Об учебнике и детской книге I ступени» Крупская, осуждая народную волшебную сказку, выносила такое замечание: «...народные сказки обыкновенно отражают прошлое, сейчас жизнь во многом переменялась, а сказка уже отражает не теперешнее время, а прошлое время. ...В сказке... часто героем выступает мелкий собственник, надувающий эгоист»¹⁰.

Об опасности старой, в том числе народной, сказки в детском чтении ранее заговорила Э. Яновская в книге «Сказка как фактор классового воспитания» 1923 г.

В ней автор обращает внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев их содержание противоречит коммунистической идеологии¹¹. На эту книгу в 1-м номере журнала «На путях к новой школе» 1924 г. была напечатана одобрительная рецензия Э. Станчинской, предлагавшей заменить сказки на простые, реальные рассказы о жизни и природе, а в перспективе – создать новую сказку, которая будет идти в ногу с эпохой и сыграет роль в том, чтобы воспитывать ребенка в согласии с идеалами Октября¹².

Однако редакция журнала сопроводила рецензию примечанием, и с него в 1924 г. была открыта дискуссия о сказке в детском чтении на страницах журнала. В нем отмечалось, что вряд ли можно заменить сказку упрощенными рассказами: «Народная сказка должна войти в детскую литературу, ее не заменить рассказами про волчат, лисят и пр. Народная сказка... носит социальный характер. ...Она учит ребят смотреть, видеть жизнь».

1920-е гг. в истории России являлись временем, когда миллионы детей были без крыши над головой, занимались криминалом, голодали. В статье из 4-го номера «На путях к новой школе» за 1924 г. было опубликовано исследование «Литературные вкусы беспризорных» Григорьевой¹³, в котором рассказывалось об эксперименте, проведенном с беспризорными детьми. В ночлежном доме читали вслух разные произведения, расспрашивая, что нравится детям, а что нет; маленькие герои рассказывали о своих вкусах и литературных пристрастиях. Большое место в них, как оказалось, занимала сказка. Особенно детям нравился ее фантастический элемент, воплощенный, например, в народной демонологии, эстетика ужасного, волшебные приключения героев. В ходе эксперимента детям прочитали сказки «Крокодил» Чуковского, «Папа Пряник» Вагнера, «Генерала Топтыгина» Некрасова из цикла «Стихотворения, посвященные русским детям».

Неоднозначная статья Григорьевой в общем смысле проводила связь между неблагополучием беспризорников и их литературными вкусами, что в свою очередь могло подрывать авторитет сказки как жанра в детской литературе. Сразу после статьи был опубликован комментарий Крупской. Она считала, что вместо сказок лучше рассказать о жизни в Америке, подвести детей к мысли о том, как они могли бы изменить свое положение. И так резюмировала свою позицию: не стоит детям читать сказки вроде «Крокодила» Чуковского или «Папы Пряника» Вагнера.

Шаги к новой детской литературе делались на протяжении всех 1920-х гг., и одной из основных целей было пустить ее в русло идеологии. Так, в № 7–8 журнала «На путях к новой школе» за 1924 г. была опубликована обзорная статья писательницы А.Г. Крав-

ченко¹⁴, посвященная недавно вышедшим в СССР детским книгам.

Автор отмечает, что новой литературы, которая могла бы соответствовать установкам коммунистической педагогики, еще слишком мало. Тем не менее Кравченко приводит некоторые из новых изданий. Книжки для детей 3–7 лет, приведенные Кравченко в статье, практически лишены идеологического компонента, они отличаются простотой сюжетов и стиля. Например, автор приводит волшебную сказку Н. Огнева «Яшка из кармашка» 1924 г., ориентированную на народную поэтику, однако в ней все же прослеживается важная идея труда. В список включен В. Бианки со сказками о животных – «Чьи это ноги?», «Чей нос лучше?», «Первая охота». Сказки и рассказы о животных приветствовались: они отвечали идеям советской педагогики, потому что имели познавательное, прикладное содержание и были нейтральны.

Во второй группе детских произведений уже появляются другие издания, и они «приближают детей к пониманию окружающего». В книжках из этого блока детям даются первые представления о таких понятиях, как «коммуна», «коллектив». Произведения более старшей группы, для детей 10–12 лет, уже знакомят ребенка с идеологией, революционной и военной проблематикой 1917–1920 гг.

В 1920-е гг. вводилась производственная тематика в литературу для детей, и авторы могли воплощать эту тему в жанре сказки. Одним из детских писателей, создававших такие произведения, был П. Орловец. Его перу принадлежат «Сказка о Леве – грызунов победителе (Доброхим)», «Сказка про дедушку Уголька и доброго молодца Бумажного Ключка», выпущенные в 1925 г. Его производственные сказки нередко критиковались за поверхностность, например в статье А. Киреевко «Опыт обзора детской производственной литературы за 1924/25 гг.»¹⁵, опубликованной в № 5–6 журнала «На путях к новой школе», и, видимо, не случайно. Производственную тематику он воплощал явно нереалистично, в его сказках проглядывала литература прошлого: так, «Сказка о Леве» написана тем же размером, что и «Сказка о царе Салтане».

О проникающей в детскую литературу производственной тематике знал и Платонов. Н.В. Корниенко в монографии «Сказано русским языком... Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе» впервые уделила внимание дискуссии 1920-х гг. о сказке [Корниенко 2003б: 71–77]. Исследователь отмечает, что образ новой детской литературы писатель отразил в повести «Эфирный тракт», над которой работал в Тамбове (ноябрь 1926 г. – 2 января 1927 г.). Так, сын Михаила Кирпичникова учит наизусть стихотворение: «Нам людей давить не жалко: // Не знакома пионерам грусть»¹⁶. «В этих строках

«передан пафос “красных дьяволят” – главных героев советской детской литературы 1920-х гг.» [Корниенко 2003б: 75].

Четверостишие было взято из неоконченного стихотворения «Про электричество» 1926–1927 гг.¹⁷ В нем нет сказочной фантастики, и оно повествует о появлении маленького героя на электростанции – одна из освещаемых тем в детской литературе десятилетия. Стихотворение, оставшееся в черновиках, показывает, что Платонов понимал, в каком русле идет развитие детской литературы и, возможно, уже в то время имел намерение обратиться к читателю-ребенку в своем творчестве.

В статьях журнала «На путях к новой школе» нападки на сказку, особенно на сказку прошлого, становились общим местом, своеобразным топосом. Фантастика сказки, в основе которой лежит «вымысел, недостойный доверия» [Пропп: 32], вызывала осторожность у власти. Интересно отметить, что в 1928 г. вышла в свет монография В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», когда дискуссия активно продолжалась.

Сказку стремились заменить на произведения, отражающие историю страны последних лет, могущие реалистично воссоздать ее. Е. Руднева писала, что дети хотят читать о современной жизни во всех ее формах. «...Хочется, чтобы это было... захватывающе-интересно и чтоб это было подлинно, верно»¹⁸.

Дискуссия о сказке отвечала положениям постановления ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г.: «В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства...» Детская литература, так же как и взрослая, подвергалась серьезному пересмотру, и задавались пути к ее новому облику: «Если... есть безошибочные критерии общественно-политического содержания любого литературного произведения, то... еще нет таких... ответов на... вопросы... формы».

Своеобразный итог дискуссии о сказке в журнале «На путях к новой школе» был подведен в статье «К вопросу об оценке детской книжки» 1927 г. Сказкам в ней отведено особое место, как старым, так и тем, которые только появятся. В волшебных сказках продолжали видеть вред: они прививают веру в фантастическое, мешают действительность с вымыслом. Смягчало тон высказывания то, что призывали учиться у народной сказки ее приемам. Допускались сказки о животных. Движение было в сторону книги, реалистичной по наполнению, ориентированной на жизненный опыт, на действительность. О классовой проблематике говорилось, что «...мы однако отбрасываем целиком произведения... проповедующие монархизм, национальную вражду... <...> Неприемлема книга, пропитанная... господской моралью»¹⁹.

Одним из воплощений замыслов по созданию новой реалистической литературы для детей был основанный в 1927 г. журнал «Дружные ребята». Изредка в нем публиковалась Крупская с небольшими заметками о собственном детстве, воспоминаниями о В.И. Ленине, их жизни в Шушенском, подпольной деятельности. В 1930–1940-х гг., когда Платонов обратится к детской литературе, он переработает свои рассказы «Бессмертие» и «Среди животных и растений» для этого журнала, который в 1933–1937 гг. носил название «Колхозные ребята». Платонов опубликует в журнале рассказы «Алтеркэ», «Железная старуха».

В «Дружных ребятах» не печатали фантастику, в основном это были рассказы из жизни детей. Они оказывались яркими борцами против кулаков, тянулись к труду. Произведения посвящались храбрым поступкам, как в рассказе «Метель» Б. Житкова в 14-м номере 1927 г. Некоторые из них могли быть посвящены перевоспитанным детям – бывшим беспризорникам, как в рассказе «Я, Шкалик и Филька» в 1-м номере за 1929 г. Особое место занимали рассказы о детстве до революции. В «Дружных ребятах» много печаталось публицистических работ: редакция включала статьи о революционерах, рабочих, забастовках. Было много статей с описанием разных стран, таких как Китай или Америка, выделялись страницы с практическими рубриками. В «Дружных ребятах» охотно печатали сказки о животных В. Бианки. В первый год существования журнала (1927) дети могли прочитать историю о мышонке Пике.

Время 1920-х гг. можно назвать первым этапом, когда происходило становление теории новой детской литературы, и для ее создания ограничивали для чтения старые произведения, сказку прошлого. Однако стоит отметить, что осторожное отношение к ней обнаруживалось и прежде, в статьях К.Д. Ушинского. Несмотря на высокую оценку народной сказки в целом, он писал, что «весьма мало русских сказок, которые годятся для детского чтения»²⁰.

В романе Платонова «Чевенгур», в той его части, которая была написана в 1927 г. [Корниенко 2019: 640–670], существует интересный эпизод. Персонаж Степан Копенкин говорит: «В малолетстве меня к вере тоже не поп приучил, а бабушка сказкой о Николае-чудотворце»²¹. Хотя в этой реплике подразумевается житие святителя, в контексте дискуссии о сказке, осторожного отношения к ней высказывание приобретает особый оттенок. Для отражения характера Платонов показывает, как пламенного Копенкина формировали религиозные чувства. Однако писатель воссоздает в своем романе начало той эпохи, когда крещеные люди становились против своей веры. В одном из моментов романа Копенкин в то же время входит в церковь на коне и просит убрать знамя с цитатой из Еван-

гелия. Близость таких понятий, как «сказка» и «вера», не случайна у Платонова – похожая связь наблюдалась и у самих полемистов, видящих в сказке угрозу религиозного плана. Например, в газете «Читатель и писатель» была опубликована статья-ответ членов ГУСа писателю М. Андрееву: «...сказка не должна быть реализмом... Это вредно. Это вспахивает почву для религиозного мышления»²². Сам Платонов в этом романном месте мог иронизировать над логикой педагогической мысли по вопросу сказки, над логикой антирелигиозной пропаганды, а кроме того, установкой на то, чтобы растить «реалиста».

Пути разрыва со старым укладом, выраженные, в частности, в борьбе со сказкой, не могли не привлечь внимание широкой общественности. Дискуссия имела место на страницах газеты «Читатель и писатель» за 1928 г. Началась она с заметки Н.Н. Ляшко, автора, входившего в группу «Кузница». Ляшко в октябре 1922 г. читал свой рассказ на вечере «Кузницы» и Платонов лично познакомился с этим автором.

Ляшко сокрушенно отмечал, что сказку забыли, она ушла из поля зрения современных прозаиков²³. Он, зная основные положения дискуссии о сказке, выступал с ее защитой. В заметке Ляшко говорил о своем опыте в создании сказок и обещал вернуться к этому жанру.

В газете «Читатель и писатель» дискуссия отличалась большим диалогизмом и разнообразием мнений, в отличие от журнала «На путях к новой школе», в котором едва ли не каждый автор сходил в том, что сказка отрицательно влияет на ребенка. В «Читателе и писателе» полемика в большей степени приобрела форму *pro et contra* и была более широкой: обсуждалась не только сказка в детском чтении, но и сказка как жанр, ее место в современной литературе, значение сказки для читателей-крестьян, рабочих.

Сказка, как народная, так и авторская, подвергнутая нападкам, нашла многих защитников на страницах газеты. Против доводов о том, что она оказывает вредное влияние на ребенка фантастическим элементом, говорилось, что дитя способно критически относиться к вымыслу, в том числе и сказочному²⁴.

Известный ученый-фольклорист Ю.М. Соколов, опубликовавший в газете статью «Жизнь или смерть сказке?»²⁵, назвал поход на нее недоразумением. Он считал, что сказка перспективна как жанр и неверно думать, что она выполнила свою историческую миссию – некоторые из противников ее писали, что на определенном социальном этапе развития сказка нужна, но сейчас ей не может быть места. Соколов подчеркивал, что сказка понятна и близка массам, причем противоречие он усматривал в том, что в рабоче-крестьянском государстве роль сказки заметно и намеренно умалется.

Художники слова и читатели искренне переживали за будущее сказки, как народной, так и литературной. Многие подчеркивали ее огромное воспитательное значение как жанра. Парадоксально, но именно в постановлении «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г. говорилось: «Партия... должна всячески бороться против легкомысленного... отношения к старому культурному наследству».

Сказка была одним из тех наследий, которая воссоединяла человека с его прошлым, детством. Люди не могли представить, что в новой действительности она может не существовать для ребенка. Вероятно, такое мнение разделял и Платонов.

Н.В. Корниенко отмечает, что русская сказка представляет собой константный элемент художественного мира «Чевенгура» [Корниенко 2003а: 965–966]. Символическую, духовную связь сказочного жанра с детством можно увидеть в эпизоде из романа «Чевенгур», когда Александр Дванов в доме Захара Павловича вспоминает сказку о Пузыре, Соломинке и Лапте:

«Ночь шумела потоками... дождя; одно его (Александра. – А. К.) утешало в этой... сырости погоды – воспоминания о сказке про пузырь, соломинку и лапоть, которые... втроем благополучно одолели такую же... непроходимую природу.

– Он ведь пузырь, она... соломинка, и товарищ их – брошенный лапоть, а они дружно прошли по пашням и лужам, со счастьем детства, с чувством личного подвоя безвестному лаптю... У меня тоже есть товарищи – пузыри и соломинки, только я их зачем-то бросил, я хуже лаптя...»²⁶

Сказка о Пузыре, Соломинке и Лапте – одна из самых известных сказок русского народа. Воспоминания о ней в романе отсылают ко времени детства героя. Сюжет о ранних годах Александра Дванова имеет большое значение для произведения: герой на протяжении всего повествования тоскует по своему умершему отцу и желает вернуться к нему.

В этом эпизоде Дванов думает о сказке перед сном, когда обычно их рассказывают детям: момент одновременно отсылает к традиционному обычаю укладывания ребенка. Интересны и мысли Дванова о героях сказки. Сказано, что они преодолевают природу, хотя по известному сюжету все погибает – пузырь лопается, соломинка ломается под тяжестью лаптя, а сам лапоть падает в воду. Можно дать несколько трактовок этому эпизоду. Так, сказка могла быть известна Саше в другом варианте, причем на деле его может не существовать, – более счастливым, чем общеизвестный сюжет: возможно, Платонов стремился подчеркнуть свойство фольклорных текстов жить разными жизнями. Объяснить эпизод можно и тем, что Дванов видит в сказочной компании их деятель-

ную сторону души, их коллективность, и ему это важнее, чем финал сюжета. В зачине сказки говорится: «Жили-были пузырь, соломина и лапоть; *пошли они в лес дрова рубить*» (курсив наш. – А. К.). То, что герои отправились вместе в путь, подобно Дванову и его товарищам – Копенкину, Соне Мандровой – подчеркивает их активный характер. Не случайно роман имеет подзаголовок «Путешествие с открытым сердцем».

Эпизод имеет большой смысл, потому что отчасти излагает судьбу персонажей. Александр считает себя «хуже лаптя». Как известно, отец Дванова утопился в озере Мутево, чтобы узнать тайну смерти. В финале романа Дванов уходит вслед за отцом – и топится в водах Мутева; Лапоть из сказки падает в воду и своеобразным образом погибает.

Сказка становится не только сжатой формулой пути Дванова. Герой рассматривает ее как символ народной мудрости – не случайно он сравнивает себя с ее героями, перенося ее сюжет на свою жизнь. Не случайно и упоминание о «счастье детства» – том счастье быть рядом с отцом, которое преследует Дванова на протяжении всего романа. Кроме того, сказка близка для героя – сына рыбака, человека, вышедшего из крестьянской среды. Эпизод явно говорит о герое больше, чем высказано в тексте: воспоминания о детстве – источник духовных сил, и детство характеризуется как время, в которое герои узнавали сокровенное. Сама сказка становится дополнением к образу героя, говорит о той культуре, которую он наследовал.

В заключение можно сделать следующие выводы. Платонов активно интересовался процессами, происходящими в литературе 1920-х гг., не обходил он вниманием и литературу для детей. Писатель знал о дискуссии о сказке в детском чтении, что подтверждают факты биографии и главное – художественные произведения, в частности стихотворение «Про электричество» и отрывок из «Эфирного тракта», играющий большую роль в контексте целого произведения, показывая пути воспитания нового человека – ребенка, будущего строителя коммунизма. Позиция Платонова по дискуссии о сказке может быть определена через его творчество. По всей вероятности, писатель тяжело переживал разрыв со старой культурой, с ее основами и не мог принять этих перемен. Для писателя сказка оставалась одним из необходимых компонентов детства, одним из его символов.

Примечания

¹ Архив А.П. Платонова: науч. издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 13.

² Платонов А. П. Сочинения. Рассказы и стихотворения 1918–1927 гг. / А.П. Платонов; глав. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1. С. 159.

³ Платонов А. П. Сочинения. Статьи 1918–1927 / гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 2. С. 47–50, 124–128.

⁴ Платонов А.П. Сочинения. Т. 1, кн. 1. С. 578.

⁵ Крупская Н. Советская школа: К I всесоюзному учительскому съезду // На путях к новой школе. 1925. № 1. С. 9–13.

⁶ Платонов А. П. «...Я прожил жизнь»: Письма 1920–1950-х гг. / под общ. ред. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М.: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 173.

⁷ Каманин Ф. Литературные встречи // Новый мир. 1981. № 6. С. 108–115.

⁸ Каманин Ф. Писаки // Дружные ребята. 1927. № 1. С. 4–15.

⁹ Крупская Н. Задачи антирелигиозной пропаганды // Коммунистическое просвещение. 1922. № 2. С. 28–30.

¹⁰ Крупская Н. Об учебнике и детской книге для I ступени // На путях к новой школе. 1926. № 7–8. С. 3–13.

¹¹ Яновская Э. Сказка как фактор классового воспитания. Харьков, 1923. С. 19–23.

¹² Станчинская Э. Яновская. Сказка, как фактор классового воспитания // На путях к новой школе. 1924. № 1. С. 151–153.

¹³ Григорьева. Литературные вкусы беспризорных // На путях к новой школе. 1924. № 4–5. С. 150–158.

¹⁴ Кравченко А. Наши дети и книги для них // На путях к новой школе. 1924. № 7–8. С. 95–101.

¹⁵ Киреенко А. Опыт обзора детской производственной литературы за 1924/1925 гг. // На путях к новой школе. 1925. № 5–6. С. 125–139.

¹⁶ Платонов А.П. Сочинения. Повести, рассказы, сценарии, статьи 1926–1927 гг. / глав. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2. С. 61.

¹⁷ Платонов А.П. Сочинения. Т. 1, кн. 1. С. 430–436.

¹⁸ Руднева Е. Художественное слово в школе I ступени // На путях к новой школе. 1925. № 3. С. 115–132.

¹⁹ Об оценке детской книжки // На путях к новой школе. 1927. № 1. С. 30–33.

²⁰ Ушинский К.Д. О «Детском мире» // К.Д. Ушинский. Собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии пед. наук, 1949. Т. 5. С. 415.

²¹ Архив А.П. Платонова: науч. издание. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. С. 247.

²² Читатель и писатель 1928 – ГУС и обиженный писатель. Вместо ответа М. Андрееву // Читатель и писатель. 1928. № 36. С. 3.

²³ Ляшко Н. О сказках // Читатель и писатель. 1928. № 6. С. 4.

²⁴ Опанасенко П. За обсуждение вопроса // Читатель и писатель. 1928. № 18. С. 3.

²⁵ Соколов Ю.М. Жизнь или смерть сказке? // Читатель и писатель. 1928. № 18. С. 3–4.

²⁶ Архив А.П. Платонова. Кн. 2. С. 347.

Список литературы

Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.

Арзамасцева И.Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М.: Прометей, 2003. 404 с.

Корниенко Н.В. Письмо А. Платонова М. Шолохову и некоторые контексты работы писателя над книгой сказок «Волшебное кольцо» // Страна философов А. Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003а. 984 с.

Корниенко Н.В. «Путь в Чевенгур»: от истории текста – к творческой истории романа // Архив А.П. Платонова: научное издание. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 672 с.

Корниенко Н.В. Сказано русским языком... Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003б. 533 с.

Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 32–36.

References

Antonova E.V. *Voronezhskiiu period zhizni i tvorchestva A.P. Platonova: biografiya, tekstologiya, poetika* [Voronezh period of the life and work of A.P. Platonov: biography, textual criticism, poetics]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature, 2016, 784 p. (In Russ.)

Arzamasceva I.N. *“Vek rebenka” v russkoj literature 1900–1930 godov* [Arzamastseva I.N. “The Age of

the Child” in Russian Literature 1900-1930]. Moscow, Prometej Publ., 2003, 404 p. (In Russ.)

Kornienko N.V. *Pis'mo A. Platonova M. Sholohovu i nekotorye konteksty raboty pisatelya nad knigoi skazok “Volshebnoe kol'co”* [Letter from A. Platonov to M. Sholokhov and some contexts of the writer's work on the book of fairy tales «The Magic Ring»]. *Strana filosofov A. Platonova: problemy tvorchestva* [Country of A. Platonov's philosophers: problems of creativity]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature, 2003a, 984 p.

Kornienko N.V. *«Put' v Chevengur»: ot istorii teksta – k tvorcheskoi istorii romana* [«The Way to Chevengur»: from the history of the text to the creative history of the novel]. *Arhiv A.P. Platonova: nauchnoe izdanie. Kn. 2. Opisaniye rukopisi romana «Chevengur». Dinamicheskaya transkripciya* [Archive of A.P. Platonov. Vol. 2. Description of the manuscript of the novel “Chevengur”. Dynamic transcription. Scientific publication]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature, 2019, 672 p. (In Russ.)

Kornienko N.V. *Skazano russkim yazykom... Andrey Platonov i Mihail Sholohov: vstrechi v russkoj literature* [It is said in Russian ... Andrey Platonov and Mikhail Sholokhov: meetings in Russian literature]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature, 2003b, 533 p. (In Russ.)

Propp V.Y. *Russkaya skazka* [Russian fairy tale]. Leningrad, LSU Publ. House, 1984, 335 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.03.2021; одобрена после рецензирования 15.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 06.03.2021; approved after reviewing 15.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

К ИСТОЧНИКАМ МАССОВЫХ СЦЕН В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, vla-kolchanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Аннотация. В работе анализируются источники массовых сцен в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»; выделяются мотив «мертвой головы» и театральные мотивы, вокруг которых концентрируются эти источники. К исследованию привлекаются литературные и историко-культурные материалы, ускользнувшие от внимания исследователей. Во-первых, оккультные творения писателей Серебряного века – романы «Тайна угрюмого дома» и «Новая сила» мастера «уголовного романа» А.Н. Цехановича (1862–1896), пьеса «Светлый Бог» «еврейского Чехова» Д.Я. Айзмана (1860–1922); во-вторых, произведения зарубежных прозаиков: рассказ «Суккуб» бельгийского писателя К. Лемонье, роман «Дом в бреду» немецкого прозаика В. Голлендера, роман «Чары музыки» французской писательницы Э. Райс; в-третьих, произведение советского писателя – рассказ «Смертники» М.Э. Козакова; в-четвертых, очерки из журнала «Красная Панорама» – «По следам Сына Запада» Я. Ларри и «По курортам: Ялта» Д. Городинского. Сюжет и многие художественные детали этих произведений оказали серьезное влияние на написание глав романа («Никогда не разговаривайте с неизвестными», «Седьмое доказательство», «Погоня», «Вести из Ялты», «Черная магия и ее разоблачение», «Слава петуху!», «Сон Никанора Ивановича», «Великий бал у сатаны») и некоторых фрагментов дочернего сюжета о Понтии Пилате.

Ключевые слова: массовые сцены, источник, мотив, сюжет, фарс, аллюзия, реминисценция

Для цитирования: Колчанов В.В. К источникам массовых сцен в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 137–142. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-137-142>

Research Article

ON THE ORIGINS OF THE CROWD SCENES IN THE NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA” BY MIKHAIL BULGAKOV

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, vla-kolchanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Abstract. The article deals with the roots of the crowd scenes in “The Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov, focusing on such motifs of the novel as death’s head hawkmoth and theatrical motifs. The origins of the crowd scenes in Mikhail Bulgakov’s literary work are all connected with the mentioned three motifs. The researcher uses information from the little-known literary, historical, and cultural sources. These include, firstly, the occult works of the Fin de siècle writers, such as novels “The Gloomy House Mystery” and “The New Power” written by the “Criminal Novel Master” Aleksandr Tsehanovich (1862–1896); the play “The Fair God” by David Aizman (who has been justly called “Chekhov of the Jews”) (1860–1922); the story “The Succubus” written by the Belgian writer Antoine Louis Camille Lemonnier. “A House in a Delirium” by a German prose writer W.Hollander. Second, these include literary work by a Soviet writer: story “The Condemned” by Mikhail Kozakov. Third, an important role belongs to sketches from the “The Red Panorama” journal: “The Footsteps Leading Westward” by Jānis Larri, “Travelling from Resort to Resort: Yalta” by D. Gorodinskiy. The plots and details of the named works had a great influence on Mikhail Bulgakov and inspired him while writing such chapters of the novel as “Never Talk with Strangers”, “The Seventh Proof”, “The Chase”, “Praise Be to the Rooster”, “News from Yalta”, “Black Magic and Its Exposure”, “Nikanor Ivanovich’s Dream”, “The Great Ball at Satan’s” and some fragments of the auxiliary plot connected with the figure of Pontius Pilate.

Keywords: crowd scenes, source, motif, plot, farce, allusion, reminiscence.

For citation: Kolchanov V.V. On the origins of the crowd scenes in the novel “The Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 137–142 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-137-142>

Тема, заявленная в названии статьи, – большая и непреодолимая с точки зрения ее раскрытия. Практически никто из исследователей не осветил ее полностью, так как она претендует на энциклопедический формат, постоянно перерабатываемый и дополняемый. Текст «Мастера и Маргариты» впитал много аллюзий и реминисценций, насыщен сценами, заимствованными из жизненного и литературного опыта писателя. Поэтому произведения, которые мы предлагаем в качестве дополнительных источников, лишь помогают осознать тот титанический труд, который проделал художник за более чем десятилетний период создания романа.

Один из таких источников массовых сцен связан со «светом мертвой головы» (так назвал один из мотивов творчества М.А. Булгакова Е.А. Яблоков [Яблоков]). Образ отрезанной или оторванной головы постоянно присутствует на страницах романа. Это не только отрезанная и пропавшая голова Берлиоза, призрак которой блуждает по страницам произведения, но и голова конференсье Жоржа Бенгальского, оторванная и «нахлобученная на шею»; это потерявший голову граф Роберт, «любовник королевы, отравивший свою жену», – «безголовый с оторванною рукою скелет» (глава «Великий бал у сатаны»).

Мы не будем касаться всех значений мотива декапитации, поскольку этот ракурс выходит далеко за рамки нашего исследования. Но на одно из значений обратим внимание сразу. Оно связано с деятельностью сысского отдела полиции – уголовного отдела, чье название этимологически восходит к самой важной части человеческого тела – голове. В русской дореволюционной литературе сложился целый бульварный жанр «уголовного романа», с течением времени изменивший название на «детективный роман». Русская публика очень любила «уголовный роман», и Булгаков, как в свое время Ф.М. Достоевский, не преминул воспользоваться уголовной фабулой, приносившей произведениям неизменный успех.

Одним из мастеров уголовного романа в дореволюционной России считался забытый сегодняшним читателем детективов прозаик А.Н. Цеханович (1862–1896), умерший довольно рано, но и после смерти некоторое время пользовавшийся интересом у массового читателя. Картины жестоких убийств, моргов, психиатрических клиник в романах Цехановича, одни названия которых заставляли читателя содрогнуться («Выходец из могиль», «Темный Петербург», «Невеста-вакханка (Кровавый туз)», «Страшное дело» и другие), – все это не могло не привлечь Булгакова, по профессии врача, связанного с криминальной медициной. Среди романов, написанных Цехановичем, обращает на себя внимание один – «Тайна угрюмого дома». Он особым образом связан с мотивом «мертвой головы» в романе «Мастер и Маргарита».

В романе Цехановича «Тайна угрюмого дома» Булгаков вполне мог привлечь образ исчезнувшей головы жертвы.

Коротко о фабуле романа. Шайка уголовников решает поживиться богатствами крупного петербургского ростовщика. Ночью злоумышленники проникают в дом, убивают хозяина и, не найдя его дочь, убивают дочь одного из соучастников преступления и уносят при этом ее голову. Обманутый поделниками грабитель – отец девушки – сходит с ума и в состоянии помешательства попадает в больницу. Там от него, как от ненужного свидетеля, избавляются, подсыпав яд в пищу. Следователю и влюбленному в дочь ростовщика молодому графу требуется много терпения, чтобы разоблачить преступников. Их судьба оказывается весьма плачевной: они запираются в набитой золотом каменной потайной комнате, где раньше пряталась дочь ростовщика. Комната оказывается ловушкой, и они умирают мучительной смертью [Цеханович 1995].

Вторым произведением, повлиявшим не только на мотив «мертвой головы» в романе, но и на дочерний сюжет «Мастера и «Маргариты» – историю о Понтии Пилате – могла стать пьеса-сказка «Светлый бог» (Италия, 1908) российского прозаика и драматурга, «еврейского Чехова», как называли его современники, – Д.Я. Айзмана. Сюжет драмы касался испанской истории и воспроизводил провинцию Гренаду XIV века – времен оккупации ее маврами.

Напомним сюжет пьесы-сказки.

В семье простого еврейского виноградаря Осия рождается пророк Альгамар. Он смущает народ и зовет переселиться на гору Синай, где когда-то, согласно тексту Библии, Моисею явился Господь и передал Скрижали с Десятью заповедями. Религиозное движение принимает массовый характер: люди облачаются в голубые одежды, слушают восторженные речи пророка и собираются лететь к горе. Визирь, понимая, что новое движение может погубить государство, неоднократно просит халифа схватить предводителя и казнить. Но благородный халиф непреклонен – он не хочет казни, даже когда к нему является Осий и просит заточить сына в тюрьму.

Полет к горе Синай не состоялся, но, несмотря на неудачу, все больше людей вливается в ряды движения. Альгамар решает сам явиться в сады халифа и просит его о странной услуге. Приведем два отрывка из произведения:

Х а л и ф. Чего тебе нужно?

А л ь г а м а р. Дана мне власть силою небесною.

Х а л и ф. Но полет твой не удался.

А л ь г а м а р (*тоном, каким говорила эти слова Зораида*). Через неудачу к победе. Через поражение – к торжеству, через падение – к вершине.

Х а л и ф. Ты будешь на вершине?

А л ь г а м а р. Голос небесный возвестил мне это.

Халиф. Так ты предпримешь новый полет?

Альгамар. Божественным и неслышанным чудом сокрушу я Врага. – Требую! Завтра на рассвете ты отрубил мне голову.

Халиф. Голову?.. Отрубить тебе голову?!

Альгамар. Пошли глашатаев по Гренаде. Пеших и конных... С трубными звуками, с барабанным боем, громогласно пусть возвестят они людям, пусть скажут, что дни великих чудес наступили.

Визирь. Государь, да что же это?

Халиф. Молчи. Послушаем.

Альгамар. День поражения Врага человеческого пришел. Пусть сойдутся люди, пусть стекутся народы, пусть увидит мир, как на высоком помосте отрублена будет голова Альгамара.

Визирь. Тут чуда нет. Чудо, что тебе ее давно не отрубили.

Альгамар. И увидят народы, народы и племена увидят, что чудо великое свершится. Моя голова упадет, но тотчас поднимется вверх и прирастет к телу. Говорю вам – оживет Альгамар. <...>

Халиф. А если я не соглашусь?

Альгамар. Ты не властен не согласиться. Высшие силы ведут нас. Завтра на рассвете... *(Медленно повернувшись, идет к дверям. Халиф и визирь стоят в безмолвии.)*

Халиф. Что сделать с ним? Как поступить?..

Визирь. Государь, прежде всего надо схватить Альгамара и заключить его в темницу, – как просил его отец.

Халиф. Перед Альгамаром упадут все запоры, как сказала его мать... Возбужденный народ разнесет стены тюрьмы.

Визирь. Тогда сделаем, как требует он сам, отрубим ему голову.

Халиф. Эту голову... Эту голову я благословил...

Халиф. Он сам даст нам наилучший способ избавиться от него... Когда голова будет отрублена и народ увидит, что Альгамар не ожил, все убедятся, что он простой обманщик, безумец, и страна успокоится.

Халиф. Ты думаешь?

Визирь. А как же иначе?

Халиф. А если народ увидит, что Альгамар ожил.

Визирь *(не поняв халифа, протодушно)*. Разреши, Государь, скажи свою волю.

Халиф. Неужели в самом деле придется исполнить это безумное требование... рубить безумцу голову... *(Задумался, поникнув.)* Я эту голову благословил... Я эту голову отрублю... Я этой голове дам бессмертие [Айзман: 46–48]. <...>

Зораида *(страстно кричит. Вся она пламень)*. Голова приросла вновь!.. Вы видели? Тело, которое там – не его тело! Голова, которая на шесте – не его голова! Голова Альгамара приросла вновь... Он улетел в небо... Он ожил! *(Входит Осий.)*

Осий *(полон сияющего величия, а может быть – безумия. За эту ночь он весь побелел, волосы и борода точно снег)*. Есть правда на земле! Есть в жизни Светлый Бог.

Зораида *(бежит с криком)*. Голова приросла! Вы видели! Приросла!..

Рабочие *(и другие люди бегут с холма. Все в экстазе)*. Да, да, да... Мы видели... да... да... Мы видели... Голова Альгамара приросла... Тело подменили... Он ожил... Он святой... Он улетел в небо... Он ожил!.. [Айзман: 64]

Как мы смогли убедиться, сцена оторванной и «надетой» на шею головы конференсье Жоржа Бенгальского в театре варьете имеет немало общего с финалом пьесы Айзмана, а ситуация, в которую попадает

Понтий Пилат в разговорах с Иешуа¹ и Каифой, напрямую связана с первым фрагментом. Кроме того, в первом фрагменте видим, что, как и Понтий Пилат к Иешуа, халиф испытывает чувство симпатии к Альгамару и так же, как и Пилат, «не властен не согласиться» с казнью.

Другие источники массовых сцен в романе связаны с театральным мотивом. Булгаков был человек артистический, играющий и без театра, без рампы жизнь себе не представлял. Недаром одной из самых крупных, запоминающихся глав в романе стала глава 12-я – «Черная магия и ее разоблачение», действие в которой происходит в театре варьете. Некоторые ее истоки можно найти в номерах ленинградского журнала «Красная Панорама», в котором была впервые опубликована повесть Булгакова «Роковые яйца», и творчестве того же Цехановича.

В № 25 за 1929 г. журнала «Красная Панорама» был напечатан очерк «По следам Сына Запада» репортера Я. Ларри, аккредитованного изданием для поездки по областям с деревенским Госагиттеатром. Путь агиттеатра лежал по тем же местам, где недавно гастролировала частная труппа «Свободного театра». Корреспондент вкратце описал работу последней, а также реакцию и впечатления сельских жителей о том, «что такое артисты». Вряд ли Булгаков мог не обратить внимания на этот очерк, тем более что время его публикации совпадает с началом работы над «Мастером и Маргаритой» [Соколов: 458]. Из очерка могли прийти в роман писателя идеи «гипнотической силы» заезжих гастролеров, «появление и исчезновение “из черной магии волшебством”» и «превращение людей в животных, в птиц, агностики, анельгезии и каталепсии».

Не случайным в романе «Мастер и Маргарита» является исчезновение главного администратора театра варьете – директора Степы Лиходеева, по долгу службы обязанного присутствовать на показе сеансов черной магии. Перемещение его на набережную Ялты для Булгакова имело, возможно, две причины. Первой причиной служило то, что место для пропойцы и гулены Лиходеева выбиралось прямо идеальное. Журнал «Красная Панорама» описывал Ялту как «самый популярный курорт», на котором «скапливается много больных, отдыхающих, экскурсантов...», где «вся жизнь протекает на набережной. Здесь лучшие магазины, гостиницы, рестораны, кафе» и где «летом весь берег моря усеян голыми телами. Против центральной части города лечебный пляж» [Городинский]. А вот второй причиной стало то, что в Ялте находилась «первая отечественная фабрика грез» – знаменитая ялтинская киностудия, место, таким образом, кинотеатральное. Стоит отметить, что первоначально, с 1904 года, «синематограф был передвижным и имел таинственное название «Чары», затем он превратил-

ся в «первый стационарный синематограф «Иллюзион», где «демонстрировались заграничные светские и бытовые драмы и фарсы в сопровождении пианино», и, что самое любопытное, «перед началом картины в зрительном зале для развлечения и завлечения выступали певцы и артисты, уважаемые публикой, фокусники и хироманты» [Ялтинская киностудия]. Лиходеев, таким образом, попадал не только в старую родную атмосферу варьете, но и в виртуальную советскую реальность, и это напрямую оказывалось связанным с мистикой.

С гипнозом и фокусами в театре мы встречаемся и в романе Цехановича «Новая сила». Главным героем произведения являлся, как гласил зазывала театра-«балаганчика», «гипнотизатор» и «профессыр волшебных действий» Ахмертов, «показывающий» «фокусы и опыты черной и белой магии» [Цеханович 1890: 7–8]. Как и Воланд в театре варьете, одет был «профессыр» во фрак, гипнотические опыты ставил под звуки «охриплого вальса», говорил с акцентом, внешность имел схожую с воландовской, да еще и иностранную (по национальности был армянином), и впечатление производил обескураживающее: «О!.. это... худой, высокий, черный, глаза такие блестящие, страшные, глаза у-у-у! какие страшные, – и молодая девушка задрожала при одном воспоминании» [Цеханович 1890: 121], – так передавала полицейскому героиня романа Таня свой ужас, находясь в больнице после серии его сеансов. Имел Ахмертов и свою шайку, с помощью гипноза совершавшую преступления, а единственная дама в его окружении напоминала Геллу из свиты Воланда:

Он сразу понял, кто такой Ахмертов, и таинственная наука предстала перед ним во всем своем грозном величии. Но вот Таня в своем рассказе упомянула об одной женщине и только вскользь охарактеризовала ее наружность, но Норский изменился в лице и, окончательно забывшись, схватил за руку больную.

– Опишите ее подробнее, пожалуйста, подробней. Она – рыжая?..

– Да!

– Огненные волосы и огненные глаза?

– Да...

– Она скалит зубы вместо улыбки?

– Да... <...>

Она была дьявольски прекрасна. Густые огненные волосы целым каскадом покрывали ее пышные плечи. Жгучие глаза метали искры, а на губах змеилась улыбка, осклаливающая ровные, белоснежные зубы [Цеханович 1890: 122, 125].

На создание собирательного образа Геллы, появляющейся у Булгакова в театре варьете (глава 14 «Слава петуху!»), мог повлиять и рассказ Камиля Лемонье «Суккуб», опубликованный в России в 1909 году. Вот как описывал бельгийский писатель состояние своего героя в театре, который посетило странное видение:

Бесконечная тишина дрожащей листвы нарушилась на сцене вооруженным столкновением; обнажились шпа-

ги; душу Тристана охватила агония, и я сам был увлечен этим бурным вихрем. Когда я снова взглянул на Даму после этой перипетии, – я увидел, что ее глаза, обращенные ко мне, выражали страдание, одинаковое с тем, которое плакала в инструментах и голосах этой скорбной симфонии. <...> Ее еще усилившаяся бледность и потухшие зрачки, невыразимая мука, исказившая ее лицо, все это заставило меня бояться, что она близка к смерти, которая уже осенила Изольду. Чувствуя, что я заставляю ее страдать, я отвернулся, но мои глаза сейчас же снова упали на нее, под властью околдовавшей меня галлюцинации. – И вдруг, тонкая завеса, разделявшая наши души, снова стала прозрачной, точно мы вот-вот узнаем сейчас друг друга при ясном свете воспоминания. Но загремел оркестр, наивные, рыдающие звуки свирели послышались с морского берега, и Тристан, на одре скорби, звал ту, которая немедленно явилась и была для него любовью и смертью. Магический ток соединил в эту минуту наши взгляды. Трудно описать выражение жестокой иронии, которое я прочел в ее глазах: в них было чувство освобождения и торжества. «О, если бы они, – думал я, – не смеялись только над бедным мечтателем, загипнотизированным их чарами. И, однако, это именно те самые мрачные фосфорические глаза, которые, впервые, остановились на мне там и насквозь прожгли меня». Как только меня осенила эта мысль, все случайные подробности исчезли, и событие предстало предо мною во всей своей осязаемой непосредственности.

Я только что пережил опасную болезнь. По ночам меня посещало загадочное существо из плоти и крови с бледным лицом, на котором разложение уже оставило легкие следы. Это рыжеволосое и наглое существо носило вокруг шеи черный атласный бант. Оно было – женщина-вампир. И она легла ко мне и укусила мои губы таким ужасным поцелуем, что кровь брызнула широкою струей. И мы слились в судорогах страсти (выделено мною. – В. К.) [Лемонье: 112–124].

Хотим заметить, что страшный и одновременно по-декадентски притягательный образ булгаковской вампирессы Геллы мог прийти в роман писателя еще из одного произведения – романа немецкого писателя Вальтера Голлендера «Дом в бреду» (1928), совпавшего по времени публикации в России со временем замысла «Мастера и Маргариты» [Соколов: 458]. Приведем описание внешности Геллы, на руку которой – даже умирающей – претендуют сразу трое мужчин:

– Подойдите сюда, – простонала Гелла. – Посмотрите на это тело.

Действительно, тело ее было жалким до ужаса. Кожа не могла сократиться в той же степени, в какой похудело тело. Она висела вялыми складками и не могла скрыть скелета, который всюду выпирал острыми углами. Плечи были наклонены вперед. Ключицы выпирали. Позвоночник был изогнут и острыми маленькими бугорками торчал из-под кожи. Но самое жалкое впечатление производили груди, маленькие, вялые и блеклые, как бутоны роз, в дождливое лето увядшие задолго до полного цветения.

– Посмотрите, – лепетала Гелла. – Только теперь, когда вы на меня посмотрели, я поняла, как плохо обстоят мои дела...

Она порывисто потянулась за бельем, но Урк успел ее предупредить, и, несмотря на ее непрерывное сопротивление, ему в несколько минут удалось ее одеть [Голлендер: 160–161].

Еще один источник театрального мотива «Мастера и Маргариты» касается главы 15-й – «Сон Никанора Ивановича».

В № 2 за 1925 г. в «Красном журнале для всех» впервые был опубликован рассказ советского писателя М.Э. Козакова «Смертники». В нем повествовалось о судьбе бандитов Степана Базулина и его подручного Иоськи, пойманных за ограбление купца и приведенных на суд революционного трибунала. Процесс проходил в театре, при большом скоплении народа и аплодисментах выступающих. Но самое главное – размещение булгаковского героя Босого среди зрителей выглядит так, как будто он оказался среди грабителей «Смертников». Для сравнения приведем короткие фрагменты из рассказа «Смертники» и главы 15-й «Мастера и Маргариты».

«Смертники»:

Настоящее имя было – Степан Базулин, а прозывали в тюрьме все – «отец». **Прозывать так стали из-за бороды: была она густая, теплая – рослым отрезом медвежьей шкуры.** <...>

Степан Базулин про суд воентриба говорил потом коротко всем:

– Попали мы с Иоськой в народное происшествие!..

Привели Иоську и «отца» из тюрьмы в зал здешнего, смирихинского, театра, посадили возле перегородки «оркестра», приставили двух конвоиров. <...>

И – судили по-особенному, по невиданному доселе в театральном смирихинском зале за разбойный налет Иоську-«Глисту» и Степана Базулина.

На сцене два небрунанных деревца театральной декорации, а между ними – за столом пятеро военных людей.

Встал один из них, объявил, по какой причине Базулин и Иоська бандитами перед судом значатся, что решать их дело будет трибунал дивизии, а с трибуналом вместе – весь народ в зале: каждый гражданин может по поводу бандитов высказаться... [Козаков: 76]

«Мастер и Маргарита»:

Затем он почему-то очутился в театральном зале, где под золоченым потолком сияли хрустальные люстры, а на стенах кенкеты. Все было как следует, как в небольшом по размерам, но очень богатом театре. Имелась сцена, задернутая бархатным занавесом, по темно-вишневому фону усеянным, как звездочками, изображениями золотых увеличенных десятков, суфлерская будка и даже публика. <...>

Конфузаясь в новом и большом обществе, Никанор Иванович, помявшись некоторое время, последовал общему примеру и уселся на паркете по-турецки, **примостившись между каким-то рыжим здоровяком-бородачом и другим, бледным и сильно заросшим гражданином** [Булгаков 5: 157–158].

Наконец, еще один литературный источник прослеживается сразу в двух самых запоминающихся массовых театральных сценах романа: в главах «Черная магия и ее разоблачение» и «Великий бал у сатаны». Это – роман французской писательницы Элисы Райс «Чары музыки», выпущенный ленинградским издательством «Мысль» в 1928 году. Произведение затерялось в массе бульварной литературы того времени и представляет собой малохудожественное яв-

ление, но имеет одну неоспоримую особенность: его картины связаны с эротическим приемом французского театра «ню», применяемым в авангардистском театре В.Э. Мейерхольда [Колчанов], и предопределяют в качестве заимствований обнажение женщин после сеанса в театре Варьете и на балу у Воланда. Приведу фрагмент из романа Райс, на который Булгаков не мог не обратить внимания, – тем более и волшебные червонцы, фигурирующие в Варьете, явно перекочевали из «Чар музыки»:

Я развернул свою лютню и около часу играл в полном одиночестве, чувствуя, как волосы становятся у меня дыбом от страха. Ровно в полночь я заиграл ночной гимн, и тотчас же услышал шаги босых ног и звон браслетов. Я старался не смотреть в ту сторону, откуда доносился шум, потому что сразу понял, что идут женщины. Действительно, это была вереница женщин и совершенно голых. Они шли одна за другой и рассаживались по диванам вдоль стен. Я ни на минуту не прекращал пения, несмотря на то, что не только мой голос, но и ноги дрожали от страха. Между тем то одна, то другая женщина вставала с места, приближалась ко мне, до крови шипала меня и бросала мне в голову шелуху от граната. Потом она снова исчезала в полумраке. Когда рассвело, в комнате никого не оказалось. Моей первой мыслью было убраться подобру-поздорову. «Забирай выручку», – послышался откуда-то голос. «Выручку? Шелуху от гранат?!» – пробормотал я в недоумении. Но тотчас же сообразил, что нахожусь в нечистом месте, где спорить не приходится и откуда надо выбираться как можно скорее. Чуть живой добрался я до дому и, дрожа, как в лихорадке, повалился на кровать. Первое, что мне бросилось в глаза по пробуждении, был платок, в котором я принес мою шелуху. Но вместо шелухи из него посыпались червонцы, и я разбогател на всю жизнь [Райс: 37–38].

Возможно, и идея с больным коленом у Маргариты на балу у сатаны пришла к Булгакову из романа Райс. Губернаторша в «Чарах музыки», отдыхающая в самом прекрасном лесном отеле Алжира, среди «англичанок, итальянок, испанок», «распространяющих вокруг себя запах духов», среди «мужчин, которых уже ждут с халатами в руках обнаженные до пояса атлетически сложенные массажисты-негры», среди водных источников и ванн замечает: «Я нахожу, что здешние источники очень действительны <...>. У меня гораздо меньше болит колено» [Райс: 54].

Таким образом, массовые сцены романа «Мастер и Маргарита» открывают перед нами много новых литературных и историко-культурных источников. В течение работы над произведением сюжет постоянно дополнялся новыми художественными деталями, почерпнутыми писателем из усвоенного им жизненного материала. Эти источники объединяются вокруг мотива «мертвой головы» и театрального мотива. Развертывается колоссальный контекст – огромное околороманное пространство, в котором богатая фантазия писателя купается, как купался в ней герой его первой сатирической повести «Дьяволиада» Варфоломеем Коротков.

Примечания

¹ Так как история о Иешуа Га-Ноцри, описанная в романе Мастера, рассказана самим Дьяволом, то и имя Иешуа должно было иметь в романе соответствующее значение: «По летописи Дионисия из Тель-Маре, – писал А.Н. Веселовский, – основателем Эдессы был сын змея, Иешуа. В христианском освещении змей являлся символом демонической силы, язычества, сраженного христовой верой» [Веселовский: 383]. Следовательно, уже само имя свидетельствует о том, что нельзя ставить знака равенства между Иешуа и Христом, как это делают многие исследователи.

Список литературы

Айзман Д. Светлый Бог. Сказка в четырех действиях. Пб.: Госиздат, 1920. 64 с.

Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1990.

Веселовский А.Н. Мерлин и Соломон: избр. работы. М.: ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. 864 с.

Голлендер Вальтер. Дом в бреде / пер. с нем. М.Б. Венус, Л.М. Варковицкой. Л.: Мысль, 1928. 256 с.

Городинский Д. По курортам: Ялта // Красная Панорама. 1926. № 25. С. 6.

Козаков М. Смертники // Красный журнал для всех. 1925. № 2. С. 76–86.

Колчанов В.В. М.А. Булгаков и В.Э. Мейерхольд: к поэтике авангардистской формы «театр дымом» и эротическому приему французского театра «ню» // Неофилология. 2019. Т. 5. № 17. С. 84–89.

Ларри Я. По следам Сына Запада. С деревенским Госагиттеатром по области: очерк // Красная Панорама. 1929. № 25. С. 9–10.

Лемонье Камиль. Собрание сочинений: рассказы / предисл. В.М. Фриче. М.: Магнит, 1909. Т. 1. 156 с.

Райс Элиса. Чары музыки / пер. с франц. Т.Н. Нечаевой. Л.: Мысль, 1928. 192 с.

Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо; Алгоритм; Око, 2005. 832 с.

Цеханович А.Н. Новая сила: Роман из области гипнотических явлений. СПб.: Т.Ф. Кузин, 1890. 246 с.

Цеханович А.Н. Тайна угрюмого дома: романы. М.: Современник, 1995. 400 с.

Ялтинская киностудия не дожидая до столетнего юбилея. История ялтинского синематографа. URL: <http://www.1-yalta.com/yalta-kino.html/> (дата обращения: 6.02.2021).

Яблоков Е.А. Свет «мертвой головы» // Яблоков Е.А. Мотивы прозы М.А. Булгакова. М.: РГГУ, 1997. С. 91–121.

References

Ajzman D. *Svetlyj Bog. Skazka v chetyreh dejstviah* [The Light God. A fairy tale in four acts]. Pб., Gosizdat Publ., 1920, 64 p. (In Russ.)

Bulgakov M.A. *Sobr. soch.: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1990. (In Russ.)

Veselovskij A.N. *Merlin i Solomon: Izbrannye raboty* [Merlin and Solomon: Selected works]. Moscow, JeKSMO-Press Publ. St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2001, 864 p. (In Russ.)

Gollender Val'ter. *Dom v bredu* [Home in delirium], trans. by M.B. Venus, L.M. Varkovickoj. L., Mysl' Publ., 1928, 256 p. (In Russ.)

Gorodinskij D. *Po kurortam: Jalta* [By resorts: Yalta]. *Krasnaja Panorama* [Red panorama], 1926, № 25, pp. 6. (In Russ.)

Kozakov M. *Smertniki* [Suicide bombers]. *Krasnyj zhurnal dlja vseh* [Red magazine for everyone], 1925, № 2, pp. 76–86. (In Russ.)

Kolchanov V.V. M.A. *Bulgakov i V.E. Mejerhol'd: k poetike avangardistskoj formy «teatr dymom» i jeroticheskomu priemu francuzskogo teatra «nju»* [M.A. Bulgakov and V.E. Meyerhold: to the poetics of the avant-garde form «upside down theatre» and the erotic reception of the French theatre «nude»]. *Neofilologija* [Neophilology], 2019, vol. 5, № 17, pp. 84–89. (In Russ.)

Larri Ja. *Po sledam Syna Zapada. S derevenskim Gosagitteatrom po oblasti: ocherk* [In the footsteps of the Son of the West. With the village Gosagitheater through the region: an essay]. *Krasnaja Panorama* [Red panorama], 1929, № 25, pp. 9–10. (In Russ.)

Lemon'e Kamil'. *Sobranie sochinenij: rasskazy* [Collected Works: Stories], pref. V.M. Friche. M., Magnit Publ., 1909, vol. 1, 156 p. (In Russ.)

Rajs Jelisa. *Charj muzyki* [Charms of Music], trans. by T.N. Nechaevoj. L., Mysl' Publ., 1928, 192 p. (In Russ.)

Sokolov B.V. *Bulgakov. Jenciklopedija* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow, Jeksmo; Algoritm; Oko Publ., 2005, 832 p. (In Russ.)

Cehanovich A.N. *Novaja sila: Roman iz oblasti gipnoticheskikh javlenij* [“New force: A novel from the field of hypnotic phenomena”]. SPb., T.F. Kuzin Publ., 1890, 246 p. (In Russ.)

Cehanovich A.N. *Tajna ugrjumogo doma: romany* [The mystery of the sullen house: novels]. Moscow, Sovremennik Publ., 1995, 400 p. (In Russ.)

Jaltinskaja kinostudija ne dozhila do stoletnego jubileja. *Istorija jaltinskogo sinematografa* [Yalta film studio did not live to see its centenary. History of the yalta cinematography]. URL: <http://www.1-yalta.com/yalta-kino.html> (access date: 6.02.2021). (In Russ.)

Jablokov E.A. *Svet «mertvoj golovy»* [Light of the «dead head»]. *Jablokov E.A. Motivy prozy M.A. Bulgakova* [Yablokov E.A. “Prose motifs M.A. Bulgakov”]. Moscow, RGGU Publ., 1997, pp. 91–121. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.02.2021; одобрена после рецензирования 21.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 19.02.2021; approved after reviewing 21.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 143–149. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 143–149. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-143-149>

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПРОЗЕ БОРИСА РАХМАНИНА: ФОРМЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ, СИНТЕЗ ЖАНРОВ

Минералова Ирина Георгиевна, доктор филологических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, ig.mineralova@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0002-3836-1368>

Цуруева Петимат Шариповна, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, tsuruyeva.petimat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7388-1652>

Аннотация. В статье исследуется творческий опыт Бориса Рахманина-прозаика, развивавшего новые формы синтеза в русской прозе 1960–80-х годов. Приемы, которые он апробирует, способствовали лиризации прозы, оригинальность в авторском определении жанра указывала на особый ход мысли автора. Рахманинские приемы берут начало в экспериментах прозы рубежа XIX–XX веков (Андрея Белого, Евгения Замятина и др.) и диалоге с современниками (Э. Межелайтис, Ю. Марцинкявичус). Анализ используемого Б. Рахманиным ресурса способов синтеза в его прозе позволяет указать на их функциональность в создании образа жизни и образа мыслей современников писателя, дает представление об индивидуальном стиле писателя.

Ключевые слова: художественный синтез, стиль, метризованная проза, коллаж.

Для цитирования: Минералова И.Г., Цуруева П.Ш. Эксперимент в прозе Бориса Рахманина: формы изобразительности, синтез жанров // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 143–149. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-143-149>

Research Article

EXPERIMENT IN THE PROSE OF BORIS RAKHMANIN: FORMS OF DEPICTION, SYNTHESIS OF GENRES

Irina G. Mineralova, Doctor of Philology, Moscow Pedagogical State University, ig.mineralova@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0002-3836-1368>

Petimat Sh. Tsurueva, Moscow Pedagogical State University, tsuruyeva.petimat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7388-1652>

Abstract. The article examines the creative experience of Boris Rakhmanin as a prose writer who developed new forms of synthesis in Russian prose of the 1960s - 1980s. The distinctive techniques that he experimented with contributed to the lyricisation of prose. The originality in the author's definition of the genre indicated the author's special line of thought, Boris Rakhmanin's techniques originate in prose experiments at the turn of the 19th and 20th centuries (Andrei Bely, Evgeny Zamyatin, etc.) and dialogue with contemporaries (Eduardas Mieželaitis, Justinas Marcinkevičius). Analysis of the resource of synthesis methods used by Boris Rakhmanin in his prose allows us to point out their functionality in creating an image of the life and an image of the thought process of the writer's contemporaries. This analysis also gives an idea of the individual style of the writer.

Keywords: artistic synthesis, style, metrised prose, collage.

For citation: Mineralova I.G., Tsurueva P.Sh. Experiment in the prose of Boris Rakhmanin: forms of depiction, synthesis of genres. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 143–149 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-143-149>

Вхождение Бориса Рахманина в литературу совпало с формированием широкого пространства лирической прозы. Первыми публикациями писателя были издания стихов, первая книга, хоть и небольшая, – поэтический сборник «Добрый человек» (1963) [Рахманин]. Она открывала читателю поэта, обладающего тонким слухом, умеющего не только видеть оттенки, но и запечатлеть образы времени в точных, узнаваемых и при этом свежих живописно-динамических образах: обычный шофер оказывался «астронавтом... в машине времени», финал повести «Ворчливая моя совесть» представляется по-настоящему фантастическим, поскольку герой поднимается в небо на самолете, в котором нет пилотов, и с этой «самолетной» высоты видит настоящее и будущее Западной Сибири, ее природы, недр, строек, людей. Журнальные публикации и в еще большей степени собрания повестей и рассказов, выходивших в разное время, одним уже названием не могли не привлекать внимания будущего читателя. Можно сказать, что в произведениях с поэтическим названием содержание разворачивается тоже по законам поэзии: «Моря впадают в реки» (1977), «Передвигают в небе мебель» (1981), «Теплый ситец» (1982) – несут в себе или априорное парадоксально-метафорическое содержание, или создают вектор образно-ритмического плана, или указывают на видимую лиричность написанного.

Некоторая стилевая «полюмичность» задается такими названиями, а нонсенсность, проистекающая, видимо, из общих стилевых тенденций времени, расширяет лирико-философский план повествования. Дерзкие отступления от традиционного для реалистической прозы повествования свидетельствуют о переосмыслении одновременно традиций бунинской прозы, уроков К.Г. Паустовского и подсказок в области синтеза Е. Замятина. И в этом Борис Рахманин не одинок. У Василия Аксенова в журнале «Юность» выходит повесть в снах «Затаваренная бочкотара» (1968), у Ю. Яковлева еще раньше рассказы «Автобус без кондуктора» (1962), «Письмо с вулканического острова» (1965), «Колыбельная для мужчин» (1976). При этом у писателей, публиковавшихся в одно время, полюмичность разного, вполне индивидуального свойства. Она проявляется в содержании прозы, в жанровых приоритетах.

Борис Рахманин в отличие от других писателей-современников – по-настоящему экспериментатор. Он апробирует поэтические приемы, прибегая то к парадоксальным метафорическим названиям произведений, то давая авторские определения жанра. Так, в сборник прозы 1977 года, названный по одному из произведений – «Моря впадают в реки», включены повести, не имеющие авторского жанрового определения, и произведения, которые подчеркнута нео-

бычно обозначены: Свистулька – сказка, Шестьдесят три – сказка, Чужие глаза – сказка. Дымящаяся головешка – рассказ отпускника, Скворечник – рассказ прохожего.

В томе «Теплый ситец», выпущенном в 1982 году, вообще не дается в оглавлении определение жанра. Так, в «Театре миниатюр», опубликованном в названном сборнике, можно предположить и драматические зарисовки, столь популярные к постановке в молодежной и студенческой среде, и что-то вроде булгаковского «Театрального романа». А в вышедшей годом раньше, в 1981 году, книге «Ворчливая моя совесть», названной по одноименному произведению, каждое из них имеет и жанровое определение. Впрочем, эти уточнения не всегда можно назвать жанром. «Театру миниатюр» дано уточнение: «из клеенчатой тетради». Другим произведениям тоже даны «сопроводительные указания»: рассказ, например, к «Хору ветеранов», «Песне», «Токарю, пекарю и аптекарю». Произведение, давшее название сборнику, характеризуется как «Западносибирский коллаж», а «Действие происходит на другой планете» – «опыт ритмической новеллы», хотя и «рассказы», и «сказки» имеют хоть и жанровое, но вполне условное обозначение, а их содержание не сводимо к устоявшимся характеристикам этих жанровых определений.

Такой набор произведений в сборниках прозы, кажущийся разнотипным и разнотипным, не должен вводить в заблуждение относительно вектора формирования творческой индивидуальности, он вполне узнаваем. Складывается впечатление, будто бы писатель поставил своей целью двигаться одновременно едва ли не в разных направлениях: он прибегает к художественному синтезу, то есть к синтезу прозы и живописи или живописи и музыки или и того и другого одновременно в «Ворчливой моей совести» (жанром коллажа увлекались тогда во многих искусствах, и не только прикладных). Апробирование особой роли рассказчика, когда акцентируется его социальный статус (рассказ отпускника), например, может оцениваться как опыт, никак не связанный ни с предыдущим направлением, ни с теми, что описываются ниже. В той же «Ворчливой моей совести», начинающейся с отсылки к бунинскому пейзажу, автор переходит к ритмической прозе, а от нее – к представляющимся обычными для того времени психологически точным портретам молодых людей, а в условно-игровой истории «Действие происходит на другой планете» дает подзаголовок «опыт ритмической новеллы» и следует путем соединения стиха и прозы в духе ранних произведений Максима Горького или «Глоссолатии» Андрея Белого [Белый: 3–93], одновременно прибегая к формам внутрилитературного синтеза, находящегося в выраженном диалоге с открытиями Эдуардаса Межелайтиса [Межелайтис] в поэме «Че-

ловека» (была удостоена Ленинской премии в 1962 г., стала тотально популярной, потому что была созвучна голосу молодежи и представляла собой книгу в гравюрами Стасиса Красаускаса) и поэмой-краткой мессой Юстинаса Марцинкявичуса «Homo sum» (1972) [Марцинкявичус].

Изучение и объяснение того, как эти внешне разноплановые эксперименты, по сути, не разнонаправлены, а стремятся воспользоваться одномоментно всеми возможностями, которые предоставляет и сама жизнь, и СЛОВО, позволит ответить сразу на несколько вопросов, важнейшим из которых является вопрос о стратегической линии экспериментов, о том, как эти разнообразные поиски дают художнику возможность многогранно изобразить и человека, и время, создавая оригинальную внутреннюю форму и нащупывая новые жанры.

Пришедший в литературу поэтом, Борис Рахманин стремится экспериментировать с ритмико-интонационными возможностями прозы, и он не одинок в этих поисках выразительности. Общая направленность литературы 1960–70-х годов в индивидуальных стилях писателей формировалась по-разному. Несомненно, роль играли и круг чтения, и первые опыты (стихи или проза), мастер, у которого учился писатель в Литературном институте, предпочтения в искусствах в принципе и конкретные привязанности – к музыке, к изобразительному искусству и др.

Самое насыщенное «приемами», на которые невозможно не обращать внимания, – это «западносибирский коллаж» «Ворчливая моя совесть». Можно было бы в этом смысле сравнить поиски формы автором с тем, что делает Андрей Белый, называя свои произведения симфониями, выстраивая их композиционно так, что можно согласиться с таким определением, однако по прошествии времени писатель «Третью симфонию» «Возврат» назовет «повестью». Изначально повестью можно было бы назвать и произведение Бориса Рахманина, однако, отказавшись от авторского жанрового определения, мы потеряем не только содержательные нюансы, но и важные смысловые доминанты.

«Сплошная чернота ночи, чернота зимнего неба, проколота лишь двумя-тремя огоньками буровой, смутная белизна снегов. Границы между черным и белым нет, метель размыла ее. И некий знак, темная закорючка, запятая, движущаяся по вздыбленным ветром снегам. *Человек...*» [Рахманин: 4]. Этот пейзаж, являющийся своеобразной увертюрой, с одной стороны, напоминает бунинские пейзажи, а с другой – находится в видимой полемике с пейзажем, создаваемым И.А. Буниным, поскольку «остановлен» на вынесенном в отдельное назывное предложение, завершающееся многоточием, словом («Человек...»), что превращает коллаж-пейзаж в фон поэмы, ведь де-

таль «закорючка», «запятая» ставится в сильную позицию, утверждающую непереносимость победы этой «закорючки», неожиданно данной крупным планом, над стихией. В «Смарагде» у И.А. Бунина совсем другая система координат: «Ночная синяя чернота неба в тихо плывущих облаках, везде белых, а возле высокой луны голубых. Приглядишься – не облака плывут – луна плывет, и близ нее, вместе с ней, летится золотая слеза звезды: луна плавно уходит в высоту, которой нет дна, и уносит с собой все выше и выше звезду» [Бунин: 304]. Как видим, бунинская интонация у Бориса Рахманина, сообщая соответствующую медитативность, оказывается содержательно едва ли не противоположной: в небольшом по объему этюде «Смарагд» – явно желание автора описать душевное состояние героев через ночной небесный пейзаж, акцент сделан не на портретно-человеческом, а на «золотой слезе звезды», своеобразном произведении в произведении, тогда как в пейзажной увертюре «последователя», вступающего в последнюю треть XX века, задается важная для эпохи тема взаимодействия и конфликта природы и человека, задается так, что описание природы не является традиционным поэтическим пейзажем, формирующим исключительно медитативный план произведения, – через динамические и одновременно кажущиеся «нарисованными» или «наклеенными», как в коллаже, детали создается не демонстративно выраженный, но поэтически и даже музыкально определенный план «Природа и человек», «Мирозданье и человек». Описательный бунинский вектор – вертикаль, по которой лирический герой следит за удаляющейся звездой, рахманинский соединяет вертикаль и горизонталь, по которой движется «закорючка», «запятая», Человек, вступающий в спор со стихией – суровой природой, метелью, житейской непогодой вообще. И процитированный фрагмент увертюры продолжен еще несколькими плотно соединенными изобразительными этюдами: борьба «лбами сталкивающихся» человека и ветра. «Человек удаляется. Значит, осилил. Он все меньше, меньше, исчез...» [Рахманин: 5]. Обычно победитель оказывается на переднем плане, подан крупно, здесь – наоборот – преодоление означает продолжение пути, исчезновение с переднего плана борьбы стихии и человека, а дальше автор сменяет изобразительное на звуковое, что контекстуально оправдано: «Слышны срывающиеся с губ, обращенные к сопернику или к самому себе слова, слышно, о чем он думает» [Рахманин: 5]. Заметим, что и звуковое-слуховое будто бы «включает» внутренний слух и внутреннее зрение, как это часто можно заметить в дневниковых этюдах М.М. Пришвина.

Следующий в первой главке абзац и за ним еще три представляют собой ритмическую прозу, которая соединяет живописно-изобразительное и музыкаль-

но-ритмизирующее. Уже это начало требует понимания и объяснения того, что означает для автора коллаж. Априори «коллаж – (франц. collage, букв. – наклеивание), прием в изобразительном искусстве, заключающийся в наклеивании *на какую-либо основу* материалов, отличающихся от нее по цвету и фактуре; произведение, исполненное в этой технике» [Коллаж]. Обычно говорят о коллаже в формах декоративно-прикладных, однако в XX веке эта техника широко используется авангардистами в изобразительном искусстве и, как показывает практика, довольно распространена в музыке, когда коллаж – «введение в сочинение стилистически чуждых фрагментов из произведений других композиторов, иногда и из собственных сочинений» [Коллаж: 259]. Напоминание о том, как понимался коллаж тогда, когда автор давал жанровое определение произведения и стремился реализовать именно коллажность в своем стиле, особенно важно и потому, что коллаж – форма, наличествующая как в изобразительном искусстве, так и в музыке, и это именно форма, техника в литературе, потому что благодаря «наклеиванию», фигурально говоря, создается целостное полотно, картина, в которой доминанта – Западная Сибирь, собравшая у себя очень разных людей и переплавляющая их в народ, в эпоху. Следовательно, в определении коллажа важно не только то, что разнородные и разнохарактерные фрагменты соединяются, но и основа, материал, на котором они будут соединены. Вот именно эта многосоставность важна для художника Бориса Рахманина, потому что слово, которое есть материал искусства словесности, обладает и музыкальным содержанием, и формой, и семантикой изображения, и само указывает на способы соединения, «склеивания».

После первого процитированного абзаца дается следующий, и он уже не чистая традиционная проза, а ритмизованная: «Бывает – даль к себе **помянит** / летишь, мечтами с толку **сбит**... / И вот он, **зыбкий** край, где **мамонт** / в глубинах, словно в **зыбке**, **спит**. // Мне кажется – еще он **дышит**, / ворочается там, **живой**, / и тундру над **собой колышет** / с тяжелой вышкой **буровой**...» // (выделено нами, разделение наше. – И. М., П. Ц.) [Рахманин: 5]. Более того, приведенный отрывок – не просто ритмизованная проза, которая не предполагает наличия в ней рифмы. Нетрудно заметить, что приведенная цитата прошита рифмами. Можно было бы сказать, что перед нами вообще два четверостишия, записанные в строку, то есть это стих, поэзия, «наложенная на лист прозы», и потому обладает дополнительными смыслами, формируемыми и ритмом, и рифмой, и образно-семантическим планом, где таким образом «скреплено» давнее прошлое Сибири, ощущаемое как живое, с настоящим временем деяний человеческих. Этот стихотворный по сути текст дан в кавычках (нами процитирован только неболь-

шой фрагмент, абзац), будто бы чужой текст или размышление, или сочиненное, или пропетое помещается на основу, разворачивая ту самую прозаическую увертюру, о которой говорилось выше. Подобные опыты соединения стихового и прозаического под видом прозы можем встретить вновь у И.А. Бунина, таков его всего на половине страницы помещающийся «Муравский шлях» [Минералова: 121–128], но здесь произведение значительно большего объема и совсем не камерного замысла. В следующем уже фрагменте мысль будет развернута. Если в этой чьей-то цитате историческое соединяется с настоящим, то далее настоящее раздвигает границы видимого. Заменяем запись в строку, как она дается в книге, на строфическую:

Я шел росистыми лугами,
плоды надкусывал в садах,
в стальном я жил, в стеклянном гаме,
в стальных, стеклянных городах,

и мог я поздно спать ложиться,
не накрутив тугой звонок...
Одна беда – никак ужиться
с ворчливой совестью не мог.

Намного легче, если трудно, –
на ус я это намотал.
Как вкусно нефтью пахнет тундра
хоть иней ноздри обметал.

Я связан с ней, землей угрюмой,
которую, как мудрый лоб,
великой увлеченный думой,
морщиной рассекает Обь.

Я связан с ней, пустыней голой,
где **дышит почва и судьба**,
где вечно в поиске геолог...
А что же ищет он? **Себя!**

К свинцовой дикой речке выйдет
попить нагнется над водой
и в зеркале живом увидит
себя с седой бородой.

Как будто незнакомца встретил... [Рахманин: 5]

Текст этот в качестве «примера» записан нами по-стиховому, тогда как у писателя он представляет абзац, в котором разрядкой выделена незакавыченная цитата из стихотворения Бориса Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...» – «дышат почва и судьба» [Пастернак: 304]. Более того, весь процитированный фрагмент портретирует ритмико-мелодический строй упоминаемого стихотворения:

Когда строку диктует *чувство*,
Оно на *сцену* шлет раба,
И тут *кончается искусство*,
И дышат почва и судьба
(выделено нами – И. М., П. Ц.)

Цитируя пастернаковскую строку, выделяя ее графически, автор не может не надеяться, что читатель знает, о чем это сказано, а сказано о сути творчества, о процессе поэтической работы, цель и высо-

кий смысл которой даже в тончайшей лирике эпичен и даже космичен. Сам же Рахманин не только портретирует музыкальность Пастернака, но образным строем, смыслом вступает с ним в видимый диалог. И вопрос о замене стиховой конструкции на прозаическую глубоко мотивирован. Лирический герой и одновременно повествователь, художник-изобретатель нового жанра вводит, повторимся, синхроническое изображение «почвы и судьбы» и самого себя, и людей, о которых пойдет речь, и доминантный конфликт, который будет рассматриваться под разными углами зрения в произведении, конфликт, как тогда говорили, урбанистичности, города и природы, деревни, но, прибегая к некоторым обобщениям, этот конфликт вернее было бы назвать конфликтом цивилизации и природы – как вовне, в широком пространстве мира, не только Родины, так и в каждом из героев «коллажа». Поэзия, таким образом, растворена в самой живой жизни, с одной стороны, а с другой – объясняет тягу многих в Сибирь: ворчливая совесть, с которой по разным причинам не может ужиться герой и люди, встреченные им.

Завершающий фрагмент, вновь заключенный в кавычки, представлен после небольшого прозаического объяснения, в котором комментируются мелодия, музыка Сибири и звучание человеческого голоса. Своеобразный диалог голоса и хора, голоса и оркестра. Приведем его так, как он дан автором: «...Как будто незнакомца **встретил**. / В коллаже неотложных **дел**, / событий, лет, он не **заметил**, / что, словно тундра, **поседел**. / Ах, тундра... Логикой **спокойной** / любви к тебе **не превозмочь**. / Здесь летом солнце светит в полночь, / ну, а зимой – и в **полдень ночь**...» [Рахманин: 5]. Именно в этом абзаце произносится слово «коллаж», и применено оно к «неотложным делам», а не к творчеству, собственно, таким образом объясняется манера предъявляемой прозы, будто бы собранной «на живую нитку». Несомненно, различие обращение к намеренной и декларативной ритмизации прозы в небольшом по объему произведении и в солидном объеме в самом начале произведения без последующего «напоминания» подобным же образом о вложенном в него социально-философском содержании. Кроме того, одна внутренняя форма и жанра, и стиля представлена в «коллаже» с таким обещающим началом, другое – когда все произведение строится с указанием на формально-стиховой эксперимент, как в «опыте ритмической новеллы» (такому жанру филологи и определения не давали, и не комментировали) [Овчаренко: 32–35]: «Действие происходит на другой планете». Размышляя о функциональной значимости явления в разных форматах его применения, следует согласиться с В.Б. Семеновым, утверждающим, что в «Ворчливой моей совести» читатель имеет дело не с «ритмизованной прозой» (В.М. Жир-

мунский), а прозой метризованной: «Метризованная проза образуется не только в результате «облагодзвучивания» обычного прозаического текста. В нее могут быть превращены стихи. В этом случае в тексте произведения обнаруживаются все признаки стиха (ритм и метр, рифма и рифмовка, строфика), кроме одного, главного: нет графического членения на строки» [Семенов]. Таким образом, в случае с «Западно-сибирским коллажем» внесение «прямой речи» человека в диалог со стихией функционально вкупе с другими композиционными и стилевыми приемами, на которых автор фиксирует внимание читателя. Так, нумерация глав выглядит необычно, но при этом функционально, потому что в «коллаже» скрепление фрагментов-изображений и фрагментов музыкальных имеет право строиться именно так: в произведении можно выделить 20 главок, но к некоторым из них автор дает дополнительные маркеры: 2, 2а, 2б, 6, 6а, 6б, 6в, 6г, 6д, 11, 11а, 11б, 13, 13а, 13б, 13в, 13г, 14, 14а, 14б, 14в, 17, 17а, 18, 18а, 18б, 20, 20а. При этом, пожалуй, самая объемная глава 10-я не разбита на а, б, в, что указывает на особый мотивный, мелодико-содержательный смысл повтора буквенного обозначения, а внесение в текст экфрасиса картины Валентина Серова или коллажа его «Похищения Европы» с узнаваемыми взглядом быка и облика знакомой художницы еще раз подтверждает тот факт, что коллажем автор назвал свое произведение, строя его по законам коллажа и изобразительного, и музыкального: это проявляется и в обращении к уже названному полотну знаменитого художника, и походом в Третьяковскую галерею, по которой герой проходит и «по ходу осмотра», и в противоположную сторону, а еще создавая собственные жанровые зарисовки, в которых узнаются художники-современники: И.С. Порошин «На Оби», Ю.С. Подляский «На Оби», М.С. Обмыш-Кузнецов «Сибирские нефтяники» [Сибирь в живописи СССР]. «Уват... Черные избы, пара вездесущих балков-вагончиков. Милицейский уазик подъехал к пристани. Желтый, с большим гербом на дверце, с синей каемкой, с большим гербом на дверце. Вышли два милиционера, стоят, наблюдают. На бревнах у заборов старики сидят, устало расставив ноги, сцепив между коленями руки. Смотрят. Пара мальчуганов слезли с велосипедов, тоже засмотрелись на причаливающий теплоход. Новые пассажиры бегут с детьми. У детей в руках куклы...» [Рахманин: 196]. Это только фрагмент полотна. Названо и сибирское село, и сибиряк допишет тысячу вариантов этой картины. И даже в процитированном фрагменте обозначен и общий план в названии села, черные избы, вагончики, пристань, люди разных возрастов, приметы времени (милицейский уазик, велосипеды мальчишек, куклы) – как во всяком очерке вольно или невольно в изображении мгновения прибытия теплохода на да-

лекой от столиц пристани в сибирском селе Уват запечатлена страна с ее прошлым, настоящим и будущим. Изображена и ворчливая совесть героя-повествователя, она – в объяснении настроения изображенных на полотне и оставшихся за рамой картины. Подобных полотен в произведении достаточно, чтобы сказать, что автор намеренно соединяет в коллаже образительно-узнаваемое, потому что оно есть основа души, на котором «вклеены» и истории товарищей, и собственная жизнь, и истории попутчиков в самолете, на теплоходе, на дороге вообще. И все эти фрагментарные сюжеты о том, что есть Родина, где границы ответственности человека за Родину, а не только за себя, за природу, за будущее. Но в коллаже присутствуют и экфрасисы фотографий [Рахманин: 6–7], карты Сибири с флажками [Рахманин: 9, 14 и др.]. И в каждом микросюжете, в каждом этюде можно обнаружить в подтексте вопрос: «Какое ощущение, чувство предпочитаешь ты всем другим? Чувство покоя? Радости? Чувство красоты? <...>» И в ответ собеседник ответит: «Ты уже спрашивал как-то... Сопротивление материалов» [Рахманин: 219]. И в этом вопросе одного из друзей и ответе другого – «Ворчливая моя совесть», не просто исследующая эпоху, но задающая вопросы, чтобы на них отвечала молодежь.

Размышляя о «национальном как факторе художественности» [Минералов, Васильев], Ю.И. Минералов приводит слова В.В. Виноградова о стиле А.С. Пушкина, которые помогают понять принципиально важное и в стиле «коллажа» у Б. Рахманина: «Художественное мышление Пушкина – это мышление литературными стилями (курсив мой. – Ю. М.)» [Минералов, Васильев: 99] Демонстративное определение жанра «Западносибирский коллаж» Б. Рахманиным указывает и на его «мышление стилями и жанровыми формами», не только литературными, на его стремление максимально полно воспользоваться ресурсами этих самых стилей для объяснения своего времени и человека своей эпохи. Напоминание произведений Э. Межелайтиса и Ю. Марцинкявичуса в связи с рассматриваемыми произведениями Б. Рахманина не просто правомерно, но необходимо, потому что у одного поэта называется «Человек», у другого по латыни «Homo sum» (Я Человек) со всеми патетическими и исповедальными смыслами, которые указывают на суть человеческой натуры – его совесть.

Список литературы

- Белый Андрей. Глоссолалия. М.: Evidentis, 2002. 96 с.
- Бунин И.А. Смарагд // Бунин И.А. Собрание соч.: в 6 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 5. 640 с. С. 304–306.
- Коллаж // Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

Коллаж // Популярная художественная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1986. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures (дата обращения: 26.02.2021).

Марцинкявичус Ю. Homo sum. URL: <http://mirpoezylit.ru/books/5716/3/> (дата обращения 10.01.2021).

Межелайтис Э. Человек. М.: Художественная литература, 1964. 124 с.

Минералов Ю.И., Васильев С.А. Национальное как фактор художественности в русской литературе. М.: Изд-во Литературного института, 2010. 184 с.

Минералова И.Г. «Муравский шлях» И.А. Бунина как пример русского стиля // Национальный стиль русской литературной классики. М.: Литера, 2016. С. 121–128.

Овчаренко О.А. Русский свободный стих. М.: Современник, 1984. 206 с.

Пастернак Борис. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель: Ленинградское отделение, 1976. 608 с. (Библиотека поэта).

Рахманин Б.Л. Добрый человек. М.: Советский писатель, 1963. 67 с.

Рахманин Б.Л. Ворчливая моя совесть // Ворчливая моя совесть. М.: Советский писатель, 1981. С. 4–237.

Семенов В.Б. Метризованная проза // Теория литературы: Стихovedение. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/help.php#active> (дата обращения: 26.02.2021).

Сибирь в живописи СССР. URL: <https://culture-art.ru> (дата обращения: 26.02.2021).

References

Belyj Andrej. *Glossolaliya*. Moscow, Evidentis Publ., 2002, 96 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Smaragd* [Chrysolite]. *Bunin I.A. Sobranie soch.: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1988, vol. 5, pp. 304–306. (In Russ.)

Kollazh [Collage]. *Muzykal'nyj enciklopedicheskij slovar'* [Musical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1990, 672 p. (In Russ.)

Kollazh [Collage]. *Populyarnaya hudozhestvennaya enciklopediya* [Popular encyclopedia of art], ed. by Polevoy V.M. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures (access date: 26.02.2021). (In Russ.)

Marcinkyavichus Y. *Homo sum*. URL: <http://mirpoezylit.ru/books/5716/3/>. (access date: 10.01.2021). (In Russ.)

Mezhelajtis E. *Chelovek*. [Human]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1964, 124 p. (In Russ.)

Mineralov Y.I., Vasil'ev S.A. *Nacional'noe kak faktor hudozhestvennosti v russkoj literature* [National as a factor of artistic essence in Russian literature]. Moscow, Izdatel'stvo Literaturnogo institute Publ., 2010, 184 p. (In Russ.)

Mineralova I.G. “*Muravskij shlyah*” I.A. *Bunina kak primer russkogo stilya* [“Muravskij shlyah” by I.A. Bu-

nin as an example of Russian style]. *Nacional'nyj stil' russkoj literaturnoj klassiki* [National style of Russian literary classics]. Moscow, Litera Publ., 2016, pp. 121–128. (In Russ.)

Ovcharenko O.A. *Russkij svobodnyj stih* [Russian free verse]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984, 206 p. (In Russ.)

Pasternak Boris. *Stihotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel', Leningradskoe otdelenie Publ., 1976, 608 p. (*Biblioteka poeta* [The poet's library]) (In Russ.)

Rahmanin B.L. *Dobryj chelovek* [A good man]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1963, 67 p. (In Russ.)

Rahmanin B.L. *Vorchlivaya moya sovest'* [My grumpy conscience]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1981, pp. 4–237. (In Russ.)

Semenov V.B. *Metrizovannaya proza* [Metriized prose]. *Teoriya literatury: Stihovedenie* [Theory of literature. Science of versification]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/help.php#active> (access date: 26.02.2021). (In Russ.)

Sibir' v zhivopisi SSSR [Siberia in pictural art of USSR]. URL: <https://culture-art.ru> (access date: 26.02.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2021; одобрена после рецензирования 29.04.2021; принята к публикации 10.05.2021

The article was submitted 01.03.2020; approved after reviewing 24.04.2021; accepted for publication 10.05.2021

ОТ АБСУРДИЗАЦИИ К СУБЪЕКТИВАЦИИ В ПЬЕСЕ БРАТЬЕВ ПРЕСНЯКОВЫХ «ТЕРРОРИЗМ»

Муравьева Алла Владимировна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, a-mour@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8219-7908>

Аннотация. Статья посвящена функционированию абсурдистских элементов и способам их организации в пьесе братьев Пресняковых «Терроризм», а также иллюстрации субъективности как одной из наиболее значимых для «новой новой драмы» категорий. Акцент в работе делается на паратекстуальных элементах, в первую очередь ремарках. В начале исследования утверждается тезис о принадлежности «Терроризма» «новой драме» XXI столетия, а значит, о специфичности композиционной и сюжетной организаций. Основу статьи составляет текстовый анализ ремарочного элемента, позволяющий проследить образование и формы бытования абсурдистских компонентов, а также возникновение различных форм субъективности. В процессе анализа определяется перечень средств и приёмов абсурдизации, среди которых основными являются проработка структуры высказывания (нарушение логики, замедление действия путём введения однотипных/тавтологических конструкций), работа с лексической составляющей (различные виды художественных смещений, а также частотное введение модальных компонентов). Доказывается, что беллетризация пьесы посредством включения в текст ремарок лирического компонента нарушает способ прочтения и позволяет частично соотносить драму с пьесой для чтения, что, в свою очередь, увеличивает интерпретационность текста и даёт возможность говорить о введении в него фигуры читателя. Делается вывод о корреляции процессов абсурдизации и субъективации в пространстве пьесы. Абсурд, в свою очередь, обозначается как элемент, определяющий тип восприятия; компонент, способствующий умножению форм субъективности; пространственная и текстовая доминанта, демонстрирующая отношение текста пьесы с действительностью.

Ключевые слова: абсурд, ремарка, драматургический паратекст, новая драма, постдрама, субъект, «новая искренность»

Для цитирования: Муравьева А.В. От абсурдизации к субъективации в пьесе братьев Пресняковых «Терроризм» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 150–155. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-150-155>

Research Article

FROM ABSURDISATION TO SUBJECTIFICATION IN THE PLAY “TERRORISM” BY THE PRESNYAKOV BROTHERS

Alla V. Muraveva, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, a-mour@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8219-7908>

Abstract. The article is devoted to the functioning of absurdist elements and the ways of their organisation in the play “Terrorism” by the Presnyakov brothers, as well as to the illustration of subjectivity as one of the most significant categories for the “new new drama”. The emphasis in the work is on paratextual elements, primarily remarks. At the beginning of the study, the thesis about the belonging of “Terrorism” to the “new drama” of the 21st century is confirmed, and therefore, about the specificity of the compositional and plot organisations. The article is based on a textual analysis of the theatre note element, which allows us to trace the formation and forms of existence of absurdist components, as well as the emergence of various forms of subjectivity. In the process of analysis, a list of means and techniques of absurdisation is determined, among which the main ones include the elaboration of the structure of the utterance (violation of logic, slowing down the action by introducing similar or tautological constructions), working with the lexical component (various types of artistic shifts, as well as the frequency introduction of modal components). It is proved that the fictionalisation of the play through the inclusion of the lyrical component in the text violates the way of reading and allows one to partially correlate the drama with the play for reading, which, in turn, increases the interpretativeness of the text and makes it possible to talk about the introduction of the reader’s figure into it. The conclusion is made about the correlation of the processes of absurdisation and subjectification in the space of the play. The absurd, in turn, is designated as an element that determines the type of perception; a component that contributes to the multiplication of forms of subjectivity; spatial and *textual dominant, demonstrating the relationship of the text of the play with reality.*

Keywords: absurd, note, dramatic paratext, new drama, post-drama, subject, «new sincerity».

For citation: Muraveva A. V. From absurdisation to subjectification in the play “Terrorism” by the Presnyakov Brothers. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 150–155 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-150-155>

Драматургия начала второго тысячелетия оказывается в ситуации, когда новодраматические тенденции отчасти сходят на нет, когда деформациям подвергается и собственно постмодернизм как совокупность принципов и приёмов, когда авторы, переосмыслив первое и второе, постепенно начинают выходить за их рамки – строить собственную эстетическую, литературную, философскую модель, представляя читателю «многообразие драматических форм, отражающих художественно-экспериментальный характер литературной жизни» [Васильева: 100]. Пьеса братьев Владимира и Олега Пресняковых «Терроризм», написанная в 2003 году, на первый взгляд, строится по типичной новодраматической схеме. В центре её внимания находятся пять не связанных друг с другом сюжетных линий, каждая из которых формирует представление о разного рода проявлениях терроризма: от глобального – до бытового, семейного; текст в целом напоминает «бытовую пьесу, основанную на усиленном внимании к маргинальному и “маленькому человеку”, к социально низовым пластам, к тем самым “буднично-житейским” проблемам, которые так занимали драматургов последних десятилетий» [Ветелина: 110]. Однако пьеса частично отдалается от типичной для «новой драмы» организации: характерные для неё принципы «точности» и «достоверности» подвергаются деформации за счёт введения полуфантастических элементов, а также объёмных отрезков текста, формально определяемых в качестве ремарок. И именно эти ремарки, а точнее – их трансформация в драме Пресняковых, оказываются тем ключом, который вскрывает авторскую стратегию.

Первое действие «Терроризма» открывается подобной ремаркой. Читателю представляется «асфальтовая площадка перед входом в здание аэропорта» [Пресняковы: 239]. Начавшаяся со стандартной, ориентирующей в пространстве формулировки, ремарка уже во втором предложении, вследствие включения в неё абсурдных элементов, нарушает привычные читателю модели текстовой организации: «На площадке, вместо машин, которые обычно припарковывают как раз в этом месте, прямо на своих сумках и чемоданах расположились многочисленные пассажиры» [Пресняковы: 239]. В данной ситуации обращают на себя внимание как минимум два компонента: во-первых, вводимая автором характеристика площадки, а во-вторых, сам способ организации ремарки. Лексема “обычно” вкупе с “как раз в этом месте” создаёт двойственное впечатление – тавтологичное по своей сути, оно провоцирует усиление внимания к самой конструкции. Опи-

сывая место действия, автор трижды обращается к площадке-парковке, меняя наименования и делая на ней акцент, указывая «как раз» на «это место». Тавтология, скрытая за разностью формулировок, создаёт ощущение растянутости действия, что идёт вразрез принятой для ремарки как элемента композиции чёткости и лаконичности. Пространство, описываемое здесь, застывает – вслед за этим застывшим пространством и появляются «многочисленные» пассажиры, также лишённые динамики, «расположившиеся прямо на своих сумках и чемоданах». Действие начинается не с «действия», а с образа, фотографически запечатлённого. Подобный приём (замедления путём введения однотипных и/или тавтологичных конструкций), характерный для пьес абсурдистского толка, определяет и интенсивность действия, и тематический пласт, обозначаемый в пространстве текста.

Уже здесь, с другой стороны, начинает определяться и логика высказывания в целом. Те же элементы, что растягивали во времени действие пьесы (в первую очередь, «обычно» и «как раз в этом месте»), провоцируют возникновение дидактической интонации: условный автор, обращаясь к привычным читателю образам и ситуациям, акцентирует рядовые, лежащие на поверхности характеристики (асфальтовая площадка перед аэропортом = место, где «обычно» припарковывают машины). Логика высказывания здесь не нарушается, но восстанавливается – выводится на поверхность. Апелляция к элементам, составляющим очевидный план высказывания, обращает на себя внимание и ставит вопрос о цели подобной работы. Дидактичность высказывания, определяемая через введение эмотивного компонента и через подчеркнута логичное построение высказывания, частично лишает читателя возможности интерпретации: акцентуация автором смысла становится ещё одним приёмом абсурдизации, основанном на нарушении модели восприятия текста художественного произведения.

Одновременно повествовательный, описательный и объяснительный тон высказывания сохраняется в последующих иллюстрациях. Характеристика пространства заканчивается расположившимися «на своих сумках и чемоданах» «многочисленными пассажирами» [Пресняковы: 239]. Тон, заданный ранее, формирует план ожидания, связанный с определением свойств, параметров и оценок отдельных действующих лиц. Однако вслед за предельно абстрактными «многочисленными» пассажирами (уже в силу своей «многочисленности» представляющими собой неделимый ряд однородных элементов) следует кон-

струкция, еще более уводящая от необходимых читателю сведений: «По их унылым, сгорбившимся позам, а также по лицам, на которых застыла печать безмятежного отчаяния и глухой истерики, можно догадаться, что все они находятся здесь уже очень давно» [Пресняковы: 239]. Характеристика действующих лиц сводится к отображению элементов, отчасти метонимических: акцент в характеристике делается на описании позы и выражения лица, однако последние выводятся не конкретно, а иносказательно: позы становятся «унылыми», а затем и вовсе «сгорбившимися». Введение подобного рода эпитетов отделяет объект от выражаемых им эмоции и настроений и способствует формированию образного подтекста: адекватив ‘унылый’, более применимый к человеку в целом и сводимый к его характеру, подкрепленный формой действительного причастия, провоцирует восприятие позы действующего лица как чего-то отдельного, обособленного и очеловеченного. Описание внешнего облика персонажей продолжается при характеристике лиц объектов: они не просто выражают отчаяние и предельную эмоциональную напряженность – на них застывает «печать безмятежного отчаяния и глухой истерики». В ремарку проникает метафорический компонент (печать отчаяния и истерики), ещё более отстраняющий персонажа от соотносимых с ним характеристик. Ремарка последовательно наполняется элементами, традиционно более свойственными лирике как роду литературы: если пространство конкретизируется, сужается, то действующие лица, напротив, в начале пьесы представляют собой нечто общее, неделимое, воспринимаемое исключительно с точки зрения передаваемых эмоций. Подобная работа с текстом если не свойственна драме абсурда, то основывается на специфичном для абсурда смешении: формирование образного ряда, характеризующегого вслед за пространством, происходит поэтапно, путём последовательного разрушения привычных схем – от слова к высказыванию и далее – образу и мотиву. Включение в текст ремарки лирического компонента отчасти размывает представление об изображаемом объекте, но главное – всё так же провоцирует нарушение способа прочтения текста.

Апелляция к эмоции как способу восприятия продолжается и на уровне построения высказывания. Сама конструкция «по их унылым, сгорбившимся позам <...> можно догадаться», построенная в форме утверждения ($a = b$), определяет логику высказывания: с одной стороны, фиксируя взгляд читателя на эмоциональном компоненте, а с другой – предлагая читателю способ восприятия. Однако способ восприятия образа и ситуации, иллюстрируемый автором, не является единственно верным, что определяется уже началом следующего предложения: «Скорее всего, эти

бедные люди направились в аэропорт, чтобы вылететь по каким-то своим надобностям – кто-то из них отправился в служебную командировку, кто-то – в отпуск, а кому-то, может быть, просто пришло время лететь куда-нибудь...» [Пресняковы: 239]. Модальный компонент становится новым этапом постулируемой автором неопределённости: если ранее недооформленность образа провоцировалась введением размывающих его характеристик, то, начиная с данного высказывания, сомнению подвергается всё, произносимое впоследствии. Модальный компонент не отрицает сказанного ранее – он углубляет и расширяет свойства и параметры образов: читателю вновь представляются «аэропорт», «эти люди», более того – безликая масса «многочисленных пассажиров» делится на подгруппы («кто-то из них отправился в служебную командировку, кто-то – в отпуск»), однако тут же, следуя установленной ранее логике, персонажи, во-первых, обретают новую характеристику – «бедные», а во-вторых – в процессе деления на подгруппы – вновь утверждают свою безликость. Частотность неопределённых местоимений, используемых в ремарке, работает на нивелирование различий между действующими лицами: автор использует не просто местоимения, уже включающие элемент замещения, а местоимения неопределённые, оставляющие персонажа без какой-либо опоры в форме реального субъекта. Минимализируя характеристики персонажей, стирая различия между ними, автор размывает и пространство вокруг них: если место реального действия локализуется, обозначаясь трижды, то пространство внешнее сводится к лексеме “куда-нибудь”.

Ремарка строится по принципу маятника/качелей: обозначаемое конкретизируется, но конкретика не проясняет ни характеристик субъекта, ни пространства вокруг него; мнимая конкретизация заменяется напрямую размывающими образы элементами; автор пытается оперировать стандартными логическими конструктами, однако, в силу своей очевидности и мнимой наполненности, они теряют свою содержательность. Конструкции – от вводимых в текст отдельных лексем до структуры высказывания в целом – оказываются не более чем схемами, готовыми формулами, клише, расширяющими пространство ремарки, но никак не влияющими на действие функционирующих в нём субъектов. Подобные клише и обширный, формируемый разными методами модальный компонент становятся следствием ещё одного способа абсурдизации, применимого, однако, уже непосредственно к персонажу: всё вышеперечисленное определяет его как марионетку, лишённое чётких действительных характеристик лицо. Обезличенность, обобщённость, собирательность образа усиливает типизацию, утверждающую социальный подтекст и одновременно – в силу полуабстрактности образа – уводящую его от ново-

драматических принципов реальности / актуальности / действительности.

Главным искажающим ремарку качеством является отсутствие в ней элементов, принятых для подобного рода текстовых отрезков, – чётких характеристик лиц, их действий и положений; параллельно этому действие пьесы в целом разрушается посредством последовательного искажения роли персонажа и присущих ему характеристик. Ремарка становится «вплетена в основную повествовательную ткань, выполняя и сугубо функциональную, и сюжетобразующую роль, а в ряде случаев не только комментируя ход действия, но и формируя самостоятельные смыслы» [Екабсонс: 39]. Все герои, соответственно, одновременно имеют своё амплуа и тут же – отходят от присущей им действенной характеристики. Однако и это искажение, в силу модальности, представленной в ремарке, является условным, ибо всё здесь «кажется» и «может быть».

Стоит отметить, что подобные текстовые элементы и выводимая из них проблематика определяются лишь при непосредственном чтении и практически невозможны при постановке пьесы, из чего вероятным оказывается вывод о близости «Терроризма» пьесе для чтения (или же о близости пьесы так называемой «лезедраме» [Возмищева: 245]). Однако процесс ведения абсурдного элемента неоднороден на протяжении текста, в отдельных случаях ремарка теряет часть модальных компонентов, представленных чаще неопределёнными местоимениями и вводными и вставными конструкциями, но тут же начинает наполняться другими лексемами, также апеллирующими к эмоциональной составляющей или же к объектам и их характеристикам, невозможным к восприятию вне текста пьесы: «каждый думает о своём» [Пресняковы: 267], «задумывается, смотрит вдаль, слёзы перестают течь, глаза высыхают» [Пресняковы: 282], «кричит непослушному ребёнку» [Пресняковы: 285], «соображая, что произошло» [Пресняковы: 289]. Более того, текст включает в себя значительный комплекс отвлечённых рассуждений, выстраиваемых или путём умозаключений, производимых автором, или же посредством иллюстраций, выводящих читателя за границы пространства пьесы: «Роботу нравится качаться, поэтому вряд ли он решит хоть когда-нибудь передохнуть, или тем более оставить качели в покое – он будет качаться всегда» [Пресняковы: 277], «Смотрит в упор на лоб пожилой подруги. У той, как у замужней индианки – прямо посередине лба – подергиваясь, горит ярко-красная точка – только это не знак замужества, а лазерный прицел» [Пресняковы: 284], «Опять оба смеются, как могут смеяться давние товарищи над понятными только им шутками» [Пресняковы: 296].

Определение «Терроризма» как текста, частично соотносимого с пьесой для чтения, важно по нескольким основаниям. Во-первых, именно в жанре пьесы для чтения значимой оказывается фигура читателя. Множество компонентов, ориентированных не на постановку на сцене, а на непосредственное обращение к тексту произведения, их модальность, определяющая специфику восприятия текста субъектом, делают возможным выбор интерпретационной модели, вследствие чего текст расширяется тематически и углубляется с точки зрения привносимой в него проблематики. А во-вторых, сам процесс чтения и следующая за ним интерпретационность делают возможным прочтение ремарки как пространства, аккумулирующего различные абсурдистские компоненты, усиливающие модальность текста и представляющие текст пьесы в качестве «сложного, диффузного эстетического явления, отличающегося переплетением различных стилей, направлений, течений, многообразием форм выражения авторского мировидения и активным экспериментированием со всеми элементами формы и содержания» [Страшкова, Бабенко, Купреева: 254]. «Особый статус ремарочной прозы в пьесах постмодернистской драматургии, конечно, не исключает их восприятия на сцене в процессе непосредственной живой театральной коммуникации, но делает их “пригодными” и весьма интересными для чтения» [Толчеева: 53].

Абсурд в «Терроризме», таким образом, представляет собой некое синтетическое целое и функционирует на нескольких уровнях. С одной стороны, это абсурд (условно) внешний, представленный непосредственно в высказывании субъекта, слове и конструкции, то есть включающий различные формы смещения / размывания текста, определяемые как лексикой, так и синтаксисом. С другой – в тексте наблюдается абсурд (так же условно) внутренний, характеризующий пьесу как некое художественное пространство (новую драму абсурда), соответствующий историко-литературной парадигме: расширение контекста наполняет ремарку повествовательностью, а частотность определённых средств изобразительности усиливает лирическую составляющую, вводящую субъекта повествования. Именно отсюда следует родовое смещение, определяемое одновременной наполненностью текста пьесы лирическим, эпическим и собственно драматическим элементом, и смещение жанровое, характеризующее как острой социальной направленностью пьесы, так и её лиричностью. Примечательно, что абсурдный элемент воспринимается в пьесе не обособленно, а комплексно: элементы лексического и/или синтаксического нарушения (как непосредственно в ремарке, так и в речи лиц) определяют функционирование субъекта, а значит, и ситуацию, что вкупе с действиями и характеристиками других персонажей

формирует конфликтную составляющую; и наоборот: родовое и жанровое смещение диктует условия организации времени, пространства, а также речи персонажей, что способствует тем же смещениям и нарушениям, но уже в рамках малых композиционных форм.

Абсурд в «Терроризме» не только характеризует способ организации самой ремарки, но и определяет тип восприятия. Подобный субъективизм свойственен далеко не всей новой драме, для Пресняковых же это один из немногих способов утверждения «Я» автора в пространстве текста. Будучи одной из первых пьес авторов, «Терроризм» оказывается своего рода манифестом, регламентирующим способ письма. Абсурдная составляющая выстраивает логику художественного пространства, в свою очередь связанную с окружающей авторов действительностью. Тематика и проблематика пьесы, традиционно в минимальном виде заявленные в ремарке, постепенно замещаются общим для Пресняковых, беспокоящим их кругом проблем – как социальных, иллюстрирующих новодраматическую линию, так и собственно эстетических, связанных с выходом из тени постмодернизма. Иными словами, превращение текста в пьесу для чтения сопровождается трансформацией ремарки, утрачивающей функцию авторского комментария и становящейся пространством для воплощения авторской субъективности. Поэтому закономерно, что именно в ремарке (потенциально скрытом элементе текста) постпостмодернистский автор может свободно транслировать свои идеи и размышления. Соответственно, и абсурдистский компонент, использовавшийся в первых ремарках как острабяющий и формирующий сдвиг прием, постепенно замещается абсурдом тематическим и/или проблемным. Так, понятие ‘терроризм’ расширяется до терроризма бытового (3-е и 4-е действия, представляющие деформированные модели поведения в рамках семьи и рабочего коллектива); терроризма сексуального и т. д. Начатый в ремарке процесс расширения тематики, а вслед за ним и углубления проблематики распространяется на пьесу в целом, иллюстрируется действиями и поступками персонажей. Как следствие, пьеса предстает «энциклопедией», коллекционирующей формы девиантного в поведении человека, что значительно шире собственно понятия ‘террористический акт’. С другой же стороны, абсурд иллюстрирует способ письма, а значит, некую эстетическую модель, соотносимую со способом организации текстового пространства. Имеется в виду не просто компиляция техник и методик, но столь же значительное расширение контекста: абсурд, во-первых, делает возможным объединение и/или одновременное использование в тексте пьесы различных родовидовых элементов, а во-вторых, расширение последних и поиск не задействованных ранее, в текстах предыдущих эпох и направлений, форм.

В этой ситуации субъект речи оказывается одновременно тождественным и не тождественным автору. Абсурд, определяющий способность существования в тексте величин разнонаправленных, лоялен к разным способам утверждения «я», что становится причиной образования различного рода гибридных элементов, находящихся отражение как в речи персонажей, так и в структурах, исторически определяющих присутствие субъекта в тексте пьесы. Абсурд в подобных пьесах существует не как самодостаточный феномен, не как элемент, организующий пространство текста, что более характерно для пьес начала прошлого столетия, а как совокупность приёмов, работающих на общую авторскую установку.

В свою очередь, содержательная абсурдность ремарок «Терроризма» и пьес Пресняковых в целом, основанная на включении в драму лирического элемента, не просто становится средством отображения действительности и своеобразной формой организации – она типологически близка «новой искренности» лирики нулевых, а значит, определяет общую для литературы нового времени тенденцию к формированию нового субъекта, его позиции и способа описания окружающего его мира. Привычные связи (модели поведения и ситуаций, реакции действующих лиц на события и проч.) нарушаются, если не нивелируются вовсе. Однако автор в пространстве ремарок не столько сокрушается по поводу алогичного, непонятного, неизвестного ему устройства мира, сколько пытается дать ему обоснование, подчинить своей, субъективной логике. Автор принимает алогичность мира, а значит, и алогичность наполняемых его элементов. Он иллюстрирует ситуацию принятия фрагментарности, несвязности и сумбура действий, объектов и их реакций на происходящее вовне.

Субъективность в «Терроризме», однако, не замыкается на фигуре автора: различные модальные формы вкупе с характерной для пьесы для чтения описательностью вводят в текст нового субъекта – непосредственно читателя (в прямом смысле этого слова или же режиссёра, переводящего текст пьесы на язык сцены). Именно он, считывая модальные и описательные формы, выводит линии интерпретаций, причём так же, как и автор, он определяет границы своей, непременно абсурдной, картины мира.

Поскольку двойственностью, размытостью, ситуациями смещения и замещения характеризуется уже не только образный ряд, но и принципы, лежащие в основе организации текстового пространства, то и сам абсурд выходит в область, не замыкающуюся непосредственно текстом пьесы: содержание «Терроризма», дополненное смещениями на уровне автор – читатель, определяет абсурд как категорию, характеризующую современное автору пространство и всё, что его наполняет. Абсурд становится ос-

новой различных отношений – между реальными людьми, между персонажами пьесы, между автором и реципиентом и, наконец, между различными уровнями текста.

Список литературы

Васильева С.С. Пути развития русской драматургии конца XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 11. С. 96–101.

Ветелина Л.Г. «Новая драма» XX–XXI вв.: проблематика, типология, эстетика, история вопроса // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 108–114.

Возмищева Е.В. Функции ремарки в драматургии Василия Сигарева // Уральский филологический вестник. Сер.: Драфт: молодая наука. 2013. № 5. С. 244–250.

Екабсонс А.В. К вопросу о трансформации родовых признаков в современной драматургии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). С. 38–44.

Пресняков В., Пресняков О. Терроризм // Пресняков В., Пресняков О. The best. М.: Эксмо, 2005. С. 237–301.

Страшкова О.К., Бабенко И.А., Купреева И.В. К вопросу об актуальных проблемах исследования истоков жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX–XXI веков // Научный диалог. 2017. № 12. С. 251–262.

Толчеева К.В. Авторская ремарка как средство визуализации и характеристики персонажа // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 51–59.

References

Vasil'eva S.S. *Puti razvitiia russkoi dramaturgii kon-tsa XX veka* [Ways of development of Russian drama of the end of the XX century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University]. Ser. 8, *Literaturovedenie, Zhurnalistsika*, 2012, № 11, pp. 96–101. (In Russ.)

Vetelina L.G. “*Novaia drama*” XX–XXI vv.: *problematika, tipologiia, estetika, istoriia voprosa* [“New drama” of the XX–XXI centuries: problems, typology, aesthetics, history of the issue]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of the Omsk University], 2009, № 1, pp. 108–114. (In Russ.)

Vozmishcheva E.V. *Funktsii remarki v dramaturgii Vasiliia Sigareva* [The functions of remarks in the dramaturgy of Vasily Sigarev]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural Philological Bulletin]. Ser.: *Draft: molodaia nauka*, 2013, № 5, pp. 244–250. (In Russ.)

Ekabsons A.V. *K voprosu o transformatsii rodovykh priznakov v sovremennoi dramaturgii* [On the question of the transformation of generic signs in modern drama]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2012, № 5 (259), pp. 38–44. (In Russ.)

Presniakov V., Presniakov O. *Terrorizm* [Terrorism]. V. Presniakov, O. Presniakov. *The best* [The best]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, pp. 237–301. (In Russ.)

Strashkova O.K., Babenko I.A., Kupreeva I.V. *K voprosu ob aktual'nykh problemakh issledovaniia istokov zhanrovogo sinteza v poetike otechestvennoi dramaturgii XX–XXI vekov* [To the question of actual problems of research of the origins of genre synthesis in the poetics of Russian drama of the XX–XXI centuries]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2017, № 12, pp. 251–262. (In Russ.)

Tolcheeva K.V. *Avtorskaia remarka kak sredstvo vizualizatsii i kharakterizatsii personazha* [The author's remark as a means of visualization and characterization of the character]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University]. Ser.: *Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2007, № 1, pp. 51–59. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 05.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 156–159. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 156–159. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(73)''19''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-156-159>

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В НОВЕЛЛЕ КЕЙТ ШОПЕН «ELIZABETH STOCK'S ONE STORY»

Шмелева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Иваново Россия, tanyale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3269>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проявления гендерных стереотипов в новелле американской писательницы XIX века Кейт Шопен «Единственный рассказ Элизабет Сток». Анализируются положения феминистской критики, направленные на выявление особенностей проявления феминности в тексте. В статье приводятся характерные особенности, маркирующие «женское письмо», среди которых помимо специфического женского опыта и гендерной идентичности выделяются своеобразный двухголосый дискурс (основа которого через французских постструктуралистов уходит истоками к идеям М.М. Бахтина о «чужом» слове) и экстатическая коммуникация с миром. Данная новелла является единственным примером обращения Шопен к проблеме женского творчества. В ироничном изложении героиней своего литературного опыта прослеживается оценочный «голос» общества, активизирующий ролевые клише традиционного предназначения женщины. Литература же интересует героиню не только как искусство, но и как способ самовыражения и обретения самоидентичности. При всей нарочитой камерности истории героини ее рассказ наполнен описанием нравов и деталей, включающих ее в канву общественной жизни всей страны. В новелле Шопен важную роль играет утверждение собственного «я» героиней, которая вопреки общественным стереотипам претендует на традиционно мужские формы поиска самовыражения.

Ключевые слова: американская литература, Кейт Шопен, женская проза, гендер, гендерные стереотипы, образ «новой женщины», феминизм

Для цитирования: Шмелева Т.Н. Гендерные стереотипы и их проявление в новелле Кейт Шопен «Elizabeth Stock's One Story» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 156–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-156-159>

Research Article

GENDER STEREOTYPES AND THEIR MANIFESTATIONS IN KATE CHOPIN'S «ELIZABETH STOCK'S ONE STORY»

Tatyana N. Shmeleva, Candidate of Philological Sciences, Lenin Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russia, tanyale@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3269>

Abstract. The article deals with the peculiarities of gender stereotypes in Kate Chopin's work «Elizabeth Stock's One Story». The Feminist criticism statements aiming at the revealing of femininity manifestation in a text are analysed. Characteristic features marking «female writing» are given, among them besides specific woman's life experience, gender identity and ecstatic communication with the world, peculiar «two voice» discourse is also distinguished (it traces its roots back to the Mikhail Bakhtin's ideas about «someone else's» word through the French poststructuralists). «Elizabeth Stock's One Story» is the only example of Chopin's reference to the problem of women's creativity. The assessing voice of the society intensifying clichés of the woman's «natural role» can be detected in heroine's ironical presentation of her own literary experience. The heroine is interested in literature and it's not only an art for her but also a means of self-expression and a way to self-identity. Despite of the intimacy of Elizabeth's story her narration is filled with the description of public morality and details which join it into the social life of the whole country. In Chopin's short story the heroine's claim of identity being through traditionally men's forms of self-identification is truly significant.

Key words: American literature, Kate Chopin, women's prose, gender, gender stereotypes, image of «new woman», feminism

For citation: Shmeleva T.N. Gender Stereotypes and their manifestations in Kate Chopin's «Elizabeth Stock's One Story». Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 156–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-156-159>

Феминистская литературная критика сочетает в себе множество разнообразных и порой противоречащих друг другу подходов, поэтому постараемся выделить те моменты, которые наиболее значимы при анализе текста, и обозначить характерные черты, маркирующие, по мнению литературоведов, «женское письмо».

Симона де Бовуар одной из первых попыталась найти философское объяснение существующему феномену женского в культуре. Она была убеждена в том, что трагедия женщины заключается в конфликте между естественной потребностью личности утвердить ценность собственного «я» и местом женщины в общественной иерархии, основанном на представлении о ее несамостоятельности. Согласно Симоне де Бовуар, традиционная культура, приписывая женщине некую несостоятельность, тем самым ставит ее в положение «второго пола», умаляя значимость всех областей женской деятельности соответственно [Бовуар: 32].

Вопрос существования определенных, формальных признаков отличия текста автора-женщины от текста автора-мужчины вызывает особый интерес. Ключевыми трудами по проблематике «женского письма» являются работы Э. Сиксу «Смех медузы» (1975) и Л. Иригарэй «Зеркало другой женщины» (1974), «Этот пол, который не один» (1977). Пытаясь найти отличия феминного и маскулинного самовыражения в тексте, Э. Сиксу берет за основу теорию Жана Жака Руссо о существовании двух типов языка: рационального и выразительного. По мнению Э. Сиксу, в женском мировосприятии первостепенной является экстатическая, телесная связь с миром, состоящая из чувств и ощущений, что в свою очередь находит отражение и в языке [Сиксу 880–891].

Л. Иригарэ убеждена, что у женщины нет своего языка в патриархальной культуре, она может лишь подражать маскулинному дискурсу. Проявление собственно женского самосознания она видит в особом игровом повторении, определяя его как «феминные действия с текстом». С точки зрения Люси Иригаре, игровой мимесис является ключевой особенностью женского текста. Она полагает, что имитируя маскулинный дискурс, преувеличивая его логичность, возможно наиболее четко показать истинное положение женщины [Современная литературная теория: 333]. Эти мысли о двухголосном дискурсе женского текста и его игровой природе, по мнению отечественного литературоведа отечественного О.Ю. Анцыферовой, созвучны идеям М.М. Бахтина о «чужом слове» и романной полифонии и, вероятно, происходят от них, будучи восприняты от французских постструктуралистов [Анцыферова: 82].

Таким образом, феминистская критика, рассматривая творчество женщин как отражение специфи-

ческого женского опыта и гендерной идентичности, выделяет в качестве основных признаков женского письма разрывность повествования, своеобразное двухголосие и особое чувственное восприятие мира.

Новелла Кейт Шопен (1850–1904) «Единственный рассказ Элизабет Сток» (Elizabeth Stock's One Story, 1898) является только одним произведением в литературном наследии американской писательницы, которое посвящено проблеме женского литературного творчества. Рассказ Элизабет предваряет предисловие. Повествователь волею случая попадает в местечко Стоунлифт, где от местных жителей узнает о некоей Элизабет Сток, которая мечтала стать писательницей («was much given over to scribbling»¹ [Chopin: 37]). Знакомясь с архивом Элизабет, рассказчик находит среди бумаг «страницы, которые имели какое-то подобие связного и логичного повествования» [Chopin: 37]. Затем следует сам рассказ героини. Подобную композицию встречаем в романе Готорна «Алая буква» (The Scarlet Letter, 1850). Фактически предисловие в новелле служит той же цели, что очерк «Таможня» у Готорна – читателю сообщают, что автор публикует рукопись другого человека, случайно оказавшуюся у него. Тем не менее существуют и значительные различия. Для Готорна рукопись явилась своеобразной заготовкой повести, где повествователь, не ограничивая себя содержанием первоисточника, по его собственным словам, «дал себе полную свободу, словно все это – плод моей собственной фантазии. Я настаиваю лишь на одном – достоверности общих контуров» [Готорн: 64]. В новелле Шопен рассказчик в двух вступительных абзацах примеряет на себя роль литературного критика, чьи оценочные суждения «scribbling», «bad prose», «impossible verse» «сигналят» о его скептическом отношении к творческим попыткам главной героини. Тем не менее сам рассказ Элизабет приводится без комментариев и изменений.

Единственное произведение Элизабет Сток представляет собой автобиографию. Читатель узнает внешнюю канву событий, а также получает возможность судить о внутреннем мире героини, ее желаниях, мотивах поступков. Своеобразие субъективного видения углубляется тем, что героиня излагает события прошлого, являясь уже зрелым человеком. Конструирование прошлого становится для героини попыткой понять себя, проанализировать и осознать причины собственной жизненной драмы. Ее единственный рассказ становится для Элизабет Сток не только попыткой создать литературное произведение, но и способом самовыражения, где ее ощущения, страхи и желания оказались выдвинуты на первый план. Элизабет не похожа на традиционную героиню, она без стеснения говорит («not afraid or ashamed to say it» [Chopin: 38]), что не замужем («unmarried»), хотя ей 38 лет. Примечательно, что Элизабет выби-

рает именно слово «unmarried», а не «single», тем самым в исповедь главной героини подспудно вторгается «голос» общественного мнения, который определяет, какое должно быть самоощущение у женщины в ее положении. Элизабет могла бы это изменить, выйдя замуж за своего давнего поклонника. Но союз без уважения и любви для героини неприемлем. Свое решение Элизабет объясняет так: «Проблема с Вансом в том, что ему не хватает ума. В глубине души я уверена, что дядя Уильям и тот умнее» [Chopin: 44].

О своем возникшем еще в детстве желании писать рассказы Элизабет говорит извиняющимся тоном: «I always felt as if I would like to write stories» (выделено мной. – Т. III.). Затем прямо и безыскусно объясняет, в чем она видит причину неудач своих творческих попыток: «Когда бы я ни захотела написать рассказ, я не могла придумать сюжет. Однажды я написала о том, как старый Си'Шепард потерялся в лесу и не вернулся, но когда я показала это дяде Уильяму, он сказал: “Знаешь, Элизабет, думаю тебе лучше заняться шитьем, это не рассказ, все знают про старого Си'Шепарда”» [Chopin: 38]). В этом фрагменте затрагивается комплекс принципиальных для женского творчества вопросов и артикулируются ролевые клише, ограничивающие естественное предназначение женщины сферой ее домашнего хозяйства. По сути, жизненный опыт женщин XIX века, ограниченный домом, действительно был скудным по сравнению с мужским. В связи с этим вспоминаются слова известной английской писательницы Джейн Остен (1775–1817). Тематическую узость своих произведений она обосновывала следующим образом: «Уверена, что исторический роман более способствовал бы моему прославлению, чем картины семейной жизни в деревне. Но я не способна написать ни исторический роман, ни эпическую поэму. Так не лучше ли мне следовать избранному пути и придерживаться своего стиля, может быть, меня и ждут неудачи, но я убеждена, что они будут еще большими, если я изменю себе» [Гениева: 87]. Спустя век Вирджиния Вулф в эссе «Своя комната» обращается к этой же проблеме, иронично замечая: «Футбол и спорт – “важно”, покупка одежды – “пустое”. Неизбежно этот ценник из жизни переносится в литературу. “Значительная книга, – серьезно рассуждает критик, – она посвящена войне”. “А эта – ничтожная, про женские чувства в гостиной”» [Вулф: 127].

В своем коротком рассказе Элизабет является одновременно и субъектом, и объектом повествования. Героиня рассказывает о себе и как бы обращается к невидимому собеседнику, которому она пытается пояснить, почему в тот или иной момент она так поступала или думала. Таким образом, в монологе героини можно выделить два уровня: описание своих поступков и переживаний – в первом; во втором ее

же собственные пояснения к рассказу, своего рода автокомментарии. Свое решение оставить попытки заняться литературным творчеством Элизабет комментирует следующим образом. По ее мнению, приобретение собственного литературного слога требует много времени и труда, что она не могла себе позволить в силу материальных причин. Еще одной существенной проблемой был поиск сюжета («I never could think of a plot»). Удивительно, но известная американская писательница XIX века Сара Орн Джуитт (1849–1909), делая свои первые шаги на литературном поприще, в письме от 1873 года сетует своему наставнику Уильяму Дину Хоуэллсу на ту же проблему, что мучила и Элизабет Сток, практически повторяя ее слова «I don't believe I could write a long story... The story would have no plot» [Cary: 43].

Элизабет не в силах сочинить вымышленную историю о событиях, далеких от сферы ее личного опыта. Так, у нее ничего не выходит из детективного рассказа про убийство и кражу, не получается справиться с сюжетом про железнодорожную катастрофу, не удается завершить забавную историю, главной интригой которой становится то, как одного героя по ошибке принимают за другого. Она печально резюмирует: «Все было напрасно. Я это бросила» [Chopin: 38]. Только оказавшись в больнице после потери работы, Элизабет получает возможность писать. Теперь у нее есть и время, и сюжет. Главная тема, как ее определяет сама Элизабет, это потеря работы («how I lost my position»). Примечательно, что героиня использует слово «position», тем самым подчеркивая, что работа воспринимается ею гораздо шире, чем просто должность.

Несмотря на всю свою камерность, рассказ героини о том, как ее отстранили от заведования почтой в захолустном Стоунлифте, наполнен социальной проблематикой. Ключевую роль в случившемся играют кумовство и нечистоплотность власть предержащих. Так, Э. Тот во вступительной статье к сборнику Шопен характеризует данную новеллу как «изобличающую плутократов» («unmask the plutocrats») [Toth: XXIV]. Главной достопримечательностью Стоунлифта является роскошный особняк Натана Брайтмена, без которого «Стоунлифт ничего бы из себя не представлял» [Chopin: 39]. Именно мистер Брайтмен, который по иронично звучащей характеристике Элизабет «по большей части отсутствовал, но сделал так много для жителей Стоунлифта», сыграет фатальную роль в судьбе самой героини. В конце рабочего дня Элизабет попадает в руки открытка, адресованная мистеру Брайтмену. Утром следующего дня его ждут на важном совещании в Сент-Луисе. Несмотря на ненастную мартовскую погоду, Элизабет спешит к Брайтменам. Короткое описание пути героини плотно насыщено мрачными эпитетами, создавая атмосферу предчувствия неотвратимой беды:

«raw and chill», «black and penetrating», «freezing», «drizzling», «doleful organ tones», «sweeping down», «signing deep and soft like dying souls in pain». Мистер Брайтмен вежливо благодарит Элизабет. Услышав гудок ночного экспресса по дороге домой, Элизабет с гордостью и удовлетворением думает, что мистер Брайтмен наверняка едет там, и тут же иронизирует над собой: «Ну мы все в той или иной мере эгоисты в этом мире!». По иронии судьбы этот поступок, вызвавший у героини прилив гордости и чувство значимости своей работы, становится причиной ее жизненной драмы. Прогулка под дождем в ненастную погоду не проходит бесследно, Элизабет заболевает, а вскоре приходит письмо из Вашингтона, извещающее о том, что она уволена за «некомпетентность и пренебрежение служебными обязанностями, а также из-за жалобы на чтение чужой почты» [Chopin: 43]. Эта депеша из Вашингтона смещает фокус с удаленного местечка Стоунлифт, придавая ему обобщающее звучание. Вскоре выясняется, что на должность Элизабет назначают сына приятеля мистера Брайтмена по фамилии Коллинз, того самого, кто прислал мистеру Брайтмену ту злополучную открытку. Становится очевидно, что героиня – жертва циничной махинации. Перед читателем уже не только история Элизабет Сток, а сложная судьба маленького человека, страдающего от социальной несправедливости. Тем не менее, написав свой рассказ, излив свои переживания, огорчения, мечты и стремления, Элизабет внутренне раскрепощается и обретает душевное спокойствие: «В конце концов, мне остается только довериться воле providения и верить в удачу» («After all, what I got to do is leave everything in the hands of Providence and trust to luck») [Chopin: 44]. Здесь неизменная тяга героини к литературному творчеству приобретает символическое звучание. Литература, творчество предстают как высшая форма существования, дающая возможность восстановить целостность своего бытия.

Элизабет являет собой особый образ «новой женщины». Героиня Шопен не пытается отрицать общественные установки и противостоять им, ее эмансипированность проистекает из естественного стремления быть верной себе и честной с самой собой. В автобиографии Элизабет Сток сложился образ, доминантой которого становится внутреннее противостояние «голосу» общественного мнения и ощущение своей инаковости. В исповеди героини, где тесно переплетены мечты и факт, лирическое чувство и попытка анализа, актуализируются основные проблемы, связанные с женской литературой и ее общественным восприятием.

Примечания

¹ Любопытно, что весьма нелестное замечание Готорна о женщинах-писательницах, его современницах, «a damned mob of scribbling women» [Wallance:

204] («to scribble» мараить бумагу, пописывать) лексически совпадает с пренебрежительным высказыванием окружающих об увлечении героини.

Список литературы

Анцыферова О.Ю. Извивы феминистского литературоведения // Женщина в российском обществе. 2005. № 3–4. С. 73–86.

Бовуар С. де Второй пол. СПб.: Алетея, 1997. 831 с.

Вулф В. Своя комната // Эти загадочные англичанки. М.: Прогресс, 1992. С. 79–154.

Гениева Е. Чудо Джейн Остен // Остен Дж. Леди Сьюзен. Уотсоны. Сэндитон: романы. М.: Текст, 2002. С. 7–18.

Готорн Н. Алая буква // Избранные произведения: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 40–232.

Современная литературная теория: антология / сост., перевод, примеч. И.В. Кабановой. М.: Флинта, 2004. 342 с.

Cary R. Sarah Orne Jewett Letters. By Sarah Orne Jewett. Waterville, M.E., Colby College Press, 1967, 186 p.

Chopin K. Elizabeth Stock's One Story. Chopin K. A Vocation and a Voice. N. Y., Penguin Books, 1991, pp. 37–44.

Cixous H. The Laugh of the Medusa. Signs, 1976, vol. 1, № 4, pp. 875–893.

Toth E. Introduction. Chopin K. A Vocation and a Voice. N. Y., Penguin Books, 1991, pp. VII–XXVI.

Wallance J.D. Hawthorne and the Scribbling Women Reconsidered. American Literature, 1990, vol. 62, № 2, pp. 201–222.

References

Antsyferova O.Iu. *Izvivy feministkogo literaturovedeniia* [The Curves of Feminist Literary Criticism]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2005, № 3–4, pp. 73–86. (In Russ.)

Bovuar S. de *Vtoroi pol* [the Second Sex]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 1997, 831 p. (In Russ.)

Vulf V. *Svoia komnata* [The room of Her Own]. *Eti zagadochnye anglichanki* [Those Enigmatical English Women]. Moscow, Progress Publ., 1992, pp. 79–154. (In Russ.)

Genieva E. *Chudo Dzhein Osten* [The Wonder of Jane Austen]. *Osten Dzh. Ledi S'iuzen. Uotsony. Senditon: romany* [Jane Austen. Lady Susan. The Watsons. Sanditon: novels]. Moscow, Tekst Publ., 2002, pp. 7–18. (In Russ.)

Gotorn N. *Alaia bukva* [The Scarlet Letter]. *Izbr. proizv.: v 2 t.* [Selected Works in 2 vols]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1982, vol. 1, pp. 40–232. (In Russ.)

Sovremennaia literaturnaia teoriia: antologiya [Modern Literary Theory: Anthology], comp., transl., notes by I.V. Kabanova. Moscow, Flinta Publ., 2004, 342 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2021; одобрена после рецензирования: 27.04.2021; принята к публикации: 10.05.2021

The article was submitted 26.02.2021; approved after reviewing: 27.04.2021; accepted for publication 10.05.2021

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 160–163. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 160–163. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 342:35

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-160-163>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мельников Иван Николаевич, кандидат юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, Melnikk44@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4758-5961>

Самаков Иван Андреевич, помощник мирового судьи судебного участка № 4 Свердловского судебного района г. Кострома, Кострома, Россия, k.5460@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассмотрены актуальные вопросы правового регулирования в сфере применения искусственного интеллекта на государственной и муниципальной службе в Российской Федерации в целях обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. В статье выделяются текущие проблемы, возникающие в осуществлении отдельных государственных функций, такие как: работа государственных органов с обращениями граждан и отсутствие нормативного регулирования использования в этом процессе технологии искусственного интеллекта, применение которого будет способствовать соблюдению сроков работы с обращениями граждан, а также повысит общий уровень качества взаимодействия граждан и институтов публичной власти. Предлагаются конкретные меры по развитию законодательства в целях внедрения искусственного интеллекта в решение задач, стоящих перед публичной властью. В статье сформулирован основной вывод касательно тенденции использования системы искусственного интеллекта в рассматриваемом вопросе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право, правовое регулирование, государственная служба, муниципальная служба, обращения граждан.

Для цитирования: Мельников И.Н., Самаков И.А. Актуальные вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере осуществления государственной и муниципальной службы в Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 160–163. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-160-163>

Research Article

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE IMPLEMENTATION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ivan N. Melnikov, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Melnikk44@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4758-5961>

Ivan A. Samakov, assistant of the judge of the judicial district no. 4 of Sverdlov judicial district of Kostroma, Kostroma, Russia, k.5460@yandex.ru

Abstract. This paper discusses the current issues of legal regulation in the field of artificial intelligence in the state and municipal service in the Russian Federation in order to ensure and protect the rights and freedoms of man and citizen. The article highlights the current problems that arise in the implementation of certain state functions, such as – the work of state bodies with citizens' appeals and the lack of regulatory regulation of the use of artificial intelligence technology in this process, the use of which will contribute to meeting the deadlines for working with citizens' appeals, as well as increase the overall level of quality of interaction between citizens and public authorities. Specific measures are proposed for the development of legislation in order to introduce artificial intelligence in solving the problems facing the public authorities. The article formulates the main conclusion regarding the trend of using the artificial intelligence system in the issue under consideration.

Keywords: artificial intelligence, law, legal regulation, public service, municipal service, citizens' appeals.

For citation: Melnikov I.N., Samakov I.A. Topical issues of legal regulation of artificial intelligence in the implementation of state and municipal service in the Russian Federation. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 160–163 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-160-163>

В настоящее время правовое регулирование труда государственных гражданских служащих имеет важное значение, поскольку в Российской Федерации, по состоянию на 2019 год, на каждые десять тысяч населения в среднем приходится 147 государственных служащих¹, или около 1,6 процента от общей численности занятого населения страны.

На данный момент роль государственных гражданских служащих переоценить довольно сложно. В их задачи входит обеспечение прав и свобод человека и гражданина посредством организации деятельности органов государственной власти.

Несмотря на значительное количество научных исследований в сфере регулирования деятельности государственной и муниципальной службы в России, вопросы применения современных технологий в интересах обеспечения прав граждан остаются актуальными и дискуссионными.

В новейший период истории Российской Федерации регулирование деятельности государственных служащих требует качественно нового осмысления и постановки новых целей. Устаревшие и противоречащие ряду вновь принимаемых нормативно-правовых актов законодательные нормы подвергаются серьёзным изменениям, призванным актуализировать и привести в порядок систему норм, обеспечивающих регулирование деятельности государственных учреждений, в том числе с учётом цифровой трансформации.

В эпоху активного развития цифровых технологий особое внимание необходимо уделять обновлению технологий, которые применяются государственными служащими при исполнении ими своих служебных обязанностей и одновременной правовой регламентации этих процессов.

Искусственный интеллект, в силу своей значимости, является исторически объективным высокотехнологичным проектом. Целью разработчиков технологии искусственного интеллекта является конструирование самообучающихся интеллектуальных машин и их объединение на фундаменте сетевого формата. Одна из важнейших функций искусственного интеллекта заключается в осуществлении таких креативных форм деятельности, которые считаются сугубо человеческими [Буряк, Габриелян: 119–120].

Перспективный искусственный интеллект должен уметь самостоятельно принимать решения, быстро реагировать на изменения окружающей обстановки и, самое главное, запоминать результаты своих предыдущих действий и руководствоваться ими в дальнейшей работе [Буренок: 26].

Одной из повседневных задач, которые входят в сферу обязанностей государственных гражданских служащих, является взаимодействие с гражданами. Данная функция является одновременно одной из са-

мых распространенных в деятельности государственных и муниципальных служащих и показательной с точки зрения ее оценки со стороны общества.

Статья 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ² закрепляет право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам.

При этом гражданин Российской Федерации не ограничен в выборе формата обращения – статья 7 указанного Федерального закона содержит положение о возможности обращения как в письменной форме, так и в формате электронного документа.

В настоящее время среди органов публичной власти существует проблема, связанная с ведением работы по обработке обращений граждан. Вызвана она в первую очередь конституционным правом гражданина на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, закреплённым статьёй 29 Конституции Российской Федерации³ и получившим конкретизацию в ранее упомянутой статье 2 Федерального закона № 59-ФЗ. Должностные лица обязаны обрабатывать большие массивы поступивших обращений, затрачивая на это значительное количество времени. При этом каждый ответ гражданину должен соответствовать действующему законодательству Российской Федерации, в том числе – положениям статьи 10 «Рассмотрение обращения», статьи 11 «Порядок рассмотрения отдельных обращений» Федерального закона № 59-ФЗ.

Из них следует, что в обязанности должностного лица при подготовке ответа на обращение входят среди прочего дача письменного ответа по существу вопроса и уведомление о статусе рассмотрения.

Одной из проблем, возникающих в процессе выполнения органами государственной власти и местного самоуправления своих функций по защите прав граждан при работе с обращениями, является их несоответствие установленным законодательством требованиям, направление неверному адресату либо повторное направление. При этом государственный или муниципальный служащий обязан рассмотреть каждое из таких обращений и направить официальный ответ. Данная проблема не единична и не является уникальной, присущей какому-либо конкретному государственному органу. Напротив, она имеет место быть в каждом государственном учреждении, ведущем работу с населением. Следствием данного

явления выступает снижение качества ответов, получаемых гражданами на свои обращения.

В связи с изложенным возникает вопрос о целесообразности привлечения к выполнению данной работы искусственного интеллекта для снижения нагрузки на государственных служащих и ускорению работы по обработке обращений граждан. Данные мероприятия позволят повысить не только качество ответов на них, но и в целом положительным образом повлияют на уровень защиты прав граждан Российской Федерации.

Данное предложение представляется возможным реализовать при создании единой для конкретного органа публичной власти электронной базы формата «вопрос – ответ». Она может выглядеть в двух вариантах, которые мы рассмотрим далее.

Первый и наиболее простой должен представлять собой перечень наиболее часто задаваемых в обращениях вопросов; при выборе какого-либо конкретного искусственный интеллект должен давать ответ, заранее заложенный для него должностным лицом. В этом случае обращение гражданина будет считаться рассмотренным.

Второй вариант имеет усложненную структуру и порядок работы, при его создании и обучении должны участвовать специалисты, способные поддерживать развитие системы в течение длительного времени. В данном случае необходимо сформировать базу, которая содержит наиболее часто задаваемые вопросы с готовыми ответами на них. При загрузке в такую базу обращения она должна провести его анализ и подобрать наиболее близкий ответ по используемым в запросе словам из имеющегося в её распоряжении перечня, предоставив работнику возможность автоматического направления адресату полученного ответа либо его корректировки вручную. Однако для осуществления данных мероприятий необходимо масштабное изменение всего законодательства Российской Федерации, которое в мельчайших деталях регулировало бы порядок работы искусственного интеллекта при подготовке ответа, что в текущих реалиях довольно проблематично.

Представляется возможным, отталкиваясь от уже действующих норм права, создать и применять такую систему, которая в случае, когда полученное обращение не удовлетворяет установленным требованиям (не содержит необходимых реквизитов, направлено повторно, указан неверный адресат), автоматически, без участия работника, направляет гражданину соответствующее уведомление с разъяснением дальнейшего порядка его действий.

Данная система позволит значительно сократить время рассмотрения отдельно взятого обращения, снизив участие в этом процессе государственного служащего до минимального значения, предоставив

гражданину, таким образом, дополнительную гарантию защиты его прав. В связи с этим второй вариант, по нашему мнению, наиболее жизнеспособен и актуален как в настоящий момент, так и в перспективе.

Однако оба рассмотренных варианта приводят нас к проблеме правового регулирования данного вопроса. Дело в том, что текущее законодательство не содержит возможности применения искусственного интеллекта при исполнении государственными и муниципальными служащими своих функций. Указанные лица в своей деятельности строго ограничены рамками действующего законодательства и должностных инструкций, отходить от которых либо не представляется возможным, либо создаёт риск нарушения прав граждан.

В связи с этим для внедрения искусственного интеллекта в осуществление функций государственного и муниципального служащего необходимо вносить изменения в законодательство, и чем скорее данные изменения появятся – тем стремительнее будет повышаться качественный уровень защиты прав граждан.

Однако технологии искусственного интеллекта должны лишь помогать людям делать их работу еще более эффективной и безопасной, но ни в коем случае не заменять их полностью. Технологии должны развиваться, но это развитие должно быть гармоничным с развитием социума [Солнцева: 47].

На примере рассмотренных в работе вопросов представляется необходимым внесение следующих изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ: дополнить ст. 10 п. 5 и изложить его в следующей редакции:

5. Обращение рассматривается государственным органом, органом местного самоуправления, должностным лицом или системой искусственного интеллекта.

Такие изменения дадут государственному служащему право применять систему искусственного интеллекта при рассмотрении и подготовке ответа на поступившее обращение, а также не допустят появления коллизий при анализе юридического значения документов, подготовленных государственным служащим, и аналогичных документов, полученных в результате применения искусственного интеллекта.

Дополнить ст. 11 п. 8, 9 и изложить их в следующей редакции:

8. В случаях, указанных в ч. 1 – ч. 6 настоящей статьи, система искусственного интеллекта направляет гражданам соответствующие уведомления.

9. Уведомление, направленное в ответ на обращение системой искусственного интеллекта, по юридической силе равносильно аналогичному уведомлению, направленному государственным органом, органом местного самоуправления или должностным лицом.

Данным изменением предлагается использовать искусственный интеллект для защиты прав и свобод граждан с целью снижения времени обработки обращений, на которые требуется дать «типовой» ответ, не требующий к себе внимания специалиста. При этом предложенные изменения, внесённые в статью 10 рассматриваемого Федерального закона, уравнивают юридическую значимость автоматически направляемых и подготовленных специалистом уведомлений.

Предлагаемые изменения существенным образом повлияют на трудовую деятельность государственных служащих, что выразится в первую очередь в снижении трудовой нагрузки, равно как и в упрощении процесса работы с гражданами. Для последних же система искусственного интеллекта позволит получать ответ в максимально краткие сроки, что в некоторых случаях является необходимостью, учитывая их строгое установление и ограничение на законодательном уровне.

Примечания

¹ Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления на 10 000 человек постоянного населения по субъектам Российской Федерации. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/UkVSR57q/Gos-post1%20\(1\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/UkVSR57q/Gos-post1%20(1).xls) (дата обращения: 12.04.2021).

² «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: Федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. Правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999 (дата обращения: 13.04.2021).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 13.04.2021).

Список литературы

Буренок В.М. Направления и проблемы применения искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: проблемы и пути решения – 2018: материалы конференции. 2018. С. 24–28.

Буряк В.В., Габриелян О.А. Социальные последствия цифровизации экономики России: актуализация искусственного интеллекта // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2018. № 3. С. 118–122.

Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-Management. 2018. № 1. С. 43–51.

References

Burenok V.M. *Napravleniia i problemy primeneniia iskusstvennogo intellekta* [Directions and problems of using artificial intelligence]. *Iskusstvennyi intellekt: problemy i puti resheniia – 2018: materialy konferentsii* [Conference program: «Artificial Intelligence: problems and solutions – 2018»], 2018, pp. 24–28. (In Russ.)

Buriak V.V., Gabrielian O.A. *Sotsial'nye posledstviia tsifrovizatsii ekonomiki Rossii: aktualizatsiia iskusstvennogo intellekta* [Social consequences of digitalization of the Russian economy: actualization of artificial intelligence]. *Nauchnyi vestnik: Finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investments], 2018, № 3, pp. 118–122. (In Russ.)

Solntseva O.G. *Aspekty primeneniia tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [Aspects of using artificial intelligence technologies]. *E-Management*, 2018, № 1, pp. 43–51. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.03.2021; одобрена после рецензирования 17.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 14.03.2021; approved after reviewing 17.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ЗАЩИТА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ОТ НАПАДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Басова Алла Викторовна, кандидат юридических наук, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия, allsar@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9155-5957>

Власова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия, vmv-22@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5813-4154>

Барашков Григорий Михайлович, кандидат политических наук, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия, eternity65@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0428-2968>

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы обеспечения защиты медицинских работников от нападений пациентов и их родственников в российском здравоохранении, изучению уровня информированности врачей о механизме защиты своих прав при возникновении конфликтных ситуаций при оказании медицинской помощи пациентам. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости повышения правовой грамотности медиков, об обеспечении необходимого уровня материально-технического снабжения медицинских работников современными средствами самозащиты, о совершенствовании правового регулирования безопасности медицинской деятельности. Предлагаемые меры повысят эффективность реализации защиты прав медицинских работников и будут являться средством профилактики нападения на них в системе здравоохранения. Воспитание уважительного отношения пациентов к медицинским работникам, повышение престижа профессии в обществе является важной составляющей профилактики нападений на медиков.

Ключевые слова: права, защита, безопасность, нападения, насилие, медицинские работники, пациенты

Для цитирования: Басова А.В., Власова М.В., Барашков Г.М. Защита медицинских работников от нападения: проблемы конституционного обеспечения // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 164–169. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-164-169>

Research Article

PROTECTING OF MEDICAL WORKERS FROM ATTACK: PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL PROVISION

Alla V. Basova, Candidate of Jural Sciences, Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Russia, allsar@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9155-5957>

Marina V. Vlasova, Candidate of Sociological Sciences, Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Russia, vmv-22@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5813-4154>

Grigory M. Barashkov, Candidate of Political Sciences, Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Russia, eternity65@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0428-2968>

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of ensuring the protection of medical workers from the encroachments of patients and their relatives in the Russian health care system, the study of the level of awareness of physicians about the mechanism for protecting their rights in case of conflict situations when providing medical care to patients. As a result of the conducted research, the authors come to the conclusion that it is necessary to improve the legal literacy of physicians, provide the necessary level of material and technical support for medical workers with modern means of self-defence, and improve the legal regulation of the safety of medical activities. The proposed measures will increase the effectiveness of the implementation of the protection of the rights of medical workers and will become a means of preventing encroachments on them in the health care system. Fostering a respectful attitude of patients to medical professionals, increasing the prestige of the profession in society is an important component of preventing attacks on health workers.

Keywords: rights, protection, security, attacks, violence, healthcare workers, patients

For citation: Basova A.V., Vlasova M.V., Barashkov G.M. Constitutional protection of medical workers from patient aggression: provision problems. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 164–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-164-169>

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому государственную охрану достоинства личности (ст. 21), право на личную неприкосновенность (ст. 22). Ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, в том числе при осуществлении профессиональной деятельности¹.

Вместе с тем нападения пациентов, их родственников, друзей на медицинских работников на протяжении последних 10 лет являются актуальной проблемой российского права, поскольку учащаются случаи насильственных действий по отношению к медикам при выполнении ими своих профессиональных функций. По данным Министерства здравоохранения, за период 2012–2018 гг. только на бригады скорой помощи было зафиксировано 1 226 случаев нападений в России, в результате которых медицинские работники получили травмы различной степени тяжести [Нехлебова: 27]. Работодатели стараются не афишировать такие случаи, опасаясь юридической ответственности, поскольку обеспечение безопасных условий труда – прямая их обязанность.

Средства массовой информации практически ежемесячно освещают случаи нападения на медиков. В апреле 2020 года в Краснодарском крае за две недели было совершено два нападения на медработников скорой помощи. В первом случае девушка-врач приехала для оказания медицинской помощи пациентке, избитой сожителем, и подверглась унижающему человеческое достоинство обращению и избиению, а именно неоднократным ударам головой об стену и «тасканию» за волосы. Во втором случае фельдшер получил удар в челюсть от пьяного пациента. В Москве в этом же месяце фельдшер получила черепно-мозговую травму от отца ребенка-пациента за то, что она была одета в противочумный костюм при осмотре ребенка с пневмонией, а ведь его ношение обязательно при подозрении на коронавирусную инфекцию. Жительница Улан-Удэ нанесла врачу скорой помощи удар по лицу, фельдшеру – в живот, так как ей не понравилось, что последняя посмотрела в зеркало на стене, а должна была оказывать медицинскую помощь мужу [Баландина: 1].

Рассмотренные примеры демонстрируют, что нападению медицинские работники подвергаются не только со стороны находящихся в алкогольном и ином опьянении людей, но и отдающих отчет в своих действиях граждан. Рассмотренные нами случаи являются грубыми нарушениями конституционных гарантий охраны здоровья, достоинства человека и его личной неприкосновенности. Более того, нарушаются положения ч. 3 ст. 36 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что каждый

имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности.

Согласно ст. 71 основного закона в ведении Российской Федерации находится защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности. В июле 2020 года в действующую Конституцию РФ была принята поправка – статья 75.1, согласно которой государство гарантирует гражданам защиту достоинства и уважение человека труда, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей граждан. Данные положения требуют обеспечения государством конституционных гарантий достоинства человека, личной неприкосновенности и безопасности при осуществлении профессиональной деятельности медицинскими работниками.

Обеспечение безопасности граждан в различных сферах жизнедеятельности необходимо для развития устойчивых правовых отношений, гарантирующих защищенность жизненно важных интересов граждан, общества и государства, а также с целью сохранения социальной стабильности в обществе [Карасев, Елькина, Мещеряков: 8].

Безопасные правовые отношения необходимы и при оказании медицинской помощи гражданам. При нападении пациентов на медицинских работников, осуществляющих профессиональную функцию, наносится двойной ущерб общественным интересам: во-первых, достоинству и здоровью медицинских работников, а во-вторых, интересам неопределенного круга лиц – охране общественного здоровья населения, своевременному оказанию медицинской помощи гражданам. Пострадавшим медицинским работникам требуется время на обращение в полицию, на лечение, реабилитацию. В это время они не оказывают медицинскую помощь нуждающимся в ней гражданам, а в условиях острой нехватки медицинских работников в практическом здравоохранении и распространения пандемии коронавирусной инфекции защита медицинских работников от нападений пациентов приобретает особую значимость.

Безопасность – одна из основополагающих потребностей, обеспечивающих полноценное существование человека, его жизнь и развитие. Без наличия конституционно-правовых гарантий безопасности все остальные гарантии – социально-экономические, духовные и политические – теряют свое значение [Воронцова: 25].

Отсутствие обеспечения безопасности медицинских работников на рабочем месте порождает проблемы их профессионального «выгорания», оттока высококвалифицированных специалистов из профессии [Риски: 188].

Случаи возбуждения уголовных дел в России за нападения пациентов на медицинских работни-

ков уже никого не удивляют, однако проблема требует решения. Многие ученые высказываются о необходимости введения специальных мер усиленной правовой защиты медицинских работников, указывая, что действующие механизмы защиты недостаточны.

Проблема нападения пациентов, их родственников или друзей на врачей существует не только России. В США в 2018 году исследовательской компанией «Marketing General Incorporated» было опрошено более 3,5 тысяч врачей скорой медицинской помощи. Почти половина – 47 % специалистов сообщили, что подвергались физическому насилию со стороны пациентов².

В Италии 77 % медиков из 323 работников скорой медицинской помощи в 2017 году заявили о том, что подвергались насилию на рабочем месте со стороны пациентов или их родственников [Work: 119]

В Китае в 2018 году было опрошено 418 медицинских работников, из которых 51 % заявили, что за последний год испытали физическое насилие со стороны пациентов, а вербальное насилие испытали 99 % [Tang, Thomson: 2019: 3].

В связи с необходимостью обеспечения безопасных условий труда медицинских работников многие страны ужесточили наказания за нападение на медиков при выполнении ими трудовых функций. Так, в 2015 году в раздел «Преступления против общественного порядка» Уголовного кодекса Испании была введена статья 550, устанавливающая, что медицинские работники относятся к категории государственных должностных лиц. За нападение на них при выполнении ими своих профессиональных обязанностей виновное лицо может быть привлечено к лишению свободы на срок до 4 лет [Cannavò].

В Великобритании Национальная служба здравоохранения (NHS) Великобритании с апреля 2020 года утвердила новые правила приема пациентов, направленные на защиту врачей от оскорблений и насилия. Медицинские работники имеют право отказаться в приеме пациентам, не нуждающимся в экстренной медицинской помощи, если они угрожают, оскорбляют или проявляют физическое насилие по отношению к ним³.

В 2019 году в российское законодательство были введены поправки, которые должны были обеспечить защиту медицинских работников от нападений пациентов и их родственников. В статьи 115 и 119 Уголовного кодекса РФ Федеральным законом от 26.07.2019 № 206-ФЗ был введен квалифицирующий признак, усиливающий ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью, а также за угрозу убийством или причинение тяжкого вреда здоровью «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга». Санк-

ции предусматривают различные виды наказаний, самая строгая – лишение свободы. В первом случае – на срок до двух лет, а во втором – до пяти лет лишения свободы⁴.

Однако рассмотренные нами случаи нападения на медицинских работников, случившиеся в 2020 году, и иные случаи, освещенные в средствах массовой информации, указывают на то, что данные механизмы не обеспечивают должной защиты медицинских работников в России при выполнении ими своей профессиональной функции. Следует заметить, уже складывается судебная практика по ст. 115 и 119 УК РФ. Так, 1 января 2021 года суд Ульяновска вынес приговор за избиение работника скорой помощи местному жителю, действия которого были квалифицированы по статьям «Умышленное причинение из хулиганских побуждений легкого вреда здоровью» и «Угроза причинением тяжкого вреда здоровью». Суд назначил виновному ограничение свободы на год и четыре месяца. Вместе с тем в результате избиения ноги фельдшер получила сотрясение головного мозга и многочисленные ушибы. Нападавший препятствовал оказанию медицинской помощи беременной сожительнице, был в состоянии алкогольного опьянения, ранее был судим по уголовным и административным статьям⁵.

В данном случае мы считаем, что мера ответственности виновного не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности нападавшего. В постановлении Пленума Верховного суда РФ даны разъяснения, что *совершение преступления в состоянии опьянения не является достаточным основанием для признания употребление алкоголя обстоятельством,отягчающим наказание*. Суды должны отдельно разбираться о необходимости усиления наказания за то, что преступник был пьян⁶.

Однако у нападающих на медицинских работников лиц нет оснований для преступлений, у них отсутствуют мотив и цели, что придает их противоправным деяниям еще большую общественную опасность, поэтому алкогольное опьянение в таких случаях необходимо рассматривать как обстоятельство, отягчающее преступление.

В Уголовный кодекс Российской Федерации вышеуказанным законом и в Кодекс Российской Федерации об административном правонарушении Федеральным законом от 26.07.2019 № 229-ФЗ были введены статьи «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи»⁷.

Статья 6.36 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» Кодекса Российской Федерации об административном правонарушении предусматривает санкцию от 4 до 5 тысяч рублей, что не является действенным стимулом для правонарушителей.

Статья 124.1 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» Уголовного кодекса РФ защищает интересы не медицинских работников, а пациентов, поскольку применяется в случаях причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью пациента, а также если деяние повлекло по неосторожности смерть пациента.

Субъекты Российской Федерации также пытаются решить вопросы безопасности медицинских работников самостоятельно. Министерство здравоохранения Архангельской области обеспечило медицинские организации кнопками тревожной сигнализации (экстренного вызова полиции), а также разработало рекомендательные правила поведения для медицинских работников при проявлении к ним агрессии со стороны пациентов. В таких случаях медицинский работник не должен спорить, разубеждать в чем-то пациента, должен сохранять спокойствие и терпение и по максимуму стараться оказать медицинскую помощь, чтобы не попасть под санкции статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неоказание помощи больному», предусматривающей до 4 лет лишения свободы⁸.

В рассмотренных правилах не приводится никаких рекомендаций в отношении того, как же следует поступать врачу, если его спокойствие и терпимость не возымели ожидаемого действия на пациента. Оснащение же медицинских организаций кнопками тревожной сигнализации (экстренного вызова полиции) позволяет решить сразу несколько проблем. Они обеспечивают выезд полиции на место правонарушения, которая становится свидетелем по делу. Сотрудники полиции могут рассказать в суде о факте, что медработник был избит, а в случае задержания правонарушителя – могут подтвердить его противоправное поведение в отношении медицинских работников.

Проблема нападения на медицинских работников требует системного анализа и комплексного решения. Судебная практика по привлечению виновных к ответственности за правонарушения и преступления в отношении медицинских работников немногочисленна. Это, возможно, обусловлено низкой обращаемостью пострадавших в правоохранительные органы, и такие случаи остаются безнаказанными, что в свою очередь подрывает престиж профессии медицинского работника и способствует безнравственному, противоправному, общественно опасному поведению пациентов и их родственников.

С целью выяснения причин низкой обращаемости медицинских работников в правоохранительные органы при нападении пациентов, их родственников и друзей, а также с целью изучения правовой грамотности действий медработников в таких ситуациях нами было проведено анонимное анкетирование 173 медиков, работающих в медицинских организа-

циях города Саратова: врачей, медицинских сестер, фельдшеров, врачей-ординаторов. Женщины составили –72 %, мужчины –20 %. Стаж работы варьировался от 2 до 40 лет.

Значительная часть респондентов сталкивалась с грубым и опасным поведением пациентов – 81 %, не испытывали такового – 19 %.

Формами грубого и опасного поведения в отношении медработников являлись неприемлемый тон пациентов или их родственников – 42 %, оскорбления нецензурной лексикой – 23 %, необоснованная критика обследования и лечения пациентов – 19,5 %, угрозы причинения вреда – 12 %, побои – 3,5 %.

Знают о своем праве обратиться в правоохранительные органы в случаях проявления насильственных действий и угроз граждан в отношении медработников только 39 % респондентов, а 61 % считают, что это может сделать только работодатель.

Более половины опрошенных медиков (58 %) считают, что в случае получения телесных повреждений или побоев от пациента или его родственников им необходимо письменно уведомить об этом своего работодателя, а 42 % считают, что этого делать не надо. Следовательно, последние не знают о том, что причинение телесных повреждений при исполнении своих служебных обязанностей является фактом несчастного случая на производстве, который подлежит расследованию на основании требований ст. 227 Трудового кодекса РФ в порядке, предусмотренном ст. 229.2 ТК РФ⁹.

При конфликтных ситуациях с пациентами 71 % респондентов пригласят в кабинет своих коллег в качестве свидетелей, а 48 % осуществят аудио/видео фиксацию ненадлежащего поведения пациента.

О праве на компенсацию морального вреда за оскорбление знают 55 % медицинских работников, остальные 45 % впервые услышали об этом.

Повышение безопасности своей профессиональной деятельности большинство врачей видят в совершенствовании технического обеспечения кабинетов, машин скорой помощи и участковых врачей во время посещения ими пациентов на дому, а именно: путем обеспечения медиков кнопками экстренного вызова полиции – 53 %, электрошокерами или другими средствами защиты (например газовыми баллончиками) – 22 %, организации служб охраны в каждом отделении или на каждом этаже медицинской организации – 25 %.

Выразили готовность обучиться приемам самообороны, если бы им представилась такая возможность со стороны работодателя, 44 % респондентов, а 56 % не видят в этом необходимости.

Таким образом, опрос медицинских работников города Саратова показал, что восемь из десяти медицинских работников сталкиваются с насилием со

стороны пациентов, которое проявляется в различных формах: побои, угрозы, критика, использование ненормативной лексики. Однако в большинстве случаев медицинские работники не обращаются в правоохранительные органы для реализации конституционного права защиты своих прав из-за низких правовых знаний механизмов защиты, что необходимо устранить разработкой единого алгоритма действий медработников в таких ситуациях.

Обращает на себя внимание то, что чаще всего физическому насилию при выполнении профессиональной деятельности подвергаются женщины, нежели мужчины, так как первых занято в медицинской деятельности больше, и они не могут оказать соразмерного сопротивления. Нападения на медицинских работников необходимо рассматривать не только как нарушение их конституционных прав на безопасность, их права на здоровье, достоинство и личную неприкосновенность, но и как угрозу обеспечения здоровья для неопределенного круга лиц.

В средствах массовой информации следует освещать не только факты нападений на медицинских работников, а преимущественно меры судебного реагирования на данные общественные правонарушения. Такая информация сформирует правомерное поведение и уважительное отношение пациентов к медицинским работникам при выполнении ими своей трудовой функции. Уровень материально-технического оснащения медицинских организаций средствами самозащиты медицинских работников должен соответствовать современным потребностям здравоохранения.

Правовое регулирование медицинской деятельности должно совершенствоваться и гарантировать медикам достаточный уровень безопасности профессиональной деятельности, что является важнейшим условием достойного и свободного существования человека в правовом государстве. Отсутствие действенных механизмов предупреждения нападений на медицинских работников, по-нашему мнению, дискредитирует государство как единственно ответственного за обеспечение прав граждан, в том числе их безопасности.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.04.2021).

² Статистика нападений пациентов на сотрудников службы скорой помощи в США. URL: <https://vademe.com/news/2018/10/04/opublikovana-statistika-napadeniy-patsientov-na-sotrudnikov-sluzhby-skoroy-pomoshchi-v-ssha/> (дата обращения: 10.04.2021).

³ NHS staff can refuse to treat racist or sexist patients under new rules. URL: <https://news.sky.com/story/nhs-staff-can-refuse-to-treat-racist-or-sexist-patients-under-new-rules-11937175> (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329970/ (дата обращения: 10.04.2021).

⁵ Жителя Ульяновска приговорили к ограничению свободы за нападение на фельдшера // Сайт информационного агентства «ТАСС». URL: <https://tass.ru/proisshestiya/11110433> (дата обращения: 10.04.2021).

⁶ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 10.04.2021).

⁷ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 229-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330013/ (дата обращения: 10.04.2021).

⁸ О безопасности медперсонала при проявлении агрессии со стороны пациента: рекомендации Министерства здравоохранения Архангельской области. URL: <http://www.arhmedcolledg.ru/sites/arhmedcolledg.ru/files/cr-collections/2/1455030582.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30.12.2001 № 197-ФЗ: (ред. от 09.03.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/%20трудовой%20кодекс%20положение%20о%20зарплате/ (дата обращения: 10.04.2021).

Список литературы

Баландина А. Головой об стену: за что избивают врачей скорой помощи // Газета.ру. 2020. 6 апр.

Воронцова М.А. Конституционно-правовой анализ безопасности личности // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 24–28.

Карасев А.Т., Елькина А.В., Мещеряков А.Н. Конституционно-правовые аспекты безопасности в Российской Федерации // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2020. № 1 (51). С. 6–14.

Риски здоровью профессиональной группы врачей в современных системах здравоохранения (обзор) / Кром И.Л., Еругина М.В., Еремина М.Г., Ковалев Е.П. и др. // Анализ риска здоровью. 2020. № 2. С. 185–192.

Нехлебова Н. Врач под ударом. Можно ли защитить медиков от агрессии пациентов? // Огонек. 2018. № 37. С. 27.

Work Related Violence As A Predictor Of Stress And Correlated Disorders In Emergency Department Healthcare Professionals; Cannavò M., Torre F.La, Sestili C., Torre G.La, Fioravanti M. Clin Ter, 2019, vol. 170, № 2, pp. 110–123. DOI: 10.7417/CT.2019.2120.

Código Penal Español a partir del 1 Julio 2015. URL: https://kupdf.net/download/codigo-penal-espaol-a-partir-del-1-julio-2015_5af4c2c0e2b6f52615fa4d51_pdf (дата обращения: 10.04.2021).

Nan Tang and Louise E. Thomson. Workplace Violence in Chinese Hospitals: The Effects of Healthcare Disturbance on the Psychological Well-Being of Chinese Healthcare Workers. Public Health, 2019, vol. 16, № 19, 3687. URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph16193687> (дата обращения: 10.04.2021).

References

Balandina A. *Golovoj ob stenu: za chto izbivayut vrachej skoroj pomoshchi* [Head against the wall: why ambulance doctors are beaten up]. Gazeta.ru, 2020, April 6. (In Russ).

Voroncova M.A. *Konstitucionno-pravovoj analiz bezopasnosti lichnosti* [Constitutional and legal analysis of personal security]. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta* [Bulletin of the Prikamsky Social Institute], 2020, № 3 (87), pp. 24–28. (In Russ).

Karasev A.T., El'kina A.V., Meshcheryakov A.N. *Konstitucionno-pravovye aspekty bezopasnosti v Rossijskoj Federacii* [Constitutional and legal aspects of security in the Russian Federation]. *YUridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika* [Legal Science and law enforcement practice], 2020, № 1 (51), pp. 6–14. (In Russ).

Krom I.L., Erugina M.V., Eremina M.G. [et al.] *Riski zdorov'yu professional'noj gruppy vrachej v sovremennyh sistemah zdravoohraneniya (obzor)* [Health risks of a professional group of doctors in modern healthcare systems (review)]. *Analiz riska zdorov'yu* [Health risk Analysis], 2020, № 2, pp. 185–192. (In Russ).

Nekhlebova N. *Vrach pod udarom. Mozhno li zashchitit' medikov ot agressii pacientov?* [The doctor is under attack. Is it possible to protect doctors from the aggression of patients?]. *Ogonek* [The light], 2018, № 37, pp. 27. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 14.01.2021; одобрена после рецензирования 26.02.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 14.01.2021; approved after reviewing 26.02.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ РАБОТНИКОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Фролова Надежда Афанасьевна, кандидат социологических наук, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия, NAfrolova@inbox.ru

Псарев Илья Михайлович, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия, psarev007@mail.ru

Аннотация. Феномен профессиональной субкультуры в современном обществе связан не только с постоянно усложняющейся дифференциацией труда, но и попытками людей, осуществляющих совместно трудовую деятельность, обособиться от других профессиональных групп. Специфика профессиональной субкультуры работников юридической сферы определяется не только особенностями юридической деятельности и уникальностью профессиональных знаний и умений, но и социальной ангажированностью, спецификой функционирующих социальных институтов, воспроизводящих субкультуру. Использование системного и структурно-функционального подходов позволили авторам, во-первых, выделить две группы факторов (объективные и субъективные), влияющих на формирование профессиональной субкультуры юридических работников; во-вторых, рассмотреть институционализацию неформальных правовых практик как причину профессиональной деформации юридических работников. Процесс легализации и легитимизации неформальных отношений, которые оказываются вне доступности общественного контроля, приобретает форму различных видов коррупции. Возникает новый набор ценностей, норм и правил, меняющий содержание важнейшего компонента профессиональной субкультуры – профессиональной культуры. Анализ эмпирических данных, полученных с помощью социологических методов исследования, позволяет сделать вывод о том, что нравственная деградация общества, безнаказанность, коррупция, низкая правовая культура российских граждан способствуют негативной трансформации профессиональной культуры работников юридической сферы.

Ключевые слова: профессиональная субкультура, работники юридической сферы, юридическая деятельность, мотивация, правовые ценности, профессиональная деформация, неформальные правовые практики.

Для цитирования: Фролова Н.А., Псарев И.М. Факторы формирования профессиональной субкультуры работников юридической сферы в современном российском обществе // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 170–174. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-170-174>

Research Article

FACTORS OF FORMATION OF THE PROFESSIONAL SUBCULTURE OF LEGAL PROFESSIONALS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Nadezhda A. Frolova, Candidate of Sociological Sciences, Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, NAfrolova@inbox.ru

Илья М. Psarev, Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, psarev007@mail.ru

Abstract. The phenomenon of professional subculture in modern society is associated not only with the increasing differentiation of labour, but also with the attempts of people who work in any communities to separate themselves from other professional groups. The specifics of the professional subculture of legal professionals are determined not only by the peculiarities of legal activity and the uniqueness of professional knowledge and skills, but also by social engagement, the specifics of functioning social institutions that reproduce the subculture. The use of systemic and structural-functional approaches allows to single out objective and subjective factors that influence the formation of the professional subculture of legal actors, to consider the institutionalisation of informal legal practices as a cause of professional deformation of professionals. The process of legalisation and legitimisation of informal relations, which are outside of the public control, takes the form of various types of corruption. A new set of values, norms and rules is the changing content of the most important component – the professional culture. An analysis of empirical data obtained through the sociological research methods allows to conclude that the moral degradation of society, impunity, corruption, and a low legal culture of Russian citizens contribute to a negative transformation of the professional culture of the law professionals.

Keywords: professional subculture, legal professionals, legal activity, motivation, legal values, professional deformation, informal legal practices

For citation: Frolova N.A., Psarev I.M. Factors of formation of professional subculture of employees of the legal sphere in the modern Russian society. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 170–174 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-170-174>

Современное общество представляет собой сложно организованную систему, основанную на социальном неравенстве и социальной дифференциации. Социальная дифференциация сопровождается выделением и обособлением разнообразных социальных групп, которые по-своему конструируют социальную реальность, создавая специфические субкультуры, обладающие огромным ресурсом влияния на сознание и поведение ее носителей.

Юридическая деятельность – сложный и ответственный вид профессиональной деятельности, которая осуществляется в рамках правового поля и обладает особыми властными полномочиями, применяемыми от имени государства и Конституции [Веселкова: 12]. Как всякая человеческая (социальная) общность, профессиональная группа юридических работников занимает определенное место в системе разделения труда и находит свое символическое и духовное выражение в субкультуре. Профессиональная юридическая субкультура – это относительно самостоятельная подсистема социокультуры, характеризующаяся наличием специфических субъекта и объекта, методов и практик осуществления юридической деятельности, а также особым типом коммуникации и механизмов воспроизводства ценностно-нормативной системы.

Процесс формирования юридической профессиональной культуры в современном российском обществе имеет вертикальный характер, формируется сверху вниз (особенно это заметно в государственных учреждениях, поскольку, например, президент назначает судей, и все указания идут сверху вниз) и находится под влиянием двух групп факторов (субъективных и объективных).

Под субъективными факторами формирования профессиональной субкультуры понимаются, прежде всего, те факторы, которые тесно связаны с личностью носителя профессиональной субкультуры. И в первую очередь следует назвать ценностную систему личности юриста, основу которой составляет ценность профессионализма.

Профессионализм высоко ценится не только в юридическом сообществе, но и в других сферах профессиональной деятельности, став, таким образом, универсальной ценностью в современном обществе. Однако в профессии юриста профессионализм, как способность человека компетентно и эффективно применять свои знания и умения в любых, в том числе сложных, условиях, имеет особое значение, поскольку любое правовое решение должно быть мотивированным и законным. От судебных решений, например, напрямую зависит жизнь человека.

Мотивация также выступает субъективным фактором формирования профессиональной субкультуры юридических работников. Эмпирические данные показывают, что положительная мотивация (достижение высоких нравственных целей при отправлении правосудия, стремление к социальной справедливости и законности) способствует воспроизводству правовых и гражданских ценностей, эффективному функционированию правовых институтов и институционализированных социальных практик [Российские судьи: 25].

В исследовании, проведенном автором среди работников аппарата суда, в качестве мотивов выбора юридической профессии были названы: престижность, возможность защитить себя в случае необходимости, наличие креативного компонента в деятельности, возможность реальной борьбы с правонарушениями и реализации принципа социальной справедливости.

В свою очередь, такие мотивы, как обладание властью вкупе с возможностями высокого социального статуса и элитарности, достижение материального благосостояния, пренебрежение законностью и использование законов в угоду личным и чьим-то интересам порождают совсем иной характер профессиональной субкультуры.

Субъективно-личностные качества – гибкость, творческий подход к работе, неконформизм, самоконтроль, ответственность, продуктивность, объективность, эрудиция, эмоциональная устойчивость, проникновенность, познавательная активность – сами по себе не являются фактором формирования профессиональной субкультуры, однако в совокупности определяют ценностные и мотивационные структуры личности работника юридической сферы как субъекта профессиональной субкультуры.

К субъективным факторам, по нашему мнению, можно отнести и личный социальный статус работника. Практика показывает, что чем выше личный статус у сотрудника юридической сферы, тем более сильным оказывается его влияние на содержание и направленность профессиональной субкультуры. Причина состоит в том, что именно от этого руководителей правовых структур во многом зависит вектор направления развития не только профессиональной субкультуры, но и правовой сферы в целом.

К объективным факторам формирования профессиональной юридической субкультуры относятся: социально-политический, экономический, идеологический и социокультурный факторы, а также социальный статус государственных гражданских служащих, который закреплен в ФЗ № 79-ФЗ «О го-

сударственной гражданской службе в Российской Федерации».

Особенности социально-политического фактора во многом обусловлены тем, что, несмотря на то, что в Конституции РФ Россия определена как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, в реальном российском обществе правовое регулирование заметно отстает от фактического положения вещей. Да и существование таких признаков правового государства, как наличие гражданского общества (основанного на взаимной ответственности личности и государства), а также гарантий прав и свобод граждан, остается предметом острых дискуссий не только в научной среде.

Что касается роли идеологического фактора, то следует отметить, что в современной России декларируется идеологический плюрализм, предполагающий, что никакая идеология не может быть государственной или обязательной. Однако анализ существующей социально-правовой практики в российском обществе позволяет сделать вывод о том, что право нередко используется властью в своих нормативных и политических целях, защищая свои корпоративные (и личные) интересы.

В стратифицированном обществе глубокая социальная дифференциация всегда приводит к тому, что обществу навязываются такие ценности и правовые нормы, которые удобны тем, в руках которых сосредоточены все основные ресурсы общества. Поэтому в массовом сознании россиян отношение к закону определяется такими пословицами, как «закон что дышло, куда повернул, туда и вышло», «то-то и закон, как судья знаком».

Согласно данным А.Л. Фурсова, такие качества современных юристов, как неподкупность и справедливость, назвали соответственно 12 % и 13 % опрошенных [Фурсов: 6], что свидетельствует о недоверии людей к представителям данной профессиональной группы.

Социокультурный фактор находит свое выражение в особенностях национальных (русских) духовных традиций, в особом понимании роли государства, сложившихся правовых стереотипах и установках. Некоторые стереотипы, особенно нигилистического характера (например, отрицание ценности и справедливости закона), не только сохраняются, но и воспроизводятся в настоящее время, во многом благодаря «активности» современных массмедиа.

Как отмечают специалисты, в современных условиях чаще всего стереотипы «живут» в сфере уголовного, трудового и семейного права, поскольку практически каждый человек так или иначе вовлечен в систему семейных или трудовых правоотношений. А повышенный интерес к уголовному праву «обуслов-

лен особой политико-правовой традицией, длительным господством карательной юстиции, принявшей в массовом сознании некие почти мифологические очертания («От сумы и от тюрьмы не зарекайся») [Меняйло: 60]. Однако социокультура – явление динамичное, и уже сегодня некоторые гуманистические принципы, например, в области судопроизводства, позитивно восприняты общественным правосознанием, т.е. формируется иная – современная – правовая культура, как на уровне отдельной личности, так и на социальном уровне.

Следует отметить, что, несмотря на специфичность каждого из перечисленных факторов, все они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Изменения ценностных оснований профессиональной субкультуры, сопряженные с широким распространением и институционализацией неформальных правовых практик, профессиональным стрессом и выгоранием [Лапшин: 78-79], являются причиной профессиональной деформации юридических работников – правового нигилизма, правового инфантилизма, негативно-правового радикализма и др.

Увеличению числа неформальных практик в современном российском обществе способствовала неэффективность реформ, проводимых в различных сферах жизнедеятельности (экономической, политической, социальной). По мнению известного социолога Р.В. Рывкиной, «будучи источником теневых процессов, экономика как бы «заражает» ими все другие сферы общества. В результате оказывается, что теневые процессы выходят за рамки экономики и проникают во все остальные сферы общественной жизни» [Рывкина: 4]. Взаимовлияние и взаимообусловленность экономики и криминализации в современном обществе отмечают и ученые-правоведы [Генрих: 74]. Индикатором неэффективности институциональных реформ в обществе становится коррупция.

Коррупция, как ее определяет С. Кордонский, есть «система действий членов гражданского общества, позволяющая им добиваться своих целей вопреки государственным нормам, правилам и законам и использующая чиновников – работников государственного аппарата – для удовлетворения своих потребностей, и симметрично – использование государственными людьми служебных возможностей для удовлетворения потребностей» [Кордонский: 15].

Причинами коррупции в современном российском обществе являются несовершенство законодательства, слабость судебной системы, неэффективность выполнения судебных решений, длительные сроки рассмотрения дел в арбитражных судах [Шекультиров: 3]. Коррупция на уровне государственных управленцев как высшего, так и низового порядка оказывает влияние на отношение населения к легитимности

власти, как правило, негативного характера, формирует установки на допустимость любых способов личного обогащения.

Многие отечественные исследователи отмечают, что в современной России имеет место отчуждение личности от общества и общества от власти, получившее свое выражение в так называемом феномене «отрицательная нравственность». Право не является единственным регулятором социальных взаимодействий, в любой социальной системе оно функционирует наряду с нравственностью, культурой, духовностью, религией.

Согласно данным эмпирического исследования, проведенного автором, нравственная деградация общества занимает второе место после безнаказанности в рейтинге причин коррупции (соответственно 35 % и 56 %). Интересными представляются ответы самих работников юридической сферы на вопрос о том, знают ли они, какие правовые услуги подвержены в большей степени взяточничеству и вымогательству. Респондентами были названы следующие услуги: нарушение правил дорожного движения, получение водительских прав (регистрация автомобиля и его техосмотр), получение важных документов (справок) в органах власти, получение регистрации или прописки, призыв в армию. Также «всплыли» привлечение к уголовной ответственности, получение разрешения на покупку земли и строительство. По мнению судей-экспертов, граждане сами нередко провоцируют безнравственное поведение государственных служащих, в том числе и в правовой сфере, предлагая взятки, зная при этом, что взяточничество – противоправное, незаконное действие. Такое поведение свидетельствует о правовом нигилизме и довольно низкой правовой культуре российских граждан.

Косвенным свидетельством невысокого уровня профессионализма юридических кадров является тот факт, что две трети юристов (65 %) считают, что среди коллег мало профессионалов, которым бы они доверили рассмотрение сложного дела, требующего не только компетентности и опыта, но и справедливости и гражданского мужества [Фурсов: 6].

По мнению судей, привлеченных экспертами в авторском исследовании, право есть способ защиты прав и интересов граждан, средство контроля и обеспечения правопорядка в обществе. Неожиданной оказалась недооценка в системе ценностей права такой функции права, как защита интересов государства, гаранта свободы личности и справедливости. То есть права и свободы человека как высшая ценность в современной России пока не стали реальностью. Согласно исследованию А.Л. Фурсова [Фурсов: 7] «культурность» как необходимое качество юриста отметили только треть экспертов-юристов (29 %),

и даже в этой когорте 31 % опрошенных считают характерными качествами представителя своей профессии принципиальность (31 %), профессиональное достоинство (33 %), гуманность (16 %).

Правовые ценности – важнейший элемент юридической деятельности. И если на государственном уровне иерархия нравственных и правовых ценностей должна быть в единстве и общности, то на уровне функционирования конкретной социальной подсистемы ценности должны выступать определенной специфической формой правового должностования.

Профессиональная культура, личностные качества сотрудников, эффективность функционирования правовых институтов, то есть все то, что в структурно-функциональном плане составляет профессиональную субкультуру, в условиях общества риска актуализирует проблему формирования и воспроизводства такой модели профессиональной субкультуры, которая бы обеспечивала правопорядок и «здоровье» всей социальной системы в целом.

Список литературы

- Веселкова Е.Г.* Профессиональная модель юриста // Государство и право. 2017. № 8. С. 12–20.
- Генрих Н.В.* Экономика и криминализация: взаимоотношенность и взаимовлияние // Государство и право. 2021. № 2. С. 74–82.
- Кордонский С.* Государство, гражданское общество и коррупция // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 20–33.
- Куракин А.В.* Государственная служба и коррупция: монография. М.: Nota bene, 2009. 320 с.
- Лапшин В.Е., Шаманин Н.В.* Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел с различным стажем работы на примере инспектора по делам несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2020. № 3 (52). С. 76–84.
- Меняйло Д.В.* Правовой менталитет: монография. Белгород: Изд-во БелЮИ МВД России, 2005. 120 с.
- Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / В.В. Волков, А.В. Дмитриева, М.Л. Поздняков, К.Д. Титаев; под ред. В. Волкова. СПб.: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 60 с.
- Рывкина Р.В.* Теневизация российского общества: причины и последствия // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 3–13.
- Фурсов А.Л.* Правосознание юристов в контексте социологического исследования правовой социализации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 7 (15). 2012.
- Шекультиров Б.И.* Коррупция в России: право, власть и нравственность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupciya-v-rossii-pravo-vlast-i-nravstvennost/viewer> (дата обращения: 24.12.2020).

References

- Veselkova E.G. *Professional'naja model' jurist* [Professional Model of a Lawyer]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2017, № 8, pp. 12–20. (In Russ.)
- Genrih N.V. *Jekonomika i kriminalizacija: vzaimoobuslovlennost' i vzaimovlijanie* [Economics and Criminalization: Interdependence and mutual Influence]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2021, № 2, pp. 74–82. (In Russ.)
- Kordonskij S. *Gosudarstvo, grazhdanskoe obshhestvo i korrupcija* [State, Civil Society and Corruption]. *Otechestvennye zapiski* [National Notes], 2005, № 6, pp. 20–33. (In Russ.)
- Kurakin A.V. *Gosudarstvennaja sluzhba i korrupcija: monografija* [Civil Service and Corruption: Monograph]. Moscow, Nota bene Publ., 2009, 320 p. (In Russ.)
- Lapshin V.E., Shamanin N.V. *Professional'naja deformacija sotrudnikov organov vnutrennih del s razlichnym stazhem raboty na primere inspektora po delam nesovershennoletnih* [Professional Deformation of Employees of Internal Affairs with different professional Experience exemplified on a Juvenile Inspector]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija* [Applied Legal Psychology], 2020, № 3 (52), pp. 76–84. (In Russ.)
- Men'jajlo D.V. *Pravovoj mentalitet: monografija* [Legal Mentality: Monograph]. Belgorod, Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia Publ., 2005, 120 p. (In Russ.)
- Rossijskie sud'I kak professional'naja grupa: sociologicheskoe issledovanie* [Russian Judges as a Professional Group: Sociological Study], V.V. Volkov, A.V. Dmitriev, M.L. Pozdnyakov, K.D. Titaev; ed. by V. Volkov. Saint Petersburg, Institute of Law Enforcement Problems, St. Petersburg European University Publ., 2012, 60 p. (In Russ.)
- Ryvkina R.V. *Tenevizacija rossijskogo obshhestva: prichiny i posledstvija* [Shadowed Russian Society: Causes and Consequences]. *Sociologichesk ieissledovanija* [Sociological research], 2000, № 12, pp. 3–13. (In Russ.)
- Fursova A.L. *Pravosoznanie juristov v kontekste sociologicheskogo issledovanija pravovoj socializacii* [Legal Awareness of Lawyers in the Context of a Sociological Study of Legal Socialization]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal)], 2012, № 7 (15). (In Russ.)
- Shekul'tirov B.I. *Korrupcija v Rossii: pravo, vlast' i npravstvennost'* [Corruption in Russia: Law, Power and Morality]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupciya-v-rossii-pravo-vlast-i-npravstvennost/viewer> (access date: 24.12.2020). (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 24.02.2021; одобрена после рецензирования 18.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.*
- The article was submitted 24.02.2021; approved after reviewing 18.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.*

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Редков Николай Александрович, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, redkov0202@yandex.ru

Ганжа Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, nat_ganzha@mail.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна, кандидат педагогических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, lub-kuku@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы конструирования составов преступлений с административной преюдицией и делается вывод о необходимости совершенствования таких уголовно-правовых норм. Отмечается, что начиная с 2009 года в России наблюдается процесс постепенного возобновления конструкции административной преюдиции в структуру отечественного уголовного закона. На сегодняшний день такая конструкция используется только в шести странах мира, входящих при этом в состав СНГ, в связи с чем делается вывод об уникальности института административной преюдиции в сфере уголовного права. Авторами собрана статистика по количественному развитию за последние пять лет данного института на постсоветском пространстве. Делается вывод о том, что проблема, заключающаяся в отсутствии единой формулировки, определяющей специальный субъект составов преступлений с данной конструкцией, существует не только в отечественном уголовном законодательстве, но и законодательстве Таджикистана и Туркменистана. Определена необходимость закрепления в отечественном уголовном законе и инициирования закрепления в Модельном Уголовном кодексе для государств-участников СНГ дефиниции административной преюдиции в уголовном праве и на её основе – разработки единой модели законодательной регламентации административной преюдиции в уголовном законе, что позволит устранить затрагиваемые в статье технико-юридические недоработки.

Ключевые слова: административная преюдиция в уголовном праве, преступление с административной преюдицией, административное правонарушение, преступление, специальный субъект преступления, унификация правовых норм, конструкция состава.

Для цитирования: Редков Н.А., Ганжа Н.В., Хлестакова Л.А. О необходимости совершенствования уголовно-правовых норм с административной преюдицией // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 175–180. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-175-180>

Research Article

ON THE NEED TO IMPROVE CRIMINAL LAW NORMS WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Nikolay A. Redkov, Kostroma State University, Kostroma, Russia, redkov0202@yandex.ru

Natalia V. Ganzha, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nat_ganzha@mail.ru

Lyubov A. Khlestakova, Candidate of Pedagogic Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lub-kuku@mail.ru

Abstract. The article deals with some problems of constructing elements of crimes with administrative prejudice and concludes that it is necessary to improve such criminal law norms. It is noted that, since 2009, in Russia there is a process of gradual resumption of the construction of administrative prejudice in the structure of the domestic criminal law. To date, this construction is used only in six countries of the world, which are parts of the former Soviet Union, in connection with which the conclusion is made about the uniqueness of the institution of administrative prejudice in the field of criminal law. The authors have collected statistics on the quantitative development of this institution in the post-Soviet space over the past five years. It is concluded that the problem of the absence of a single formulation defining a special subject of the elements of crimes with this construction exists not only in the Russian criminal legislation, but also in the legislation of Tajikistan and Turkmenistan. The necessity of fixing in Russian criminal law and initiating fixing in the Model Criminal Code for the former Soviet republics the definition of administrative prejudice in criminal law and on its basis the development of a single model of legislative regulation of administrative prejudice in criminal law, which will eliminate the technical and legal shortcomings addressed in the article, is determined.

Keywords: administrative prejudice in criminal law, crime with administrative prejudice, administrative offence, crime, special subject of crime, unification of legal norms, structure of the composition

For citation: Redkov N.A., Ganzha N.V., Khlestakova L.A. On the need to improve criminal law norms with administrative prejudice. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 175–180 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-175-180>

Одной из особенностей современной отечественной уголовно-правовой политики является усовершенствование правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за неоднократное совершение административных правонарушений лицами, ранее подвергнутыми административному наказанию. Такая конструкция правовых норм называется административной преюдицией в сфере уголовного права.

Институт административной преюдиции впервые был закреплён в советском уголовном законодательстве. Первые составы преступлений с административной преюдицией были закреплены в нормах уголовных кодексов республик в составе СССР 1959–1962 гг. Так, на тот период времени Уголовный кодекс РСФСР содержал шесть норм, предусматривающих составы преступлений с административной преюдицией, Уголовный кодекс Грузинской ССР – десять, Уголовный кодекс Армянской ССР – восемь, Уголовный кодекс Белорусской ССР – семь, Уголовный кодекс Молдавской ССР – три, Уголовный кодекс Узбекской ССР – два и т. д. [Одоев: 84–85]. Распад СССР привёл к принятию в его бывших республиках нового уголовного законодательства. Часть республик продолжила использование административной преюдиции, к их числу сегодня относятся: Республика Беларусь, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан, Российская Федерация. Таким образом, административная преюдиция в уголовном праве является уникальной правовой конструкцией, присущей лишь нескольким государствам-участникам СНГ,

которые относятся к постсоветской правовой семье и имеющим схожий путь современного развития.

Проанализировав уголовное законодательство всех государств-участников СНГ, можно представить таблицу, которая позволяет понять количественное развитие норм данного института.

Приведенные данные показывают, что за последние пять лет часть государств отказались от административной преюдиции в уголовном праве или же сокращают масштабы ее использования, а другая часть, наоборот, увеличивает количество таких составов преступлений. К числу этих стран относится и Россия.

Несмотря на многолетнюю советскую практику применения указанных норм, при принятии нового Уголовного кодекса Российской Федерации от 1996 года (далее – УК РФ) законодатель отказался от использования административной преюдиции [Коротков, Еремина: 224]. Введение таких составов преступлений в действующий УК РФ было предопределено Посланием Президента России Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 года. В частности, Президент России рекомендовал: «В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»¹ с целью сделать уголовное законодательство «более современным». Постепенно в УК РФ были включены следующие уголовно наказуемые деяния с административной преюдицией: ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, 191, 193, 212.1, 215.3, 215.4, ч. 2 ст. 255, 264.1, 280.1, 282, 284.1, 314.1, ч. 1 ст. 315 УК РФ.

Таблица

Количественное изменение составов преступлений с административной преюдицией в уголовных законодательствах стран СНГ

№ п/п	Уголовный кодекс государства-члена СНГ	Всего составов преступлений с административной преюдицией	
		2016 г.	2021 г.
1	Уголовный кодекс Узбекистана	36	49
2	Уголовный кодекс Беларуси	38	29
3	Уголовный кодекс Российской Федерации	9	17
4	Уголовный кодекс Туркменистана	15	15
5	Уголовный кодекс Таджикистана	16	14
6	Уголовный кодекс Молдовы	1	1
7	Уголовный кодекс Кыргызстана	7	0
8	Уголовный кодекс Армении	1	0
9	Уголовный кодекс Казахстана	0	0
10	Уголовный кодекс Азербайджана	0	0

Введение исследуемой конструкции в уголовное право России имеет большое практическое значение, поскольку корректное изложение составов преступлений с использованием административной преюдиции дает ряд неоспоримых преимуществ: увеличивает профилактический потенциал соответствующего уголовно-правового запрета; повышает гибкость и адаптивность правовой охраны личности, общества и государства; предоставляет законодателю более широкие возможности в плане межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности; позволяет законодателю осуществлять «мягкую» криминализацию деяний, соблюдая принцип экономии уголовной репрессии, а также декриминализацию деяний, не представляющих значительной общественной опасности [Капинус: 78]. Перечисленные преимущества административной преюдиции в уголовном праве, несомненно, заставляют задуматься о перспективности применения данного института.

Если обратиться к судебной статистике, то за 2019 год к уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией было привлечено 122 620 человек, что составляет 20 % от общего числа осужденных. В первой половине 2020 года к уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией было привлечено 48 583 человека, что составляет 21 % от общего числа осужденных². Таким образом, в последнее время в среднем к уголовной ответственности за вышеуказанные преступления привлекается каждый пятый из осужденных, в связи с чем следует обратить особое внимание на данный институт в отечественном уголовном праве.

В большинстве из выделенных нами государственных участников СНГ термин «административная преюдиция» и ее дефиниция отсутствуют в уголовном законодательстве, однако, как показывает статистика, конструкция исследуемого понятия широко используется в правоприменительной практике. Не содержится упоминание об административной преюдиции и в Модельном Уголовном кодексе для государственных участников СНГ. В настоящий момент единственным действующим в пространстве СНГ уголовным законом, где фигурирует термин и дефиниция административной преюдиции, является Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3. Так, ст. 32 данного нормативного правового акта «Административная или дисциплинарная преюдиция» закрепляет правило: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение»³.

Указанная проблема приводит к рассогласованию правоприменительной деятельности. Анализ отечественного и зарубежного уголовного законодательства в исследуемой сфере показал, что суверены используют различные формулировки, описывая один и тот же элемент в структуре состава преступления, сконструированного с использованием административной преюдиции, а именно субъект преступления.

Так, во всех составах преступлений, сконструированных с использованием административной преюдиции, субъект преступления является всегда специальным. Рассмотрим, как законодатель определяет специальный субъект исследуемых составов преступлений в статьях действующего уголовного закона России:

1) лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1, ч.1 ст. 215.3 УК РФ);

2) лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 151.1; ст. 157; ст. 171.4; ст. 215.4 УК РФ);

3) лицо, подвергнутое административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 158.1 УК РФ); лицо, подвергнутое административному наказанию за деяния, предусмотренные ч. 5.2 ст. 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 193 УК РФ); лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, совершенное в отношении того же судебного акта (ч. 1 ст. 315 УК РФ);

4) лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 191 УК РФ; ч. 2 ст. 255 УК РФ);

5) лицо, подвергнутое административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления (ст. 264.1 УК РФ);

6) лицо после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года (ч. 1 ст. 280.1; ч. 1 ст. 282 УК РФ);

7) лицо, которое ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об админи-

стративных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней (ст. 212.1 УК РФ);

8) лицо, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года (ст. 284.1; ст. 314.1 УК РФ).

Формулировка «лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию», является неудачной и громоздкой. Уже из первой части этой выдержки понятно правовое положение специального субъекта преступления, так как по смыслу ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ им является лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения и которое считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. То есть дополнение «... в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию» попросту дублирует первую часть формулировки.

Вызывает сомнения правильность формулировки субъекта преступлений в ст. ст. 116.1, 151.1, 157, 171.4, 215.4 УК РФ, согласно которым преступление, содержащее признаки повторно совершенного административного правонарушения, признается аналогичным административному правонарушению, несмотря на их разную правовую природу, обусловленную принадлежностью к различным отраслям права [Богданов: 163]. К данным уголовно-правовым нормам в связи с последними изменениями в уголовном законодательстве мы можем также добавить ст. 191 и ч. 2 ст. 255 УК РФ. Дискуссионным видится вопрос о том, почему законодатель, используя схожую формулировку специального субъекта при конструировании таких составов преступлений, как в ст. 158.1, 191, 193, ч. 2 ст. 255, 315 УК РФ (пункты 3 и 4), в одних составах указывает на аналогичность деяния, а в других нет.

Всё это свидетельствует об отсутствии единого подхода описания признаков субъекта преступления с административной преюдицией (например, в одних диспозициях используется указание на специальный субъект как на «лицо, подвергнутое административному наказанию», в других – как на «лицо, привлеченное к административной ответственности»). Весьма справедливым в данном случае является высказывание Д.С. Кондакова о том, что отсутствие единого подхода свидетельствует о недостаточном знании законодателем данного юридико-технического средства, в частности преюдиции [Кондаков: 198].

Стоит отметить, что отсутствует единообразие в конструировании уголовно-правовых норм с адми-

нистративной преюдицией в части формулирования специального субъекта преступления также в Уголовном законе Республики Таджикистан и Республики Туркменистан. Рассмотрим, как законодатель определяет специальный субъект исследуемых составов преступлений в статьях действующего Уголовного закона Республики Таджикистан.

Если деяние совершено:

- в течение года после наложения административного взыскания (ст. 160, 278 (1), 286);
- в течение года после применения административного наказания (ст. 195, 226, 237 (1));
- в течение года после назначения административного наказания за совершение тех же деяний (ст. 199 (1), 341 (1));
- в течение одного года после применения административного наказания за такое же деяние: (ст. 212 (1), 212 (2));
- повторно после наложения административного взыскания (ст. 275);
- в течение года после применения административного взыскания (ст. 289);
- повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения (ст. 336⁵).

В статьях действующего Уголовного закона Республики Туркменистан законодатель определяет специальный субъект исследуемых составов преступлений следующим образом:

Если деяние совершено лицом:

- повторно в течение года после наложения административного взыскания (ст. 138);
- повторно в течение одного года после применения административного взыскания (ст. 140, 146, 147, 148, 153, 156, 245, 264, 265, 305, 306-1);
- после применения мер административного взыскания за такие же действия (ст. 223⁶).

Таким образом, в Уголовном законе Республики Таджикистан отсутствует единый подход в плане использования формулировок «наложение административного взыскания», «применение административного взыскания», «применение административного наказания», «назначение административного наказания», а также указания на повторность совершения правонарушения. В Уголовном законе Республики Туркменистан отсутствует единый подход к использованию формулировок «наложение административного взыскания» и «применение административного взыскания». Выявленные формулировки специального субъекта преступления, которые, на наш взгляд, являются технико-юридическими недоработками, поскольку отсутствует единый подход к конструированию исследуемых уголовно-правовых норм, возможно, вызваны особенностями внутреннего права данных государств, что требует дальнейшего изучения.

Уголовный закон Республики Беларусь и Республики Узбекистан, напротив, характеризуются использованием единой формулировки, определяющей специальный субъект рассматриваемых преступлений, что указывает, на наш взгляд, на принципиальный подход законодателя к правотворчеству, направленному на минимизацию возникновения правовых неопределенностей.

Изучение зарубежного правотворческого опыта важно, в частности, и для совершенствования российского уголовного законодательства. Полагаем необходимым обратить внимание на положительную практику белорусского законодателя в плане обеспечения единства терминологии в изучаемой сфере и унификации на ее основе правовых норм материального права и считаем, что уголовный закон России тоже должен быть дополнен дефиницией административной преюдиции. Данное положение следовало бы изложить в классической дефиниции преступления путем дополнения уголовного закона ст. 14.1 УК РФ в следующей редакции: «Преступлением с административной преюдицией признается виновно совершенное в течение определенного законом срока общественно опасное деяние, лицом, подвергнутым административному наказанию, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [Хлестакова, Редков: 61]. Считаем, что данное определение будет содержательно раскрывать все основные признаки таких составов преступлений, способствовать устранению правовой неопределенности, значительно улучшит качество рассматриваемой юридической конструкции.

Кроме закрепления в отечественном уголовном законе приведенного выше определения, на его основе необходимо унифицировать уголовно-правовые нормы с административной преюдицией в целях исполнения рекомендации президента «сделать уголовное законодательство более современным». Следует согласиться с А.В. Богдановым, который считает, что формулировка специального субъекта следующего содержания: «...лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, деяние, предусмотренное частью 4 статьи 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» будет способствовать эффективности уголовно-правовых норм с административной преюдицией, поскольку улучшит качество из юридической конструкции [Богданов: 162; 164]. Такая формулировка специального субъекта содержится в ст. 158.1, 193, 315 УК РФ и, на наш взгляд, является самой удачной, поскольку исключает возможность неоднозначного толкования нормы уголовного закона. В качестве подтверждения справедливости сказанного выше приведем мнение А.В. Карданца о том, что выработка единой нормативной формы закрепления преюди-

ции – важный шаг на пути повышения эффективности ее реализации [Карданец: 30].

Полагаем целесообразным российскому парламенту обратиться в Межпарламентскую ассамблею СНГ с инициативой, а также поднять на пленарном заседании по модельному законотворчеству вопрос о необходимости включения в Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ правовых норм, раскрывающих понятие административной преюдиции и преступления с административной преюдицией. Это обеспечит единый подход к конструированию исследуемых уголовно-правовых норм на всем правовом пространстве государств-участников СНГ, использующих данный институт.

Таким образом, представленное исследование позволило выявить некоторые проблемы в действующем уголовном законодательстве и разработать пути их решения, направленные на совершенствование законодательной регламентации и повышение эффективности применения административной преюдиции в сфере уголовного права России. В частности, нами сделан вывод о том, что административная преюдиция в уголовном праве является уникальной правовой конструкцией, присущей лишь нескольким государствам-участникам СНГ. В большинстве из выделенных нами государств-участников СНГ термин «административная преюдиция» и сама дефиниция административной преюдиции в уголовном праве отсутствуют. Уголовное законодательство Таджикистана, Туркменистана и России характеризуется отсутствием единой формулировки, определяющей специальный субъект преступления с административной преюдицией, что свидетельствует о недостаточном знании законодателем данного юридико-технического средства. С целью устранения выявленных недоработок авторами предложено закрепить дефиницию преступления с административной преюдицией и на ее основе разработать единую формулировку специального субъекта данных преступлений для дальнейшей унификации всех указанных составов преступлений. Выявленные законодательные технико-юридические недоработки не умаляют очевидных достоинств этой юридической конструкции. Конечно, совершенствование обозначенных нами уголовно-правовых норм не поможет снизить уровень преступности, поскольку таким путём этого невозможно достичь, но позволит повысить качество исследуемой юридической конструкции в нормах действующего уголовного закона, точность, ясность и логичность их содержания, исключая возможность неоднозначного толкования субъектами правоприменения, что в свою очередь должно способствовать эффективности исследуемой правовой конструкции. Перспективность усовершенствованных уголовно-правовых норм с административной преюдицией

видится в возможности дальнейшего реформированного уголовного закона на их основе путём криминализации некоторых деяний и декриминализации части преступлений с помощью административной преюдиции, что позволит занять ей достойное место в арсенале технико-юридических средств реализации современной уголовной политики, что в свою очередь требует проведение дальнейших теоретических и практических исследований.

Примечания

¹ Президент сказал слово // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie.html/> (дата обращения: 30.12.2020)

² Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 27.03.2021).

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/> (дата обращения: 01.02.2021).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: (ред. от 09.03.2021) // Законодательство России: информационно-правовая система. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.03.2021).

⁵ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574: (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.12.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 12.03.2021).

⁶ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1999 года № 222-I. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 12.03.2021).

Список литературы

Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 251 с.

Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. 78 с.

Карданец А.В. Преюдиции в российском праве (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 30 с.

Кондаков Д.С. Примечания в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 198 с.

Коротков А.В., Еремина Н.В. Восстановление административной преюдиции в уголовном законодательстве России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (2). 224 с.

Одоев О.С. Административная преюдиция в уголовном праве России и государств СНГ: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2018. С. 84–85.

Хлестакова Л.А., Редков Н.А. Институт административной преюдиции в уголовном праве: понятие и функции // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России. Кострома: КГУ, 2020. Т. 1. С. 61.

References

Bogdanov A.V. *Administrativnaia preiuditsiia v ugovnom prave Rossii: dis. ... kand. iurid. nauk* [Administrative prejudice in Russian criminal law: PhD thesis]. Moscow, 2019, 251 p. (In Russ.)

Kapinus O.S. *Administrativnaia preiuditsiia v ugovnom prave: problemy teorii i praktiki* [Administrative prejudice in criminal law: problems of theory and practice]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, № 6, 78 p. (In Russ.)

Kardanets A.V. *Preiuditsii v rossiiskom prave (problemy teorii i praktiki): dis. ... kand. iurid. nauk* [Prejudices in Russian Law (Problems of Theory and Practice): PhD thesis]. N. Novgorod, 2002, 30 p. (In Russ.)

Kondakov D.S. *Primechaniia v rossiiskom zakonodatel'stve: dis. ... kand. iurid. nauk* [Notes in Russian legislation: PhD thesis]. N. Novgorod, 2002, 198 p. (In Russ.)

Korotkov A.V., Eremina N.V. *Vosstanovlenie administrativnoi preiuditsii v ugovnom zakonodatel'stve Rossii* [Restoration of administrative prejudice in the criminal legislation of Russia]. *Uchenye zapiski Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, № 2 (2), 224 p. (In Russ.)

Odoev O.S. *Administrativnaia preiuditsiia v ugovnom prave Rossii i gosudarstv SNG: monografiia* [Administrative prejudice in the Criminal Law of Russia and the CIS countries: monograph]. Moscow, ID Iurisprudentsiia Publ., 2018, pp. 84–85. (In Russ.)

Khlestakova L.A., Redkov N.A. *Institut administrativnoi preiuditsii v ugovnom prave: poniatie i funktsii* [The Institute of administrative prejudice in criminal law: concept and functions]. *Suverennoe gosudarstvo i ego pravo: aktual'nye problemy iuridicheskoi nauki i pravoprimenitel'noi praktiki v sovremennoi rossii* [The sovereign state and its law: actual problems of legal science and law enforcement practice in modern russia]. Kostroma, Publ. Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, vol. 1, 61 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.03.2021; одобрена после рецензирования 13.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 02.03.2021; approved after reviewing 13.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

Смирнов Евгений Рафаилович, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, smirnov_er@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0707-5841>

Безносова Яна Викторовна, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Завурбеков Фаридун Завурбекович, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, z fz2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5532-6620>

Остроумов Николай Владимирович, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, ostroumovnv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9431-9156>

Аннотация. В статье проанализированы нормативно-правовые акты современной Республики Индия, направленные на защиту животных от действий людей, причиняющих им физические и психические страдания. Подчеркивается, что индийский законодатель признает наличие у животных чувств, эмоций, переживаний и сознания. Авторы изучили отчет Всемирного общества защиты животных, где содержится информация о состоянии законодательства и судебной практики в рассматриваемой сфере. Акцентируется внимание на позиции индийских судей, прямо признающих наличие у животных особых прав, которые подлежат юридической защите. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования защиты диких, сельскохозяйственных, лабораторных, домашних, цирковых и содержащихся в неволе животных. В отношении каждой из этих категорий существуют специальные нормативно-правовые акты, подтверждающие приверженность индийского государства к существующему с древности в этой стране принципу «ахимсы», то есть гуманного отношения ко всем живым существам. Законодательство Индии, затрагивающее проблемы отношения к животным, является прогрессивным по сравнению со многими государствами, в которых подобные вопросы не являются приоритетными. Отметив безусловные достижения Республики Индия в деле защиты животных, авторы не оставили без внимания имеющиеся проблемы правоприменительной практики, требующие незамедлительного решения.

Ключевые слова: защита прав животных в Индии, гуманизм, домашние животные, защита окружающей среды, охрана дикой природы, общество защиты животных, научные эксперименты и подопытные животные, ахимса

Для цитирования: Смирнов Е.Р., Безносова Я.В., Завурбеков Ф.З., Остроумов Н.В. Животные как объекты правовой охраны в Республике Индия // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 181–186. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-181-186>

Research Article

ANIMALS AS OBJECTS OF LEGAL PROTECTION IN THE REPUBLIC OF INDIA

Evgeniy R. Smirnov, candidate of legal Sciences, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, smirnov_er@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0707-5841>

Yana V. Beznosova, candidate of legal Sciences, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Faridun Z. Zavurbekov, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, z fz2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5532-6620>

Nikolay V. Ostroumov, candidate of legal Sciences, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ostroumovnv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9431-9156>

Abstract. The article analyses the legal acts of the modern Republic of India aimed at protecting animals from human actions that cause physical and mental suffering. It is emphasised that the Indian legislator recognises the presence of feelings, emotions, experiences and consciousness in animals. The authors studied the report of the World Society for the Protection of Animals, which contains information on the state of legislation and judicial practice in this area. The authors drew attention

to the position of Indian judges who explicitly recognise the existence of special rights for animals that are subject to legal protection. The article deals with the issues of legal regulation of the protection of wild, agricultural, laboratory, domestic, circus and captive animals. In relation to each of these categories, there are special legal acts that confirm the commitment of the Indian state to the principle of «ahimsa», which has existed in this country since ancient times, i.e., humane treatment of all living beings. India's legislation dealing with animal welfare issues is progressive compared to many states where such issues are not a priority. Noting the unconditional achievements of the Republic of India in the field of animal protection, the authors did not ignore the existing problems of law enforcement practice that require immediate solutions.

Keywords: animal rights in India, humanism, domestic animals, environmental protection, wildlife protection, animal welfare society, scientific experiments and experimental animals, ahimsa

For citation: Smirnov E.R., Beznosova Y.V., Zavurbekov F.Z., Ostroumov N.V. Animals as objects of legal protection in the Republic of India. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 181–186 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-181-186>

Вопрос о защите животных от негуманного отношения со стороны людей сегодня приобрел новую остроту. Во всем мире ширится движение за признание за животными прав на жизнь, на защиту от жестокости, эксплуатации, причинения разнообразного вреда со стороны человека. Более того, среди стран – активных защитников животных распространилась концепция (корни которой уходят в глубокую древность, в религию древних индусов) о наличии сознания у животных. В 2012 г. была принята Кембриджская декларация о сознании¹. В ней провозглашается, что кроме человека сознанием обладают и иные существа: млекопитающие, птицы, некоторые виды морских жителей и моллюсков.

Для представителей индуизма и буддизма эта доктрина является бесспорной, и принцип непричинения вреда живому существу без крайней на то необходимости является ключевым духовным и культурным принципом индийцев.

Впервые на «законодательном уровне» этот принцип был зафиксирован в священных книгах Индии – Ведах и дхармашастрах. В современной Индии действует развитое законодательство в отношении защиты животных. Основным законом, регулирующим этот вопрос, является Закон о предотвращении жестокого обращения с животными 1960 года², в котором содержатся положения, свидетельствующие о признании законодателем способности животных испытывать чувства физической или психической боли³.

По мнению зоозащитников, серьезным прогрессом на этом пути является закрепление в Основном законе Индии положений, призывающих к бережному отношению к окружающей среде. Так, следуя философской концепции ахимсы («не навреди»), Конституция провозглашает, что «долг каждого гражданина Индии – защищать и улучшать природную среду, включая леса, озера, реки и дикую природу, и проявлять сострадание к живым существам» (51A (g))⁴.

В этом русле действует и судебная система Индии. В 2018 году суд штата Уттаракханд вынес решение о том, чтобы признать животных «физическими лицами» с соответствующим правовым статусом. Вы-

сокий суд также определил ряд основополагающих принципов по предотвращению жестокого обращения с животными [Ray]. Аналогичное решение в 2019 году принял Верховный суд штата Пенджаб и Харьяна: «Все животные, включая птиц, объявляются физическими лицами, имеющими самостоятельный статус с соответствующими правами, обязанностями и ответственностью человека» [Punjab and Haryana].

К решению проблемы признания разумности животных подключилось и правительство. Так, в 2013 году Министерство окружающей среды и лесов рекомендовало правительствам штатов запретить дельфинарии на том основании, что дельфины «очень умны и чувствительны» и должны рассматриваться как существа со «своими особыми правами».

Вышеперечисленные примеры свидетельствуют о наличии положительной динамики в процессе признания «разумности» животных на законодательном уровне. Этот вопрос является ключевым при обсуждении прав животных в любом государстве, в том числе и в Индии.

По нашему мнению, одним из важных показателей цивилизованности того или иного государства является приверженность принципам гуманного отношения не только к человеку, но и к животным. В Индии действует ряд норм, гарантирующих защиту животных от жестокого обращения. Так, вышеупомянутый закон от 1960 года требует, чтобы граждане «принимали все разумные меры для обеспечения благополучия... животного и предотвращения причинения такому животному ненужной боли или страданий» [World Animal Protection].

В разделе 11 Закона установлен запрет на применение к животным насилия, пыток, чрезмерной эксплуатации или иных действий, причиняющих боль или страдания. Там же говорится о запрете транспортировки животных в не предназначенных для этого условиях, в том числе в клетках, значительно ограничивающих двигательную активность особи. Также запрещается оставлять животное без присмотра без «разумной на то причины», если это приведет к вероятному риску голодной смерти (11(i))⁵.

В статьях 428 и 429 Уголовного кодекса Индии 1860 года также говорится о том, что «убийство или нанесение увечий животному равносильно преступлению»⁶.

Вместе с тем, как отмечают представители Всемирного общества защиты животных (World Animal Protection), ряд изъятий и исключений из Закона о предотвращении жестокого обращения с животными ослабляет его правоохранный потенциал [India]. Так, согласно разделу 14 Закона, под защиту не попадают животные, используемые в научных экспериментах и религиозных жертвоприношениях.

Сегодня вопрос о развитости сельского хозяйства в той или иной стране не сводится исключительно к экономическим показателям. Важной становится и этическая сторона вопроса. Многих потребителей и экспертов волнует правовое положение животных, соответствие условий их содержания и эксплуатации современным стандартам.

Отметим, что индийское общество считает эту проблему чрезвычайно важной. В Конституции Индии содержится норма, которая гласит, что «государство стремится организовать сельское хозяйство и животноводство на современном научном уровне, в частности принимает меры для сохранения и улучшения пород, а также запрещает забой коров и телят и других дойных и тягловых животных» (48)⁷.

На национальном уровне к этой категории животных применяются общие положения о борьбе с жестоким обращением, содержащиеся в разделе 11 Закона о предотвращении жестокого обращения с животными 1960 года.

За соблюдением общенационального законодательства, а также разработкой правил и инструкций при работе с сельскохозяйственными животными отвечает департамент животноводства и рыболовства Индии. Однако, как отмечают наблюдатели, деятельность этой структуры направлена скорее на решение общих вопросов биобезопасности и здоровья человека, чем на заботу о благополучии животных [India].

Важной составляющей в производственном цикле выращивания и забоя животных сельскохозяйственного назначения является их транспортировка. Учитывая особенности этого вида деятельности, индийское правительство требует соблюдения ряда обязательных условий, описанных в отраслевых нормативно-правовых актах. Например, в правилах перевозки животных 1978 года (действуют до сих пор), регулируются вопросы перевозки птиц и свиней железнодорожным, автомобильным и воздушным транспортом. Особый акцент делается на необходимости создания надлежащих условий перевозки, соблюдения её сроков, а также учета индивидуальных особенностей каждой особи в ходе этого процесса. Запрещается использование цепей, причиняющее

животным излишнюю боль и страдания, в том числе психические⁸. Индийский законодатель также установил правила, требующие использования гуманных практик при забое птиц и скота⁹.

Отношение индийского правительства и общества к содержанию в неволе представителей флоры и фауны двойственное. Одни приводят аргументы «против» содержания животных в неволе, другие убеждены в целесообразности сохранения зоопарков в образовательных и развлекательных целях. Несмотря на это расхождение, в индийском обществе существует консенсус относительно условий содержания животных – они должны быть максимально гуманными и приближенными к естественной среде.

Правовую защиту в этом отношении им обеспечивает уже упомянутый Закон 1960 года, в разделе 11 (e)(f) которого устанавливается запрет на содержание животных в тесных клетках и помещениях, а также их заковывание в короткие, тяжелые цепи. Закон об охране дикой природы Индии 1972 года утвердил специализированные структуры, осуществляющие надзор за соблюдением зоопарками общепризнанных стандартов качества, а их посетителями – гуманного отношения к экспонатам (Art. 38j)¹⁰.

Принятый правительством Индии в 2009 году подзаконный нормативно-правовой акт¹¹ конкретизировал и дополнил положения законов 1960 и 1972 годов. Указанный источник регламентировал создание реестра зоопарков, их классификацию по различным критериям, а также установил рекомендуемый регламент работы и правила взаимодействия зоопарков с государственными органами по надзору и контролю¹².

В целях соблюдения законодательства о предотвращении жестокого обращения с животными также был создан Совет по защите животных Индии (AWBI). Ряд инициатив Совета, среди которых присутствуют, например, такие, как запрет дельфинариев, а также облегчение условий содержания слонов, были положительно оценены зоозащитниками [India] и обществом. Несмотря на то, что пушное звероводство в Индии полностью не запрещено, на сегодняшний день существует ряд ограничений, налагаемых правительством. Так, министр внешней торговли Индии в 2017 году полностью запретил импорт шкур рептилий, шиншил, норок и лис [India bans].

Таким образом, можно позитивно оценивать опыт Индийского государства на пути облегчения участи животных, находящихся в неволе. Тем не менее зоозащитные организации отмечают некоторое несоответствие законодательной и правоприменительной практик в этом вопросе [India].

Сегодня в более чем 45 странах мира частично или полностью запрещается использовать животных в развлекательной индустрии. В качестве основных причин такого запрета приводятся жестокость методов

дрессировки, невозможность обеспечения приемлемых условий содержания и перевозки животных, отрицательное влияние подобных зрелищ на психику зрителей, а также высокая смертность среди «артистов».

В Индии не установлен полный запрет на использование животных в развлекательных целях, однако существует ряд норм, защищающих их права. В первую очередь на таких животных распространяются общие нормы Закона о предотвращении жестокого обращения с животными 1960 года. Кроме того, правительство отдельным распоряжением установило, что медведи, обезьяны, львы, тигры, быки и пантеры не должны выставляться или обучаться в качестве животных-компаньонов. Также был введен полный запрет на использование диких животных в цирках [In welcome]. В 2018 году Верховный суд штата Уттаракханд запретил коммерческое использование слонов, в том числе для поездок сафари по джунглям¹³. Содержание «танцующих» медведей было запрещено законодательно в 1972 году [India].

Отдельное внимание индийский законодатель обратил на правовое положение тягловых и вьючных животных. Так, в Правилах предотвращения жестокого обращения с тягловыми и вьючными животными 1965 года¹⁴ устанавливаются максимальные нормы нагрузки на животных в зависимости от их вида. Раздел 5 указанных Правил ограничивает количество перевозимых пассажиров, а раздел 6 вводит требование о предоставлении животным регулярных перерывов. В разделе 8 Правил запрещается использование шипастой упряжи, а в разделе 9 регламентируется правильный способ седлания лошадей.

Вместе с тем зоологи отмечают, ссылаясь на данные центра по спасению и реабилитации дикой природы, что только 50 из 130 слонов, используемых для туризма в индийских штатах Гоа и Раджастан, содержатся в нормальных условиях [India considers].

Картина общей ситуации с правами животных в Индии была бы не полной без упоминания группы животных, проживающих вместе с человеком и имеющих особое значение в его жизни.

Раздел 3 Закона о предотвращении жестокого обращения с животными 1960 года особенно актуален для категории домашних животных, поскольку он предписывает, что любое лицо, ответственное за животное, «должно принимать все разумные меры для обеспечения благополучия таких животных и предотвращения причинения такому животному ненужной боли и страданий». Кроме того, к этой категории животных применяются общие положения о борьбе с жестоким обращением, содержащиеся в разделе 11 указанного Закона 1960 года.

Отдельное внимание законодатель обращает на правовое положение собак. Так, в Правилах контроля рождаемости животных (собак) 2001 года¹⁵

от заводчиков и покупателей требуется более ответственное отношение к сделкам купли-продажи домашних животных¹⁶. Аналогичные призывы содержатся в ряде других нормативно-правовых актов, регулирующих статус смежных видов животных.

Общеизвестно, что основным источником пополнения популяции бродячих животных являются потерявшие хозяев домашние питомцы. В этой связи одной из важных проблем, разрешением которой занимается индийское государство, является регуляция численности безнадзорных животных, а также обеспечение гуманного отношения к ним со стороны общества.

Правила контроля рождаемости животных (собак) 2001 года устанавливают для местных властей регламент по отлову, стерилизации, иммунизации и эвтаназии уличных собак¹⁷.

В Индии подробно регламентированы вопросы обеспечения благополучия и защиты от жестоких форм обращения не только с сельскохозяйственными и домашними, но и лабораторными животными [Pereira: 411–415]. Несмотря на то, что последние выведены из-под действия Закона о предотвращении жестокого обращения с животными 1960 года, в разделе 15 указанного акта провозглашается создание специализированного органа по контролю и надзору за экспериментами с участием животных, с правом наложения полного запрета на их осуществление.

Более подробно особенности работы с лабораторными животными описаны в специализированном правовом акте от 1998 года¹⁸, который определил условия их содержания, размещения, транспортировки, специфику научных исследований, надзор за размножением, правила формирования отчетности, статистики и проведения обучающих семинаров для персонала¹⁹.

В 2003 году индийское правительство запретило тестирование на животных косметики и ее производных [Victory]. Более того, в 2014 году Индия стала первой страной в Южной Азии, воспрепятствовавшей импорту подобной косметики из других стран. В 2013 году был введен запрет на использование вивисекции в медицинских образовательных учреждениях.

Косвенное признание наличия чувств и сознания животных отражено в Конституции страны. Зоозащитники позитивно оценивают запрет на использование животных в развлекательных целях, прогресс в деле защиты лабораторных, домашних и сельскохозяйственных животных, создание административных органов надзора, среди которых важное место занимает Совет по защите животных Индии. Количество нормативно-правовых актов, регулирующих проблематику защиты прав животных в Индии, свидетельствует о наличии у правительства определенной стратегии, которая, безусловно, идет на пользу правовому положению животных.

Вместе с тем зоозащитники сообщают, что правоприменительная практика на фоне экономических, социально-политических проблем индийского государства обнаружила, наряду с прогрессивными результатами, некоторые пробелы как в самих законах, так и в механизме их реализации.

Отметим, что проблема защиты прав животных в настоящее время приобретает особую важность. Гуманное обращение к животным, по нашему мнению, должно быть одной из основных задач цивилизованного общества. Индия в рейтинге Всемирной организации защиты животных сегодня занимает третью строчку, вставая в один ряд с такими странами, как Новая Зеландия, Франция, Испания и Мексика. Подобная оценка свидетельствует о развитости законодательства в сфере защиты прав животных. Устранение ряда законодательных пробелов, наряду с иными мерами, позволит индийскому обществу заслуженно занять первые строчки в мировых рейтингах защиты животных, реализовав, таким образом, наработки предыдущих поколений.

Примечания

¹ The Cambridge Declaration On Consciousness. URL: <http://fcmconference.org/img/CambridgeDeclarationOnConsciousness.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

² The Prevention of Cruelty to Animals: Act, 1960: (No. 59 of 1960). URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1960-59.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

³ Например, раздел 9(е) Закона предписывает, чтобы ненужная боль или страдания, будь то физические или психические, были устранены как можно раньше до убийства. Этот Закон применим ко всем живым существам, кроме человека (раздел 2(а)).

⁴ The Constitution of India: (As on 9 th September, 2020). URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

⁵ The Prevention of Cruelty to Animals: Act, 1960: (No. 59 of 1960). URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1960-59.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

⁶ Indian Penal Code, 1860. URL: <https://www.advocatekhaj.com/library/bareacts/indianpenalcode/index.php?Title=Indian%20Penal%20Code,%201860&Title=Indian%20Penal%20Code,%201860> (дата обращения: 09.04.2021).

⁷ The Constitution of India: (As on 9 th September, 2020). URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/COI.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

⁸ Transport of Animals (Amendment): Rules, 2001. URL: <http://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC040039> (дата обращения: 09.04.2021).

⁹ Prevention of Cruelty to Animals (Slaughter House): Rules, 2001. URL: http://wgbis.ces.iisc.ernet.in/biodiversity/Environ_sys/legis/anirule5.htm (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁰ The Wild Life (Protection): Act, 1972. URL: https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1972-53_0.pdf (дата обращения: 12.04.2021).

¹¹ Recognition of Zoo: Rules, 2009. URL: http://www.megforest.gov.in/docs/cenrule_Recognition_of_Zoo_Rules_2009_with_amendments_Rules_2013.pdf (дата обращения: 12.04.2021).

¹² Зоопарки классифицируются в указанных Правилах по площади, количеству посетителей, видам и животным, особенно если в этом учреждении содержатся виды, находящиеся под угрозой исчезновения (ст. 9). Регламент, содержащийся в Правилах, предусматривает: охрану здоровья животных, гигиену, кормление и профилактику жестокого обращения; ветеринарное обслуживание; приобретение и разведение животных; требования к посетителям и т. д. Все учреждения должны представлять в управление по делам зоопарков ежегодный отчет со статистическими данными о количестве размещенных животных (ст. 11).

¹³ Elephant rides, jungle safaris banned in Uttarakhand's tiger reserves [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hindustantimes.com/dehradun/uttarakhand-hc-bans-elephant-safari-joy-rides-restricts-gypsy-numbers-in-tiger-reserves/story-6rBssq4vgu0UfyQst1wgM.html> (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁴ Prevention of Cruelty to Draught and Pack Animals Rules, 1965. URL: http://pashudhanharyana.gov.in/sites/default/files/documents/8_The_Prevention_of_Cruelty_to_Draught_and_Pack_Animals_Rules_1965.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁵ The Animal Birth Control (Dogs): Rules, 2001. URL: [https://www.iitk.ac.in/animalwelfare/data/Animal-Birth-Control-\(Dogs\)-Rules-2001.pdf](https://www.iitk.ac.in/animalwelfare/data/Animal-Birth-Control-(Dogs)-Rules-2001.pdf) (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁶ Согласно ст. 12 Правил, заводчики должны быть зарегистрированы в AWBI и обязаны вести полный учет количества рожденных щенков, а также учет покупателей. Кроме того, продавец должен убедиться в том, что покупатель обладает необходимыми знаниями для содержания щенков.

¹⁷ Правила предусматривают, что собака с подозрением на бешенство не может быть подвергнута эвтаназии, но должна содержаться до «естественной смерти» (раздел 10). Правила также предписывают, что «неизлечимо больные и смертельно раненые собаки», диагностированные квалифицированным ветеринаром, должны быть подвергнуты эвтаназии в течение определенных часов гуманным образом путем введения соответствующих препаратов, отличных для взрослых собак и щенков (раздел 9). Правила оговаривают, что ни одна собака не должна подвергаться эвтаназии в присутствии другой собаки (раздел 9).

¹⁸ Breeding of and Experiments on Animals (Control and Supervision): Rules, 1998. URL: <http://www.fao.org/>

faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC040054 (дата обращения: 10.04.2021).

¹⁹ В 2006 году новые поправки добавили, среди прочего, уточнение, что экспериментаторы должны сначала рассмотреть вопрос об использовании животных, «наименьших по филогенетической шкале», что экспериментаторы должны использовать минимальное количество животных, необходимое для достижения 95 % статистической достоверности, а также обязаны предоставить обоснование для отказа от использования альтернативных объектов для экспериментов (раздел 9(1)(bb) Правил).

Список литературы

Хусьяинов Т.М., Дударь А.И. Основы защиты домашних животных в соответствии с конвенцией Совета Европы. DOI: 10.7256/2306-9899.2015.3.13894 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13894 (дата обращения: 13.03.2021).

In welcome move, no circus in India can now make wild animals perform tricks. URL: <https://www.indiatoday.in/mail-today/story/wild-animals-performance-in-circus-ban-india-central-zoo-authority-1070867-2017-10-27> (дата обращения: 10.03.2021).

India / World Animal Protection. URL: <https://api.worldanimalprotection.org/country/india> (дата обращения: 09.03.2021).

India bans the import of mink, fox and chinchilla fur. URL: <https://www.furfreealliance.com/india-bans-import-fur-mink-foxes-chinchillas/> (дата обращения: 10.03.2021).

India considers banning elephant rides. URL: <https://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/asia/india/articles/India-considers-banning-elephant-rides/> (дата обращения: 10.03.2021).

Pereira S. Animal Experimentation and Ethics in India: The CPCSEA Makes a Difference. *Altern Lab Anim*, 2004, vol. 32, № 1_suppl, pp. 411–415.

Punjab and Haryana High Court Rules That Animals Have Legal Rights. URL: <https://www.vice.com/en/article/pajmg9/punjab-and-haryana-high-court-rules-that-animals-have-legal-rights> (дата обращения: 09.03.2021).

Ray S. Animals accorded same rights as humans in Indian state. *The Telegraph*, 2018. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/07/05/animals-accorded-rights-humans-indian-national-park/> (дата обращения: 11.03.2021).

Victory: India Ends All Animal Testing for Cosmetics Following PETA India Campaign. URL: <https://www.peta.org/media/news-releases/victory-india-ends-animal-testing-cosmetics-following-peta-india-campaign/> (дата обращения: 10.03.2021).

References

Khusiainov T.M., Dudar' A.I. *Osnovy zashchity domashnikh zhivotnykh v sootvetstvii s konventsiei Soveta Evropy* [Fundamentals of the protection of domestic animals in accordance with the Council of Europe Convention]. DOI: 10.7256/2306-9899.2015.3.13894 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13894 (access date: 10.03.2021). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; одобрена после рецензирования 19.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 22.03.2021; approved after reviewing 19.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 187–194. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 187–194. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470)''19/20''

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-187-194>

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДЪЮТАНТОВ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ЖАНДАРМОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.

Бриль Геннадий Геннадьевич, доктор юридических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, g_bril@ksu.edu.ru

Зайцев Леонид Николаевич, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, zln15@yandex.ru

Аннотация. В работе освещаются деятельность адъютантов органов политической полиции, их место и роль в работе жандармского аппарата Российской империи. Источниковую базу исследования составили архивные документы и материалы, мемуары сотрудников Костромского губернского жандармского управления ротмистров А.М. Полякова и В.В. Парфёнова. Авторами исследованы нормативно-правовая база, регулирующая деятельность адъютантов отдельного корпуса жандармов, направления их деятельности, а также место и роль в структуре органа безопасности. В работе рассматриваются историко-правовые основы создания, развития и функционирования на территории Российской империи института адъютанта Отдельного корпуса жандармов, его основные направления. Сделаны выводы о становлении и развитии Отдельного корпуса жандармов Российской империи, а также особой роли его адъютантов в сфере обеспечения внешней и внутренней безопасности. Подчеркивается преемственность и значимость правоохранительных органов в историческом контексте.

Ключевые слова: адъютант, кадровый состав, Отдельный корпус жандармов, Костромское губернское жандармское управление

Для цитирования: Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Правовые основы деятельности адъютантов Отдельного корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 187–194. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-187-194>

Research Article

LEGAL BASES OF ACTIVITY OF ADJUTANTS OF A SEPARATE CORPS OF GENDARMES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY – THE EARLY 20TH CENTURY

Gennadiy G. Bril', Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_bril@ksu.edu.ru

Leonid N. Zaytsev, senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma, Russia, zln15@yandex.ru

Abstract. The work highlights the activities of adjutants of the political police, their place and role in the work of the gendarmerie apparatus of the Russian Empire. The source base of the research was made up of archival documents and materials, memoirs of the employees of the Kostroma provincial gendarmerie department, rotmistrov A.M. Polyakov and V.V. Parfyonov. The authors have studied the legal framework governing the activities of adjutants of a separate corps of gendarmes, the directions of their activities, as well as their place and role in the structure of the security body. The article studies the historical and legal foundations of the creation, development and functioning of the institute of adjutant of a separate corps of gendarmes on the territory of the Russian Empire, and their main directions. Conclusions are drawn about the formation and development of a separate corps of gendarmes of the Russian Empire, as well as the special role of its adjutants in the field of external and internal security. The continuity and significance of law enforcement agencies in the historical context is emphasised.

Keywords: adjutant, personnel, separate corps of gendarmes, Kostroma provincial gendarmerie department

For citation: Bril' G.G., Zaytsev L.N. Legal bases of activity of adjutants of a separate corps of gendarmes of the Russian Empire in the second half of the 19th century – the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 187–194 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-187-194>

Вопросы деятельности полиции, и в особенности политической, привлекают внимание ученых – правоведов и историков. В ряде исследований освещались методы, средства политического сыска, такие как работа секретной агентуры, ведение наружного наблюдения, перлюстрация [Аракелян]; изучались правовые основы и организационные принципы функционирования губернских жандармских управлений, исследовались компетенции указанных органов и их чинов [Романов, Страхов]; оценивался кадровый состав территориальных губернских жандармских управлений, анализировались основные направления деятельности сотрудника политического розыска дореволюционного времени [Лаврик, Овченко]; деятельность отдельных руководителей структурных подразделений корпуса жандармов [Овченко, Румянцев]. Учеными в научный оборот был введен массив документов о деятельности центрального аппарата и провинциальных органов политической полиции. Проведенный анализ научной литературы позволяет нам сделать вывод, что большинство работ, посвященных изучаемой теме, носит преимущественно обобщающий характер. Авторы рассматривают органы жандармерии в масштабах Российской империи либо в целом, либо регионально. Между тем деятельность такого важнейшего звена на местах, как адъютант Отдельного корпуса жандармов, до сих пор не стала предметом отдельного исследования. Имеются лишь небольшие мемуарные воспоминания жандармских офицеров.

Адъютант – (от *лат.* *adjutans* – помогающий) – лицо, состоящее при начальнике военной части для служебных поручений или для выполнения штабной работы [Ушаков: 17]. Поскольку Отдельный корпус жандармов являлся воинским формированием, то данное определение относится и к его адъютантам.

По Воинскому уставу Петра I в адъютанты должны были избираться «умные, трудолюбивые и храбрые молодые люди». «Молодому человеку нигде так военному обыкновению обучиться не можно, как в сем чине»¹. Указанное положение касалось впоследствии и адъютантов созданного корпуса жандармов.

Впервые место и роль адъютанта в системе корпуса жандармов на законодательном уровне была определена подписанным Николаем I Положением о Корпусе жандармов от 28 апреля 1827 г. Однако его деятельность подробно не регламентировалась. В Управлении Корпуса жандармов штатом было предусмотрено 2 адъютанта; в Управлении окружного генерала 1-го и 2-го округов – по 1 старшему адъютанту и по 1 адъютанту генеральскому; в остальных трех Управлениях Корпуса жандармов по штату было положено по 1 старшему адъютанту в каждом. Всего по штату было предусмотрено генералов, штаб и обер-офицеров Корпуса жандармов – 60, из них

адъютантов – 33 обер-офицера, то есть более половины от офицерского состава².

На данном этапе фактически штат Корпуса жандармов не был полностью укомплектован. Так, например, во втором округе Корпуса жандармов, куда входила Костромская губерния, в 1828 году из положенных по штату восьми адъютантов было назначено только пять³. В 1829 году из восьми обер-офицеров адъютантского состава фактически несли службу шесть адъютантов⁴. В 1831 году некомплект составил три обер-офицера⁵. При этом следует отметить, что в Управлении окружного генерала второго округа Корпуса жандармов в указанный период штат адъютантов был полностью укомплектован.

Высочайше утвержденное Положение о Корпусе жандармов от 1 июля 1836 г. предусматривало, что адъютантов, находящихся при губернских жандармских штаб-офицерах и штаб-офицере в г. Одессе, определено иметь: капитанов – 14, штабс-капитанов – 21, поручиков – 21–56. Старшие адъютанты в корпусном штабе полагаются в чинах: от поручика до подполковника, а в окружных дежурствах – от поручика до капитана. Данным положением предусматривалось, что в случае увольнения в отпуск, продолжительной болезни или смерти начальника жандармской команды находящийся в губернии жандармский штаб-офицер поручает команду адъютанту, при нем находящемуся, о чем уведомляет начальство. Если же адъютант будет занят другими поручениями, то команда вверяется вахмистру, под непосредственным ведением губернского жандармского штаб-офицера⁶. Всего без учета третьего округа Корпуса жандармов, находящегося в Царстве Польском, штатом предусматривалось 74 адъютанта, что составляло около 50 % от общего числа генералов, штаб и обер-офицеров.

Следует отметить, что с 1 июля 1836 г. корпус жандармов стал именоваться Отдельным корпусом жандармов.

Мало изменилась подобная регламентация и после принятия Высочайше утвержденного Положения о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. Законодательно было закреплено, что в отсутствие начальника губернского жандармского управления его должность исполняет адъютант с правами исправляемой должности, то есть командира полка. Также предусматривалось, что в случае отсутствия помощника начальника губернского жандармского управления или начальника уездного жандармского управления их обязанности исполняет адъютант губернского управления. Без учета Варшавского и Кавказского жандармских округов в Корпусе жандармов проходили службу 67 адъютантов, из 260 генералов, штаб и обер-офицеров, то есть более 25 %⁷. Незадолго до революции из 994 генералов, штаб и обер-офицеров должности адъютантов занимали

108 офицеров (с учетом полицейских управлений железных дорог)⁸.

Таким образом, организационно-правовое положение адъютантов в Отдельном корпусе жандармов было законодательно закреплено в общих чертах, хотя они в Корпусе жандармов занимали одно из ведущих мест и их роль нельзя недооценивать.

Жандармский генерал А.И. Спиридович так характеризовал жандармов: «...вся служба жандармерии была окутана для нас какой-то тайной. Сами жандармские офицеры своею сдержанностью и какой-то особой корректностью усиливали это впечатление и заставляли смотреть на них с некоторой осторожностью. В них не было офицерской простоты, они не были нараспашку и даже внушали к себе какой-то непонятный страх» [Спиридович: 14]. Эти его слова можно отнести и к адъютантам жандармского ведомства.

Должности адъютантов были на всех уровнях, начиная от штаба Отдельного корпуса жандармов, округа и ниже. Затем, после реформы 1867 года, эти должности были в каждом губернском жандармском управлении, а впоследствии – и в жандармских управлениях полицейских железных дорог.

Вопросы приема, назначения на должность адъютанта Отдельного корпуса жандармов, а также его дальнейшее продвижение по службе зависели от шефа жандармов, а также от непосредственного руководителя.

В Костромской губернии, как и во всех губерниях Российской империи, также существовали жандармские подразделения. За период со времени создания политической полиции в Костромской губернии и до прекращения её деятельности в 1917 году нами установлены 33 офицера, которые занимали должность адъютанта в Костромской губернии. Это подпоручик Арсеньев, поручик Вебер, штабс-капитан Боттом, штабс-капитан Шеттер, подпоручик Аверкиев, поручик Фитингоф, штабс-капитан, затем капитан А.А. Сербин, штабс-капитан Г.М. Андреев, капитан С.И. Якутович, штабс-капитан Пашинников, капитан В.Ф. Антонович, штабс-капитан А.С. Радошевский, штабс-капитан А.М. Катанский, штабс-капитан А.В. Храповицкий, поручик, а затем штабс-капитан В.Д. Самарин, штабс-капитан, а затем капитан И.Ф. Кондратьев, поручик, а впоследствии штабс-капитан К.П. Иванов, поручик, а впоследствии штаб-ротмистр П.А. Муромцев, штаб-ротмистр, а затем ротмистр И.Н. Петров, корнет С.П. Бутомо, поручик, а впоследствии ротмистр Н.А. Краснощёков, поручик Е.Г. Кальницкий, поручик А.Д. Крылов, поручик В.Р. Порман, поручик Я.Н. Аргентов, ротмистр А.М. Поляков, ротмистр П.В. Юдичев, ротмистр А.В. Зверев, ротмистр В.В. Кафаров, ротмистр П.А. Николин, корнет С.Б. Веденяпин⁹.

Больше всех в должности адъютанта в Костромской губернии прослужили: капитан А.А. Сербин –

с 19.02.1850 года; 12.09.1865 г. он был уволен по болезни майором с пенсионом полного оклада, прослужив в данной должности более 15 лет¹⁰; штабс-капитан В.Д. Самарин – с 17.05.1876 г. по 1881 г.¹¹

Кем были эти офицеры? Все они в основном дворянского сословия, имели военное образование. Все перешли на службу в политическую полицию из армии. До назначения на должность адъютанта все прошли курсы при Штабе Отдельного корпуса жандармов. Большинство за свою многолетнюю «отлично-усердную» службу неоднократно награждались орденами и медалями.

Так, из послужного списка подполковника Н.А. Краснощекова следует, что он происходил из потомственных дворян Екатеринославской губернии. Закончил Новобугскую учительскую семинарию, а затем Одесское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду, после окончания которого, в 1881 году, был определен на службу в 134-й пехотный Феодосийский полк. В 1890 г. в звании поручика он переведен в Отдельный корпус жандармов и 11 июля того же года был назначен адъютантом Костромского губернского жандармского управления. В указанной должности он прослужил до 29.04.1894 г. Впоследствии дослужился до звания подполковника и в 1916 г. занимал должность помощника начальника Псковского губернского жандармского управления в г. Пскове. Имел награды: ордена святого Станислава 3-й степени, святой Анны 3-й и 2-й степеней, святого Владимира 4-й степени¹².

Перед поступлением на службу в Отдельный корпус жандармов все офицеры проходили специальные курсы при штабе Корпуса жандармов.

Генерал-майор Н.П. Хитрово – известный военный юрист XIX–XX веков, читавший в 1871 г. лекции по уголовному праву и уголовному судопроизводству в Отдельном корпусе жандармов для кандидатов, задачей которого было, «чтобы будущие жандармские офицеры усвоили вполне пределы своей власти», так описывал процесс обучения: «слушателями были 28 офицеров пехотных и кавалерийских армейских полков», которые, по его мнению, «не столько заинтересованы были профессиональной обязанностью жандармерии, сколько денежным довольствием... Для выполнения «секретной инструкции» шефа жандармов графа Шувалова, подобно прежним инструкциям графа Бенкендорфа и князя Орлова, требовала, чтобы жандармские офицеры были поставлены в положение лиц, как бы контролирующих функционирование правительственных и общественных органов до губернатора включительно, но для этого, конечно, необходимо было иметь солидное научное энциклопедическое образование, какого жандармские офицеры, к сожалению, не имели... В июле 1871 г. состоялся экзамен офицерам в количестве 28 человек. В аттестационной комиссии пред-

седательствовал сам шеф жандармов граф, генерал-адъютант П.А. Шувалов. В состав комиссии входили Н.П. Хитрово, юрисконсульт Баженов, юрисконсульт министерства юстиции Н.А. Неклюдов и генерал-майор А.Н. Никифораки (начальник штаба корпуса жандармов). Ответы экзаменуемых на предложенные темы, как словесные, так и письменные, были вполне удовлетворительны, и всем 28 офицерам после экзамена было объявлено самим шефом жандармов, что они будут переведены на службу в отдельный корпус жандармов» [Хитрово: 384, 377–388].

Послужные списки офицеров Отдельного корпуса жандармов позволяют нам сделать вывод о том, что среднее время их обучения на курсах в штабе Корпуса жандармов составляло 2–4 месяца.

После успешного окончания курсов многие офицеры назначались на первую обер-офицерскую должность адъютанта Отдельного корпуса жандармов, в основном в региональные подразделения.

Особое положение адъютанта определяло содержание его деятельности. Он должен был знать всё, что совершалось в регионе и докладывать обо всех событиях своему непосредственному начальнику. В круг его обязанностей входило ведение делопроизводства, в том числе секретного, проведение дознания и предварительного расследования, ведение послужных списков сотрудников, работа с агентами, переписка.

О сложности и трудности службы адъютанта в органах политической полиции мы можем судить исходя из мемуаров, а также архивных источников Костромского губернского жандармского управления. Значительная часть документов обрабатывалась именно адъютантом, несмотря на то, что в управлении было 2–3 писаря.

Адъютанты выполняли ряд функций:

1. Они осуществляли контроль за проведением рекрутских наборов.

Так, приказом по Костромскому губернскому жандармскому управлению № 1 от 15 января 1872 года начальник управления полковник Чалеев поручил адъютанту управления капитану Антоновичу отправиться для наблюдения за производством рекрутского набора в Нерехтский, Галичский, Буйский, Чухломской, Солигаличский и Кологривский уезды и обо всем замеченном по возвращении ему донести¹³.

Высочайшим приказом № 2123 от 16 апреля 1872 года за отлично-усердную службу капитану Антоновичу пожалован орден Святой Анны 3 степени¹⁴.

2. Выполняли обязанности по замещению должности начальника.

Приказом № 3 от 5 февраля 1872 года начальник Костромского губернского жандармского управления полковник Чалеев поручил адъютанту управления капитану Антоновичу вступить в исправление

должности начальника Управления, поскольку с этого времени он отъезжал по службе по некоторым уездам Костромской губернии. А возвратился начальник управления полковник Чалеев 15 февраля, то есть через 10 дней¹⁵.

3. Контролировали ход проведения ярмарок, выставок.

Приказом № 13 от 18 мая 1872 года на основании приказа корпуса жандармов от 21 апреля № 2238 адъютант управления капитан Антонович командирован в распоряжение генерал-майора Слезкина на время предстоящей политехнической выставки в городе Москве, и в отсутствие адъютанта его должность стал исполнять помощник начальника Костромского губернского жандармского управления капитан Порошин. Возвратился из командировки капитан Антонович только 7 сентября 1872 года¹⁶. (Прослужил капитан Антонович в должности адъютанта Костромского губернского жандармского управления до 22 сентября 1872 год, а затем был назначен помощником начальника Саратовского губернского жандармского управления в Хвалынском уезде¹⁷.)

4. Вели делопроизводство, в том числе секретное. Адъютант должен был либо лично вести, либо контролировать ведение послужных списков офицеров и классных чиновников; приемные формулярные и послужные списки нижних чинов; алфавитный журнал штаб и обер-офицеров и классных чиновников; журналы розысканий нижних чинов; адресную книгу; книгу о больных; опись делам; списки по старшинству офицерских чинов и классных чиновников; вести контроль правильного распределения бумаг по делам, а также следить за правильностью подшивания бумаг в дела; правильно хранить секретную переписку; контролировать порядок описи дел; производить уничтожение дел, содержание в порядке законов, указов, приказов военного ведомства, штаба корпуса жандармов; контролировать дела и отчетность по выдаче рекомендательных свидетельств.

Кроме того, в части производства дознаний и розыскной части адъютант должен вести учет производства дознаний; знать, сколько обвиняемых проходят по дознаниям и сколько лиц находятся под стражей; кто какие дознания ведет; что выяснено дознаниями; каковы причины неокончания дознаний; своевременно ли послана в Штаб Корпуса жандармов, а впоследствии и в Департамент полиции отчетность; в порядке ли розыскной и карточный алфавит; контролировать, аккуратно ли ведется алфавит сотрудников, не заслуживающих доверия; в порядке ли отчетность по розыску и т. д.

5. Вели дознание по государственным преступлениям – после введения 19 мая 1871 г. «Правил о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений», утвержденные 19 мая

1871 г. Известный русский правовед И.Т. Тарасов отмечал, что дознание велось «офицером отдельного корпуса жандармов, которого образование, познания, опытность, беспристрастие, самостоятельность и ответственность не обставлены никакими законными гарантиями» [Тарасов: 101].

С 1 июля 1872 г. по 1 января 1878 г. в ведомстве губернского жандармского управления проводилось множество дознаний на основании закона 19 мая 1871 г., из которых только 16 дел дошли до суда. И немного большее количество таких дел перешло в предварительное следствие. Остальные дознания были разрешены в административном порядке и административными мерами.

За период с 1 октября 1880 г. по 1 января 1881 г. Костромским губернским жандармским управлением было закончено 5 дознаний только по преступлениям, предусмотренным ст. 246 Уложения о наказаниях, предусматривающих уголовную ответственность за преступные деяния против государя¹⁸.

Таким образом, именно адъютанты в значительном объеме вели сложную и кропотливую работу, в том числе и по дознанию.

Ротмистр А.М. Поляков в своих мемуарах описывал, что вышедший в отставку генерал Кемпе, проживающий в Москве, до прибытия нового начальника Костромского губернского жандармского управления генерала Бекнева взвалил на него (адъютанта) все управление. Поляков указывал, что полученные им знания в кадетском корпусе и на курсах при штабе корпуса жандармов улетучились навсегда сразу же после сдачи выпускных экзаменов. Ему приходилось всему учиться на месте [Поляков: 491].

Как следует из проанализированных источников, происходила ротация адъютантов. Приказы о переводе в этой же должности в другой регион в отдельных случаях следовали ранее, чем через год. Поэтому у адъютантов возникали трудности в служебной деятельности.

Так, приказом по Отдельному корпусу жандармов № 102 от 25 ноября 1889 года корнет С.П. Бутомо был назначен адъютантом Костромского губернского жандармского управления и прибыл к месту назначения 28 декабря этого же года, а уже приказом № 54 от 15 июня 1890 года он был назначен адъютантом Виленского жандармского полицейского управления железных дорог и 21 июня был исключен из списков Костромского губернского жандармского управления¹⁹.

Незначительное время в должности адъютанта Ярославского губернского жандармского управления был также ротмистр А.М. Поляков, который вскоре был назначен на такую же должность в Костромское губернное жандармское управление. В своих мемуарах по этому поводу он отмечал: «В Ярославском управлении практически я тоже ничему не научил-

ся и в Костромское управление явился совершенно неподготовленным к самостоятельному производству дознаний и к политическому розыску. Первым моим учителем в практическом смысле был Масальский: он научил меня допрашивать; точно, подробно и без лишних слов писать протоколы осмотра вещественных доказательств и обоснованно и логически писать постановления, что мне очень пригодилось на всю мою дальнейшую службу в корпусе жандармов и даже тогда, когда я ушел из него» [Поляков: 491].

При временном отсутствии начальника Костромского губернского жандармского управления имел место случай, когда должность начальника исполнял не адъютант, а помощник начальника. Это, по нашему мнению, объясняется неопытностью вновь назначенного адъютантом поручика Иванова, прибывшего в г. Кострому 20 октября 1882 г. Исполняющим обязанности начальника управления был назначен его помощник в Кинешемском уезде майор Коренев²⁰. И только по истечении определенного времени, когда поручик Иванов стал более опытным адъютантом и ему Высочайшим приказом от 15 мая 1883 года был присвоен следующий чин штабс-капитана²¹, он с 8 июня 1883 года был назначен исполнять должность начальника управления на период его временного отсутствия²².

Об огромном объеме работы адъютанта Костромского губернского жандармского управления ротмистр А.М. Поляков вспоминал: «В Костроме у меня оказалось много дела как по канцелярии, так и по производству дознания. Мне иногда приходилось так много писать, что рука порою не в состоянии была уже держать перо и, приходя в управление в 9 часов утра, я уходил иногда домой только на другой день в 5–6 часов вечера» [Поляков: 491–492].

Исследованием архивных и справочных источников нами установлено, что практически все начальники Костромского губернского жандармского управления свою жандармскую карьеру начинали с должности адъютанта. Так, последний начальник полковник Семигановский, занимающий эту должность с 11 июня 1913 года по 27 февраля 1917 года, перешедший после обучения на офицерских курсах с 21 апреля по 29 июля 1885 года в Отдельный корпус жандармов из 23-й артиллерийской бригады 23-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса, 4 августа этого же года в звании штаб-ротмистра был назначен адъютантом Новгородского губернского жандармского управления²³.

Основываясь на анализе архивных материалов и мемуаров некоторых сотрудников Отдельного корпуса жандармов, можно проследить, что почти половина из них впоследствии сделала успешную карьеру не только в политической полиции, но и в системе иных органов государственной власти.

В Костромском губернском жандармском управлении наряду с добросовестными должностными лицами имели место случаи недолжного выполнения своих обязанностей. Одним из таких примеров было поведение ротмистра С.Б. Веденяпина. Вот как его характеризовал бывший сотрудник Костромского губернско-го жандармского управления ротмистр В.В. Парфёнов, служивший в 1914–1917 гг. помощником начальника Костромского губернско-го жандармского управления: «Бывший гусарский офицер, ещё очень молодой, он за всё брался очень рьяно, делал всё с налета, очень часто необдуманно, а потому Семигановскому приходилось много переделывать и исправлять. Это стремительность и необдуманность создавали неприятности и нарекания на Костромское жандармское управление и озлобление против ротмистра Веденяпина... Среди костромичей о нём составлялась крайне нелестное мнение. На самом же деле был очень добрым, отзывчивым человеком, но крайне безалаберным» [Парфёнов: 8–9].

Не всегда условия для работы адъютанта были комфортными. Ротмистр В.В. Парфёнов вспоминал: «Весь нижний этаж, занимаемый канцелярией управления, представлял из себя ряд маленьких, низких комнат, очень грязных и плохо освещенных. Верхний этаж был занят частной квартирой начальника управления полковника Семигановского» [Парфёнов: 8–9].

В целом можно отметить высокий профессиональный уровень выполнения адъютантами своих обязанностей. Они были связующим звеном всех подразделений своих губернских жандармских управлений, поскольку именно к ним стекала вся информация по региону. Они постепенно, совершенствуя свои знания, умения и навыки, превращались в высокопрофессиональных специалистов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что адъютанты были необходимым и главным связующим звеном внутренней организации подразделений корпуса жандармов.

Наряду с отмеченными положительными моментами в деятельности адъютантов Отдельного корпуса жандармов авторы отмечают ряд моментов, негативно сказывающихся в целом на деятельности жандармского ведомства.

Исследуемые архивные материалы, в частности приказы по Костромскому губернскому жандармскому управлению за период с 1865 по 1917 г., свидетельствуют о том, что адъютанты, исполняющие должность начальника управления в период его отсутствия, не решали организационно-кадровых вопросов. Кроме того, не были определены критерии, позволяющие эффективно оценивать профессиональную компетентность адъютанта как составляющую часть жандармского корпуса.

Законодатель не давал четкого определения функциональных обязанностей адъютанта корпуса жан-

дармов, что в конечном итоге не всегда положительно сказывалось на решении поставленных задач в целом перед жандармским корпусом.

Таким образом, Отдельный корпус жандармов являлся необходимым элементом государственной власти дореволюционной России.

Исследование истории становления и развития Отдельного корпуса жандармов расширяет историко-правовые и теоретические представления о возможности эффективной организации органов правоохранительной системы государства.

В настоящее время в России, как и ранее, решаются вопросы в сфере обеспечения внешней и внутренней безопасности. Все это усиливает значимость правоохранительных органов. И именно с этой точки зрения, по нашему мнению, исторический опыт прошлого, в частности место и роль адъютанта Отдельного корпуса жандармов, следует учитывать при решении кадровых вопросов в современной правоохранительной системе, поскольку именно им вводилась особая роль.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), с 1649 года. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V: 1713–1719. № 3006. С. 203–453.

² Об учреждении пяти Округов Жандармского Корпуса: именной указ. 28 апреля 1827 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. II. № 1062. С. 130–132, 396–397.

³ 1828. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показаниями чинов, фамилий и знаков отличия. Санкт-Петербург, 1828. 1042 с.

⁴ 1829. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показаниями чинов, фамилий и знаков отличия. Санкт-Петербург, 1829. 1057 с.

⁵ 1831. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показаниями чинов, фамилий и знаков отличия. Санкт-Петербург, 1831. 1105 с.

⁶ «Положение о Корпусе Жандармов». 1 июля 1836 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 11. 1-е отд. № 9355. С. 773; Собр. 2. Т. 11. 2-е отд. С. 337–343.

⁷ Высочайше утвержденное положение о Корпусе Жандармов: 9 сентября 1867 г. № 44956 // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2-е: 1867. С. 73–80, 705–709.

⁸ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15 февраля 1916 г. Петроград, 1916. Ч. 1, 2. 816 с.

⁹ Адрес-календари и памятные книжки Костромской губернии на 1851–1916 гг. Кострома, 1851–1916.

¹⁰ Приказы по Корпусу жандармов с 1829 по 1915 гг. СПб., 1850. С. 41; 1865. С. 325.

¹¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 749. Оп. 1. Д. 82. Л. 10. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 января 1892 г. Санкт-Петербург: Тип.-лит. Месника и Римана, 1892. С. 247.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 17. Д. 666. С. 164–174.

¹³ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.

¹⁴ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 23. Л. 35 об.

¹⁵ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 23. Л. 33 об.

¹⁶ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 23. Л. 35–36 об.

¹⁷ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 23. Л. 38 об.

¹⁸ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время... [Вып. 2]: с 1-го октября 1881 г. по 1-е января 1882 г. по делам о государственных преступлениях / Деп. полиции. Вых. дан. печ. ориг. не указаны. 67, 32 с.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 357. Л. 169–179; ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 50. Л. 29.

²⁰ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 15. Л. 11, 15.

²¹ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.

²² ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 15. Л. 20 об.

²³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 356. Л. 216–222.

Список литературы

Аракелян М.А. Политическая полиция Российской империи в борьбе с революционным подпольем в 1881–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов. 2008. 22 с.

Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2002. 640 с.

Костромское охранное отделение: записки жандармского офицера. Кострома, 1917. 38 с.

Лаврёнова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 25 с.

Лаврик Т.М. Губернские жандармские управления Российской империи: организационно-правовой и региональный аспекты деятельности: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008. 25 с.

Суд и государственные преступления // Юридический вестник. 1881. № 4. С. 612.

Овченко Ю.Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия, 1880–1917 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2013. 61 с.

Овченко Ю.Ф. Сергей Васильевич Зубатов // Вопросы истории. М., 2005. № 8. С. 47–67.

Поляков А. Записки жандармского офицера. СПб.: Нева, 2002. 543 с.

Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826–1860 гг.: (на материалах Поволжья): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Чебоксары, 2008. 47 с.

Румянцев П.П. Деятельность Д.Г. Пономарева в должности жандарма, находящегося при золотых приисках в Западной Сибири // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18, № 1: История. С. 56–65.

Спиродович А.И. Записки жандарма / с предисл. и коммент. С.А. Пионтковского. Харьков: Пролетарий, 1928. 117 с.

Страхов Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность (1867–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 389 с.

Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 101.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1.: А–К. М.: Русские словари. 1995. 844 с.

Хитрово Н.П. Мои отношения к штабу отдельного корпуса жандармов в 1871 г., шефу жандармов графу Шувалову и известному публицисту г. Аксакову // Русская старина. 1914 (май). Т. CLVIII. С. 383–391.

References

Arakelian M.A. *Politicheskaiia politsiia Rossiiskoi imperii v bor'be s revoliutsionnym podpol'em v 1881–1905 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Political police of the Russian Empire in the fight against the revolutionary underground in 1881-1905: author. dis. ... cand. ist. sciences]. Saratov, 2008, 22 p.

Zhandarmy Rossii [Gendarmes of Russia], comp. by V.S. Izmozik. SPb., Neva Publ.; Moscow, Olma-Press Publ., 2002, 640 p.

Kostromskoe okhrannoe otdelenie: zapiski zhandarm-skogo ofitsera [Kostroma security department: notes of a gendarme officer]. Kostroma, 1917, 38 p.

Lavrenova A.M. *Otdel'nyi korpus zhandarmov i rossiiskoe obshchestvo v 1880–1917 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [A separate corps of gendarmes and Russian society in 1880-1917: author. dis. ... cand. ist. sciences.]. M., 2018, 25 p.

Lavrik T.M. *Gubernskie zhandarmskie upravleniia Rossiiskoi imperii: organizatsionno-pravovoi i regional'nyi aspekty deiatel'nosti. avtoref. dis. ... kand. iur. nauk* [Provincial gendarme departments of the Russian Empire: organizational, legal and regional aspects of activities. author. dis. ... cand. legal entity sciences]. Vladimir, 2008, 25 p.

Sud i gosudarstvennye prestupleniia [Court and state crimes]. *Iuridicheskii vestnik* [Legal Bulletin], 1881, № 4, pp. 612.

Ovchenko Iu.F. *Politicheskii rozysk – sredstvo obespecheniia bezopasnosti rossiiskogo samoderzhaviia. 1880–1917 gg.: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Political search - a means of security for the Russian autocracy, 1880-1917: author. dis. ... doct. ist. sciences]. Moscow, 2013, 61 p.

Ovchenko Iu.F. *Sergei Vasil'evich Zubatov* [Sergey Vasilievich Zubatov]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2005, № 8, pp. 47–67.

Poliakov A. *Zapiski zhandarmskogo ofitsera* [Notes of a gendarme officer]. SPb, Neva Publ., 2002, 543 p.

Romanov V.V. *Mestnye organy politicheskoi politzii Rossiiskoi imperii: struktura, kompetentsiia, osnovnye napravleniia deiatel'nosti v 1826–1860 gg. (na materialakh Povolzh'ia): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Local bodies of the political police of the Russian Empire: structure, competence, main directions of activity in 1826–1860: (based on materials from the Volga region): author. dis. ... doct. ist. sciences]. Cheboksary, 2008, 47 p.

Rumiantsev P.P. *Deiatel'nost' D.G. Ponomareva v dolzhnosti zhandarma, nakhodiashchegosia pri zolotykh priiskakh v Zapadnoi Sibiri* [Activity of DG Ponomarev in the position of a gendarme located at the gold mines in the registration of Siberia]. *Vestnik NGU. Ser.: Istorii, filologiiia* [Vestnik NSU. Series: History, Philology], 2019, vol. 18, № 1, pp. 56–65.

Spiridovich A.I. *Zapiski zhandarma* [Notes of the gendarme], with a pref. and comment. by S.A. Piontkovskiy. Khar'kov, Proletarii Publ., 1928, 117 p.

Strakhov L.V. *Voronezhskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie: organizatsiia i deiatel'nost' (1867–1917 gg.):*

dis. ... kand. ist. nauk [Voronezh provincial gendarme administration: organization and activities (1867–1917): dis. ... cand. hist. sciences]. Voronezh, 2017, 389 p.

Tarasov I.T. *Politsiia v epokhu reform* [Police in the era of reforms]. Moscow, 1885, pp. 101.

Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols], ed. by D.N. Ushakov. Moscow, Russkie slovari Publ., 1995, vol. 1, 844 p.

Khitrovo N.P. *Moi otnosheniia k shtabu otdel'nogo korpusa zhandarmov v 1871 g., shefu zhandarmov grafu Shuvalovu i izvestnomu publitsistu g. Aksakovu* [My relationship to the headquarters of a separate corps of gendarmes in 1871, the chief of the gendarmes, Count Shuvalov, and the well-known publicist, Mr. Aksakov]. *Russkaia starina* [Russkaya Starina], vol. CLVIII, 1914 (March), pp. 383–391.

Статья поступила в редакцию 23.03.2021; одобрена после рецензирования 21.04.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 23.03.2021; approved after reviewing 21.04.2021; accepted for publication 12.05.2021.

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 195–201. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 195–201. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 343.132

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-195-201>

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ ДО СОЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ (1944–2007 ГГ.)

Зайцев Александр Владимирович, кандидат философских наук, доктор политических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, aleksandr-kostroma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Аннотация. В статье исследуется процесс становления следственных органов на территории современной Костромской области, начиная с ее образования в 1944 году и до создания специализированного следственного подразделения в 2007 году – Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области. Автором публикации на основе изучения архивных и других малоизвестных источников вводятся в научный оборот новые, ранее не известные сведения о характере и специфике деятельности следственного аппарата в указанный промежуток времени. При отборе материала, подготовке и написании статьи использовались такие методы исследования, как компаративный анализ, элементы системного, биографического, диалектического и исторического подходов. Главным выводом, вытекающим из опубликованного материала, является тезис о том, что становление следственного аппарата на территории Костромской области шло достаточно сложно, было связано с нехваткой квалифицированных кадров и большим объемом следственно-криминалистической деятельности. Однако этот процесс, обладая региональной спецификой, в целом проходил в соответствии с действовавшими на тот момент законами и другими нормативными актами.

Ключевые слова: народные следователи, следственный аппарат, предварительное расследование, уголовные дела, прокуратура, Костромская область.

Для цитирования: Зайцев А.В. Следственные органы на территории Костромской области (1944–2007 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 195–201. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-195-201>

Research Article

INVESTIGATIVE BODIES OF KOSTROMA REGION UNTIL THE CREATION OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION (1944-2007)

Alexander V. Zaitsev, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Political Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aleksandr-kostroma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Abstract. The article examines the process of formation of investigative bodies in the territory of modern Kostroma Region, starting from its formation in 1944, and until the creation of a specialised investigative unit in 2007 – the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Kostroma Region. The author of the publication, on the basis of the study of archival and other little-known sources, introduces into the scientific circulation new, previously unknown information about the nature and specifics of the activities of the investigative apparatus in the indicated period of time. In the selection of material, preparation and writing of the article, such research methods as comparative analysis, elements of a systemic, biographical, dialectic and historical approaches were used. The main conclusion arising from the published material is the thesis that the establishment of the investigative apparatus in Kostroma Region was quite difficult, due to the lack of qualified personnel and the large volume of investigative and criminalistic activities. However, this process, possessing regional specifics, as a whole took place in accordance with the laws and other regulations in force at that time.

Keywords: public investigators, investigative apparatus, preliminary investigation, criminal cases, prosecutor's office, Kostroma Region.

For citation: Zaitsev A.V. Investigative bodies of Kostroma Region until the creation of the Investigative Committee of the Russian Federation (1944–2007). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 195–201 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-195-201>

В предыдущих двух статьях мы рассказали об истории становления следственных органов на территории Костромской губернии в дореволюционный период времени [Зайцев 2020а: 228–233], а также о следственных структурах на этой же территории в советской России в период с 1917 года и по 1944 год, то есть до официального образования Костромской области [Зайцев 2020б: 265–269]. Сегодня мы продолжаем рассказ об истории формирования и функционирования следственных органов Костромского региона.

В августе 1944 года была образована или, если точнее, воссоздана Костромская область. Вслед за этим была создана прокуратура области, а в ее составе – следственный отдел. Как удалось установить по архивным источникам, первым начальником следственного отдела прокуратуры Костромской области стал Александр Андреевич Шилов¹.

Ранее А.А. Шилов, младший советник юстиции, работал в Заволжской прокуратуре города Костромы. А согласно протоколу № 1 оперативного совещания при первом прокуроре Костромской области В.В. Ремневе (возглавлявшем Костромскую областную прокуратуру с 1944 по 1952 гг.) от 1 ноября 1944 года, А.А. Шилов присутствовал уже в своем новом статусе, где обсуждался вопрос о важнейших и ближайших задачах, стоящих перед прокуратурой Костромской области².

Однако официально в должности начальника следственного отдела прокуратуры области А.А. Шилов был утвержден лишь 22 декабря 1944 года (приказ № 826-к). Тем не менее уже на самом первом оперативном совещании при прокуроре Костромской области констатировалось, что в ведущих промышленных районах области – Ленинском, Заволжском и Нерехтском – районные прокуроры не справились с работой по применению Указа Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», а «следственный отдел облпрокуратуры не принял мер к исправлению создавшегося положения». В связи с этим «начальнику следственного отдела т. Шилову» было дано задание «в трехдневный срок» «разработать мероприятия к улучшению работы в указанных выше районных прокуратурах и свой проект представить областному прокурору на утверждение»³.

Во время Великой Отечественной войны функционирование органов прокуратуры было подчинено общей для всего советского народа задаче: победе над германским фашизмом. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» работа следственных органов прокуратуры была перестроена на военный лад. С осени 1943 года «прокурорско-след-

ственным работникам установлены классные чины с выдачей форменного обмундирования, введена градация классных чинов прокуроров и следователей, приравненных к воинским званиям» [Скобина, Шастина: 258].

В 1944 году в штате следственного отдела прокуратуры Костромской области состояло пять сотрудников: начальник отдела, два прокурора и два старших следователя. Одна должность старшего следователя этого отдела оставалась вакантна. Кроме А.А. Шилова во вновь образованном следственном отделе работали следующие лица. Прокурор отдела Вейля Зискандовна Ленина ранее состояла в должности нарследователя прокуратуры Свердловского района города Костромы. Второй прокурор следственного отдела Борис Лаврович Корсаков прибыл в Кострому после окончания двухгодичной юридической школы. Старший следователь Сергей Петрович Васильев, юрист второго класса, до прихода в следственный отдел облпрокуратуры работал народным следователем в прокуратуре города Костромы. Старший следователь Аркадий Александрович Нечаев был зачислен в штат следственного отдела прокуратуры области после демобилизации из РККА⁴.

В 33 городских и районных прокуратурах вновь созданной Костромской области штатным расписанием было предусмотрено 42 ставки народных следователей (фактически работал 41 следователь). По два следователя работали в Буге, Галиче, Шарье, Костроме, в Костромском и Заволжском районах и три – в Ленинском районе. Зачастую на работу в органы предварительного следствия приходили лица, которые не имели опыта работы в сфере правоохранительной деятельности и даже общего среднего образования, не говоря о высшем юридическом образовании. К примеру, в Вохомской прокуратуре народный следователь Николай Павлович Окулов ранее работал военруком в местной школе, народный следователь Владимир Алексеевич Рыбаков из Галичской прокуратуры до этого был трудоустроен в Галичском леспромхозе, Леонид Васильевич Мельников, следователь Поназыревской прокуратуры, ранее занимал должность начальника отдела кадров Шортюгского ЛТХ, Екатерина Федоровна Сорокина пришла в народные следователи Ленинского района с должности товароведа, Валентина Макаровна Овчинникова до назначения следователем Шарьинской прокуратуры работала обычным секретарем в этой же прокуратуре⁵.

Согласно официальным документам, из 115 ответственных работников горрайпрокуратур и прокуратуры области только лишь 10 человек имели высшее, в том числе 9 – высшее юридическое образование, три человека имели незаконченное высшее, 41 – общее среднее, из числа которых 9 закончили двухгодич-

ную юридическую школу, 43 – незаконченное среднее, а 15 – лишь низшее образование. «Поддаляющее большинство прокурорско-следственных работников не имеют даже среднего образования. Если к этому присоединить тот факт, что среди наших работников многие товарищи пришли недавно на прокурорскую работу, то будут очевидны те трудности, которые мы испытываем при разрешении задач, поставленных перед прокуратурой»⁶, – так было сказано в отчете по расстановке и подготовке прокурорских кадров за 1945 год. Естественно, что отсутствие квалифицированных следственно-прокурорских работников отрицательно сказывалось на результатах работы.

Летом 1945 года бригадой из прокуратуры РСФСР была осуществлена проверка деятельности следственного отдела прокуратуры Костромской области. По итогам этой ревизии были даны указания по перестройке работы следственного отдела. Однако, как было отмечено на оперативном заседании при прокуроре области от 25 августа 1945 года, многие из них выполнены не были. К примеру, от народных следователей из городов и районов региона руководству следственного отдела областной прокуратуры не поступала информация о начале или окончании расследования уголовных дел, а поступающая информация не использовалась ни для контроля за следствием, ни для практического «руководства следствием». Народные следователи для докладов о результатах своей работы в следственный отдел облпрокуратуры не вызывались, обобщения их работы по итогам второго квартала 1945 года проведено не было и так далее.

По итогам этого совещания было признано: «...создавшееся положение в следственном отделе нетерпимым». На начальника отдела А.А. Шилова была возложена обязанность в течение пятнадцати дней выполнить указания бригады из прокуратуры РСФСР по перестройке работы следственной деятельности, а сам он был лично предупрежден «о строжайшей ответственности в случае неисполнения»⁷.

В 1946 году следственный отдел прокуратуры Костромской области возглавил Борис Лаврович Корсаков, коренной костромич, до этого трудившийся следователем данного отдела и впоследствии ставший третьим по счету облпрокурором. В 1939 году, после окончания средней школы, он был призван в ряды Красной армии. А вскоре после начала Великой Отечественной войны был направлен на Юго-Западный фронт. В сентябре 1942 года получил тяжелое ранение. После семи месяцев лечения в госпитале врачебная комиссия признала его негодным к воинской службе. После демобилизации Борис Лаврович поступил на учебу в юридическую школу в городе Иваново. В 1945 году, закончив обучение, получил направление в распоряжение прокуратуры Костромской

области, где сначала работал старшим следователем, а в июле 1946 был назначен на должность начальника следственного отдела областной прокуратуры, проработав здесь более пяти лет. В 1946 году Б.Л. Корсаков поступил учиться на заочное отделение юридического института, который закончил успешно в 1950 году.

Хорошо разбираясь в следственной работе, Б.Л. Корсаков акцентировал внимание на необходимости ее совершенствования. Тем не менее ситуация с расследованием уголовных дел как органами внутренних дел, так и народными следователями из областной и особенно горрайпрокуратур Костромской области оставалась достаточно сложной и напряженной. К примеру, в обзоре прокурора области о состоянии следственной деятельности в первом квартале 1947 года констатировалось некоторое улучшение этой деятельности в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года. Так, «сократилось количество дел, возвращенных судом на доследование, что нужно, конечно, отнести за счет более серьезного отношения к делу со стороны следователей и большего руководства следствием со стороны прокуроров». Остальные участки следственной работы «до настоящего времени находятся в тяжелом состоянии и требуют определенных усилий для улучшения»⁸.

Особенно неудовлетворительными, с точки зрения руководства прокуратуры, обстояло дело со сроками и качеством следственной деятельности в Буйском, Галичском, Палкинском районах и ряде других территорий области. В Буйском районе у следователя Тимофеева 34 % уголовных дел, переданных в суд, были возвращены на доследование. Аналогичная ситуация со следствием сложилась в Галичском, Палкинском и в Чухломском районах. Именно эти четыре района дали наибольшее количество следственного «брака». А вот в Нерехтском районе (следователь Пальмин), в Парфеньевском (следователь Замошинский), Сусанинском (следователь Соловьев), Шарьинском (следователи Субботина и Овчинникова), Кологривском (следователь Кленова), Вохомском (следователь Акулова), Боговаровском (следователь Бекенев), Поназыревском (следователь Птицын) возвращенных уголовных дел не было. «Хорошими показателями по срокам следствия отличились следователи из Вохомской, Боговаровской, Поназыревской, Сусанинской, Палкинской, Нейской, Нерехтской и Ивановской прокуратур области. Среди отстающих – Буй, Судай, Чухлома, Мантурово, где, по выражению прокурора области Ремнева, «особо нетерпимое положение с волокитой по расследованию уголовных дел»⁹.

Шло время, и следственная практика постепенно совершенствовалась и улучшалась. В январе 1955 года Б.Л. Корсаков возглавил прокуратуру Костромской области. А в апреле 1955 г. на областном совеща-

нии прокурорско-следственных, судебных работников и органов милиции он вскрыл не только целый ряд все еще существующих недостатков в следственной работе, но и привел положительные примеры в работе следователей. «Следственному отделу надо широко популяризировать хорошие образцы расследования, – говорил на этом совещании Б.Л. Корсаков. – Нарследователь Костромского района тов. Васильев сумел с помощью прокурора тов. Давыдова по делу об убийстве Крылова, совершенного в ночное время по хулиганским мотивам, создать правильный контакт с оперативными сотрудниками милиции. Совместными усилиями виновник убийства был установлен и осужден. Подобную организацию расследования отдельных дел следует отметить в Галичской прокуратуре у т. Смолякова и в г. Костроме у т. Нечаева и в некоторых других районах»¹⁰.

По словам прокурора области, ряд следователей «активно используют научно-технические способы раскрытия преступлений. Следователь Галичского района т. Голубовский, применив судебную фотографию, закрепил доказательства виновности Смирнова с целью ограбления письмоносца Гулиной. Аналогичную работу проводят нарследователь города Костромы т. Курин и некоторые другие работники»¹¹.

В то же время бывший начальник следственного отдела, возглавивший прокуратуру Костромской области, вскрыл целый ряд недостатков и просчетов в работе народных следователей и милиции по расследованию уголовных дел. «Иллюстрацией возмутительного отношения к расследованию дел об убийствах могут служить такие факты, – иллюстрировал порочную практику Б.Л. Корсаков, – в Мантуровском районе бывший прокурор т. Захаров и нарследователь Звездаков не выехали на место происшествия в связи с зверским убийством бригадира колхоза «Свобода» Столярова. Следователь т. Звездаков, потеряв чувство ответственности, в сентябре 1954 г., ссылаясь на дождливую погоду, отказался придти в столовую для осмотра места происшествия. Столовая от прокуратуры находится на расстоянии 150 метров. За такое “руководство” следствием прокурор т. Захаров снят с работы, а т. Звездаков строго наказан»¹².

Или вот еще ряд примеров, приведенных на этом же совещании прокурором области: «В Макарьевском районе в групповой драке убит гражданин Петрушин. Ни прокурор т. Зубов, ни следователь т. Бобров не выехали на место убийства, осмотр места происшествия ими не был произведен, никаких оперативных заданий милиции перед милицией не поставлено, между тем по ходу следствия в этом была острая необходимость»¹³. 13 декабря 1954 года в Красносельском районе был обнаружен труп гражданина Прохорова. Однако «следователь т. Маринцев не организовал необходимые следственные действия: не осмотрел авто-

машину, не проверил через автоинспекцию ее техническую исправность. В итоге такого поверхностного, непродуманного следствия – не установлены причины смерти Прохорова»¹⁴.

И подобных примеров неадекватного поведения со стороны ответственных работников прокуратуры и милиции в процессе расследования уголовных дел оставалось немало. Все они указывали на то, что при раскрытии таких тяжких преступлений, как убийства или другие тяжкие преступления, народные следователи и сотрудники прокуратуры «не выполняют самые элементарные и при этом абсолютно необходимые следственные действия – выезды и тщательные осмотры места убийства»¹⁵.

В обзоре следственной деятельности органов прокуратуры за 1957 г. отмечалось, что за истекший период времени судами было возвращено на доследование 3,2 % дел, оконченных следователями, и 1,8 %, расследованных органами милиции. В документе отмечалось умелое использование при расследовании уголовных дел научно-технических средств из следственного чемодана следователями из Мантуровского, Нерехтского и Макарьевского районов¹⁶. Но высокие профессиональные навыки демонстрировали не только опытные кадры, но и начинающие сотрудники, пришедшие в следственные органы после окончания высших учебных заведений. Так, в марте 1957 г. в городе Шарье на улице Советской был обнаружен труп А.Е. Евстигнеева с признаками насильственной смерти. Долгое время это преступление оставалось нераскрытым, а 3 мая 1957 г. расследование уголовного дела было прекращено. 22 октября 1958 г. расследование дела было передано стажеру следователя Щербакову, который тщательно изучил собранные материалы, вник в существо вопроса, обнаружил существенные противоречия в показаниях свидетелей и в конечном итоге раскрыл это преступление. За успешное раскрытие данного преступления Щербакову была объявлена благодарность. Кроме этого, стажер досрочно был утвержден в должности следователя. А начальник следственного отдела области А.В. Новиков проинформировал об этом весь следственный аппарат Костромской области¹⁷.

В 1963 г. по сравнению с предыдущим на территории Костромской области произошло некоторое снижение преступлений (с 3 683 до 2 287), в том числе особо опасных (с 2 287 до 1 509). В структуре преступности хищения государственного и общественного имущества, хулиганство и кражи личного имущества составили 85 %. В то же время возросло количество нераскрытых преступлений. Если в 1962 году раскрываемость составила 97,4 %, то в 1963 году она снизилась до 94,9 %. В числе нераскрытых преступлений остались убийства, совершенные в Солигаличском и в Судиславском районах. Стопроцентная раскрыва-

емость была зафиксирована в Вохомском, Кологривском, Палкинском и в ряде других районов области¹⁸. В связи с изменениями в подследственности уголовных дел, во втором полугодии 1963 года произошло снижение нагрузки следователей прокуратур региона. Однако сроки расследования уголовных дел по-прежнему оставались достаточно острой проблемой в работе следственного аппарата. Особенно сложно соблюдение сроков следствия, а также содержания под стражей складывалось у следователей областного центра, Макарьевского и Нейского районов. К примеру, следователи прокуратуры Макарьевского района в течение 1963 года расследовали 86 уголовных дел, в том числе 9 – с нарушением установленных сроков следствия (для сравнения: органами внутренних дел за этот же период расследовалось 89 уголовных, из них 17 – с нарушением сроков). Кроме этого, в 1963 году следователям прокуратуры было возвращено на доследование 25 уголовных дел (Буй, Кологрив, Палкино и Кострома) а 3 человека были оправданы судами (Судиславль и Кологрив)¹⁹.

В 1977 г. следственным аппаратом прокуратур Костромской области было расследовано больше уголовных дел (в сравнении с 1976 годом) на 4,3 %. При этом нагрузка следователей прокуратуры возросла на 4,7 %, следователей УВД – на 5,1 %. Однако в связи с применением амнистии и ст. 6-1 УПК РСФСР количество дел, направленных в суд, несколько сократилось. В целях повышения эффективности работы следователей больше внимания уделялось учебе следователей, оказанию им практической помощи, в том числе по применению научно-технических средств. В следственном отделе прокуратуры области прошел стажирование каждый четвертый следователь, в том числе вновь принятые на работу²⁰.

В разные годы следственный отдел прокуратуры области возглавляли: А.А. Нечаев, Г.М. Терешков, А.В. Новиков, А.И. Осипов, Ю. Щербаков, Б.И. Голубовский и др. Среди ветеранов следствия можно назвать такие, по сути дела, легендарные имена, как А.И. Юдин, Н.М. Бычкова, В.П. Кляпышев, А.А. Панкратов, Л.А. Ефремов, М.В. Самарин, А.М. Тихонов и многие другие. За прошедшее время значительно вырос образовательный и профессиональный уровень следственных кадров, что привело к росту раскрываемости преступлений и качества следственной деятельности.

Так, Борис Иосифович Голубовский (1929–1993 гг.) после окончания учебы в МГУ был направлен на работу следователем прокуратуры Галичского района. Затем был переведен в прокуратуру Костромской области, где занимал должности старшего следователя, прокурора-криминалиста, заместителя начальника и начальника следственного отдела. По свидетельству ветерана органов прокуратуры А. Баженовой, Б.И. Го-

лубовский «...был прирожденным следователем советского образца. Люди, которые были осуждены по его делам, писали ему из мест заключения письма, а освободившись, приходили с просьбами о помощи. Он никогда не “натягивал” обвинение, корректно относился к обвиняемым, и они платили ему откровенностью и уважением» [Зайцев Е.С.: 136].

Н.М. Бычкова с 1974 года (в течение пяти лет) работала следователем в прокуратуре города Костромы, а затем до 2001 года – следователем по особо важным делам в прокуратуре области. Она вспоминает: «Работа для меня была превыше всего, работала с азартом и большим интересом к любому делу, пыталась изменить мировоззрение людей, вставших на преступный путь, и они, как правило, признавались в своих злодеяниях. В результате я не имела ни одного дела на доследование или оправдательного приговора. Всегда считала, что настоящему следователю любое дело должно быть по плечу, любой сложности, любой квалификации». Так, например, Н.М. Бычковой удалось раскрыть преступление в Антроповском районе, где жена сначала колуном убила спящего мужа, а затем угнала его мотоцикл и бросила его на дороге.

Первоначально следствие, проводившееся местным следователем, пришло к выводу, что в данном уголовном деле «отсутствует женский след». Однако после того как дело было передано Н.М. Бычковой, следователь сумела повлиять на супругу убитого, и та призналась в совершенном ей убийстве. В свое время Н.М. Бычковой, как следователю по особо важным делам, пришлось расследовать убийство Е.Н. Полилова, сотрудника КГБ, которое произошло по заказу его жены, в прошлом работавшей следователем в органах внутренних дел, а позднее – старшим инспектором отдела дознания на Костромской таможне. Мотивом этого преступления стало желание супруги избавиться от мужа, обретя свободу и получив материальную выгоду. Для совершения этого убийства она наняла своего знакомого С.В. Мануйлова из города Анапы. Несмотря на то, что заказчица убийства и от дачи показаний отказалась, и своей вины не признала, следствию, проведенному Н.М. Бычковой, удалось установить вину Л.Н. Полиловой на основании ее дневниковых записей, показаний С.В. Мануйлова и других свидетелей и очевидцев [Зайцев Е.С.: 172].

Александр Иванович Юдин в 1985 году начал свою работу в должности старшего следователя прокуратуры Костромской области, затем работал в прокуратуре города Костромы на различных должностях. Именно его считает своим учителем и наставником Н.В. Саков, который также длительное время занимался следственной деятельностью и после образования Следственного управления по Российской Федерации по Костромской области стал его первым руководителем, в течение целых десяти лет занимав-

шимся его созданием и утверждением в качестве нового обособленного следственного подразделения современной России [Зайцев 2017: 33–43]. Дело в том, что, даже несмотря на значительное повышение мастерства и квалификации работников следственных органов, совершенствование и внедрение новых методов работы по раскрытию и расследованию уголовных преступлений, складывающаяся ситуация логически подводила к тому, что следственный аппарат должен был трансформироваться в обособленное подразделение и выйти из состава органов прокуратуры, что в конечном итоге и произошло в 2007 г.

Примечания

¹ В книге «За честь закона. О делах и людях прокуратуры Костромской области» (Кострома, 2006. С. 25) первый начальник следственного отдела прокуратуры Костромской области А.А. Шиллов ошибочно назван начальником отдела кадров.

² Протокол № 1 оперативного совещания при прокуроре Костромской области от 1 ноября 1944 года // Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–2 об.

³ Протокол № 1 оперативного совещания при прокуроре Костромской области от 1 ноября 1944 года // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 1. Л. 2 об.

⁴ О состоянии кадров в прокуратуре Костромской области // ГАКО. Р-24. Оп. 1. Д. 81. Кор. 1. Л. 141.

⁵ О состоянии кадров в прокуратуре Костромской области. Р-124 // ГАКО. Оп. 1. Д. 81. Кор. 1. Л. 142.

⁶ ГАКО. О состоянии кадров в прокуратуре Костромской области. Р-124. Оп. 1. Д. 81. Кор. 1. Л. 8 об.

⁷ Протокол № 15 оперативного совещания при прокуроре Костромской области: 27.08.45 года // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 1. Л. 28–28 об.

⁸ Указания прокурора области по основным вопросам, направленным горрайпрокурорам: за 1946–1947 годы // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. доп. Д. 2. Л. 1.

⁹ Указания прокурора области по основным вопросам, направленным горрайпрокурорам: за 1946–1947 годы // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. доп. Д. 2. Л. 82–83.

¹⁰ Протокол областного совещания прокурорско-следственных, судебных работников и органов милиции, документов к нему: 6–7 апреля 1955 г. // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 15. Л. 19.

¹¹ Протокол областного совещания прокурорско-следственных, судебных работников и органов милиции, документов к нему: 6–7 апреля 1955 г. // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 15. Л. 20.

¹² Протокол областного совещания прокурорско-следственных, судебных работников и органов милиции, документов к нему: 6–7 апреля 1955 г. // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 15. Л. 17–18.

¹³ Протокол областного совещания прокурорско-следственных, судебных работников и органов мили-

ции, документов к нему: 6–7 апреля 1955 г. // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 15. Л. 18.

¹⁴ Протокол областного совещания прокурорско-следственных, судебных работников и органов милиции, документов к нему: 6–7 апреля 1955 г. ГАКО Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 15. Л. 18–19.

¹⁵ Протокол областного совещания прокурорско-следственных, судебных работников и органов милиции, документов к нему»: 6–7 апреля 1955 г. ГАКО // Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 15. Л. 19.

¹⁶ Обзор основных показателей следственной работы органов прокуратуры за 1957 г. // ГАКО. Ф. Р-910. Оп. 4. Д. 34. Л. 12, 13.

¹⁷ Обзор основных показателей следственной работы органов прокуратуры за 1957 г. // ГАКО. Ф. Р-910. Оп. 4. Д. 34. Л. 16–17.

¹⁸ Приказы и письма прокурора области по вопросам прокурорско-следственной работы // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. доп. Д. 35. Л. 3–4.

¹⁹ ГАКО. Приказы и письма прокурора области по вопросам прокурорско-следственной работы. Ф. Р-124. Оп. доп. Д. 35. Л. 4, 5.

²⁰ Докладная записка о работе органов прокуратуры области по борьбе с преступностью и нарушениями законности за 1977 год // ГАКО. Ф. Р-124. Оп. доп. Д. 61. Л. 80.

Список литературы

Зайцев А.В. Из истории следственных органов в Костромской губернии (дореволюционный период) // Вестник Костромского государственного университета. 2020а. Т. 26, № 1. С. 228–233. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-228-233.

Зайцев А.В. Следственные органы на территории Костромской губернии в Советской России (до образования Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета. 2020б. Т. 26, № 2. С. 265–269. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-265-269.

Зайцев А.В. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области: история и современность // под ред. Н.В. Сакова. Кострома, 2017. 216 с.

Зайцев Е.С. За честь закона. О делах и людях прокуратуры Костромской области. Кострома, 2006. 207 с.

Скобина Е.А., Шастина М.А. История советской прокуратуры с 1922 по 1991 годы // Молодой ученый. 2017. № 8. С. 256–260.

References

Zajcev A.V. *Iz istorii sledstvennyh organov v Kostromskoi gubernii (dorevolucionnyi period)* [From the history of investigative bodies in the Kostroma province (pre-revolutionary period)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma

State University], 2020, vol. 26, № 1, pp. 228–233. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-228-233. (In Russ.)

Zajcev A.V. *Sledstvennye organy na territorii Kostromskoi gubernii v Sovetskoj Rossii (do obrazovaniya Kostromskoi oblasti)* [Investigative bodies in the territory of the Kostroma province in Soviet Russia (before the formation of the Kostroma region)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, vol. 26, № 2, pp. 265–269. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-265-269. (In Russ.)

Zajcev A.V. *Sledstvennoe Upravlenie Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Kostromskoi oblasti: istorija i sovremennost'* [Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Kostroma region: history and modernity], ed. by N.V. Sakov. Kostroma, 2017, 216 p. (In Russ.)

Zajcev E.S. *Za chest' zakona. O delah i lyudyah prokuratury Kostromskoi oblasti* [For the honor of the law. On the affairs and people of the prosecutor's office of the Kostroma region]. Kostroma, 2006, 207 p. (In Russ.)

Skobina E.A., SHastina M.A. *Istoriya sovetskoj prokuratury s 1922 po 1991 gody* [History of the Soviet Prosecutor's Office from 1922 to 1991]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, № 8, pp. 256–260. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.11.2020; одобрена после рецензирования 17.01.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted 25.11.2020; approved after reviewing 17.01.2021; accepted for publication 12.05.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г.: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**и.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Паблишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛЮ, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “Gorestnaja profanacija” (Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskiy sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.

5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2021 – Т. 27 – № 2

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 18.05.2020.
Дата выхода в свет 28.06.2021.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 26,0.
Уч.-изд. 27,04 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 87.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна